

Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1914 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

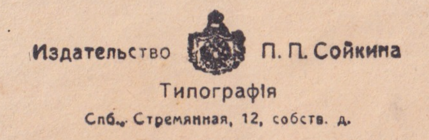
КАТРІОНА

CATRIONA

Переводъ О. В. Ротштейнъ

Съ 16 иллюстраціями.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

КАТРІОНА

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА «ПОХИЩЕННЫЙ»

ЗАПИСКИ О ДАЛЬНѢЙШИХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ ДАВИДА БАЛЬФУРА ДОМА И ЗА ГРАНИЦЕЙ, ВЪ КОТОРЫХЪ ОПИСЫВАЮТСЯ ЕГО ПОСЛѢДУЮЩЕЕ УЧАСТІЕ ВЪ ДѢЛѢ ОБЪ АППИНСКОМЪ УБІЙСТВѢ, ЕГО СТОЛКНОВЕНІЕ СЪ ЛОРДОМЪ АДВОКАТОМЪ ГРАНТОМЪ, ПЛѢНЪ ВЪ БАССЪ-РОКѢ, ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ГОЛЛАНДІИ И ФРАНЦІИ И СТРАННЫЯ СНОШЕНІЯ СЪ ДЖЕМСОМЪ МОРОМЪ ДРУММОНДОМЪ ИЛИ МАКГРЕГОРОМЪ, СЫНОМЪ ЗНАМЕНИТАГО РОБЪ-РОЯ, И ЕГО ДОЧЕРЬЮ КАТРІОНОЮ, НАПИСАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ И ИЗДАННЫЯ

РОБЕРТОМЪ ЛЬЮИСОМЪ СТИВЕНСОНОМЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Въ предисловіи къ роману «Похищенный» мы коснулись событій, пережитыхъ Шотландіей наканунѣ того времени, когда Давидъ Бальфуръ началъ свои похожденія, т. е. въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Такъ какъ романъ «Катріона» органически связанъ съ «Похищеннымъ» и, несмотря на промежутокъ въ семь лѣтъ, отдѣляющій появленіе въ свѣтъ этихъ повѣстей, составляетъ не что иное, какъ вторую часть приключеній Бальфура, то мы надѣемся, что читатель будетъ ознакомляться съ обоими романами именно въ этой естественной ихъ послѣдовательности, и что мы, такимъ образомъ, имѣемъ право не повторять здѣсь того, что было сказано раньше, и не возвращаться къ шотландской исторіи. Мы упомянемъ теперь лишь о томъ автобіографическомъ матеріалѣ, который заключается въ романахъ «Похищенный» и «Катріона».

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что произведеніе, обстановка котораго относится къ срединѣ XVIII столѣтія, можетъ заключать въ себѣ элементы автобіографіи Стивенсона, нашего почти современника. Но дѣло въ томъ, что «Похищенный» и «Катріона» весьма ярко отражаютъ впечатлѣнія его дѣтства и юности; эти двѣ книги воспроизводятъ въ формѣ изящной и увлекательной повѣсти тѣ образы и переживанія, которыми была въ юношескіе годы полна его романтически настроенная душа. Льюисъ Стивенсонъ, съ дѣтства болѣзненный, всегда былъ предметомъ особыхъ заботъ своей матери. Роль Арины Родіоновны нашего Пушкина сослужила ему тоже старая нянюшка Элисонъ Кунингэмъ, которая своими былями и небыли-

цами (вродѣ разсказа Энди въ главѣ XV) еще въ самые ранніе годы пробудила въ немъ любовь къ роднымъ шотландскимъ повѣрьямъ и преданіямъ. Стремленіе къ литературѣ въ немъ проявилось съ шести лѣтъ, когда онъ, поощряемый обѣщаннымъ подаркомъ, началъ диктовать своей нянѣ исторію Моисея. Мать и няня постоянно читали ему вслухъ, и только съ восьми лѣтъ онъ началъ читать книги самостоятельно. Въ школѣ онъ нѣсколько разъ затѣвалъ ежемѣсячные рукописные журналы и къ пятнадцати годамъ успѣлъ перепортить множество писчей бумаги, сочиняя разныя исторіи, изъ которыхъ самая претенціозная была на тему объ убійствѣ архіепископа Шарпа, преслѣдователя ковенантеровъ въ эпоху Карла II.

Льюисъ, хоть и единственный сынъ, имѣлъ немало сверстниковъ въ лицѣ своихъ многочисленныхъ кузеновъ и кузинъ. Лишенный зачастую возможности участвовать въ подвижныхъ играхъ, онъ зато славился, какъ разсказчикъ; его исторіи были всегда полны такихъ необыкновенныхъ и запутанныхъ приключеній, что всѣ удивлялись его таланту освобождать своихъ героевъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній.

Одинъ его дядя, Джорджъ Бальфуръ, жилъ въ Крэмондѣ, миляхъ въ пяти отъ Эдинбурга. Льюисъ часто бывалъ тамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ имъ въ живописной лѣсистой Альмондской долинѣ, гдѣ мостъ перекинутъ черезъ быструю рѣку, на берегу которой ютятся деревушки,— заставило его перенести именно туда родовое имѣніе Давида Бальфура.

Красоты Эдинбурга и его окрестностей навсегда остались въ памяти мальчика. Подобно Вальтеру Скотту, онъ въ своей пылкой и впечатлительной юности безсознательно собиралъ матеріалы для своихъ будущихъ произведеній. Старый Эдинбургъ вдохновлялъ его, и это вдохновеніе не покидало его всю жизнь. Уже незадолго до смерти, создавая послѣдній свой романъ «Сентъ-Ивъ», Стивенсонъ все еще находился подъ властью этого очарованія.

По мѣрѣ того, какъ онъ подросталъ, чувство возвышеннаго и прекраснаго пробуждалось въ немъ все съ большею силой. Онъ

начиналъ цѣнить безподобныя красоты города, болѣе живописнаго, чѣмъ Прага или Зальцбургъ. Съ башенъ замка, который является Сіономъ этого сѣвернаго Іерусалима, открывается видъ на суровую Каледонію (старинное названіе Шотландіи). Вдали синѣетъ хребетъ шотландскихъ горъ, служившихъ во времена Давида Бальфура и Катріоны границей между цивилизаціей и некультурностью. Ближе лежатъ Пентландскіе холмы, гдѣ гонимые ковенантеры устраивали свои религіозныя сборища. Между замкомъ и скалою Бассъ, мѣстомъ временнаго заточенія Бальфура, стелются богатыя пастбища Восточнаго Лотіана. По другую сторону—Линлитгоуширъ съ извилистой рѣкой, гдѣ скитались Бальфуръ и Аланъ Брекъ. За широкимъ взморьемъ залива сѣроватый дымокъ указываетъ то мѣсто, гдѣ сбились въ кучу прибрежныя деревни, по сосѣдству съ домомъ нашего героя.

Самый выборъ имени Давида Бальфура показываетъ, насколько близокъ былъ сердцу автора его герой. Мать Стивенсона, урожденная Бальфуръ, была дочерью пастора Льюиса Бальфура изъ Колинтона, который приходился прямымъ внукомъ профессору Джемсу Бальфуру изъ Пильрига. Читатель познакомится въ «Катріонѣ» съ этимъ ученымъ, «который былъ не только глубокій философъ, но и недюжинный музыкантъ». Онъ читалъ въ Эдинбургскомъ университетѣ лекціи нравственной философіи. А такъ какъ, по роману, онъ приходился отдаленнымъ родственникомъ Давиду Бальфуру, то этимъ самымъ устанавливается и кровное родство Стивенсона съ однимъ изъ его любимыхъ героевъ.

Романъ «Катріона» написанъ въ Вайлимѣ, на о. Уполу (Самоа) и вышелъ въ свѣтъ въ сентябрѣ 1893 г.

Одна дама въ воспоминаніяхъ о Бретъ Гартѣ разсказываетъ, съ какимъ горячимъ энтузіазмомъ американскій писатель встрѣтилъ этотъ романъ. Зайдя къ ней съ визитомъ, онъ, между прочимъ, упомянулъ о новой повѣсти Стивенсона, первыя главы которой возбудили въ немъ живѣйшій интересъ, и обѣщалъ одолжить ей свой экземпляръ для прочтенія.

На слѣдующій день Бретъ Гартъ вбѣжалъ къ ней съ только что купленнымъ экземпляромъ «Катріоны».

— Прочтите непремѣнно!—сказалъ онъ.—Я еще не дочиталъ своего экземпляра, но мнѣ хочется, чтобъ и вы прочитали «Катріону» теперь же, а поэтому я принесъ вамъ другую книгу. Это что-то восхитительное!

ПЕРЕЧЕНЬ

предыдущихъ приключеній Давида Бальфура, описанныхъ въ романѣ «Похищенный».

Братья Александръ и Эбенезеръ Бальфуры изъ Шоосъ-гауза, находящагося около Крэмонда, въ Эттрикскомъ Лѣсу, оба влюбились въ одну и ту же лэди. Когда эта послѣдняя предпочла старшаго, Александра, то братья согласились, что Александръ женится на ней, а Эбенезеръ, въ вознагражденіе за свое разочарованіе, получитъ помѣстье Шоосъ. Александръ съ женой переѣхалъ въ Иссендинъ, гдѣ, получивъ мѣсто школьнаго учителя, жилъ очень скромно. Здѣсь у нихъ родился единственный сынъ, Давидъ Бальфуръ, герой настоящаго романа. Давидъ, воспитанный въ невѣдѣніи семейныхъ обстоятельствъ и своихъ правъ на помѣстье, потерявъ на восемнадцатомъ году обоихъ родителей, не получилъ въ наслѣдство ничего, кромѣ запечатаннаго письма отца, адресованнаго дядѣ Давида Эбенезеру и врученнаго ему иссендинскимъ священникомъ м-ромъ Кемпбеллемъ. Отправившись въ Шоосъ, чтобы передать письмо, Давидъ нашелъ въ лицѣ дяди бездѣтнаго скрягу, который весьма дурно принялъ племянника; послѣ напрасныхъ стараній лишить его жизни, дядя обманомъ заманилъ его на бортъ брига «Конвентъ» (подъ командой капитана Хозизена), отправлявшагося въ Каролину, съ тѣмъ, чтобы тамъ Давида продали невольникомъ на плантаціи. Но въ самомъ началѣ путешествія «Конвентъ», проходя чрезъ Минчъ, наскочилъ на лодку и потопилъ ее. Изъ пассажировъ лодки спасся и попалъ на судно Аланъ Брекъ, дворянинъ горной Шотландіи, изгнанный послѣ 45-го года. Въ то время онъ тайнымъ образомъ доставлялъ подать, уплачиваемую его кланомъ своему

начальнику Ардшилю, жившему изгнанникомъ во Франціи. Хозизенъ и экипажъ брига, узнавъ, что Аланъ везетъ золото, сговорились убить и ограбить его, но Давидъ, услыхавшій о заговорѣ, предупредилъ Алана и обѣщалъ ему помогать.

Благодаря прикрытію рубки, а также храбрости Алана и его умѣнію фехтовать, оба они въ послѣдовавшемъ нападеніи одержали верхъ надъ нападавшими, убивъ и ранивъ болѣе половины. Вслѣдствіе этого капитанъ Хозизенъ лишился возможности продолжать путешествіе и условился съ Аланомъ, что высадитъ его на берегъ въ такомъ мѣстѣ, откуда ему легче всего попасть въ Аппинъ, его родину. Но, пытаясь достичь берега, «Конвентъ» наскочилъ на мель и погибъ у береговъ Мулля. Часть экипажа спаслась. Давидъ былъ выброшенъ одинъ на островъ Иррайдъ и оттуда уже попалъ на Мулль и прошелъ его. Аланъ, еще раньше проходившій тѣмъ же путемъ, велѣлъ передать Давиду, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ и присоединился къ нему въ Аппинѣ, въ домѣ его родственника, Джемса Гленскаго. Идя на это свиданіе, Давидъ попалъ въ Аппинъ въ тотъ самый день, когда королевскій агентъ, Колинъ Рой Кемпбелль изъ Гленура, съ вооруженною силою отправлялся выгонять арендаторовъ изъ конфискованныхъ помѣстій Ардшиля; случайно онъ присутствовалъ при смерти Гленура, убитаго на дорогѣ выстрѣломъ изъ ближайшаго лѣса. Заподозрѣнный въ сообщничествѣ съ убійцей, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ онъ гнался за нимъ, Давидъ обратился въ бѣгство; вскорѣ къ нему присоединился Аланъ Брекъ, который прятался неподалеку (хотя стрѣлялъ не онъ). Обоимъ пришлось вести жизнь преслѣдуемыхъ бѣглецовъ, такъ какъ убійство возбудило большой шумъ, и обвиненіе въ немъ падало на Джемса Стюарта Гленскаго, на уже осужденнаго Алана Брека и на неизвѣстнаго юношу, подъ которымъ подразумѣвался Давидъ Бальфуръ. За поимку ихъ была объявлена награда, и солдаты обыскивали всю страну. Во время своихъ скитаній Аланъ и Давидъ посѣтили Джемса Стюарта въ Аухарнѣ, прятались въ клѣткѣ Клюни Макферсона и, на время болѣзни Давида, останавливались въ домѣ Дункана Ду-Макларена въ Бальуйддерѣ, гдѣ Аланъ состязался на флейтахъ съ Робиномъ Ойгомъ, сыномъ Робъ-Роя. Наконецъ, послѣ многочисленныхъ опасностей и претерпѣвъ много страданій, они достигли границы Гайлэнда и рѣки Форта; однако, боясь быть арестованными, не рѣшались пере-

правиться черезъ рѣку, пока не убѣдили дочь содержателя постоялаго двора въ Лимекильнсѣ, Ализонъ Хэсти, перевезти ихъ ночью на Лотіанскій берегъ. Аланъ продолжалъ скрываться, а Давидъ отправился къ м-ру Ранкэйлору, стряпчему, бывшему повѣренному по дѣламъ помѣстья Шоосъ. Этотъ послѣдній сейчасъ же принялъ его сторону и составилъ планъ дѣйствій, который, при помощи Алана, былъ приведенъ въ исполненіе: вслѣдствіе него Эбенезеръ Бальфуръ былъ принужденъ признать право своего племянника на наслѣдованіе помѣстья, а пока выплачивать ему ежегодно приличную сумму изъ дохода.

Давидъ Бальфуръ, вступивъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ, предполагаетъ ѣхать заканчивать свое образованіе въ Лейденскомъ университетѣ. Но прежде ему слѣдуетъ исполнить долгъ дружбы и помочь Алану уѣхать изъ Шотландіи, а также долгъ совѣсти, заключающійся въ засвидѣтельствованіи невинности Джемса Стюарта Гленскаго, заключеннаго въ тюрьму въ ожиданіи суда за аппинское убійство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЛОРДЪ-АДВОКАТЪ

I. Нищій сталъ богачомъ.

25-го августа 1751 года, около двухъ часовъ пополудни, я, Давидъ Бальфуръ, выходилъ изъ Британской Льнопрядильной Компаніи; разсыльный несъ за мной мѣшокъ съ деньгами, а нѣсколько главныхъ представителей фирмы кланялись мнѣ, когда я проходилъ мимо ихъ дверей. Два дня назадъ, и даже еще вчера утромъ я былъ похожъ на нищаго съ большой дороги, одѣтаго въ лохмотья, безъ гроша въ карманѣ; товарищемъ моимъ былъ осужденный измѣнникъ, а голова моя была оцѣнена за преступленіе, о которомъ говорила вся страна. Сегодня я занялъ свое положеніе въ свѣтѣ, положеніе лорда, владѣющаго обширнымъ помѣстьемъ; разсыльный изъ банка несъ за мною мои деньги, въ карманѣ моемъ лежали рекомендательныя письма, словомъ, какъ говоритъ поговорка: «мячъ лежалъ у самыхъ ногъ моихъ».

Но два обстоятельства немного умѣряли мой пылъ. Во-первыхъ, трудное и опасное дѣло, которымъ мнѣ еще предстояло заняться; во-вторыхъ, мѣсто, гдѣ я находился. Громадный, мрачный городъ, движеніе и шумъ массы народа были для меня совершенно новымъ міромъ послѣ болотныхъ кочекъ, морскихъ песковъ и тихихъ деревенскихъ пейзажей, среди которыхъ я жилъ до тѣхъ поръ. Въ особенности смущали меня горожане. Сынъ Ранкэйлора былъ небольшого роста и худощавъ; его одежда едва держалась на мнѣ; въ такомъ видѣ мнѣ не пристало важно выступать впереди банковаго разсыльнаго. Ясно, что если бы

я пошелъ такъ, то надо мной стали бы смѣяться или (что въ данномъ случаѣ было еще хуже) стали бы разспрашивать. Мнѣ слѣдовало купить себѣ необходимую одежду, а пока идти рядомъ съ разсыльнымъ, взявъ его подъ-руку, точно мы были друзьями.

Въ магазинѣ въ Люккенбусѣ я купилъ себѣ платье, не слишкомъ роскошное, такъ какъ я вовсе не желалъ казаться выскочкой, но доброкачественное и приличное, чтобы слуги относились ко мнѣ съ уваженіемъ. Оттуда я прошелъ къ оружейнику, гдѣ пріобрѣлъ плоскую шпагу, какъ того требовало мое положеніе. Пріобрѣтя оружіе, я почувствовалъ себя въ большой безопасности, хотя, при моемъ неумѣніи защищаться, его скорѣе можно было бы назвать лишней опасностью. Разсыльный, человѣкъ довольно опытный, нашелъ, что я хорошо выбралъ себѣ одежду.

— Ничего не бросается въ глаза,—сказалъ онъ,—все просто и прилично. Что же касается шпаги, то, конечно, она требуется вашимъ положеніемъ; но если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то сумѣлъ бы сдѣлать изъ своихъ денегъ лучшее употребленіе.

И онъ предложилъ мнѣ купить теплые чулки у торговки въ Коугэтъ-Бекъ, приходившейся ему двоюродной сестрой, у которой они были «необыкновенно прочны».

Но у меня были другія, болѣе спѣшныя дѣла. Я находился въ старинномъ, мрачномъ городѣ, который всякому постороннему человѣку казался какимъ-то кроличьимъ садкомъ, не только по количеству обитателей, но и по запутанности его переходовъ и закоулковъ. Ни одинъ чужеземецъ не могъ разсчитывать отыскать здѣсь пріятеля или знакомаго человѣка. Если бы онъ даже и попалъ въ тотъ домъ, куда слѣдуетъ, то могъ бы искать цѣлый день дверь, которая была ему нужна, такъ много народа жило въ этихъ домахъ. Обыкновенно нанимали мальчика, называемаго здѣсь «кэдди», который и служилъ проводникомъ, водилъ васъ, куда вамъ было нужно, и (когда ваши дѣла были покончены) отводилъ васъ домой. Но эти кэдди, занимающіеся постоянно однимъ и тѣмъ же дѣломъ и обязанные знать каждый домъ и каждое лицо въ городѣ, образовали шайку шпіоновъ; я слыхалъ отъ м-ра Кембѣелля, какъ они сообщались между собой, съ какимъ любопытствомъ старались узнать дѣла нанимателя и какъ они служили глазами и ушами полиціи. Въ моемъ положеніи было очень неблагоразумно водить за собой такого шпіона.

Мнѣ нужно было сдѣлать три визита: моему родственнику, м-ру Бальфуру изъ Пильрига, адвокату Стюартовъ—аппинскому повѣренному и Вильяму Гранту, эсквайру изъ Престонгрэнджа, лорду-адвокату Шотландіи. Визитъ къ м-ру Бальфуру не могъ компрометировать меня; кромѣ того (такъ какъ Пильригъ былъ за-городомъ), я, при помощи моихъ ногъ и языка, самъ могъ найти туда дорогу. Но съ остальными двумя посѣщеніями дѣло обстояло иначе. Визитъ къ аппинскому повѣренному въ то время, какъ кругомъ кричали объ аппинскомъ убійствѣ, былъ бы не только опасенъ, но и въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ третьимъ визитомъ. Даже въ лучшемъ случаѣ мое объясненіе съ лордомъ-адвокатомъ Грантомъ должно было быть очень затруднительно для меня; но если бы я пошелъ къ нему прямо отъ аппинскаго повѣреннаго, то это врядъ ли бы поправило мои собственныя дѣла и могло совсѣмъ испортить дѣло Алана. Это придавало мнѣ видъ, будто я одновременно и бѣгу вмѣстѣ съ зайцами, и преслѣдую ихъ вмѣстѣ съ собаками, положеніе, которое мнѣ совсѣмъ не нравилось. Поэтому я рѣшилъ сразу же покончить съ м-ромъ Стюартомъ и всей якобитской стороной моего дѣла и воспользоваться для этой цѣли руководствомъ разсыльнаго изъ банка. Но случилось, что я не успѣлъ еще сказать ему адресъ, какъ пошелъ дождь, не очень сильный, но который могъ попортить мое новое платье, и мы остановились подъ навѣсомъ при входѣ въ узкій переулокъ или проходъ.

Будучи незнакомъ съ мѣстностью, я прошелъ немного дальше. Узкій мощеный проходъ круто спускался внизъ. По обѣ стороны тянулись поразительно высокіе дома съ выдававшимися одинъ надъ другимъ этажами. На самомъ верху виднѣлась только узкая полоска неба. По всему что я могъ разсмотрѣть сквозь окна, а также по людямъ почтеннаго вида, которые входили и выходили, я заключилъ, что населеніе этихъ домовъ очень приличное; весь же этотъ уголокъ интересовалъ меня, точно сказка.

Я все еще стоялъ и разсматривалъ, какъ вдругъ за мною раздался шумъ скорыхъ мѣрныхъ шаговъ и звонъ стали. Быстро повернувшись, я увидѣлъ взводъ вооруженныхъ солдатъ и среди нихъ высокаго человѣка въ плащѣ. Походка его была чрезвычайно изящна, благородна и вкрадчива; онъ граціозно размахивалъ руками, но красивое лицо его имѣло хитрое выраженіе. Мнѣ показалось, что онъ смотритъ на меня, но я не могъ поймать

его взгляда. Вся процессія прошла мимо, направляясь къ двери, выходившей въ проулокъ, которую открылъ человѣкъ въ богатой ливреѣ; двое солдатъ ввели арестанта въ домъ, тогда какъ остальные съ ружьями стали ждать у дверей.

На улицахъ города не можетъ происходить ничего безъ сопровожденія празднаго люда и дѣтей. То же случилось и теперь; вскорѣ, однако, большая часть разошлась и остались только трое. Одна изъ нихъ была дѣвушка, одѣтая барышней и носившая на головѣ цвѣта Друммондовъ; товарищи же ея или, вѣрнѣе, провожатые были оборванными молодцами, подобныхъ которымъ я во множествѣ встрѣчалъ во время моего скитанія по Гайлэнду. Всѣ трое серьезно разговаривали между собой по-гэльски; звукъ этого нарѣчія былъ мнѣ пріятенъ, такъ какъ напоминалъ объ Аланѣ. Хотя дождь успѣлъ пройти и разсыльный дергалъ меня, приглашая итти дальше, я подошелъ еще ближе къ этой группѣ, въ надеждѣ разслышать ихъ разговоръ. Молодая дѣвушка строго бранила обоихъ оборванцевъ, а они раболѣпно извинялись; было видно, что она принадлежала къ семьѣ ихъ начальника. Все время всѣ трое рылись въ карманахъ, и, насколько я могъ понять, у всѣхъ вмѣстѣ было всего полъ-фартинга; я улыбнулся, увидѣвъ, что всѣ гайлэндеры похожи другъ на друга. У всѣхъ благородныя манеры и пустые кошельки.

Дѣвушка внезапно обернулась, и я въ первый разъ увидѣлъ ея лицо. Нѣтъ ничего удивительнѣе того дѣйствія, которое лицо молодой женщины оказываетъ на сердце мужчины, и способа, которымъ оно запечатлѣвается въ немъ; кажется, будто ему этого-то и недоставало. У нея были удивительные глаза, яркіе, какъ звѣзды; они, должно быть, тоже содѣйствовали впечатлѣнію. Но яснѣе всего я припоминаю ея ротъ, чуть-чуть открытый, когда она обернулась. Какова бы ни была причина, но я стоялъ и глазѣлъ на нее, какъ дуракъ. Она же, не предполагавшая, что кто-нибудь можетъ находиться такъ близко, взглянула на меня болѣе долгимъ и удивленнымъ взглядомъ, чѣмъ того требовала вѣжливость.

Мнѣ пришло въ голову, не удивляется ли она моей новой одеждѣ; при этой мысли я покраснѣлъ до корня волосъ, но она, должно быть, вывела изъ этого собственное заключеніе, потому что отошла со своими провожатыми дальше въ проулокъ, гдѣ они и возобновили свой споръ, котораго я больше не могъ слышать.

Я часто и прежде восхищался молодыми дѣвушками, но никогда мое восхищеніе не было такъ сильно и такъ внезапно; я обыкновенно былъ болѣе склоненъ отступать, чѣмъ смѣло итти впередъ, такъ какъ чрезвычайно боялся быть осмѣяннымъ женщиной. Казалось бы, что въ настоящемъ случаѣ имѣлось множество причинъ для того, чтобы я возобновилъ свой всегдашній образъ дѣйствій: я встрѣтилъ эту молодую дѣвушку на улицѣ, въ сопровожденіи двухъ обтрепанныхъ, неприличнаго вида гайлэндеровъ и не могъ сомнѣваться, что она слѣдовала за арестантомъ. Но къ этому присоединилось и нѣчто другое: дѣвушка, очевидно, думала, что я подслушаваю ея тайны; теперь, въ моемъ новомъ положеніи, въ новомъ платьѣ и со шпагой, я не могъ перенести этого. Разбогатѣвшій нищій не могъ примириться съ мыслью, что упалъ такъ низко въ мнѣніи этой молодой дѣвушки.

Я послѣдовалъ за ней и, снявъ со всѣмъ изяществомъ, на которое былъ способенъ, мою новую шляпу, сказалъ:

— Сударыня, считаю долгомъ заявить вамъ, что не понимаю по-гэльски. Правда, я слушалъ вашъ разговоръ, потому что у меня есть друзья по ту сторону границы и звукъ этого нарѣчія напоминаетъ мнѣ о нихъ. Но если бы вы говорили по-гречески, я и тогда бы больше понялъ изъ вашихъ частныхъ дѣлъ, чѣмъ теперь.

Она слегка поклонилась мнѣ.

— Въ этомъ я не вижу ничего дурного,—сказала она; произношеніе ея было правильно и очень походило на англійское (хотя звучало гораздо пріятнѣе).—И кошка можетъ смотрѣть на короля.

— Я не хотѣлъ оскорбить васъ,—продолжалъ я.—Я не знаю городского обращенія и никогда до сегодняшняго дня не бывалъ въ Эдинбургѣ. Считайте меня деревенщиной, и вы будете правы; мнѣ легче самому признаться въ этомъ, чѣмъ ждать, когда вы это откроете.

— Дѣйствительно, довольно странно, чтобы посторонніе разговаривали на улицѣ,—сказала она.—Но если вы воспитаны въ деревнѣ, то это мѣняетъ дѣло. Я сама тоже деревенская дѣвушка и родомъ изъ Гайлэнда, какъ видите; это заставляетъ меня чувствовать себя еще дальше отъ дома.

— Не прошло еще недѣли съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ

границу,—замѣтилъ я.—Меньше недѣли тому назадъ я былъ на склонахъ Бальуйддера.

— Бальуйддера?—воскликнула она.—Такъ вы изъ Бальуйддера? При одномъ этомъ имени у меня радостно забилось сердце. Если вы пробыли тамъ довольно долго, то не могли не знать кой-кого изъ нашихъ друзей и родственниковъ.

— Я жилъ у чрезвычайно честнаго и добраго человѣка по имени Дунканъ Ду-Маклареиъ,—отвѣчалъ я.

— Я знаю Дункана, и вы совершенно вѣрно назвали его честнымъ человѣкомъ,—сказала она.—Жена его тоже честная женщина.

— Да,—возразилъ я, — они прекрасные люди; мѣстность тамъ также очень красива.

— Гдѣ во всемъ мірѣ вы найдете подобное мѣстечко?—воскликнула она.—Я люблю самый воздухъ его и все, что тамъ растетъ.

Мнѣ чрезвычайно нравилось оживленіе дѣвушки.

— Жаль, что я не привезъ вамъ пучка тамошняго вереска,—сказалъ я.—Хотя мнѣ и не слѣдовало заговаривать съ вами, но теперь, когда оказалось, что у насъ общіе знакомые, я очень прошу васъ не забывать меня. Мое имя Давидъ Бальфуръ. Сегодня для меня счастливый день: я вступилъ во владѣніе помѣстьемъ и недавно избѣжалъ серьезной опасности. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы не забыли моего имени ради Бальуйддера,—заключилъ я, — я же буду помнить ваше въ связи съ моимъ счастливымъ днемъ.

— Мое имя не произносится, — отвѣчала она высокомѣрно.—Уже болѣе ста лѣтъ оно не упоминалось, развѣ только случайно. У меня нѣтъ имени, какъ у Сыновъ Мира *). Меня называютъ Катріона Друммондъ.

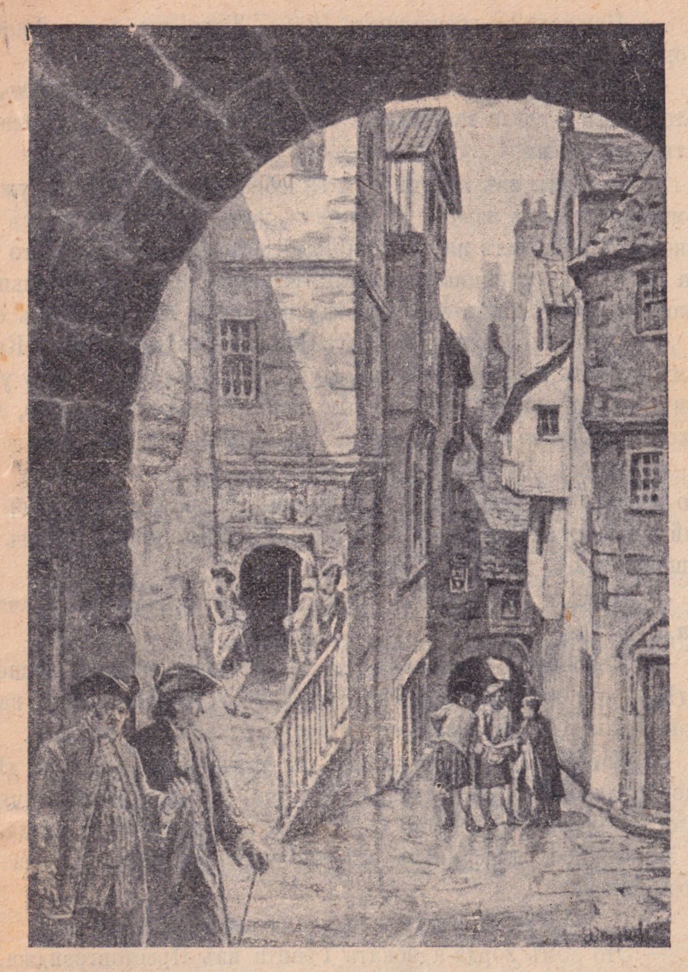
Теперь я зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Во всей Шотландіи было запрещено только одно имя—имя Макгрегоровъ. Но вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ такого нежелательнаго знакомства, я еще сильнѣе скрѣпилъ его.

— Я встрѣчалъ человѣка, который былъ въ такомъ же положеніи, какъ и вы,—сказалъ я,—и думаю, что онъ вамъ, вѣроятно, родственникъ. Его звали Робинъ Ойгъ.

— Неужели?—воскликнула она.—Вы встрѣчали Роба?

---

*) Изъ сказокъ.

...всѣ трое рылись въ карманахъ...

— Я провелъ съ нимъ ночь,—отвѣчалъ я.

— Да, онъ ночная птица,—замѣтила она.

— Тамъ была пара флейтъ,—продолжалъ я,—и вы поймете, какъ прошло время.

— Во всякомъ случаѣ вы, вѣроятно, не врагъ,—сказала она.—Это брата его провели мимо минуту тому назадъ въ сопровожденіи красныхъ солдатъ. Онъ мой отецъ.

— Неужели?—воскликнулъ я. — Такъ вы дочь Джемса Мора?

— Его единственная дочь,—отвѣчала она,—дочь заключеннаго! Какъ я могла забыть объ этомъ хоть на часъ и разговаривать съ чужими!

Тутъ одинъ изъ спутниковъ ея обратился къ ней на ужасномъ англійскомъ языкѣ, спрашивая, какъ ему поступить съ табакомъ. Я обратилъ на него вниманіе: это былъ небольшого роста человѣкъ, съ кривыми ногами, рыжими волосами и большой головой; впослѣдствіи мнѣ на-бѣду пришлось ближе узнать его.

— Сегодня не будетъ табаку, Нэйль,—отвѣчала она.—Какъ вамъ достать его безъ денегъ? Пусть это послужитъ вамъ урокомъ; на слѣдующій разъ будьте внимательнѣе. Я думаю, что Джемсъ Моръ не очень будетъ доволенъ Нэйлемъ изъ Тома.

— Миссъ Друммондъ,—сказалъ я,—я уже говорилъ вамъ, что сегодня для меня счастливый день. За мной идетъ разсыльный изъ банка. Вспомните, что я былъ гостепріимно принятъ въ вашей странѣ, въ Бальуиддерѣ.

— Васъ принималъ человѣкъ не моего клана,—отвѣчала она.

— Положимъ,—отвѣчалъ я,—но я очень обязанъ вашему дядѣ за его игру на флейтѣ. Кромѣ того, я предложилъ вамъ свою дружбу, и вы позабыли во-время отказаться отъ нея.

— Ваше предложеніе дѣлало бы вамъ честь, если бы дѣло шло о большой суммѣ,—сказала она,—но я скажу вамъ, въ чемъ дѣло. Джемсъ Моръ сидитъ въ тюрьмѣ, закованный въ кандалы, но за это послѣднее время его ежедневно приводятъ сюда къ лорду-адвокату...

— Къ лорду-адвокату?—воскликнулъ я.—Развѣ это?..

— Это домъ лорда-адвоката Гранта изъ Престонгрэнджа,—отвѣчала она.—Сюда они уже нѣсколько разъ приводили моего отца, не знаю, для какой цѣли; но, кажется, явилась какая-то надежда на его спасеніе. За все это время они не позволяютъ мнѣ видѣться съ отцомъ, а ему—писать мнѣ. Намъ приходится ждать его на Кингсъ-Стритѣ, чтобы передать по дорогѣ табакъ или что-нибудь другое. Сегодня этотъ разиня Нэйль, сынъ Дункана, потерялъ четыре пенни, которыя я дала ему на покупку табака. Джемсъ Моръ останется теперь безъ табаку и будетъ думать, что его дочь забыла о немъ.

Я вынулъ изъ кармана монету въ шесть пенсовъ, отдалъ ее Нэйлю и послалъ его за табакомъ. Затѣмъ, обращаясь къ ней, я замѣтилъ:

— Эти шесть пенсовъ были со мной въ Бальуйддерѣ.

— Да,—сказала она,—вы другъ племени Грегора!

— Мнѣ не хотѣлось бы обманывать васъ,—продолжалъ я.— Я очень мало знаю о племени Грегора и еще менѣе о Джемсѣ Морѣ и его дѣлахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я стою въ этомъ проулкѣ, я узналъ кое-что о васъ самихъ, и если вы назовете меня «другъ миссъ Катріоны», то менѣе всего ошибетесь.

— Одно не можетъ быть безъ другого,—возразила она.

— Я постараюсь заслужить это названіе,—сказалъ я.

— Что можете вы подумать обо мнѣ,—воскликнула она,— когда я протягиваю руку первому попавшемуся незнакомцу!

— Я думаю только, что вы хорошая дочь,—отвѣчалъ я.

— Я верну вамъ ваши деньги,—сказала она.—Гдѣ вы остановились?

— По правдѣ сказать, я пока нигдѣ не остановился,—сказалъ я,—такъ какъ нахожусь въ городѣ менѣе трехъ часовъ. Но если вы дадите мнѣ свой адресъ, я самъ приду за своими шестью пенсами.

— Могу я положиться на васъ?—спросила она.

— Вамъ нечего бояться, я сдержу свое слово,—отвѣчалъ я.

— Иначе Джемсъ Моръ не могъ бы принять ваши деньги,— сказала она.—Я живу за деревней Динъ, на сѣверномъ берегу рѣки, у мистриссъ Друммондъ-Ожильви изъ Аллардейса, моей близкой родственницы; она будетъ очень рада видѣть васъ и поблагодарить.

— Значитъ мы увидимся съ вами, какъ только позволятъ мои дѣла,—сказалъ я и, вспомнивъ снова Алана, поспѣшно попрощался съ ней.

Я не могъ не думать, прощаясь, что наше обращеніе черезчуръ вольно для такого кратковременнаго знакомства, и что, дѣйствительно, благовоспитанная дѣвушка была бы нерѣшительнѣе. Разсыльный прервалъ мои недостойныя мысли.

— Я думалъ, что вы обладаете нѣкоторымъ здравымъ смысломъ,—замѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ.—Но такимъ образомъ вы недалеко уѣдете. Съ перваго же шага уже стали бро-

сать деньги. Да вы настоящій волокита,—воскликнулъ онъ,—и даже развратный, вотъ что! Водитесь съ потаскушками!

— Если вы только осмѣлитесь говорить такъ о молодой леди...—началъ я.

— Леди!—воскликнулъ онъ.—Сохрани меня Боже! О какой леди? Развѣ э т о леди? Городъ полонъ такими леди. Лэди! Видно, что вы мало знакомы съ Эдинбургомъ.

Я разсердился.

— Ведите меня, куда я приказывалъ вамъ,—сказалъ я,—и не смѣйте разсуждать!

Онъ не вполнѣ послушался меня: хотя и не обращаясь прямо ко мнѣ, онъ по дорогѣ съ наглымъ намекомъ напѣвалъ чрезвычайно фальшиво:

Шла Малли Ли по улицѣ, слетѣлъ ея платокъ,
Она сейчасъ головку вбокъ, глядитъ, гдѣ милъ дружокъ.
А мы идемъ туда, сюда, во всѣ концы земли,
Ухаживать, ухаживать за ней, за Малли Ли!

II. Гайлэндскій стряпчій.

М-ръ Чарльзъ Стюартъ, стряпчій, жилъ наверху самой длинной лѣстницы, которую когда-либо дѣлалъ каменщикъ; въ ней было не менѣе пятнадцати маршей. Когда я, наконецъ, добрался до его двери и мнѣ отворилъ клеркъ, объявившій, что хозяинъ дома, я едва могъ перевести духъ и прогнать своего разсыльнаго.

— Убирайтесь на всѣ четыре стороны!—сказалъ я, взявъ у него изъ рукъ мѣшокъ съ деньгами, и вошелъ вслѣдъ за клеркомъ.

Въ первой комнатѣ была контора; въ ней помѣщался стулъ клерка и столъ, заваленный судебными дѣлами. Въ слѣдующей комнатѣ невысокаго роста живой человѣкъ внимательно изучалъ какой-то документъ и едва поднялъ глаза, когда я вошелъ. Онъ даже продолжалъ держать палецъ на просматриваемомъ мѣстѣ, какъ бы собираясь выпроводить меня и снова заняться своимъ дѣломъ. Это мнѣ вовсе не понравилось; еще менѣе понравилось мнѣ, что клеркъ со своего стула долженъ былъ слышать весь нашъ разговоръ.

Я спросилъ, онъ ли м-ръ Чарльзъ Стюартъ, стряпчій.

— Я самый,—отвѣчалъ онъ.—Дозволено мнѣ будетъ съ своей стороны спросить, кто вы такой?

— Вы никогда ничего не слыхали ни обо мнѣ, ни о моемъ имени,—сказалъ я.—Но у меня есть знакъ отъ человѣка, хорошо извѣстнаго вамъ. Вы его хорошо знаете,—повторилъ я,—но, можетъ быть, не желали бы слышать о немъ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Дѣло, которое я хочу довѣрить вамъ, конфиденціально. Словомъ, я хотѣлъ бы быть увѣреннымъ, что оно останется между нами.

Не говоря ни слова, онъ всталъ, съ недовольнымъ видомъ положилъ свой документъ, отослалъ клерка по какому-то порученію и заперъ за нимъ дверь квартиры.

— Теперь, сэръ,—сказалъ онъ, вернувшись,—говорите, что вамъ надо, и не бойтесь ничего; хотя я уже предчувствую, въ чемъ дѣло!—воскликнулъ онъ.—Говорю вамъ впередъ: или вы самъ Стюартъ, или присланы Стюартомъ! Это славное имя и не годится мнѣ роптать на него, но я начинаю сердиться при одномъ его звукѣ.

— Мое имя Бальфуръ,—сказалъ я,—Давидъ Бальфуръ изъ Шооса. Кто же послалъ меня, вы узнаете по этому знаку.—И я показалъ ему серебряную поговицу.

— Положите ее обратно въ карманъ, сэръ!—воскликнулъ онъ.—Вамъ нечего произносить имя владѣльца. Я знаю пуговицу этого негодяя. Чортъ бы его побралъ! Гдѣ онъ теперь?

Я сказалъ ему, что не знаю, гдѣ теперь находится Аланъ, но что онъ нашелъ себѣ безопасное мѣсто (такъ онъ, по крайней мѣрѣ, думалъ) гдѣ-то къ сѣверу отъ города; онъ долженъ былъ оставаться тамъ, пока не будетъ найденъ для него корабль. Я сообщилъ ему также, какимъ образомъ и гдѣ можно видѣть Алана.

— Я всегда ожидалъ, что мнѣ придется быть повѣшеннымъ изъ-за этой семейки,—воскликнулъ онъ,—и мнѣ думается, что мой день теперь насталъ! Найти для него корабль, говоритъ онъ! А кто будетъ платить за это? Онъ, должно быть, съ ума сошелъ!

— Эта часть дѣла касается меня, м-ръ Стюартъ,—сказалъ я.—Вотъ вамъ мѣшокъ съ деньгами, а если понадобится больше, то можно и еще достать.

— Мнѣ нѣтъ надобности спрашивать, къ какой вы принадлежите партіи,—замѣтилъ онъ.

— Вамъ нѣтъ надобности спрашивать,—сказалъ я, улыбаясь,—потому что я самый настоящій вигъ.

— Подождите, подождите,—прервалъ м-ръ Стюартъ.—Что все это значитъ? Вы вигъ? Тогда зачѣмъ же вы здѣсь съ пуговицей Алана? И что это за темное дѣло, въ которомъ вы оказываетесь замѣшаннымъ, г-нъ вигъ! Вы просите меня взяться за дѣло осужденнаго за мятежъ и обвиненнаго въ убійствѣ, голова котораго оцѣнена въ двѣсти фунтовъ, а потомъ объявляете, что вы вигъ! Хотя я встрѣчалъ и много виговъ, но что-то не помню такихъ!

— Онъ — осужденный мятежникъ,—сказалъ я,—и я объ этомъ очень сожалѣю, такъ какъ считаю его своимъ другомъ. Я бы желалъ, чтобы его въ молодости лучше направляли. На горе себѣ, онъ также обвиняется въ убійствѣ, но обвиненіе это несправедливо.

— Если вы увѣряете, что это такъ...—началъ Стюартъ.

— Не вы одни услышите это отъ меня, но и другіе, и въ скоромъ времени,—отвѣчалъ я.—Аланъ невиненъ такъ же, какъ и Джемсъ.

— О,—замѣтилъ онъ,—одно вытекаетъ изъ другого. Если Аланъ не причастенъ дѣлу, то и Джемсъ не можетъ быть виновенъ.

Вслѣдъ за тѣмъ я кратко разсказалъ ему о моемъ знакомствѣ съ Аланомъ, о случаѣ, вслѣдствіе котораго я сдѣлался свидѣтелемъ аппинскаго убійства, о различныхъ приключеніяхъ во время нашего бѣгства и о моемъ вступленіи во владѣніе помѣстьемъ.

— Теперь, сэръ,—продолжалъ я, — вы знакомы со всѣми этими событіями и можете сами видѣть, какимъ образомъ я оказался замѣшаннымъ въ дѣла вашего семейства и вашихъ друзей; для всѣхъ насъ было бы желательнѣе, чтобы дѣла эти были болѣе просты и менѣе кровавы. Вы также поймете сами, что отсюда проистекаютъ нѣкоторыя порученія, которыя я врядъ ли могъ бы довѣрить первому попавшемуся адвокату. Мнѣ остается только спросить васъ, беретесь ли вы за мое дѣло?

— Мнѣ бы не особенно хотѣлось браться за него; но такъ какъ вы пришли съ пуговицей Алана, то мнѣ врядъ ли возможно выбирать,—сказалъ Стюартъ.—Какія ваши распоряженія?—прибавилъ онъ, взявъ перо.

— Первое—это тайно отправить отсюда Алана,—началъ я,—думаю, что этого и повторять нечего.

— Да, я это врядъ ли забуду,—отвѣчалъ Стюартъ

— Второе—тѣ деньги, которыя я остался долженъ Клюни,—продолжалъ я.—Мнѣ трудно отправить ихъ, но васъ это не должно затруднить. Тамъ было два фунта, пять шиллинговъ и три и три четверти пенса.

Онъ записалъ.

— Затѣмъ м-ръ Гендерлэндъ,—сказалъ я,—проповѣдникъ и миссіонеръ въ Ардгурѣ; я бы очень хотѣлъ послать ему табаку. Такъ какъ вы, безъ сомнѣнія, поддерживаете сношенія съ вашими аппинскими друзьями, а это такъ близко отъ Аппина, то, вѣроятно, можете взяться и за это дѣло.

— Сколько послать табаку?—спросилъ онъ.

— Два фунта, я думаю,—отвѣчалъ я.

— Два,—повторилъ Стюартъ.

— Потомъ еще Ализонъ Хэсти, дѣвушка изъ Лимекильнса,—продолжалъ я,—та, которая помогла намъ съ Аланомъ переправиться черезъ Фортъ. Я бы хотѣлъ послать ей хорошее воскресное платье, приличное ея положенію; это значительно облегчило бы мою совѣсть: вѣдь, по правдѣ сказать, мы оба обязаны ей жизнью.

— Я съ удовольствіемъ вижу, что вы щедры, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ онъ, записывая.

— Было бы стыдно не быть щедрымъ въ первый день моего богатства,—сказалъ я.—А теперь сосчитайте, пожалуйста, издержки и плату за ваши труды. Мнѣ бы хотѣлось знать, не останется ли мнѣ немного карманныхъ денегъ, не потому, чтобы я жалѣлъ отдать всю сумму,—мнѣ лишь бы знать, что Аланъ въ безопасности,—не потому также, что у меня нѣтъ больше, но такъ какъ я въ первый день взялъ такъ много, то будетъ некрасиво притти на слѣдующій день снова за деньгами. Только смотрите, чтобы вамъ хватило,—прибавилъ я,—мнѣ бы вовсе не хотѣлось снова встрѣчаться съ вами.

— Мнѣ нравится также, что вы осторожны, — сказалъ стряпчій.—Но, мнѣ кажется, вы рискуете, оставляя такую большую сумму на мое благоусмотрѣніе.

Онъ сказалъ это съ явной насмѣшкой.

— Что же, приходится рисковать,—отвѣчалъ я.—Я хочу

попросить васъ еще объ одной услугѣ, а именно—указать мнѣ квартиру, такъ какъ пока у меня нѣтъ крова. Только надо устроить такъ, будто я случайно нашелъ эту квартиру, а то будетъ очень скверно, если лордъ-адвокатъ узнаетъ что мы знакомы.

— Можете быть совершенно спокойны, — сказалъ Стюартъ.—Я никогда не произнесу вашего имени, сэръ. И думаю, что лорда-адвоката пока можно только поздравить съ тѣмъ, что онъ не знаетъ о вашемъ существованіи.

Я увидѣлъ, что не совсѣмъ удачно принялся за дѣло.

— Въ такомъ случаѣ для него готовится непріятный сюрпризъ,—замѣтилъ я,—потому что ему придется узнать о моемъ существованіи завтра же, когда я буду у него.

— Когда вы будете у него?—повторилъ м-ръ Стюартъ.— Кто изъ насъ сошелъ съ ума, вы или я? Зачѣмъ вамъ итти къ адвокату?

— Для того, чтобы выдать себя,—отвѣчалъ я.

— М-ръ Бальфуръ,—воскликнулъ онъ,—вы, кажется, насмѣхаетесь надо мной?

— Нѣтъ, сэръ,—сказалъ я,—хотя вы, кажется, позволили себѣ такую вольность по отношенію ко мнѣ. Но я говорю вамъ разъ навсегда: я и не думаю шутить.

— И я также,—отвѣчалъ Стюартъ.—И говорю вамъ (употребляя ваше же выраженіе), что ваше поведеніе нравится мнѣ все менѣе и менѣе. Вы являетесь ко мнѣ со всевозможными предложеніями, вслѣдствіе которыхъ я долженъ взяться за цѣлый рядъ весьма сомнительныхъ дѣлъ и довольно долгое время быть въ сношеніяхъ съ весьма подозрительными людьми. А затѣмъ вы объявляете, что прямо изъ моей конторы идете мириться съ лордомъ-адвокатомъ! Ни пуговицы Алана, ни даже онъ самъ не подкупятъ меня на ваше дѣло.

— По моему, нечего такъ сердиться,—сказалъ я,—можетъ быть, и возможно избѣгнуть того, что вамъ такъ не нравится; я не вижу другого выхода, какъ выдать себя адвокату, но вы, можетъ быть, знаете иной. И если вы дѣйствительно найдете его, то, признаюсь, я почувствую большее облегченіе. Мнѣ кажется, что отъ переговоровъ съ лордомъ-адвокатомъ мнѣ не поздоровится. Одно только мнѣ ясно, что я долженъ представить свое по-

казаніе; этимъ я надѣюсь спасти репутацію Алана (если отъ нея еще что-нибудь осталось) и голову Джемса, что пока нужнѣе.

Онъ помолчалъ секунду и затѣмъ сказалъ:

— Ну, любезный, васъ никогда не допустятъ свидѣтельствовать объ этомъ.

— Ну, мы еще посмотримъ,—отвѣчалъ я,—я умѣю быть настойчивымъ, когда хочу.

— Ахъ, вы чудакъ!—закричалъ Стюартъ.—Вѣдь имъ надобно Джемса; Джемсъ долженъ быть повѣшенъ, Аланъ тоже, если бы они могли поймать его, но ужъ Джемсъ-то во всякомъ случаѣ! Ступайте-ка къ адвокату съ такимъ дѣломъ, и вы увидите, что онъ сумѣетъ обуздать васъ.

— Я лучшаго мнѣнія о лордѣ-адвокатѣ,—сказалъ я.

— Къ чорту адвоката!—воскликнулъ онъ.—Тутъ главное Кемпбелли, мой милый! Весь кланъ навалится на васъ, да и на несчастнаго адвоката тоже! Удивительно, какъ вы не понимаете своего положенія! Если у нихъ не будетъ честнаго средства остановить вашу болтовню, они прибѣгнутъ къ нечестному. Они могутъ посадить васъ на скамью подсудимыхъ, понимаете ли вы?—воскликнулъ онъ и ткнулъ меня пальцемъ въ колѣно.

— Да,—сказалъ я,—не далѣе какъ сегодня утромъ мнѣ говорилъ то же самое другой стряпчій.

— Кто такой?—спросилъ Стюартъ.—Онъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ разумно.

Я сказалъ, что не могу назвать его, потому что это убѣжденный почтенный старый вигъ и не пожелалъ бы быть замѣшаннымъ въ такого рода дѣла.

— Мнѣ кажется, что весь свѣтъ замѣшанъ въ это дѣло!—крикнулъ Стюартъ.—Что же вы отвѣтили ему?

Я разсказалъ ему, что произошло между мной и Ранкэйлоромъ передъ Шоосъ-гаузомъ.

— Значитъ, вы будете повѣшены рядомъ съ Джемсомъ Стюартомъ!—сказалъ онъ.—Это не трудно предсказать.

— Я все-таки надѣюсь на лучшее,—отвѣчалъ я,—но не отрицаю, что тутъ есть рискъ.

— Рискъ!—повторилъ онъ и снова помолчалъ.—Мнѣ слѣдовало благодарить васъ за вашу вѣрность моимъ родственникамъ, которымъ вы выказываете большое расположеніе,—продолжалъ онъ,—если только у васъ хватитъ твердости не измѣ-

нить ему. Но предупреждаю, что вы подвергаете себя опасности. Я не хотѣлъ бы стать на ваше мѣсто (хотя самъ Стюартъ) за всѣхъ Стюартовъ со временъ Ноя. Рискъ! Да я постоянно подвергаюсь риску. Но судиться въ странѣ Кемпбеллей, по дѣлу Кемпбеллей, когда и судья, и присяжные Кемпбелли, думайте обо мнѣ, что хотите, Бальфуръ, но это свыше моихъ силъ.

— У насъ, должно быть, различные взгляды на вещи,—замѣтилъ я.—Я былъ воспитанъ въ этихъ взглядахъ моимъ отцомъ.

— Честь и слава ему! Онъ оставилъ достойнаго сына,—сказалъ онъ.—Но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы судили меня слишкомъ строго. Мое положеніе чрезвычайно тяжелое. Видите ли, сэръ, вы говорите, что вы вигъ, а я самъ не знаю, кто я такой. Разумѣется, не вигъ, вигомъ я не могу быть. Но, примите это къ свѣдѣнію, я, можетъ быть, не особенно ревностный сторонникъ противной партіи.

— Правда?—воскликнулъ я.—Этого можно было ожидать отъ такого умнаго человѣка.

— Безъ лести, пожалуйста! — воскликнулъ онъ.—Умные люди есть какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ. Но я лично не имѣю ни малѣйшаго желанія вредить королю Георгу; что же касается короля Іакова, то я ничего не имѣю противъ того, что онъ за моремъ. Видите ли, я прежде всего юристъ: я люблю свои книги и склянку съ чернилами, хорошую защитительную рѣчь, хорошо написанное дѣло, стаканчикъ вина, распитый въ зданіи парламента съ другими адвокатами, и, пожалуй, партію въ мячъ въ субботу вечеромъ. Какое все это имѣетъ отношеніе къ гайлэндскимъ пледамъ и палашамъ?

— Дѣйствительно,—сказалъ я,—вы мало похожи на дикаго гайлэндера.

— Мало?—повторилъ онъ.—Совсѣмъ непохожъ, мой милый! А между тѣмъ, я по рожденію гайлэндеръ и обязанъ плясать по дудкѣ своего клана. Кланъ и имя должны стоять прежде всего. Это то же самое, о чемъ и вы говорили; отецъ научилъ меня этому, и вотъ мнѣ приходится заниматься прекраснымъ ремесломъ! Постоянно я имѣю дѣло съ измѣной и измѣнниками и долженъ тайно перевозить послѣднихъ то туда, то сюда, а тутъ еще французскіе рекруты, пропади они совсѣмъ, и ихъ тоже приходится тайно отправлять. А иски-то, просто горе съ ихъ исками! Недавно я возбуждалъ искъ отъ имени молодого Ардшиля, моего

двоюроднаго брата; онъ требовалъ помѣстье на основаніи брачнаго договора, это конфискованное-то помѣстье! Я сказалъ имъ, что это безсмыслица; имъ до этого дѣла нѣтъ! И вотъ я долженъ былъ прятаться за другого адвоката, которому тоже очень не нравилось это дѣло, потому что грозило гибелью намъ обоимъ, вооружало противъ насъ, ложилось позорнымъ пятномъ на нашу репутацію! А что я могу сдѣлать? Вѣдь я Стюартъ и долженъ защищать свой кланъ и семейство! Еще вчера одного изъ Стюартовъ отвезли въ замокъ. За что? Я прекрасно знаю: актъ 1736 года, наборъ рекрутовъ для короля Людовика. Вотъ увидите, онъ вызоветъ меня защищать себя, и это будетъ новымъ пятномъ на моемъ имени! Увѣряю васъ, если бы я только что-нибудь понималъ въ этомъ ремеслѣ, то бросилъ бы все и сталъ бы священникомъ!

— Это дѣйствительно тяжелое положеніе,—сказалъ я.

— Чрезвычайно тяжелое!—воскликнулъ онъ.—Вотъ почему я такого высокаго мнѣнія о васъ, не Стюартѣ, за то, что вы погружаетесь съ головой въ дѣло Стюартовъ. Зачѣмъ вы это дѣлаете, я не знаю, развѣ что по чувству долга.

— Вы не ошибаетесь,—отвѣтилъ я.

— Это прекрасное качество,—сказалъ онъ.—Но вотъ вернулся мой клеркъ. Если позволите, мы пообѣдаемъ втроемъ. Послѣ обѣда я дамъ вамъ адресъ очень приличнаго человѣка, который охотно приметъ васъ постояльцемъ. Кромѣ того, я наполню вамъ карманы золотомъ изъ вашего же мѣшка. Дѣло ваше вовсе не будетъ стоить такъ дорого, какъ вы предполагаете, даже перевозъ на кораблѣ.

Я сдѣлалъ ему знакъ, что клеркъ можетъ услышать.

— Вамъ нечего бояться Робби!—воскликнулъ онъ. — Онъ тоже Стюартъ, бѣдняга, и отправлялъ тайно больше французскихъ рекрутовъ и измѣнниковъ-папистовъ, чѣмъ у него волосъ на головѣ. Робинъ завѣдуетъ этой частью моихъ дѣлъ. Кого мы теперь найдемъ, Робъ, для перевоза во Францію?

— Здѣсь находится въ настоящее время Энди Скоугель на «Тристлѣ»,—отвѣчалъ Робъ.—Я какъ-то встрѣтилъ также Хозизена, но у него нѣтъ корабля. Затѣмъ еще Тамъ Стобо, но въ томъ я не такъ увѣренъ: я видѣлъ, какъ онъ разговаривалъ съ какими-то веселыми и подозрительными личностями. Если дѣло

идетъ о комъ-нибудь значительномъ, то я не довѣрилъ бы его Таму.

— Этотъ человѣкъ оцѣненъ въ двѣсти фунтовъ, Робинъ,— сказалъ Стюартъ.

— Неужели это Аланъ Брекъ?—воскликнулъ клеркъ.

— Онъ самый,—отвѣчалъ его принципалъ.

— Чортъ возьми, это серьезное дѣло! — проговорилъ Робинъ.—Я попробую поговорить съ Энди, онъ лучше всего подойдетъ.

— Это, кажется, очень трудное дѣло,—замѣтилъ я.

— Ему конца не будетъ, м-ръ Бальфуръ,—отвѣчалъ Стюартъ.

— Вашъ клеркъ,—продолжалъ я,—только что упомянулъ имя Хозизена. Вѣроятно, это тотъ Хозизенъ, котораго я знаю, командиръ брига «Конвентъ». Неужели вы довѣрились бы ему?

— Онъ не особенно хорошо поступилъ съ вами и Аланомъ,— отвѣчалъ м-ръ Стюартъ,—но вообще я о немъ скорѣе хорошаго мнѣнія. Если бы онъ по уговору принялъ Алана на бортъ своего корабля, то, я увѣренъ, поступилъ бы съ нимъ честно. Что вы скажете на это Робъ?

— Нѣтъ болѣе честнаго шкипера, чѣмъ Эли, — отвѣчалъ клеркъ.—Я довѣрился бы слову Эли, если бы былъ шевалье Стюартомъ или самимъ аппинскимъ начальникомъ,—добавилъ онъ.

— Вѣдь это онъ привезъ тогда доктора *), не правда ли?— спросилъ стряпчій.

— Онъ самый,—отвѣтилъ клеркъ.

— И онъ же и отвезъ его?—продолжалъ Стюартъ.

— Да, хотя у него кошель былъ полонъ золота, и Эли зналъ объ этомъ!—воскликнулъ Робинъ.

— Да, должно быть, трудно вѣрно судить о людяхъ,—сказалъ я.

— Вотъ объ этомъ-то я и забылъ, когда вы вошли ко мнѣ, м-ръ Бальфуръ—отвѣчалъ стряпчій.

---

*) Вѣроятно, рѣчь шла о первомъ пріѣздѣ д-ра Камерона.

III. Я отправлюсь въ Пильригъ.

Какъ только я проснулся на слѣдующій день на моей новой квартирѣ, я сейчасъ же всталъ и одѣлся въ новое платье. Потомъ, проглотивъ завтракъ, отправился продолжать свои похожденія. Я могъ надѣяться, что дѣло Алана уладится. Дѣло Джемса было гораздо труднѣе, и я не могъ не сознавать, что это предпріятіе можетъ обойтись мнѣ дорого, какъ говорили всѣ, кому я открывалъ свой планъ. Казалось, что я достигъ вершины горы только затѣмъ, чтобы броситься внизъ, что я для того только перенесъ столько тяжелыхъ испытаній, чтобы достичь богатства, быть признаннымъ, носить городское платье и шпагу, и потомъ въ концѣ концовъ покончить самоубійствомъ, и еще самымъ худшимъ родомъ самоубійства, а именно чрезъ повѣшеніе по приказу короля.

— Зачѣмъ я это дѣлаю?—спрашивалъ я себя, идя по Гай-Стриту и направляясь къ сѣверу черезъ Лейдъ-Виндъ.

Сперва я отвѣчалъ, что хочу спасти Джемса Стюарта—правда, на меня сильно подѣйствовало его отчаяніе, плачъ его жены и нѣсколько словъ, сказанныхъ мною при этомъ случаѣ. Но въ то же время я подумалъ, что мнѣ довольно безразлично (или должно бы быть безразлично), умретъ ли Джемсъ въ постели или на эшафотѣ. Положимъ, онъ былъ родственникъ Алана; но по отношенію къ Алану лучше всего было бы сидѣть смирно и предоставить королю, герцогу Арджайльскому и воронамъ по-своему расправиться съ Джемсомъ. Я не могъ также забыть, что пока мы были всѣ вмѣстѣ въ бѣдѣ, онъ не выказывалъ особенной заботливости по отношенію къ Алану и ко мнѣ.

Затѣмъ мнѣ пришло въ голову, что я дѣйствую во имя справедливости. «Это прекрасное слово», подумалъ я, и рѣшилъ, что (такъ какъ, къ общему неудобству, у насъ есть политика) самымъ важнымъ дѣломъ должно быть оказаніе справедливости, и что смертъ невиннаго нанесетъ ударъ всему государству.

Потомъ совѣсть, въ свою очередь, заговорила; она пристыдила меня за то, что я воображалъ, будто дѣйствую по какимъ-то высшимъ причинамъ, и доказала мнѣ, что я только болтливый, тщеславный ребенокъ, наговорившій громкихъ словъ Ранкэйлору Стюарту и теперь изъ самолюбія хотѣвшій исполнить то, чѣмъ хвастался. Она нанесла мнѣ еще одинъ ударъ, обвинивъ въ из-

вѣстнаго рода трусости, въ желаніи при помощи небольшого риска купить себѣ большую безопасность: пока я еще не заявилъ о себѣ и не оправдался, я, безъ сомнѣнія, могъ каждый день встрѣтить Мунго Кемпбелля или чиновника шерифа, быть узнаннымъ ими и насильно втянутымъ въ аппинское убійство. Не было сомнѣнія, что если я успѣшно сдѣлаю свое заявленіе, то могу быть спокойнѣе въ будущемъ. Но когда я здраво отнесся къ этому аргументу, то не нашелъ въ немъ ничего постыднаго. Что же касается остальнаго, то я подумалъ: «Предо мною два пути, и оба они ведутъ къ одному. Несправедливо, чтобы Джемсъ былъ повѣшенъ, если я могу спасти его; и будетъ смѣшно, если я, наболтавъ такъ много, ничего не сдѣлаю. Счастье Джемса, что я впередъ похвастался, да и для меня это вышло недурно, потому что теперь я обязанъ поступить по совѣсти. У меня имя и средства джентльмэна; будетъ плохо, если откроется, что у меня нѣтъ благородства джентльмэна».

Затѣмъ я подумалъ, что это не христіанскія мысли, прошепталъ молитву, испрашивая смѣлость, которой мнѣ недоставало, рѣшимость честно исполнить мой долгъ, какъ дѣлаетъ солдатъ въ сраженіи... и остаться невредимымъ.

Эти размышленія придали мнѣ рѣшимости, хотя я продолжалъ чувствовать окружавшую меня опасность и сознавать, что если буду продолжать свое дѣло, то легко могу очутиться на ступеняхъ висѣлицы. Утро было ясное, хорошее; дулъ восточный вѣтеръ. Его свѣжее дыханіе холодило мнѣ кровь, напоминая объ осени, о падающихъ листьяхъ, о мертвецахъ, о покоившихся въ могилахъ. Мнѣ казалось, что если я умру въ этотъ счастливый періодъ моей жизни, умру за чужія дѣла, то это будетъ дѣломъ дьявола. На вершинѣ Кальтонскаго холма дѣти съ криками пускали змѣя, хотя это развлеченіе не соотвѣтствовало времени года. Змѣи ясно вырисовывались на фонѣ неба; я замѣтилъ, что одинъ, взлетѣвъ по вѣтру очень высоко, упалъ между кустовъ дрока. При видѣ этого я подумалъ: «Вотъ твой прообразъ, Дэви».

Мой путь лежалъ черезъ Моутерскій холмъ и вдоль поселка, расположеннаго на склонѣ, среди полей. Во всѣхъ домахъ его слышалось гудѣніе ткацкихъ станковъ; въ садахъ жужжали пчелы; люди, разговаривавшіе на порогахъ дверей, говорили на незнакомомъ языкѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что эта деревня на-

зывается Пикарди, и что въ ней французскіе ткачи работаютъ на льнопрядильное общество. Здѣсь мнѣ дали новое указаніе относительно дороги въ Пильригъ, мѣсто моего назначенія. Немного далѣе, я у дороги увидѣлъ висѣлицу, на которой висѣло два закованныхъ въ цѣпи человѣка. Окунутые въ деготь, какъ всегда дѣлается, они болтались по вѣтру; цѣпи звенѣли, птицы кружились надъ несчастными висѣльниками и громко кричали. Обходя вокругъ висѣлицы, я натолкнулся на старуху, похожую на колдунью и сидѣвшую за однимъ изъ столбовъ. Она кивала головой, кланяясь и разговаривая сама съ собой.

— Кто это, бабушка?—спросилъ я, указывая на оба трупа.

— Благослови васъ Богъ!—воскликнула она.—Это мои два любовника: мои два прежнихъ любовника, голубчикъ мой.

— За что они повѣшены?—спросилъ я.

— За правое дѣло,—сказала она.—Часто я предсказывала имъ, какъ все это кончится. За два шотландскихъ шиллинга, ни гроша больше, эти оба молодца теперь висятъ здѣсь! Они взяли ихъ у ребенка изъ Броутона.

— Ай,—сказалъ я скорѣй себѣ, чѣмъ сумасшедшей старухѣ,—неужели они такъ наказаны за такой пустякъ? Это дѣйствительно значитъ все потерять.

— Покажите свою ладонь, голубчикъ,—заговорила она,—и я узнаю вашу судьбу.

— Нѣтъ, бабушка,—отвѣчалъ я,—я и такъ достаточно далеко вижу свой путь. Непріятно видѣть слишкомъ далеко впередъ.

— Я читаю у васъ по лицу,—сказала она.—Я вижу красивую дѣвушку съ блестящими глазами, маленькаго человѣка въ дурной одеждѣ, высокаго господина въ напудренномъ парикѣ, и прямо на вашъ путь ложится тѣнь отъ висѣлицы. Покажите ладонь, голубчикъ, и старая Меррэнъ вамъ хорошенько погадаетъ.

Два случайные намека, которые, казалось, указывали на Алана и на дочь Джемса Мора, такъ поразили меня, что я бросился бѣжать отъ колдуньи, кинувъ ей мѣдную монету; она продолжала сидѣть и играла ею подъ двигающимися тѣнями отъ повѣшенныхъ.

Если бы не эта встрѣча, то дорога моя вдоль по Лейтъ-Уокскому шоссе была бы пріятнѣе. Старинный валъ пересѣкалъ

поля, подобныхъ которымъ по тщательности обработки я никогда не видѣлъ. Кромѣ того, мнѣ нравилась тихая деревенская глушь. Но мнѣ все продолжало слышаться, какъ звучали кандалы на висѣльникахъ, мерещились гримасы и ужимки старой вѣдьмы, и, какъ кошмаръ, давила мысль о двухъ повѣшенныхъ. Да, печальная судьба—висѣть на висѣлицѣ!

Попадалъ ли на нее человѣкъ за два шотландскихъ шиллинга или (какъ говорилъ м-ръ Стюартъ) изъ чувства долга, разница была невелика, когда этотъ человѣкъ былъ вымазанъ дегтемъ, закованъ и повѣшенъ! Можетъ висѣть и Давидъ Бальфуръ; другіе юноши будутъ проходить по своему дѣлу и легкомысленно взглянутъ на него; сумасшедшія старухи будутъ сидѣть у подножія и предсказывать имъ судьбу. Опрятныя благородныя дѣвушки, проходя мимо, отвернутся и заткнутъ носы. Я отчетливо представлялъ ихъ себѣ: у нихъ были сѣрые глаза, и шляпы на ихъ головахъ носили цвѣта Друммондовъ.

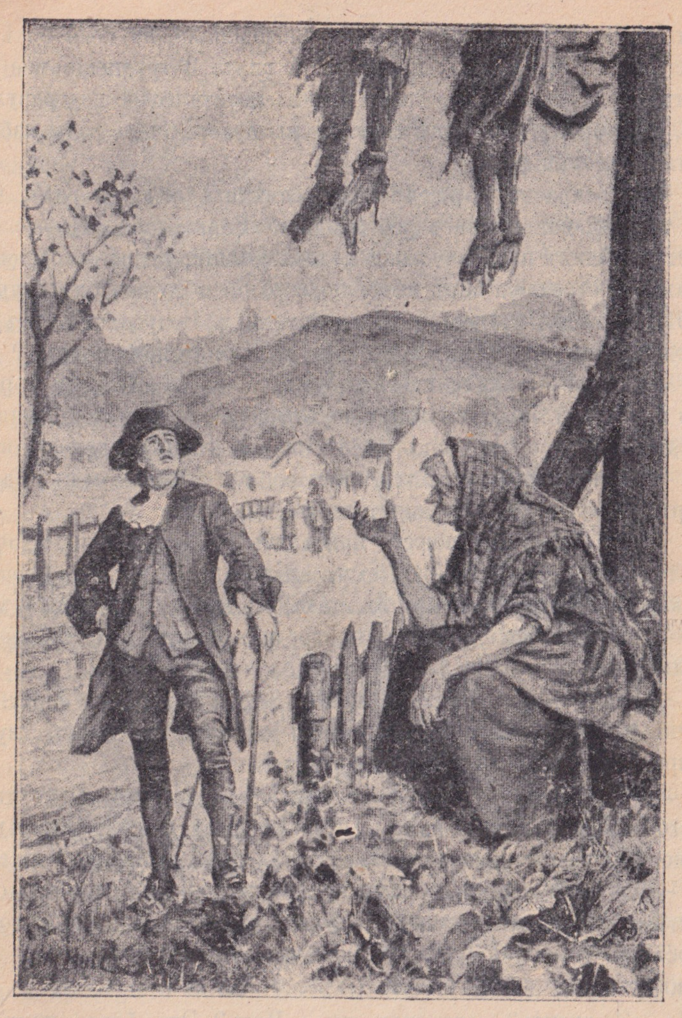
Хотя я сильно упалъ духомъ, но настроеніе мое было всетаки рѣшительное, когда я подошелъ къ Пильригу, красивому дому съ остроконечной крышей, расположенному на дорогѣ между группами молодыхъ деревьевъ. У входа стояла осѣдланная лошадь лэрда, но самъ онъ находился въ кабинетѣ, гдѣ и принялъ меня среди ученыхъ сочиненій и музыкальныхъ инструментовъ, такъ какъ былъ не только глубокимъ философомъ, но и хорошимъ музыкантомъ. Отнесшись ко мнѣ съ самаго начала довольно хорошо, онъ, прочитавъ письмо Ранкэйлора, любезно предоставилъ себя въ мое распоряженіе.

— Въ чемъ же состоитъ услуга, которую я могу оказать вамъ, кузенъ Давидъ (такъ какъ оказывается, что мы кузены)? Записка къ Престонгрэнджу? Это очень легко исполнить. Но что написать въ этой запискѣ?

— М-ръ Бальфуръ,—сказалъ я,—я увѣренъ (да и м-ръ Ранкэйлоръ тоже), что если бы я разсказалъ вамъ мою исторію во всѣхъ подробностяхъ, она бы вамъ очень мало понравилась.

— Очень жаль слышать это отъ васъ, милый родственникъ,—отвѣчалъ онъ.

— Я не принимаю вашего сожалѣнія, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ я,—я ничего не совершилъ такого, чтобы самому жалѣть или заставлять васъ жалѣть о себѣ, кромѣ обыкновенныхъ общечеловѣческихъ слабостей. Первородный Адамовъ грѣхъ, отсут-

— За что они повѣшены?..

ствіе прирожденной праведности и грѣховность всей моей природы, вотъ за что я долженъ отвѣчать; меня научили также, куда обращаться за помощью—сказалъ я (по внѣшнему виду м-ра Бальфура я заключилъ, что онъ будетъ обо мнѣ лучшаго мнѣнія, когда увидитъ, что я твердъ въ катехизисѣ). Что же касается свѣтской чести, то я ни въ чемъ важномъ не могу упрек-

нуть себя; всѣ мои затрудненія произошли не по моей волѣ и, насколько могу судить, не по моей винѣ. Затрудненіе мое въ томъ, что я оказался замѣшаннымъ въ политическое недоразумѣніе, о которомъ, какъ мнѣ сказали, вы будете очень рады избѣгнуть упоминанія.

— Прекрасно, м-ръ Давидъ,—отвѣчалъ онъ,—я радъ, что вы таковы, какимъ васъ рекомендуетъ Ранкэйлоръ. Что же касается вашихъ политическихъ недоразумѣній, то вы совершенно правы: я стараюсь быть выше подозрѣній и во всякомъ случаѣ избѣгать всего, что могло бы вызвать ихъ. Вопросъ въ томъ,—продоложалъ онъ,—какъ я, не зная дѣла, могу помочь вамъ?

— Сэръ,—сказалъ я,—я предлагаю вамъ написать лорду, что я молодой человѣкъ довольно хорошей семьи и съ хорошими средствами; все это, какъ мнѣ кажется, совершенная правда.

— Ранкэйлоръ ручается за это, — отвѣчалъ м-ръ Бальфуръ,—и я считаю его свидѣтельство вѣрнымъ.

— Къ этому вы можете прибавить (если вамъ достаточно моего слова), что я хорошій сынъ англиканской церкви, вѣрный королю Георгу и воспитанъ въ этихъ понятіяхъ,—продолжалъ я.

— Ни то, ни другое не повредитъ вамъ,—сказалъ м-ръ Бальфуръ.

— Затѣмъ вы можете написать, что я явился къ лорду по очень важному дѣлу, связанному съ службой его величеству и отправленіемъ правосудія,—подсказалъ я.

— Такъ какъ я не знаю въ чемъ дѣло, то и не могу судить о его значеніи. Очень важное поэтому выпускается. Остальное я могу выразить приблизительно такъ, какъ вы предполагаете.

— А затѣмъ, сэръ,—сказалъ я, потеревъ себѣ подбородокъ большимъ пальцемъ,—затѣмъ, сэръ, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы ввернули словечко, которое, можетъ быть, могло бы защитить меня.

— Защитить?—спросилъ онъ.—Васъ? Эта фраза немного смущаетъ меня. Если дѣло настолько опасно, то, признаюсь, я не особенно расположенъ вмѣшиваться въ него съ закрытыми глазами.

— Мнѣ кажется, я могу въ двухъ словахъ объяснить, въ чемъ дѣло,—сказалъ я.

— Это, пожалуй, было бы самое лучшее,—отвѣтилъ онъ.

— Это—аппинское убійство,—продолжалъ я.

Онъ поднялъ объ руки.

— Боже, Боже!—воскликнулъ онъ.

По выраженію его лица и голоса я подумалъ, что лишился помощника.

— Позвольте объяснить вамъ...—началъ я.

— Покорно благодарю, я больше не желаю слышать объ этомъ. Я совершенно отказываюсь слышать... Ради вашего имени и Ранкэйлора, а можетъ быть, немного и для васъ самихъ, я сдѣлаю, что могу, чтобы помочь вамъ; но о фактахъ я болѣе не хочу слышать. Кромѣ того, я считаю своей обязанностью предостеречь васъ. Это опасное дѣло, м-ръ Давидъ, а вы еще молоды. Будьте осторожны и обдумайте свое рѣшеніе.

— Повѣрьте, что я уже не разъ обдумывалъ его, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ я.—Обращаю снова ваше вниманіе на письмо Ранкэйлора, гдѣ, надѣюсь, онъ выразилъ свое одобреніе по поводу моего намѣренія.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ,—я сдѣлаю для васъ, что могу.—Съ этими словами онъ взялъ перо и бумагу, сидѣлъ нѣкоторое время, размышляя, а затѣмъ сталъ писать, обдумывая каждое слово.—Я заключаю, что Ранкэйлоръ одобряетъ ваше намѣреніе?—спросилъ Бальфуръ.

— Послѣ небольшого спора онъ сказалъ, чтобы я, съ Божьей помощью, шелъ впередъ,—сказалъ я.

— Дѣйствительно, тутъ нужна Божья помощь,—замѣтилъ м-ръ Бальфуръ, заканчивая письмо. Онъ подписалъ его, перечелъ и снова обратился ко мнѣ.—Вотъ вамъ, м-ръ Давидъ, рекомендательное письмо,—сказалъ онъ,—я поставлю на немъ печать, не закрывая его, и отдамъ вамъ открытымъ, какъ того требуетъ форма. Но такъ какъ я дѣйствую въ потемкахъ, то сперва прочту его вамъ, чтобы вы видѣли, то ли это, что вамъ требуется.

Пильригъ, 26 августа 1751 г.

«Милордъ!

«Позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на моего однофамильца и родственника, Давида Бальфура изъ Шооса, эсквайра, молодого джентльмэна незапятнаннаго происхожденія и хорошаго состоянія. Онъ, кромѣ того, воспитанъ въ религіозныхъ принципахъ, а политическія его убѣжденія не оставляютъ желать ни-

чего лучшаго. М-ръ Бальфуръ не разсказывалъ мнѣ своего дѣла, но я понялъ, что онъ хочетъ объявить вамъ нѣчто касательно службы его величеству и отправленія правосудія: дѣла, въ которыхъ ваше усердіе извѣстно. Мнѣ остается прибавить, что намѣреніе молодого джентльмэна извѣстно и одобрено нѣсколькими его друзьями, которые будутъ съ волненіемъ слѣдить за исходомъ его дѣла, успѣшнымъ или неудачнымъ».

— Послѣ чего,—продолжалъ м-ръ Бальфуръ,—я подписался съ обычными выраженіями почтенія. Обратили вы вниманіе на то, что я написалъ: «нѣсколько вашихъ друзей», надѣюсь, что вы можете подтвердить это множественное число?

— Разумѣется, сэръ; мое намѣреніе извѣстно и одобрено не однимъ только человѣкомъ,—сказалъ я.—Что же касается вашего письма, за которое я осмѣливаюсь поблагодарить васъ, то въ немъ все, на что я только могъ надѣяться.

— Это все, что я могъ написать,—отвѣтилъ онъ,—и, зная, въ какое дѣло вы намѣрены вмѣшаться, мнѣ остается только молить Бога, чтобы этого оказалось достаточно.

IV. Лордъ-адвокатъ Престонгрэнджъ.

Мой родственникъ оставилъ меня обѣдать — «для чести дома», говорилъ онъ; вслѣдствіе этого я еще болѣе торопился на обратномъ пути. Я не могъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ того, чтобы поскорѣе покончить со слѣдующимъ шагомъ и окончательно предать себя. Для человѣка въ моемъ положеніи перспектива положить конецъ нерѣшительности и искушенію была сама по себѣ чрезвычайно соблазнительна. Тѣмъ болѣе я былъ разочарованъ, когда, придя къ Престонгрэнджу, услышалъ, что его нѣтъ дома. Я думаю, что въ ту минуту и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ это была дѣйствительно правда. Но увѣренъ, что потомъ адвокатъ вернулся и весело проводилъ время въ сосѣдней комнатѣ въ обществѣ друзей, тогда какъ о моемъ присутствіи, можетъ быть, совершенно забыли. Я уже давно ушелъ бы, если бы не сильное желаніе сбыть съ рукъ это объясненіе и лечь спать со спокойной совѣстью. Сначала я читалъ, такъ какъ въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ меня оставили, было множество книгъ. Но читалъ я очень невнимательно. А такъ какъ день становился облачнымъ и сумерки наступили раньше времени, ка-

бинетъ же освѣщался только маленькимъ окошечкомъ, я подъ конецъ долженъ былъ отказаться и отъ этого развлеченія, и остатокъ времени провести въ томительномъ бездѣйствіи. Разговоры въ ближайшей комнатѣ, пріятные звуки клавикордовъ и женское пѣніе отчасти замѣняли мнѣ общество.

Не могу опредѣлить часа, но было уже давно темно, когда отворилась дверь кабинета, и я, при падавшемъ черезъ нее свѣтѣ, увидѣлъ на порогѣ высокаго человѣка. Я сейчасъ же всталъ.

— Здѣсь есть кто-нибудь?—спросилъ онъ.—Кто такой?

— Я пришелъ съ письмомъ отъ лорда Пильрига къ лорду-адвокату,—сказалъ я.

— Давно вы здѣсь?—спросилъ онъ.

— Не рѣшаюсь опредѣлить сколько часовъ,—отвѣчалъ я.

— Въ первый разъ слышу объ этомъ,—продолжалъ онъ, пожимая плечами.—Прислуга, вѣрно, забыла о васъ. Но вы, наконецъ, дождались, такъ какъ я—Престонгрэнджъ.

Съ этими словами онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, куда я, по его знаку, послѣдовалъ за нимъ. Зажегши свѣчу, онъ сѣлъ у письменнаго стола. Комната была большая, продолговатая и вдоль стѣнъ вся уставленная книгами. При слабомъ пламени свѣчи ясно выдѣлялась красивая фигура и мужественное лицо адвоката. Онъ былъ красенъ, глаза его влажны и блестящи. Онъ слегка покачивался изъ стороны въ сторону, пока не сѣлъ. Безъ сомнѣнія, онъ хорошо поужиналъ, хотя вполнѣ владѣлъ своими мыслями и словами.

— Ну, сэръ, садитесь,—сказалъ онъ,—и покажите мнѣ письмо Пильрига.

Онъ небрежно просмотрѣлъ начало, поднявъ глаза и поклонившись, когда дошелъ до моего имени. Но при послѣднихъ словахъ вниманіе его удвоилось, и я увѣренъ, что онъ перечелъ ихъ дважды. Можете себѣ представить, какъ все время билось мое сердце: вѣдь теперь я перешелъ Рубиконъ и находился на самомъ полѣ сраженія.

— Очень радъ познакомиться съ вами, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ онъ, окончивъ чтеніе.—Позвольте предложить вамъ стаканчикъ кларета.

— Осмѣлюсь замѣтить, милордъ, что это будетъ врядъ ли хорошо для меня,—замѣтилъ я.—Какъ видите изъ письма, я при-

шелъ сюда по довольно важному дѣлу, а такъ какъ я не привыкъ къ вину, то оно можетъ дурно повліять на меня.

— Вамъ лучше знать,—сказалъ онъ.—Но если позволите я самъ не прочь выпить бутылочку.

Онъ позвонилъ, и, какъ по сигналу, явился лакей съ виномъ и стаканами.

— Вы рѣшительно не хотите составить мнѣ компанію?—спросилъ адвокатъ.—Въ такомъ случаѣ пью за наше знакомство! Чѣмъ могу служить вамъ?

— Мнѣ, можетъ быть, слѣдуетъ начать съ того, что я пришелъ сюда по вашему собственному настоятельному приглашенію,—сказалъ я.

— Вы имѣете предо мной нѣкоторое преимущество,—отвѣчалъ онъ;—долженъ сознаться, что я до этого вечера ничего не слыхалъ о васъ.

— Совершенно вѣрно, милордъ, мое имя вамъ, дѣйствительно, незнакомо,—сказалъ я.—А между тѣмъ вы уже довольно давно чрезвычайно желаете познакомиться со мной и даже заявили объ этомъ публично.

— Мнѣ бы хотѣлось получить отъ васъ нѣкоторое разъясненіе,—возразилъ онъ.—Вѣдь я не Даніилъ.

— Не послужитъ ли вамъ нѣкоторымъ разъясненіемъ,—сказалъ я,—то, что, если бы я желалъ шутить,—а я вовсе не расположенъ это дѣлать,—я, кажется, имѣлъ бы право требовать отъ васъ двѣсти фунтовъ.

— Въ какомъ это смыслѣ?—спросилъ онъ.

— Въ смыслѣ награды, объявленной за мою поимку,—отвѣтилъ я.

Онъ сразу поставилъ стаканъ и выпрямился на стулѣ, на которомъ сначала сидѣлъ развалясь.

— Какъ мнѣ понимать это?—спросилъ онъ.

— «Высокій, здоровый, безбородый юноша, лѣтъ восемнадцати,—процитировалъ я,—съ лоулэндскимъ произношеніемъ».

— Я узнаю эти слова,—сказалъ онъ,—и если вы явились сюда съ неумѣстнымъ намѣреніемъ позабавиться, то они могутъ оказаться весьма пагубными для васъ.

— Мое намѣреніе совершенно серьезно,—отвѣчалъ я,—и вы отлично меня поняли.—Я—мальчикъ, разговаривавшій съ Гленуромъ, когда тотъ былъ убитъ.

— Могу только предположить, видя васъ здѣсь, что вы хотите убѣдить насъ въ своей невиновности,—сказалъ онъ.

— Заключеніе ваше совершенно правильно,—возразилъ я.— Я вѣрный подданный короля Георга; но если бы я чувствовалъ себя въ чемъ-нибудь виноватымъ, то, вѣроятно, былъ бы осторожнѣе и не пришелъ бы самъ въ ваше логовище.

— Очень этому радъ,—замѣтилъ онъ.—Это ужасное преступленіе таково, м-ръ Бальфуръ, что не допускаетъ никакого снисхожденія. Кровь была пролита варварскимъ образомъ, въ прямой оппозиціи его величеству и всѣмъ нашимъ законамъ, и притомъ людьми, враждебность которыхъ извѣстна. Я придаю этому очень большое значеніе и не отрицаю, что считаю преступленіе, направленнымъ лично противъ его величества.

— Къ сожалѣнію, милордъ,—немного сухо прибавилъ я,— оно считается направленнымъ лично на еще одно важное лицо, которое я не хочу называть.

— Если вы этими словами желаете на что-либо намекнуть, то долженъ замѣтить, что считаю ихъ неумѣстными въ устахъ вѣрнаго подданнаго; и если бы они были произнесены публично, я счелъ бы своимъ долгомъ обратить на нихъ вниманіе,—сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, что вы не сознаете опасности своего положенія, иначе были бы осторожнѣе и не ухудшали бы его, бросая тѣнь на правосудіе. Въ нашей странѣ и въ моихъ скромныхъ рукахъ правосудіе нелицепріятно.

— Въ этихъ словахъ вы слишкомъ многое приписываете мнѣ, милордъ—сказалъ я.—Я только повторяю общую молву, которую по пути слышалъ вездѣ и отъ людей различныхъ убѣжденій.

— Когда вы станете благоразумнѣе, то поймете, что этотъ говоръ не слѣдуетъ слушать, а тѣмъ болѣе повторять,—сказалъ адвокатъ.—Я вѣрю, что у васъ не было дурного намѣренія. Положеніе почитаемаго всѣми нами вельможи, который, дѣйствительно близко затронутъ этимъ варварскимъ убійствомъ, слишкомъ высоко, чтобы до него могла достигнуть клевета. Герцогъ Арджайльскій,—вы видите, что я съ вами откровененъ,—смотритъ на это такъ же, какъ я, такъ какъ мы оба должны смотрѣть съ точки зрѣнія нашихъ судейскихъ обязанностей и службы его величеству. Я бы желалъ, чтобы въ наше скверное время всѣ были такъ же свободны отъ чувства фамильной ненависти, какъ онъ. Но случилось, что жертвой исполненнаго долга палъ Кемп-

белль. (Кто, какъ не Кемпбелли всегда были впереди другихъ на пути долга? Я не Кемпбелль и потому смѣло могу сказать это). Къ тому же оказывается (къ нашему общему благополучію), что глава этого знатнаго дома въ настоящее время—предсѣдатель судебной палаты; и вотъ на постоялыхъ дворахъ по всей странѣ всполошились мелкіе умишки и праздные языки, а молодые джентльмены вродѣ м-ра Бальфура необдуманно повторяютъ ихъ толки.—Все это онъ произнесъ съ ораторскими пріемами, точно говорилъ рѣчь въ судѣ. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ снова, какъ джентльмэнъ, онъ сказалъ:—Но это все не относится къ дѣлу. Мнѣ остается узнать, что мнѣ дѣлать съ вами.

— Я думалъ, что скорѣе я узнаю это отъ васъ, милордъ,—отвѣчалъ я.

— Вѣрно,—сказалъ адвокатъ.—Но, видите ли, вы пришли ко мнѣ съ хорошей рекомендаціей. Это письмо подписано извѣстнымъ честнымъ вигскимъ именемъ,—продолжалъ онъ, на минуту взявъ его со стола.—И помимо судебнаго порядка, м-ръ Бальфуръ, всегда есть возможность придти къ соглашенію. Я впередъ говорю вамъ: будьте осторожнѣе, такъ какъ ваша судьба зависитъ отъ одного меня. Въ этомъ дѣлѣ—осмѣливаюсь почтительно замѣтить—я имѣю больше власти, чѣмъ самъ король. И если вы понравитесь мнѣ и удовлетворите мою совѣсть вашимъ послѣдующимъ поведеніемъ, обѣщаю вамъ, что сегодняшнее свиданіе останется между нами.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ я.

— Я хочу сказать, м-ръ Бальфуръ,—отвѣчалъ онъ,—что если ваши отвѣты удовлетворятъ меня, то ни одна душа не узнаетъ, что вы здѣсь были. Замѣтьте, я даже не зову своего клерка.

Я увидѣлъ, къ чему онъ клонитъ.

— Предполагаю, что нѣтъ надобности объявлять кому-либо о моемъ посѣщеніи,—сказалъ я,—хотя не вижу, чѣмъ это можетъ быть особенно выгодно для меня. Я не стыжусь, что пришелъ сюда.

— И не имѣете ни малѣйшей причины стыдиться,—сказалъ онъ одобрительно,—такъ же какъ и бояться послѣдствій, если вы будете осмотрительны.

— Съ вашего позволенія, милордъ,—возразилъ я,—меня не легко напугать.

— Увѣряю васъ, что вовсе не хочу васъ запугивать,—сказалъ онъ.—Но займемся допросомъ; предостерегаю васъ: не говорите ничего, не относящагося къ моимъ вопросамъ. Отъ этого въ значительной степени будетъ зависѣть ваша безопасность. Правда, я имѣю большую власть, но и ей есть границы.

— Постараюсь слѣдовать вашему совѣту, милордъ,—сказалъ я.

Онъ разложилъ на столѣ листъ бумаги и написалъ заголовокъ.

— Изъ вашихъ словъ явствуетъ, что вы были въ Леттерморскомъ лѣсу въ моментъ рокового выстрѣла,—началъ онъ.—Было это случайностью?

— Да, случайностью,—сказалъ я.

— Какимъ образомъ вы вступили въ разговоръ съ Колиномъ Кемпбеллемъ?—спросилъ онъ.

— Я спрашивалъ у него дорогу въ Аухарнъ,—отвѣтилъ я.

Я замѣтилъ, что онъ не записываетъ моего отвѣта.

— Гм...—сказалъ онъ,—я объ этомъ совершенно забылъ. Знаете ли, м-ръ Бальфуръ, я на вашемъ мѣстѣ какъ можно менѣе останавливался бы на сношеніяхъ съ этими Стюартами. Это только усложняетъ дѣло. Я пока не расположенъ считать эти подробности необходимыми.

— Я думалъ, милордъ, что въ подобномъ случаѣ всѣ факты одинаково существенны,—возразилъ я.

— Вы забываете, что мы теперь судимъ этихъ Стюартовъ,—многозначительно отвѣтилъ онъ.—Если намъ придется когданибудь судить васъ, то будетъ совсѣмъ другое дѣло; я тогда буду настаивать на вопросахъ, которые теперь согласенъ обойти. Однако, покончимъ: въ предварительномъ показаніи м-ра Мунго Кемпбелля сказано, что вы немедленно послѣ выстрѣла побѣжали вверхъ по склону. Какъ это случилось?

— Я побѣжалъ не немедленно, милордъ, и побѣжалъ потому, что увидѣлъ убійцу.

— Значитъ, вы видѣли его?

— Такъ же ясно, какъ васъ, милордъ, хотя и не такъ близко.

— Вы знаете его?

— Я бы его узналъ.

— Ваше преслѣдованіе, значитъ, было безуспѣшно, и вы не могли догнать убійцу?

— Не могъ.

— Онъ былъ одинъ?

— Одинъ.

— Никого болѣе не было по сосѣдству?

— Неподалеку въ лѣсу былъ Аланъ-Брекъ-Стюартъ.

Адвокатъ положилъ перо.

— Мы, кажется, играемъ въ загадки, — сказалъ онъ. — Боюсь, что это покажется для васъ плохой забавой.

— Я только слѣдую вашему указанію, милордъ, и отвѣчаю на ваши вопросы,—отвѣчалъ я.

— Постарайтесь одуматься во-время, — сказалъ онъ. — Я обращаюсь съ вами съ самой нѣжной заботливостью, которой вы, кажется, нисколько не цѣните, и которая, если вы не будете осторожнѣе, можетъ оказаться безполезной.

— Я вполнѣ цѣню ваши заботы, но думаю, что вы не понимаете меня,—отвѣчалъ я немного дрожащимъ голосомъ, такъ какъ чувствовалъ, что, наконецъ, прижатъ къ стѣнѣ.—Я пришелъ сюда, чтобы дать показанія, которыя бы убѣдили васъ, что Аланъ не принималъ никакого участія въ убійствѣ Гленура.

Адвокатъ съ минуту казался въ затрудненіи; онъ сидѣлъ съ сжатыми губами и бросалъ на меня взгляды бѣшеной кошки.

— М-ръ Бальфуръ,—сказалъ онъ, наконецъ, я ясно говорю вамъ, что вы идете дурнымъ путемъ,—отъ котораго могутъ пострадать ваши интересы.

— Милордъ,—отвѣчалъ я,—я въ этомъ дѣлѣ такъ же мало принимаю въ соображеніе собственные интересы, какъ и вы. Видитъ Богъ, у меня только одна цѣль: чтобы была оказана справедливость и оправданы невинные. Если, преслѣдуя эту цѣль, я подвергаюсь вашему неудовольствію, милордъ, то мнѣ приходится примириться съ этимъ.

При этихъ словахъ онъ всталъ со стула, зажегъ вторую свѣчу и нѣкоторое время пристально глядѣлъ мнѣ въ глаза. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что лицо его измѣнилось и стало чрезвычайно серьезнымъ и, какъ мнѣ показалось, почти блѣднымъ.

— Вы или очень наивны, или, наоборотъ, чрезвычайно хитры, и я вижу, что долженъ обращаться съ вами болѣе конфиденціально,—сказалъ онъ.—Это дѣло политическое; да, м-ръ Бальфуръ, пріятно намъ это или нѣтъ, но дѣло это политическое, и я дрожу при мысли о томъ, что оно можетъ вызвать. Къ политическому дѣлу—мнѣ врядъ ли есть надобность говорить это моло-

дому человѣку съ вашимъ образованіемъ — мы должны относиться совсѣмъ иначе, чѣмъ просто къ уголовному. Salus populi suprema lex—принципъ, допускающій большія злоупотребленія, но онъ силенъ той силой необходимости, которую мы находимъ въ законахъ природы. Если позволите, я объясню вамъ это подробнѣе. Вы хотите увѣрить меня...

— Прошу прощенія, милордъ, но я хочу увѣрить васъ только въ томъ, что могу доказать,—сказалъ я.

— Тише, тише, молодой человѣкъ,—замѣтилъ онъ,—не придирайтесь къ словамъ и позвольте человѣку, который могъ бы быть вашимъ отцомъ (если не больше) употреблять свои собственныя несовершенныя выраженія и высказать собственныя скромныя мысли, даже если онѣ, къ несчастью, расходятся съ мыслями м-ра Бальфура. Вы хотите увѣрить меня, что Брекъ невиновенъ. Я придалъ бы этому мало значенія, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ поймать его. Но дѣло о невинности Брека не кончается на этомъ. Допустить ее, значитъ, отказаться отъ обвиненія другого, совершенно иного преступника, стараго измѣнника, дважды поднимавшаго оружіе противъ короля и дважды прощеннаго, сѣятеля недовольства и безспорно(кто бы ни произвелъ выстрѣлъ) инициатора этого дѣла. Мнѣ нѣтъ надобности объяснять вамъ, что я говорю о Джемсѣ Стюартѣ.

— На это я могу только чистосердечно отвѣтить, что о невинности Алана и Джемса я именно и пришелъ объявить вамъ честнымъ образомъ, милордъ, и готовъ подтвердить ее своимъ свидѣтельствомъ въ судѣ,—сказалъ я.

— На что я вамъ такъ же чистосердечно отвѣчу, м-ръ Бальфуръ,—возразилъ онъ,—что (въ данномъ случаѣ) я не спрошу вашего свидѣтельства и желаю, чтобы вы вовсе воздержались отъ него.

— Вы находитесь во главѣ правосудія въ этой странѣ,—воскликнулъ я,—и предлагаете мнѣ совершить преступленіе!

— Я всей душой забочусь объ интересахъ Шотландіи,—отвѣчалъ онъ,—и внушаю вамъ то, чего требуетъ политическая необходимость. Патріотизмъ не всегда бываетъ нравственнымъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Мнѣ кажется, что вы должны быть этому рады: въ этомъ ваша защита. Факты противъ васъ. И если я все еще стараюсь высвободить васъ изъ очень опаснаго положенія, то дѣлаю это отчасти потому, что цѣню вашу честность,

приведшую васъ сюда; отчасти изъ-за письма Пильрига, но главнымъ образомъ потому, что въ этомъ дѣлѣ я на первое мѣсто ставлю свой политическій долгъ, а судейскій долгъ на второе. По тѣмъ же самымъ причинамъ, откровенно повторяю вамъ, я не желаю вашего свидѣтельства.

— Я желалъ бы, чтобы вы не приняли моихъ словъ за возраженіе: я только хочу вѣрно опредѣлить наше взаимное положеніе,—сказалъ я.—Если вамъ, милордъ, не нужно мое свидѣтельство, то противная сторона, вѣроятно, будетъ очень рада ему.

Престонгрэнджъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы не такъ молоды,—замѣтилъ онъ,—чтобы не помнить ясно 45-го года и смуты, объявшей всю страну. Пильригъ пишетъ, что вы преданы церкви и правительству. Кто спасъ ихъ въ тотъ роковой годъ? Я не говорю о его королевскомъ высочествѣ и его войскѣ, которое въ свое время принесло большую пользу. Но страна была спасена, и сраженіе выиграно еще прежде, чѣмъ Кумберлэндъ наступилъ на Друммосси. Кто же спасъ ее? Повторяю: кто спасъ протестантскую вѣру и весь нашъ государственный строй? Во-первыхъ, покойный лордъ президентъ Куллоденъ; онъ много сдѣлалъ и мало получилъ за это благодарности; такъ точно и я напрягаю каждый нервъ на той же службѣ и не жду другой награды, кромѣ сознанія исполненнаго долга. А затѣмъ кто? Вы сами знаете это не хуже меня. О немъ много злословятъ, и вы сами намекнули на это, когда вошли сюда, и я остановилъ васъ. То былъ герцогъ великаго клана Кемпбеллей. И вотъ теперь Кемпбелль во время отправленія государевой службы гнусно убитъ. И герцогъ, и я—оба гайлэндеры. Но мы цивилизованные гайлэндеры, а громадное большинство нашихъ клановъ и семействъ не цивилизовано. У нихъ и добродѣтели, и недостатки дикихъ племенъ. Они еще варвары, какъ и Стюарты. Только варвары Кемпбелли стояли за законную сторону, а варвары Стюарты за незаконную. Теперь судите сами. Кемпбелли ожидаютъ мщенія. Если они не получатъ его—если Джемсъ избѣгнетъ смерти—среди Кемпбеллей будетъ волненіе. А это значитъ волненіе во всемъ Гайлэндѣ, который и такъ не спокоенъ и далеко не обезоруженъ. Обезоруженіе одна комедія.

— Въ этомъ я могу поддержать васъ,—сказалъ я.

— Волненіе въ Гайлэндѣ благопріятно для нашего стариннаго

бдительнаго врага,—продолжалъ лордъ, вытягивая палецъ и продолжая шагать,—и, даю вамъ слово, 45-й годъ можетъ вернуться, съ той разницей, что Кемпбелли будутъ на противной сторонѣ. Неужели для того, чтобы спасти этого Стюарта, который уже безъ того нѣсколько разъ осужденъ, если не за это, то за разныя другія дѣла, вы предлагаете вовлечь всю вашу родину въ междоусобную войну, подвергать опасности вѣру вашихъ отцовъ, рисковать жизнью и имуществомъ многихъ тысячъ совершенно невинныхъ людей?.. Эти соображенія перевѣшиваютъ въ моемъ мнѣніи и, надѣюсь, перевѣсятъ и у васъ, м-ръ Бальфуръ, если вы любите свою родину, правительство и правду въ вопросахъ религіи.

— Вы говорите со мной очень откровенно, и я вамъ за это благодаренъ,—сказалъ я.—Я, съ своей стороны, постараюсь поступить такъ же честно. Я вѣрю, что ваша политика совершенно правильна. Я вѣрю, что на васъ лежитъ такого рода тяжелыя обязанности. Я вѣрю, что вы приняли на себя эти обязанности, когда вступали на высокій постъ, занимаемый вами. Но я простой человѣкъ, почти мальчикъ, и съ меня достаточно простыхъ обязанностей. Я могу думать только о двухъ вещахъ: о несчастномъ, несправедливо осужденномъ на скорую и позорную смерть, и о вопляхъ и слезахъ его жены, которые не выходятъ у меня изъ головы. Я не могу не обращать на это вниманія. Таковъ ужъ мой характеръ. Если странѣ суждено погибнуть, пускай она гибнетъ. Если я ослѣпленъ, то молю Бога, чтобы онъ просвѣтилъ меня, пока еще не слишкомъ поздно.

Слушая меня, онъ стоялъ неподвижно, и когда я кончилъ, еще нѣкоторое время оставался въ прежнемъ положеніи.

— Это непревидѣнное препятствіе,—произнесъ онъ громко, разговаривая самъ съ собой.

— Какъ вы намѣрены распорядиться относительно меня, милордъ?—спросилъ я.

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ,—что вы могли бы спать въ тюрьмѣ, если бы я захотѣлъ?

— Я спалъ въ худшихъ мѣстахъ, милордъ,—отвѣчалъ я.

— Вотъ что, мой милый,—сказалъ онъ,—изъ нашего разговора я ясно вижу, что могу положиться на ваше честное слово. Обѣщайте мнѣ, что сохраните въ тайнѣ не только то, что произо-

ло между нами сегодня, но и все аппинское дѣло, и я отпущу васъ.

— Я могу обѣщать хранить это до завтра или до другого ближайшаго времени, назначеннаго вами,—возразилъ я.—Я не хочу, чтобы вы думали обо мнѣ слишкомъ дурно. Но если бы я далъ слово безъ ограниченія, то вы, милордъ, достигли бы своей цѣли.

— Я не хотѣлъ поймать васъ,—замѣтилъ онъ.

— Я въ этомъ увѣренъ,—сказалъ я.

— Подождите,—продолжалъ онъ,—завтра воскресенье. Приходите въ понедѣльникъ, въ восемь часовъ утра, а до тѣхъ поръ обѣщайте молчать.

— Охотно обѣщаю, милордъ,—сказалъ я.—Что же касается вашихъ словъ, то даю слово молчать до конца моихъ дней.

— Замѣтьте,—прибавилъ онъ,—что я не прибѣгаю къ угрозамъ.

— Это вполнѣ согласуется съ вашимъ благородствомъ, милордъ,—сказалъ я.—Но я не настолько тупъ, чтобы не почувствовать ихъ, хотя онѣ и не были произнесены.

— Ну,—замѣтилъ онъ,—спокойной ночи. Желаю вамъ хорошо спать; я же на это не разсчитываю.

Онъ вздохнулъ, взялъ свѣчу и проводилъ меня до входной двери.

V. Въ домѣ адвоката.

На слѣдующій день, въ воскресенье 27-го августа, я имѣлъ возможность слышать нѣсколькихъ извѣстныхъ эдинбургскихъ проповѣдниковъ, которыхъ впередъ зналъ, по разсказамъ м-ра Кемпбелля, и которыхъ давно желалъ слышать. Увы, я съ такимъ же успѣхомъ могъ бы находится въ Иссендинѣ и слушать самого м-ра Кемпбелля! Сумятица въ моихъ мысляхъ, которыя постоянно возвращались къ свиданію съ Престонгрэнджемъ, мѣшала мнѣ быть внимательнымъ. На меня гораздо меньшее впечатлѣніе произвели разсужденія духовныхъ лицъ, чѣмъ зрѣлище громаднаго сборища народа въ церкви, похожаго, какъ я думалъ, на толпу въ театрѣ или (при моемъ тогдашнемъ расположеніи духа) въ залахъ суда. Такое впечатлѣніе на меня произвела въ особенности Вестъ-Кирка съ ея тремя ярусами галлерей, куда я пришелъ въ напрасной надеждѣ увидѣть миссъ Druммондъ.

Въ понедѣльникъ я въ первый разъ пошелъ къ цырульнику и остался очень доволенъ результатами его работы. Отправившись оттуда къ адвокату, я у его дверей снова увидѣлъ красные мундиры солдатъ, образовавшіе яркое пятно въ проулкѣ. Я посмотрѣлъ вокругъ, ища молодую лэди и ея спутниковъ; но нигдѣ не было видно ихъ слѣда. Зато, какъ только меня ввели въ кабинетъ или переднюю, гдѣ я провелъ такіе утомительные часы въ субботу, я въ углу увидѣлъ высокую фигуру Джемса Мора. Онъ, казалось, находился въ мучительномъ безпокойствѣ, вытягивалъ то руки, то ноги, а глаза его тревожно бѣгали по стѣнамъ маленькой комнаты; я съ жалостью вспомнилъ о его отчаянномъ положеніи. Вслѣдствіе этого чувства, а также все продолжающагося глубокаго интереса къ его дочери, я заговорилъ съ нимъ.

— Добраго утра, сэръ,—сказалъ я.

— Желаю вамъ того же, сэръ,—отвѣчалъ онъ.

— Вы ожидаете свиданія съ Престонгрэнджемъ?—спросилъ я.

— Да, сэръ, и молю Бога, чтобы ваше дѣло къ этому джентльмену было пріятнѣе моего,—отвѣчалъ онъ.

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что ваше дѣло будетъ кратко, такъ какъ, вѣроятно, вы будете приняты прежде меня,—сказалъ я.

— Всѣхъ принимаютъ прежде меня, — возразилъ онъ, пожимая плечами и поднимая руки.—Прежде было иначе, сэръ, но времена мѣняются. Не такъ было тогда, когда и шпага что-нибудь значила, молодой джентлмэнъ, и когда было достаточно называться солдатомъ, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе.

Онъ произнесъ свою тираду немного въ носъ, съ той гайлэндской манерой, которая выводила меня изъ себя.

— Ну, м-ръ Макгрегоръ,—сказалъ я,—мнѣ кажется, что главное качество солдата — молчаніе, а первая добродѣтель его—покорность судьбѣ.

— Я вижу, что вы знаете мое имя,—скрестивъ руки, онъ поклонился мнѣ,—хотя самъ я не смѣю его употреблять. Оно слишкомъ хорошо извѣстно, враги слишкомъ часто видѣли мое лицо и слышали мое имя. Поэтому я не долженъ удивляться, если и то и другое извѣстно людямъ, которыхъ я не знаю.

— Которыхъ вы совсѣмъ не знаете, сэръ,—замѣтилъ я,—

такъ же какъ не знаютъ и другіе; но если вы желаете знать, то мое имя—Бальфуръ.

— Это прекрасное имя,—вѣжливо отвѣтилъ онъ,—его носятъ многіе порядочные люди. Я припоминаю теперь, что одинъ молодой джентльменъ, носившій то же имя, въ 45-мъ году былъ врачомъ въ моемъ баталіонѣ.

— Это, вѣроятно, былъ братъ Бальфура изъ Бэса,—отвѣчалъ я, такъ какъ теперь былъ уже подготовленъ къ вопросу о врачѣ.

— Онъ самый, сэръ,—сказалъ Джемсъ Моръ,—а такъ какъ вашъ родственникъ былъ мнѣ товарищемъ по оружію, то позвольте мнѣ пожать вашу руку.

Онъ долго и нѣжно жалъ мнѣ руку, все время радостно глядя на меня, точно отыскалъ родного брата.

— Да,—сказалъ онъ,—времена перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ вокругъ меня и вашего родственника свистали пули.

— Онъ приходился мнѣ очень дальнимъ родственникомъ,—сухо отвѣчалъ я,—и долженъ признаться, что я никогда не видѣлъ его.

— Все равно,—замѣтилъ онъ,—я въ этомъ не вижу разницы. А вы сами, я думаю, вы тогда не были въ дѣлѣ, я что-то не могу припомнить ваше лицо, которое забыть довольно трудно.

— Въ тотъ годъ, о которомъ вы упоминаете, м-ръ Макгрегоръ, я поступилъ въ приходскую школу,—отвѣтилъ я.

— Вы такъ еще молоды!—воскликнулъ онъ.—О, тогда вы никогда не поймете, что значитъ для меня эта встрѣча. Встрѣтиться въ минуту несчастія, и здѣсь, въ домѣ моего врага, съ родственникомъ товарища по оружію—это придаетъ мнѣ бодрости, м-ръ Бальфуръ, такъ же какъ звукъ гайлэндскихъ флейтъ! Да, сэръ, многимъ изъ насъ приходится съ грустью, а нѣкоторымъ и со слезами вспоминать прошлое. Въ своей странѣ я жилъ, какъ король: съ меня было достаточно моего палаша, моихъ горъ и вѣрности моихъ друзей и одноплеменниковъ. Теперь я содержусь въ вонючей тюрьмѣ; и знаете ли, м-ръ Бальфуръ,—продолжалъ онъ, взявъ меня подъ-руку и расхаживая со мною по комнатѣ,—знаете ли, сэръ, что я не имѣю самого необходимаго! Злоба моихъ враговъ лишила меня средствъ. Какъ вамъ извѣстно, сэръ, я заключенъ по ложному обвиненію въ преступленіи, въ которомъ такъ же невиненъ, какъ и вы. Меня не осмѣливаются судить, а пока держатъ нагого въ тюрьмѣ. Желалъ бы я встрѣтить

вашего родственника или его брата изъ Бэса! И тотъ, и другой были бы рады помочь мнѣ; тогда какъ вы, сравнительно чужой...

Мнѣ было совѣстно передавать все, что онъ наговорилъ мнѣ, клянча и жалуясь, а также собственные краткіе и сердитые отвѣты. Иногда мнѣ хотѣлось заткнуть ему ротъ какой-нибудь мелочью. Но это было свыше силъ моихъ, изъ чувства ли стыда и самолюбія, изъ-за себя ли самого или Катріоны, оттого ли, что я считалъ такого отца недостойнымъ такой дочери, или потому, что меня сердила лживость этого человѣка—не знаю. Онъ продолжалъ подлаживаться и восхвалять меня, расхаживая со мной по этой маленькой, всего въ три шага длины, комнатѣ. Я нѣсколькими краткими отвѣтами успѣлъ уже значительно разсердить, хотя не совсѣмъ еще лишить надежды этого попрошайку, когда Престонгрэнджъ появился въ дверяхъ и любезно пригласилъ меня въ большую комнату.

— Я буду нѣкоторое время занятъ,—сказалъ онъ,—а чтобы вы не сидѣли безъ дѣла, я хочу представить васъ моимъ т р е м ъ п р е к р а с н ы м ъ д о ч е р я м ъ, о которыхъ вы, можетъ быть, слышали, такъ какъ онѣ, кажется, болѣе извѣстны, чѣмъ ихъ отецъ. Пожалуйте сюда.

Онъ провелъ меня въ другую длинную комнату, этажомъ выше, гдѣ за пяльцами съ вышиваньемъ сидѣла худощавая старая лэди, а у окна стояли три самыя красивыя дѣвушки въ Шотландіи, такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось.

— Это мой новый другъ, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ адвокатъ, подводя меня подъ-руку.—Давидъ, это сестра моя, миссъ Грантъ, которая такъ добра, что завѣдуетъ моимъ хозяйствомъ и будетъ очень рада оказать вамъ услугу. А вотъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ молодымъ дѣвушкамъ,—вотъ мои т р и п р е к р а с н ы я д о ч е р и. Какъ вы находите, м-ръ Давидъ, которая лучше всѣхъ? Держу пари, что онъ никогда не дерзнетъ отвѣтить, какъ честный Аланъ Рамсэй!

Всѣ трое, а также старая миссъ Грантъ, громко возмутились противъ этой выходки, которая и у меня (я зналъ стихи, на которые онъ ссылался) вызвала румянецъ стыда. Мнѣ казалось, что отцу непростительно цитировать подобныя вещи, и я былъ очень пораженъ, что молодыя лэди, порицая его или дѣлая видъ, что порицаютъ, въ то же время смѣялись.

При взрывахъ ихъ смѣха Престонгрэнджъ вышелъ изъ ком-

наты и оставилъ меня, какъ рыбу на пескѣ, въ этомъ совсѣмъ неподходящемъ для меня обществѣ. Оглядываясь теперь назадъ на то, что послѣдовало, я не могу отрицать, что былъ поразительно безчувственъ, и что лэди, должно быть, были очень хорошо воспитаны, если терпѣли меня такъ долго. Тетка, положимъ, сидѣла за своимъ вышиваньемъ и только отъ времени до времени поднимала голову и улыбалась, но барышни, въ особенности старшая, бывшая притомъ и самой красивой, оказывали мнѣ большое вниманіе, за что я совсѣмъ не умѣлъ отплатить имъ. Я напрасно убѣждалъ самого себя, что у меня есть нѣкоторыя достоинства и хорошее помѣстье, что мнѣ нѣтъ причины чувствовать себя смущеннымъ въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ старшая немногимъ превосходила меня годами, и ни одна, вѣроятно, не была и наполовину такъ образована, какъ я. Но разсужденія не мѣняли дѣла, и по временамъ я краснѣлъ при мысли, что въ этотъ день брился въ первый разъ.

Такъ какъ разговоръ, несмотря на ихъ старанія, шелъ очень вяло, то старшая сжалилась надъ моей неловкостью, сѣла за клавикорды, на которыхъ играла мастерски, и нѣкоторое время занимала меня игрой и пѣніемъ шотландскихъ и итальянскихъ мотивовъ. Это придало мнѣ немного развязности и, припомнивъ мотивъ, которому Аланъ научилъ меня въ пещерѣ близъ Карридена, я рѣшился даже просвистать одинъ или два такта и спросить, знаетъ ли она его.

Она покачала головой.

— Никогда не слыхала,—отвѣчала она.—Просвистите-ка его до конца. Повторите еще разъ,—прибавила она, когда я просвисталъ.

Она подобрала мотивъ на клавикордахъ, сейчасъ же, къ моему удивленію, украсила его звучнымъ аккомпаниментомъ и, играя, стала пѣть съ очень комичнымъ выраженіемъ и настоящимъ шотландскимъ акцентомъ:

Развѣ я невѣрно подобрала вамъ мотивъ,
Не та ли то пѣсня, что вы просвистѣли?

— Видите ли,—прибавила она,—я могу сочинить и слова, только они у меня не риѳмуются.—Потомъ продолжала:

Я—миссъ Грантъ, адвоката дочь,
Вы же, кажется, Дэвидъ Бальфуръ?

Я сказалъ ей, что пораженъ ея талантомъ.

— Какъ называется ваша пѣсня?—спросила она.

— Я не знаю ея настоящаго названія,—отвѣчалъ я,—и называю ее «Пѣснью Алана».

Она взглянула мнѣ прямо въ лицо.

— Я буду называть ее «Пѣснью Давида»,—сказала она.— Впрочемъ, если пѣсни, которыя вашъ израильскій тезка игралъ Саулу, хоть немного походили на эту, то меня нисколько не удивляетъ, что царь не сдѣлался добрѣе; ужъ очень это меланхоличная музыка. В а ш е названіе пѣсни мнѣ не нравится; если вы когда-нибудь захотите услышать ее снова, то спрашивайте ее подъ м о и м ъ названіемъ.

Она произнесла это такъ выразительно, что у меня забилось сердце.

— Почему, миссъ Грантъ?—спросилъ я.

— Потому,—отвѣчала она,—что если вы когда-нибудь будете повѣшены, я ваши послѣднія слова и исповѣдь переложу на эту музыку и буду пѣть ихъ.

Я не могъ болѣе сомнѣваться, что она отчасти ознакомлена съ моей исторіей и грозившей мнѣ опасностью. Но какимъ образомъ и насколько она знакома съ этимъ, было трудно угадать. Она, очевидно, знала, что въ имени Алана было что-то опасное, и предостерегала меня не упоминать о немъ; очевидно, знала также, что на мнѣ тяготѣетъ подозрѣніе въ преступленіи. Я понялъ, кромѣ того, что послѣдними рѣзкими словами (за которыми послѣдовала чрезвычайная шумная пьеса) она хотѣла положить конецъ настоящему разговору. Я стоялъ рядомъ съ ней, притворяясь, что слушаю и восхищаюсь, но на самомъ дѣлѣ унесенный далеко въ вихрѣ собственныхъ мыслей. Я всегда находилъ, что эта молодая лэди очень любитъ таинственное; въ этомъ же первомъ свиданіи я натолкнулся на тайну, которая была выше моего пониманія. Значительно позже я узналъ, что воскресенье не пропало даромъ, что былъ разысканъ и допрошенъ разсыльный изъ банка, открыто мое посѣщеніе Чарльза Стюарта и выведено заключеніе, что я замѣшанъ въ дѣла Джемса и Алана и, весьма вѣроятно, поддерживаю съ послѣдними постоянныя сношенія. Оттого мнѣ и былъ сдѣланъ этотъ ясный намекъ за клавикордами.

Посреди пьесы одна изъ младшихъ барышень, стоявшая у

окна въ проулокъ, закричала сестрамъ, чтобы онѣ шли скорѣе, такъ какъ опять пришла «Сѣроглазка». Все семейство сейчасъ же поспѣшило къ окну и тѣснилось, чтобы что-нибудь увидѣть. Окно, къ которому онѣ побѣжали, приходилось на углу комнаты надъ входной дверью и бокомъ выходило въ проулокъ.

— Идите сюда, м-ръ Бальфуръ,—кричали онѣ,—посмотрите, какая красавица! Она всѣ эти дни приходитъ сюда, въ проулокъ, съ какими-то отчаянными оборванцами, а между тѣмъ сама— настоящая лэди.

Мнѣ не было надобности долго смотрѣть; я взглянулъ только разъ, боясь, чтобы она не увидѣла меня здѣсь, въ этой комнатѣ, откуда раздавалась музыка, не увидѣла бы, что я смотрю изъ окна на нее, стоящую на улицѣ, въ то время, какъ отецъ ея въ томъ же домѣ со слезами, можетъ быть, молитъ о жизни, а я самъ только что отвергъ его просьбу. Но и одинъ мой взглядъ на нее повысилъ меня въ собственномъ мнѣніи и придалъ мнѣ смѣлости по отношенію къ молодымъ дѣвушкамъ. Безспорно онѣ были прекрасны, но и Катріона была красива; въ ней чувствовалось что-то живое, огненное. Насколько эти угнетали меня, настолько она оживляла. Я вспомнилъ, какъ съ ней мнѣ легко было говорить и что, если я не могъ поддерживать разговора съ этими изящными барышнями, то въ этомъ, можетъ быть, онѣ были сами виноваты. Къ моему смущенію стало примѣшиваться веселое чувство; а когда тетка улыбнулась мнѣ изъ-за своей работы, а три дочери окружили меня, какъ ребенка, причемъ по лицамъ ихъ было видно, что это по «папашиному приказанію», мнѣ самому захотѣлось улыбнуться.

Вскорѣ вернулся папаша, повидимому, такой же добродушный, счастливый, любезный, какъ и прежде.

— Ну, дѣвочки,—сказалъ онъ,—я долженъ опять увести м-ра Бальфура, но вы, надѣюсь, сумѣли уговорить его придти еще разъ; я же всегда буду радъ его видѣть.

Каждая изъ нихъ сказала мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ, и адвокатъ увелъ меня.

Если онъ надѣялся, что этотъ визитъ его семейству ослабитъ мое сопротивленіе, то очень ошибся. Я былъ не такимъ дуракомъ, чтобы не понять, какъ я плохо сыгралъ свою роль: дѣвушки, должно быть, отъ души зѣвнули, какъ только я повернулся къ нимъ спиной. Я чувствовалъ, что уже доказалъ, какъ мало во

мнѣ любезности и изящества, и теперь жаждалъ случая заявить себя серьезнымъ и опаснымъ.

Желаніе мое скоро исполнилось: сцена, которая разыгралась затѣмъ, была совсѣмъ другого рода.

VI. Бывшій лордъ Ловатъ.

Въ кабинетѣ Престонгрэнджа насъ ожидалъ человѣкъ, который съ перваго же взгляда возбудилъ во мнѣ отвращеніе, точно хорекъ или клещъ. Онъ былъ очень безобразенъ, но имѣлъ видъ джентльмэна. Несмотря на спокойныя манеры, онъ былъ способенъ на внезапныя вспышки и рѣзкости. Слабый голосъ его по желанію могъ звучать пронзительно и угрожающе.

Адвокатъ дружески и фамильярно познакомилъ насъ.

— Вотъ, Фрэзеръ,—сказалъ онъ,—тотъ самый Бальфуръ, о которомъ мы говорили. М-ръ Давидъ, это м-ръ Симонъ Фрэзеръ, котораго прежде называли другимъ именемъ... но это уже старая исторія. М-ръ Фрэзеръ имѣетъ къ вамъ порученіе.

Съ этими словами онъ отошелъ къ своимъ книжнымъ полкамъ и сдѣлалъ видъ, что наводитъ справки въ книгѣ въ дальнемъ углу комнаты.

Такимъ образомъ я (въ нѣкоторомъ родѣ) былъ оставленъ наединѣ съ человѣкомъ, котораго менѣе всего ожидалъ видѣть. Форма представленія не оставляла никакихъ сомнѣній. Это не могъ быть никто иной, какъ лишенный правъ владѣлецъ Ловата и начальникъ большого клана Фрэзеровъ. Я зналъ, что онъ во главѣ своего клана участвовалъ въ возстаніи, что его отецъ—мой лордъ, сѣрая горная лисица, былъ за то же преступленіе обезглавленъ на плахѣ, что земли этой семьи были конфискованы, а члены ея лишены дворянскаго достоинства; послѣ этого я не могъ понять, что Фрэзеръ дѣлаетъ въ домѣ Гранта. Я не могъ представить себѣ, что онъ теперь служитъ въ судѣ, отказался отъ своихъ убѣжденій и низкопоклонничалъ передъ правительствомъ до такой степени, что сдѣлался помощникомъ лорда-адвоката по дѣлу объ аппинскомъ убійствѣ.

— Ну-съ, м-ръ Бальфуръ,—началъ онъ,—что это я слышу о васъ?

— Не могу судить объ этомъ. не зная, въ чемъ дѣло,—отвѣ-

чалъ я.—Но если вы говорите на основанiи словъ адвоката, то ему вполнѣ извѣстны мои убѣжденiя.

— Долженъ сказать вамъ, что я принимаю участiе въ аппинскомъ дѣлѣ,—продолжалъ онъ;—я выступлю помощникомъ Престонгрэнджа. Изучивъ предварительныя показанiя, могу увѣрить васъ, что ваше убѣжденiе ошибочно. Вина Брека очевидна, а ваше свидѣтельство, въ которомъ вы соглашаетесь, что видѣли его на холмѣ въ самое время убiйства, сдѣлаетъ его повѣшенiе еще неминуемѣе.

— Трудно будетъ повѣсить его, пока онъ не пойманъ,—замѣтилъ я.—Что же касается остального, то я охотно предоставляю вамъ оставаться при своемъ мнѣнiи.

— Герцогъ уже предувѣдомленъ, — продолжалъ онъ. — Я только что вернулся отъ его свѣтлости; онъ высказался предо мною съ искренностью и прямотой, подобающими вельможѣ, упоминалъ о васъ, м-ръ Бальфуръ, и впередъ объявилъ вамъ свою благодарность, если вы позволите направлять себя тѣмъ, кто лучше васъ понимаетъ ваши собственные интересы, такъ же какъ и интересы страны. Въ его устахъ благодарность не есть пустое выраженiе experto crede. Вы вѣроятно, слыхали кое-что о моемъ имени и кланѣ, о достойномъ порицанiя примѣрѣ и печальной смерти моего покойнаго отца, не говоря уже о моихъ собственныхъ заблужденiяхъ. Я теперь примирился съ добрѣйшимъ герцогомъ. Онъ замолвилъ за меня словечко у нашего друга Престонгрэнджа. И вотъ у меня снова нога въ стремени, и я частью раздѣляю его обязанности по преслѣдованiю враговъ короля Георга и мщенiю за наглое и прямое оскорбленiе его величества.

— Безспорно славная должность для сына вашего отца,—замѣтилъ я.

Онъ нахмурилъ брови.

— Вы, кажется, пытаетесь иронизировать,—сказалъ онъ.—Но я здѣсь по долгу: я долженъ добросовѣстно исполнить данное мнѣ порученiе, и вы напрасно стараетесь отвлечь меня. Позвольте замѣтить вамъ, что для молодого человѣка съ вашимъ умомъ и самолюбiемъ хорошiй толчекъ съ самаго начала сдѣлаетъ больше, чѣмъ десятилѣтняя усидчивая работа. Толчекъ этотъ вы теперь можете получить; выбирайте, куда вы желаете быть назначеннымъ, и герцогъ позаботится о васъ, какъ любящiй отецъ.

— Мнѣ кажется, что мнѣ не достаетъ сыновняго послушанія,—возразилъ я.

— Вы, кажется, дѣйствительно, предполагаете, что весь государственный строй этой страны споткнется и рухнетъ изъ-за какого-то невоспитаннаго мальчишки?—воскликнулъ онъ.—Это дѣло—испытаніе: всѣ, кто желаетъ успѣть въ будущемъ, должны содѣйствовать ему. Вы думаете, что я для своего удовольствія ставлю себя въ чрезвычайно фальшивое положеніе человѣка, преслѣдующаго того, съ кѣмъ вмѣстѣ сражался? Но у меня нѣтъ выбора.

— Мнѣ кажется, сэръ,—замѣтилъ я,—что вы лишились права выбора уже тогда, когда приняли участіе въ этомъ противоестественномъ возстаніи. Я, къ счастью, нахожусь въ другомъ положеніи: я вѣрный подданный и безъ замѣшательства могу смотрѣть въ глаза какъ герцогу, такъ и королю Георгу.

— Такъ ли это? — сказалъ онъ. — Увѣряю васъ, что вы сильно заблуждаетесь. Престонгрэнджъ до сихъ поръ былъ такъ учтивъ (какъ онъ сообщилъ мнѣ), что не опровергалъ вашихъ доводовъ; но вы не должны думать, что они не возбуждаютъ сильнаго подозрѣнія. Вы увѣряете, что невиновны. Любезный сэръ, факты доказываютъ, что вы виновны.

— Жду вашего объясненія,—сказалъ я.

— Показаніе Мунго Кемпбелля. Ваше бѣгство послѣ совершенія убійства. Тайна, которою вы такъ долго окружали себя, милый мой,—продолжалъ м-ръ Симонъ,—этого достаточно, чтобы повѣсить и ягненка, а не то что Давида Бальфура! Я буду присутствовать на судѣ и тогда заговорю громко. Я буду тогда говорить иначе, чѣмъ сегодня, и какъ ни мало вамъ теперь нравятся мои слова, но тогда они еще менѣе удовлетворятъ васъ. А, вы поблѣднѣли!—воскликнулъ онъ.—Я нашелъ дорогу къ вашему безстыдному сердцу. Вы блѣдны, глаза ваши бѣгаютъ, м-ръ Давидъ! Вы видите, что могила и висѣлица ближе, чѣмъ вы предполагали.

— Признаюсь въ естественной слабости,—сказалъ я.—Я не нахожу въ этомъ ничего позорнаго... Позоръ...—продолжалъ я.

— Позоръ ждетъ васъ на висѣлицѣ,—прервалъ онъ.

— Гдѣ я сравняюсь съ лордомъ, вашимъ отцомъ—сказалъ я.

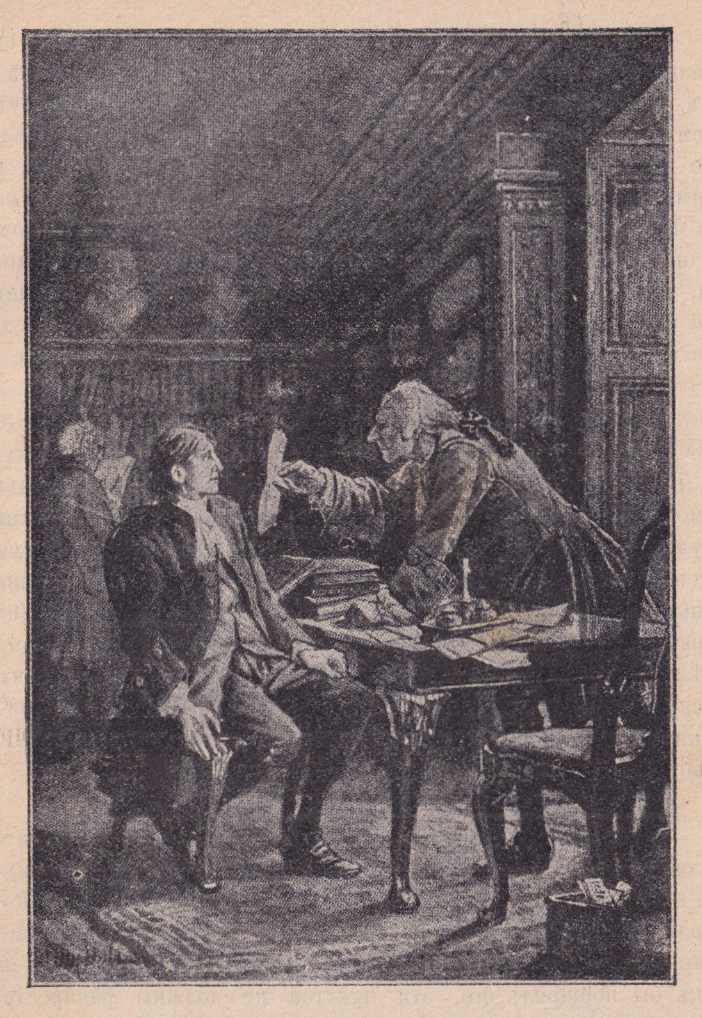
— Вовсе нѣтъ!—воскликнулъ онъ.—Вы, кажется, еще не поняли всего. Мой отецъ пострадалъ за великое дѣло, за то, что

вмѣшался въ раздоры королей. Вы же будете повѣшены за грязное убійство изъ-за грошей. Ваша личная роль въ немъ была—предательски задержать несчастнаго разговоромъ, ваши сообщники—гайлэндскіе оборванцы. Можетъ быть доказано, великій м-ръ Бальфуръ,—и будетъ доказано, повѣрьте мнѣ, заинтересованному въ этомъ дѣлѣ,—что вы были подкуплены. Мнѣ кажется, я теперь уже вижу, какъ всѣ переглядываются въ судѣ, когда я представлю свое доказательство: вы, юноша съ образованіемъ, допустили подкупить себя на это ужасное преступленіе парой стараго платья, бутылкой гайлэндской водки, тремя шиллингами и пятью съ половиною пенсами мѣдной монетой.

Въ этихъ словахъ была доля правды, которая поразила меня точно ударомъ: дѣйствительно, пара платья, бутылка водки и три шиллинга пять съ половиною пенсовъ мелкой монетой составляли почти все, что я съ Аланомъ унесъ изъ Аухарна. Я понялъ, что кто-нибудь изъ слугъ Джемса болталъ въ тюрьмѣ.

— Вы видите, что я знаю больше, чѣмъ вы воображали,—съ торжествующимъ видомъ заключилъ онъ.—Вы не должны думать, великій м-ръ Давидъ, что у правительства Великобританіи и Ирландіи не будетъ достаточно доказательствъ, чтобы придать дѣлу такой оборотъ. У насъ здѣсь въ тюрьмѣ есть люди, которые готовы, по нашему приказанію, клясться въ чемъ угодно; по моему приказанію, если вамъ больше нравится. Теперь вы можете представить себѣ, какъ славна будетъ ваша смерть, если вы ее изберете. Съ одной стороны—жизнь, вино, женщины и герцогъ, готовый служить вамъ; съ другой—веревка на шею, висѣлица, на которой вы будете болтаться, и для передачи потомству самая гнусная и низкая исторія о подкупленномъ убійцѣ, которая когда-либо существовала. Взгляните сюда,—крикнулъ онъ пронзительнымъ голосомъ,—взгляните на бумагу, которую я вынимаю изъ кармана. Посмотрите на имя, это, кажется, ваше имя, великій м-ръ Давидъ; чернила еще не успѣли просохнуть. Догадываетесь ли вы, что это за бумага? Это приказъ о вашемъ арестѣ. Стоитъ мнѣ только прикоснуться къ звонку рядомъ со мной, и приказъ этотъ будетъ немедленно исполненъ. Разъ что вы по этой бумагѣ попадете въ Тольбутъ, то, помоги вамъ Богъ, жребій будетъ брошенъ.

Не могу отрицать, что такая низость ужаснула меня, и что я пришелъ въ уныніе отъ грозившей мнѣ близкой и позорной опас-

— Взгляните сюда!—крикнулъ онъ...

ности. М-ръ Симонъ уже раньше торжествовалъ, видя, что я поблѣднѣлъ; не сомнѣваюсь, что теперь я былъ такъ же бѣлъ, какъ моя рубашка. Кромѣ того, мой голосъ дрожалъ.

— Въ этой комнатѣ есть джентльмэнъ!—воскликнулъ я.—Я обращаюсь къ нему. Въ его руки я отдаю свою жизнь и честь.

Престонгрэнджъ съ шумомъ захлопнулъ книгу.

— Я предупреждалъ васъ, Симонъ,—сказалъ онъ.—Вы сыграли свою игру и проиграли ее. М-ръ Давидъ, — продолжалъ онъ,—повѣрьте, что вы не по моему желанію были подвергнуты этому испытанію. Мнѣ хотѣлось бы увѣрить васъ, какъ я радъ, что вы съ честью вышли изъ него. Вы не поймете почему, но этимъ вы нѣкоторымъ образомъ оказываете услугу и мнѣ. Если бы мой другъ дѣйствовалъ успѣшнѣе, чѣмъ я въ прошлую ночь, то оказалось бы, что онъ лучше знаетъ людей, чѣмъ я. Оказалось бы, что мы не на своихъ мѣстахъ, м-ръ Симонъ и я. А я знаю, что нашъ другъ Симонъ честолюбивъ,—сказалъ онъ, слегка дотрагиваясь до плеча Фрэзера.—Что же касается этой комедіи, то она окончена. Мои симпатіи на вашей сторонѣ, и каковъ бы ни былъ исходъ этого несчастнаго дѣла, я сочту своимъ долгомъ позаботиться, чтобы къ вамъ отнеслись снисходительно.

Въ этихъ словахъ было много доброты; кромѣ того, насколько я могъ видѣть, отношенія моихъ противниковъ были не особенно дружелюбны и даже слегка враждебны. Несмотря на то, мнѣ стало ясно, что это свиданіе было устроено и, можетъ быть, прорепетировано съ согласія обоихъ. Было ясно, что мои противники серьезно хотѣли испытать меня всѣми средствами. Теперь, когда убѣжденіе, лесть и угрозы оказались напрасными, мнѣ было интересно знать, къ чему они прибѣгнутъ далѣе. Передъ глазами у меня все еще стоялъ туманъ, и ноги дрожали отъ ужаса послѣдняго испытанія. Я могъ только повторить слова:

— Отдаю свою жизнь и честь въ ваши руки.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Престонгрэнджъ,—постараемся спасти ихъ. А пока обратимся къ болѣе мягкимъ средствамъ. Вы не должны сердиться на моего друга, м-ра Симона, который говорилъ такъ, какъ ему было предписано. Если вы даже питаете непріязненное чувство и ко мнѣ за то, что я, присутствуя тутъ же, какъ бы поощрялъ его, эти чувства не должны распространяться на невинныхъ членовъ моего семейства. Имъ очень хочется почаще видѣть васъ, и я не желалъ бы, чтобы моя молодежь обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Завтра онѣ отправятся въ Гопъ-Паркъ. Хорошо было бы и вамъ пойти туда. Сперва зайдите ко мнѣ; можетъ быть, мнѣ нужно будетъ сообщить вамъ коечто наединѣ. Затѣмъ вы пойдете въ сопровожденіи моихъ барышень; а до тѣхъ поръ повторите свое обѣщаніе хранить тайну.

Лучше было бы мнѣ сразу отказаться, но, по правдѣ сказать.

я не въ состоянiи былъ разсуждать. Я поступилъ, какъ мнѣ было сказано, распрощавшись не помню какъ. Когда же я снова очутился въ проулкѣ, и дверь затворилась за мной, я обрадовался возможности прислониться къ стѣнѣ дома и вытереть лицо. Ужасное, если можно такъ выразиться, появленiе м-ра Симона не выходило изъ моей памяти, какъ внезапный аккордъ, продолжающiй долго звучать въ ушахъ. Слышанные и читанные мною разсказы объ его отцѣ, его собственной лживости и постоянныхъ измѣнахъ вспомнились мнѣ и слились съ тѣмъ, что я только что самъ испыталъ. Думая о гнусной клеветѣ, которою онъ хотѣлъ опозорить мою честь, я каждый разъ содрогался. Дѣло человѣка, повѣшеннаго у Лейтъ-Уока, мало отличалось отъ того, въ которомъ я теперь обвинялся самъ. Разумѣется, было подло, что двое взрослыхъ людей украли ничтожную сумму у ребенка; но то, что Симонъ Фрэзеръ собирался сказать въ судѣ обо мнѣ самомъ, во многихъ отношенiяхъ не уступало этому дѣлу по трусости и подлости.

Голоса двухъ ливрейныхъ лакеевъ Престонгрэнджа, разговаривавшихъ на порогѣ, привели меня въ себя.

— Вотъ,—сказалъ первый,—возьми эту записку и отнеси ее какъ можно скорѣй капитану.

— Что же опять требуютъ разбойника?—спросилъ второй.

— Должно быть,—отвѣчалъ первый.—Онъ нуженъ ему и Симону.

— Мнѣ кажется, Престонгрэнджъ спятилъ съ ума,—замѣтилъ второй.—Онъ скоро будетъ спать съ Джемсомъ Моромъ.

— Ну, это не наше дѣло,—сказалъ первый.

Они разстались. Первый пошелъ исполнять порученiе, второй возвратился въ домъ.

Все это обѣщало мало хорошаго. Не успѣлъ я уйти, какъ они уже посылали за Джемсомъ Моромъ, на котораго, вѣроятно, и намекалъ м-ръ Симонъ, когда говорилъ о людяхъ, заключенныхъ въ тюрьму и готовыхъ всѣми возможными средствами спасти свою жизнь. Волосы мои стали дыбомъ, а въ слѣдующую минуту кровь бросилась въ голову при мысли о Катрiонѣ. Бѣдная дѣвушка! Отецъ ея былъ присужденъ къ повѣшенiю за поведенiе, котораго нельзя было извинить. Но что еще хуже: онъ, кажется, готовъ былъ спасти свою жизнь самымъ позорнымъ и гнуснымъ

преступленіемъ—ложной клятвой. И въ довершеніе несчастія. жертвой его былъ выбранъ я.

Я быстро и наудачу пошелъ впередъ, чувствуя только потребность въ движеніи, воздухѣ и просторѣ.

VII. Я нарушаю слово.

Положительно не знаю, какимъ образомъ я вышелъ на Лангъ-Дейксъ *). Это проселочная дорога, которая подходитъ къ городу съ сѣверной стороны. Отсюда предо мной развертывался весь Эдинбургъ, начинавшійся съ замка, стоявшаго на скалѣ надъ лохомъ, и продолжавшійся длиннымъ рядомъ шпицовъ и крышъ съ дымящими трубами. При видѣ этого на сердцѣ у меня стало тяжело. Какъ я уже говорилъ, я привыкъ къ опасностямъ. Однако, та опасность, съ которой я встрѣтился лицомъ къ лицу въ это утро среди такъ называемой городской безопасности, превзошла все, что мнѣ случалось испытывать. Страхъ невольничества, кораблекрушеніе, возможность погибнуть отъ шпаги или выстрѣла—все это я перенесъ съ честью. Но то, что слышалось въ рѣзкомъ голосѣ и выражалось на жирномъ лицѣ Симона (по настоящему лорда Ловата), отнимало у меня всякое мужество.

Я сѣлъ на берегу озера, тамъ, гдѣ росли камыши, погрузилъ руки въ воду и смочилъ виски. Я бы охотно бросилъ теперь свое безумное предпріятіе, если бы чувство самоуваженія не мѣшало мнѣ. Была ли то храбрость или трусость или, какъ мнѣ теперь кажется, обѣ вмѣстѣ, но я рѣшилъ, что забрался слишкомъ далеко, чтобы возможно было отступленіе. Я смѣло говорилъ съ этими людьми и буду продолжать говорить также. Что бы ни случилось, я не откажусь отъ своихъ словъ.

Сознаніе своего постоянства придало мнѣ нѣкоторую бодрость. Но все-таки у меня точно ледъ лежалъ на сердцѣ, и жизнь казалась чрезвычайно тяжелой задачей. Особенно жаль мнѣ было двухъ людей: себя самого, одинокаго среди опасности, и дѣвушку, дочь Джемса Мора. Я видѣлъ ее недолго, но успѣлъ составить о ней сужденіе. Я считалъ, что у этой дѣвушки чувство чести развито, какъ у мужчины, что она можетъ умереть отъ безчестья. А между тѣмъ, я имѣлъ основаніе предполагать, что

*) Теперешняя Принсъ-Стритъ.

въ эту минуту отецъ ея покупаетъ собственную подлую жизнь цѣной моей. Мысленно я соединялъ свою судьбу съ судьбой этой дѣвушки. Хотя я видѣлъ ее только на улицѣ, на минуту, но она успѣла удивительно понравиться мнѣ, а теперь наше положеніе, казалось, сблизило насъ: она являлась дочерью моего кровнаго врага, можно сказать, моего убійцы. Мнѣ показалось жестокимъ всю жизнь терпѣть наказанія и преслѣдованія изъ-за чужихъ дѣлъ, а самому не пользоваться ни малѣйшимъ удовольствіемъ. Правда, я былъ сытъ, у меня была постель, чтобы отдохнуть, когда этому не мѣшало безпокойство; но ничего болѣе не дало мнѣ мое богатство. Если мнѣ суждено быть повѣшеннымъ, то жить мнѣ осталось недолго. Если же я не буду повѣшенъ, а выпутаюсь изъ этого затрудненія, то жизнь моя можетъ еще быть очень длинной и казаться мнѣ томительно-скучной. Вдругъ мнѣ сразу представилось ея лицо такъ, какъ я увидѣлъ его въ первый разъ, съ полуоткрытымъ ртомъ, и я почувствовалъ слабость въ душѣ и силу въ ногахъ и рѣшительно направился по дорогѣ въ Динъ. «Если я буду завтра повѣшенъ и, что весьма вѣроятно, проведу сегодняшнюю ночь въ тюрьмѣ, то, по крайней мѣрѣ, еще услышу о Катріонѣ и поговорю съ ней»,—рѣшилъ я.

Ходьба и мысли о свиданіи съ Катріоной подкрѣпили меня, и ко мнѣ начала возвращаться нѣкоторая энергія.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ деревня Динъ уходитъ вглубь долины и спускается къ рѣкѣ, я навелъ справки у мельника; онъ указалъ мнѣ ровную тропинку, которая вела на дальній конецъ деревни, къ чистенькому маленькому домику, окруженному садомъ съ лужайками и яблонями. Сердце мое сильно билось, когда я входилъ въ садовую ограду, и совсѣмъ упало, когда я лицомъ къ лицу встрѣтился съ безобразной и свирѣпой старой лэди въ бѣломъ платьѣ, съ надѣтой поверхъ него мужской шляпой.

— Что вы тутъ ищите?—спросила она.

Я сказалъ ей, что пришелъ къ миссъ Друммондъ.

— А какое у васъ дѣло къ миссъ Друммондъ?—продолжала она.

Я разсказалъ, что встрѣтилъ ее въ прошедшую субботу, имѣлъ счастье оказать ей ничтожную услугу и явился теперь по приглашенію молодой лэди.

— Такъ вы и есть Сикспенсъ *)!—воскликнула она чрезвы-

*) Сикспенсъ—монета въ шесть пенсовъ.

чайно насмѣшливо.—Хорошій даръ, нечего сказать, и прекрасный джентльмэнъ! Развѣ у васъ нѣтъ имени и прозвища или вы такъ и крещены Сикспенсомъ?—спросила она.

Я сказалъ ей свое имя.

— Господи помилуй!—воскликнула она.—Развѣ у Эбенезера есть сынъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я сынъ Александра. Я теперь шоосскій лэрдъ.

— Это вамъ будетъ довольно трудно доказать, — замѣтила она.

— Я вижу, что вы знаете моего дядю,—сказалъ я,—и вамъ, вѣроятно, будетъ пріятно слышать, что дѣло это улажено.

— Что же васъ привело сюда къ миссъ Друммондъ?—продолжала она.

— Я пришелъ за своимъ сикспенсомъ,—отвѣтилъ я.—Понятно, что, какъ племянникъ своего дяди, я долженъ отличаться осмотрительностью.

— О, да у васъ есть доля лукавства,—одобрительно замѣтила старая лэди.—Я думала, что вы настоящій теленокъ со своимъ сикспенсомъ, и счастливымъ днемъ, и памятью Бальуйддера.—Изъ этихъ словъ я съ удовольствіемъ узналъ, что Катріона не забыла нашего разговора.—Но все это къ дѣлу не относится,—заключила она.—Должна ли я понять, что вы хотите жениться на ней?

— Мнѣ кажется, что это преждевременный вопросъ,—сказалъ я.—Она еще очень молода, да, къ сожалѣнію, и я тоже. Я видѣлъ ее всего одинъ разъ. Не отрицаю,—прибавилъ я, рѣшаясь подѣйствовать на нее откровенностью,—не отрицаю, что со времени нашей встрѣчи я много думалъ о ней. Но думать— одно, а брать на себя обязательство—другое, и мнѣ кажется, это было бы очень глупо съ моей стороны.

— Вы, кажется, за словомъ въ карманъ не лѣзете,—сказала старая лэди.—Я, слава Богу, тоже! Я была такъ глупа, что согласилась взять на свое попеченіе дочь этого мошенника; прекрасная обязанность, нечего сказать! Но такъ какъ я взяла ее на себя, то и буду исполнять по своему. Хотите вы увѣрить меня, м-ръ Бальфуръ изъ Шооса, что женились бы на дочери Джемса Мора, даже если онъ будетъ повѣшенъ? Ну, а гдѣ женитьба невозможна, тамъ не должно быть и никакихъ сношеній, намо-

тайте себѣ это па усъ. Дѣвушки легкомысленны,—прибавила она, кивая головой,—и хотя вы этого не подумаете, глядя на мои морщины, я сама была молодой, и даже красивой дѣвушкой.

— Лэди Аллардайсъ,—сказалъ я,—я предполагаю, что это ваше имя,—вы, кажется, говорите за насъ обоихъ, а это никогда не приведетъ къ соглашенію. Вы набрасываетесь на меня, спрашивая, женюсь ли я у подножія висѣлицы на молодой лэди, которую видѣлъ всего одинъ разъ. Я уже сказалъ вамъ, что не такъ неостороженъ, чтобы брать на себя это обязательство. Но я все-таки кое въ чемъ соглашаюсь съ вами. Если дѣвушка будетъ продолжать нравиться мнѣ,—а я имѣю причины надѣяться на это,—то ни отецъ ея, ни висѣлица не смогутъ разлучить насъ. Что же касается моей семьи, то я случайно нашелъ ее у дороги, какъ потеряннаго младенца! Я ничѣмъ не обязанъ своему дядѣ; и если женюсь, то для того, чтобы доставить удовольствіе самому себѣ.

— Я слышала подобныя слова, когда васъ еще не было па свѣтѣ,—отвѣчала мистриссъ Ожильви,—и потому то я такъ мало придаю имъ значенія. Здѣсь надо многое принять во вниманіе. Къ моему стыду, должна признаться, что этотъ Джемсъ Моръ мнѣ родственникъ. Но чѣмъ лучше семья, тѣмъ больше въ ней бываетъ повѣшенныхъ и обезглавленныхъ, такова ужъ исторія несчастной Шотландіи! Если бы дѣло шло объ одномъ только повѣшеніи! Я, съ своей стороны, была бы рада видѣть Джемса на висѣлицѣ, по крайней мѣрѣ, это былъ бы конецъ. Кэтринъ довольно хорошая дѣвушка, съ добрымъ сердцемъ, и весь день переноситъ воркотню такого стараго урода, какъ я. Но у нея есть слабая сторона. Она съ ума сходитъ по этому долговязому, лживому, вкрадчивому нищему—ея отцу, по Грегору, по лишеннымъ правъ, по королѣ Іаковѣ и тому подобному. Если вы думаете, что могли бы руководить ею, то очень ошибаетесь. Вы говорите, что видѣли ее только разъ...

— Мнѣ слѣдовало сказать, что я говорилъ съ ней только разъ,—прервалъ я.—Сегодня я опять видѣлъ ее изъ окна Престонгрэнджа.

Это я сказалъ потому, что оно хорошо звучало, но сейчасъ же былъ наказанъ за свое хвастовство.

— Это еще что?—воскликнула старая лэди, внезапно на-

хмуривъ лицо.—Мнѣ кажется, что вы и въ первый разъ встрѣтились у адвокатской двери.

Я отвѣтилъ, что дѣйствительно такъ.

— Гм...—сказала она, а затѣмъ воскликнула обранчивымъ тономъ:—Вѣдь я только изъ вашихъ словъ знаю, кто вы и что вы! Вы увѣряете, что вы Бальфуръ изъ Шooca; но, кто васъ знаетъ, вы можете быть и Бальфуромъ чортъ знаетъ откуда! Возможно, что вы пришли сюда за тѣмъ, что говорите, но возможно также, что вы здѣсь чортъ знаетъ для чего! Я достаточно предана вигамъ, чтобы сидѣть смирно и стараться спасти головы у людей моего клана. Но я не позволю дурачить себя. Скажу вамъ откровенно, вы слишкомъ много говорите о двери и окнѣ адвоката для человѣка, ухаживающаго за дочерью Макгрегора. Можете передать это адвокату, пославшему васъ. До свиданія, м-ръ Бальфуръ,—прибавила она, посылая мнѣ воздушный поцѣлуй,—пріятнаго пути туда, откуда вы пришли.

— Если вы считаете меня шпіономъ...—вспылилъ я, и слова остановились у меня въ горлѣ. Я постоялъ и посмотрѣлъ на нее убійственнымъ взглядомъ, затѣмъ поклонился и повернулся къ выходу.

— Ну, ну, нашъ любезникъ, кажется, разсердился!—воскликнула она.—Считаю васъ шпіономъ? Чѣмъ другимъ я должна считать васъ, когда совсѣмъ васъ не знаю? Но я вижу, что ошибалась, и такъ какъ не могу драться съ вами, то должна извиниться. Прекрасно бы я выглядѣла со шпагой! Ну, ну,—продолжала она,—вы вовсе ужъ не такой дурной малый; мнѣ кажется, что у васъ есть свои хорошія качества. Но, Давидъ Бальфуръ, вы чертовски самолюбивы. Вамъ надо стараться избавиться отъ этого, мой милый; вамъ слѣдуетъ научиться гнуть спину и немного меньше о себѣ думать. И еще надо бы вамъ привыкнуть къ мысли, что женщины не гренадеры. Но этого никогда не случится; до конца жизни вы будете знать о женщинахъ не болѣе, чѣмъ я о военномъ ремеслѣ.

Я никогда не слыхалъ подобныхъ выраженій отъ дамъ, такъ какъ единственныя двѣ лэди, которыхъ я зналъ, мать моя и мистриссъ Кемпбелль, были очень набожны и благовоспитаны. Вѣроятно, удивленіе ясно выразилось на моемъ лицѣ, такъ какъ мистриссъ Ожильви вдругъ расхохоталась.

— Боже мой, — кричала она, стараясь удержаться отъ

смѣха,—вы съ такимъ красивымъ, строгимъ лицомъ собираетесь жениться на дочери гайлэндскаго разбойника! Дэви, милый мой, намъ слѣдуетъ держать объ этомъ пари, еслибъ только справедливость позволяла завѣдомо отнимать у васъ деньги! А теперь,—продолжала она,—вамъ нѣтъ цѣли болтаться здѣсь, такъ какъ молодой дѣвушки нѣтъ дома, а я, старуха, боюсь, буду для васъ плохой компаніей. Да, кромѣ того, у меня нѣтъ никого, кто бы позаботился о моей репутаціи; я и такъ слишкомъ долго оставалась одна съ такимъ обворожительнымъ юношей. Приходите другой разъ за своимъ сикспенсомъ!—кричала она мнѣ вслѣдъ, когда я уже ушелъ.

Стычка съ этой безалаберной лэди придала мнѣ смѣлости, которой мнѣ до тѣхъ поръ не хватало. За послѣдніе два дня образъ Катріоны примѣшивался ко всѣмъ моимъ размышленіямъ; онъ составлялъ какъ бы фонъ для нихъ, такъ что меня уже не удовлетворяло собственное общество, если я гдѣ-нибудь, въ уголкѣ сознанія не чувствовалъ ея. Но теперь она стала мнѣ сразу близкой; мнѣ казалось, что я мысленно дотрагиваюсь до той, къ которой на дѣлѣ прикасался всего разъ въ жизни. Я всѣми мыслями съ счастливымъ чувствомъ устремился къ ней и, глядя вокругъ себя, видѣлъ, что весь міръ предо мной и за мной—одна безотрадная пустыня, по которой, какъ солдаты въ походѣ, идутъ люди, исполняя свой долгъ съ постоянствомъ, на которое только способны, и одна только Катріона на всемъ свѣтѣ могла принести мнѣ нѣкоторое счастье. Потомъ самъ удивлялся, что могъ останавливаться на подобныхъ мысляхъ въ то опасное для меня и позорное время, и, вспоминая свою молодость, стыдился самого себя. Мнѣ надо было закончить свое образованіе, надо было заняться какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ, отслужить тамъ, гдѣ всѣ обязаны служить. Мнѣ еще надо было обучиться и сдѣлаться мужчиной. У меня было достаточно ума, чтобы покраснѣть при мысли, что меня уже теперь соблазняютъ болѣе далекія и святыя обязанности. Въ этомъ сказалось мое воспитаніе: меня воспитывали не на сахарѣ, а на грубой пищѣ—правдѣ. Я зналъ, что тотъ, кто не готовъ быть отцомъ, не можетъ быть хорошимъ мужемъ; а быть отцомъ мнѣ, мальчишкѣ, было сущимъ безуміемъ.

Занятый этими размышленіями, я прошелъ уже полдороги по направленію къ городу, когда замѣтилъ шедшую мнѣ навстрѣчу

фигуру, и волненіе мое еще усилилось. Мнѣ казалось, что я долженъ ей сказать чрезвычайно много, но не зналъ, съ чего начать. Вспомнивъ, какъ я былъ неразговорчивъ въ это утро въ домѣ адвоката, я былъ увѣренъ, что теперь совсѣмъ онѣмѣю. Но когда она подошла, опасенія мои разсѣялись. Даже сознаніе того, о чемъ я только что думалъ, нисколько не смущало меня. Я нашелъ, что могу говорить съ ней такъ же свободно и разумно, какъ съ Аланомъ.

— О,—воскликнула она,—вы приходили за своимъ сикспенсомъ! Что же получили вы его?

Я сказалъ ей, что не получилъ, но такъ какъ я встрѣтилъ ее, то прогулка моя была не напрасна.

— Хотя я сегодня уже видѣлъ васъ,—продолжалъ я и объяснилъ, гдѣ и когда.

— А я не видала васъ,—сказала она,—у меня глаза хотя и большіе, но не видятъ далеко. Я только слышала пѣніе въ домѣ.

— Это пѣла старшая и самая красивая миссъ Грантъ,—отвѣчалъ я.

— Говорятъ, что онѣ всѣ красивы,—замѣтила она.

— Онѣ тоже находятъ васъ красавицей, миссъ Друммондъ,—отвѣчалъ я,—и всѣ стояли у окна, чтобы видѣть васъ.

— Жаль, что я такъ близорука,—сказала она,—а то бы я ихъ тоже видѣла. Такъ вы были въ домѣ? Вы, должно быть, пріятно провели время съ красивыми лэди, слушая хорошую музыку.

— Въ этомъ вы ошибаетесь,—отвѣчалъ я,—я чувствовалъ себя такъ же неловко, какъ рыба на склонѣ горы. Дѣло въ томъ, что я скорѣе созданъ для общества грубыхъ мужчинъ, чѣмъ красивыхъ лэди.

— Да, я это тоже нахожу,—сказала она, и оба мы разсмѣялись.

— Странное дѣло,—замѣтилъ я, — я нисколько не боюсь васъ, а готовъ былъ бы убѣжать отъ миссъ Грантъ. Я также испугался вашей родственницы.

— О, я думаю, ее всякій испугался бы! — воскликнула она.—Мой отецъ самъ боится ее.

Упоминаніе объ ея отцѣ заставило меня умолкнуть. Идя рядомъ съ нею, я смотрѣлъ на нее и вспоминалъ этого человѣка,

котораго я зналъ такъ мало и подозрѣвалъ такъ сильно. И, сравнивая его съ нею, почувствовалъ себя предателемъ за свое молчаніе.

— Кстати,—сказалъ я,—я сегодня утромъ встрѣтилъ вашего отца.

— Неужели?—воскликнула она радостнымъ голосомъ, который точно насмѣхался надо мной.—Вы видѣли Джемса Мора? Вы, значитъ, говорили съ нимъ?

— Да, я и говорилъ съ нимъ,—сказалъ я.

Тогда дѣло приняло самый дурной для меня оборотъ, который только былъ возможенъ. Она взглянула на меня съ глубокой благодарностью.

— Благодарю васъ,—сказала на.

— Меня не за что благодарить,—началъ я и остановился. Но, скрывая такъ много, я не могъ не высказать хоть что-нибудь.—Я довольно грубо говорилъ съ нимъ,—продолжалъ я.— Онъ мнѣ не особенно понравился; я говорилъ съ нимъ довольно грубо, и онъ разсердился.

— Въ такомъ случаѣ вамъ нечего разговаривать съ его дочерью и еще разсказывать ей объ этомъ!—воскликнула она.— Я не хочу знать тѣхъ, кто не любитъ и не уважаетъ отца.

— Позвольте мнѣ сказать еще слово,—сказалъ я, начиная дрожать.—Мы оба, можетъ быть, бываемъ у Престонгрэнджа въ дурномъ настроеніи. Вѣдь у обоихъ насъ тамъ непріятныя дѣла, и это опасный домъ. Мнѣ было жаль его, и я первый заговорилъ, не особенно разсудительно, долженъ сознаться. Вы, вѣроятно, скоро увидите, что дѣла его въ одномъ отношеніи исправляются.

— Вѣроятно, не при помощи вашей дружбы, — сказала она,—и ему остается только благодарить васъ за сожалѣніе.

— Миссъ Друммондъ,—воскликнулъ я,—я одинъ на свѣтѣ...

— Это меня нисколько не удивляетъ,—сказала она.

— О, дайте мнѣ высказаться!—просилъ я.—Я только разъ выскажусь, а потомъ оставлю васъ,—навсегда, если вы того желаете. Я пришелъ сегодня въ надеждѣ услышать ласковое слово, въ которомъ сильно нуждаюсь. Я знаю, что мои слова должны были оскорбить васъ, и зналъ это, когда произносилъ ихъ. Мнѣ было бы легко выразиться мягче и солгать вамъ; неужели вы думаете, что это не соблазняло меня? Развѣ вы не видите, что мои слова дышатъ правдой?

— Мнѣ кажется, не стоитъ труда обсуждать это, м-ръ Бальфуръ,—сказала она.—Я думаю, что довольно съ насъ одной встрѣчи и что теперь мы можемъ мирно разстаться.

— О, пусть хоть одинъ только человѣкъ вѣритъ мнѣ,—умолялъ я,—иначе я не вынесу. Весь свѣтъ вооружился противъ меня! Какъ мнѣ исполнить свое дѣло, когда судьба моя такъ ужасна? Я не могу окончить его, если никто не вѣритъ въ меня. Человѣку тому придется умереть, потому что я не могу исполнить свой долгъ.

Она все время смотрѣла предъ собою, качая головой. Но, услышавъ мои слова и звукъ моего голоса, она остановилась.

— Что вы такое сказали?—спросила она.—О чемъ вы говорите?

— Мое показанiе можетъ спасти невиннаго,—сказалъ я,—а меня не допускаютъ въ свидѣтели. Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Вы знаете, что это значитъ, такъ какъ вашъ отецъ тоже въ опасности. Оставили бы вы несчастнаго? Надо мной испытали всѣ средства. Меня хотѣли подкупить: обѣщали мнѣ горы и долины. А сегодня эта хитрая собака объявила мнѣ, въ какомъ я положенiи и до какой казни и позора намѣрены довести меня! Меня хотятъ замѣшать въ преступленiе; хотятъ выставить, что я ради платья и денегъ задержалъ Гленура разговорами; меня хотятъ убить и опозорить. Если со мной будетъ поступлено такимъ образомъ, со мной, едва совершеннолѣтнимъ, если такую исторiю будутъ разсказывать обо мнѣ по всей Шотландiи, если и вы тоже повѣрите ей, и мое имя станетъ нарицательнымъ, то могу ли я перенести это, Катрiона? Это невозможно! Это больше, чѣмъ можетъ вынести душа человѣческая!

Я произносилъ эти фразы безпорядочно, одну за другой; когда же остановился, то увидѣлъ, что она глядитъ на меня испуганными глазами.

— Гленуръ! Это—аппинское убiйство,—сказала она тихо, но съ большимъ удивленiемъ.

Провожая ее, я повернулъ обратно, и теперь мы подходили къ вершинѣ холма надъ деревней Динъ. При ея словахъ я, какъ безумный, остановился противъ нея.

— Боже мой,—воскликнулъ я,—Боже мой, что я надѣлалъ!—И схватился рукою за виски.—Какъ могъ я сдѣлать это Я долженъ быть безумнымъ, чтобы говорить подобныя вещи!

— Ради Бога, что съ вами случилось?—воскликнула она.

— Я далъ слово,—простоналъ я,—я далъ слово и вотъ... нарушилъ его. О, Катріона!

— Я спрашиваю васъ, въ чемъ дѣло?—сказала она.—Вы этого не должны были говорить? Вы думаете, можетъ быть, что у меня нѣтъ чести или, что я выдамъ друга? Смотрите, я поднимаю правую руку и клянусь вамъ, что буду молчать!

— О, я знаю, что вы сдержите клятву,—возразилъ я,—но я! Еще сегодня утромъ я стоялъ передъ ними и смѣло выносилъ ихъ взгляды; рисковалъ охотнѣе умереть позорной смертью на висѣлицѣ, чѣмъ поступить нечестно, а черезъ нѣсколько часовъ, въ обыкновенномъ разговорѣ на большой дорогѣ нарушаю свое честное слово! «Изъ нашего разговора я ясно вижу,—сказалъ адвокатъ,—что могу положиться на ваше честное слово». Гдѣ теперь мое слово? Кто мнѣ теперь повѣритъ? «Вы» не можете вѣрить мнѣ. Я совсѣмъ упалъ въ вашихъ глазахъ; лучше умереть!—Все это я проговорилъ плаксивымъ голосомъ, хотя слезъ у меня не было.

— Мнѣ больно за васъ,—сказала Катріона,—но, право, вы слишкомъ щепетильны. Вы говорите, что я не повѣрю вамъ? Да я бы вамъ во всемъ довѣрилась! Что же касается этихъ людей, то я и думать о нихъ не хочу! Вѣдь они хотятъ поймать васъ въ ловушку и умертвить! Фи! Теперь не время унижаться! Поднимите голову! Я буду восторгаться вами, какъ героемъ, вами, мальчикомъ почти однихъ лѣтъ со мной! Стоитъ ли придавать такое значеніе нѣсколькимъ лишнимъ словамъ, сказаннымъ другу, который скорѣе умретъ, чѣмъ выдастъ васъ?

— Катріона, — спросилъ я, глядя на нее исподлобья, — правда это? Вы бы довѣрились мнѣ?

— Неужели вы не вѣрите моимъ слезамъ?—воскликнула она.—Мое мнѣніе о васъ чрезвычайно высоко, м-ръ Давидъ Бальфуръ. Пускай васъ повѣсятъ. Я васъ никогда не забуду, я состарюсь и все буду помнить васъ. Мнѣ кажется, что въ такой смерти есть что-то великое. Я буду завидовать тому, что вы повѣшены!

— А можетъ быть, я все это время страшусь пугала, точно ребенокъ?—сказалъ я.—Они, можетъ быть, только смѣются надо мной.

— Это мнѣ нужно знать —отвѣтила она;—я должна знать

все. Ошибка, во всякомъ случаѣ, уже сдѣлана, а теперь разскажите мнѣ все.

Я сѣлъ на краю дороги, она опустилась рядомъ со мной. Я разсказалъ ей все дѣло почти такъ, какъ написалъ здѣсь, пропустивъ только свои соображенія о поступкахъ ея отца.

— Ну,—замѣтила она, когда я кончилъ,—вы дѣйствительно герой, хотя я никогда бы этого не подумала! Мнѣ кажется также, что вамъ угрожаетъ опасность. О, Симонъ Фрэзеръ! Можно ли было ожидать? Участвовать въ такомъ дѣлѣ ради жизни и денегъ!—И вдругъ она громко воскликнула:—Ахъ, мученіе! Взгляните на солнце!

Это выраженіе: «Ахъ, мученіе!» я впослѣдствіи часто слышалъ отъ нея: оно входило въ составъ ея собственнаго оригинальнаго языка.

Дѣйствительно, солнце уже склонялось къ горамъ.

Она велѣла мнѣ скоро опять притти, подала руку и оставила меня въ самомъ радостномъ волненіи. Я не торопился возвращаться на свою квартиру, такъ какъ боялся немедленнаго ареста, но поужиналъ на постояломъ дворѣ и большую часть ночи одиноко бродилъ среди полей ячменя, такъ ясно чувствуя присутствіе Катріоны, точно несъ ее на рукахъ.

VIII. Браво.

На слѣдующій день, 29-го августа, я явился на свиданіе къ адвокату въ платьѣ, заказанномъ мною по мѣркѣ и только что сшитомъ.

— А,—сказалъ Престонгрэнджъ,—вы сегодня очень изящны; у моихъ барышень будетъ прекрасный кавалеръ. Это очень любезно съ вашей стороны, м-ръ Давидъ, очень любезно! О, мы еще прекрасно поживемъ, и мнѣ кажется, что ваши невзгоды почти кончены.

— Вы имѣете что-либо новое для меня?—воскликнулъ я.

— Сверхъ ожиданія,—отвѣчалъ онъ.—Ваше свидѣтельство въ концѣ-концовъ все-таки будетъ принято. Вы, если желаете, можете ѣхать со мной на судъ, который будетъ въ Инверарѣ, въ четвергъ 21-го сентября.

Я отъ удивленія не находилъ словъ.

— А пока,—продолжалъ онъ,—я хотя и не прошу васъ

возобновить свое обязательство, но долженъ посовѣтовать вамъ все держать въ тайнѣ. Завтра съ васъ снимутъ предварительное показаніе; чѣмъ менѣе будетъ сказано помимо его, тѣмъ лучше.

— Постараюсь быть скромнымъ,—сказалъ я.—Я думаю, что обязанъ вамъ этою милостью, и отъ души благодарю васъ. Послѣ вчерашняго, милордъ, это мнѣ кажется раемъ. Я едва могу повѣрить.

— Надо, однако, постараться повѣрить,—сказалъ онъ успокоительно.—Я очень радъ, что вы признаете себя обязаннымъ мнѣ: вы можете вскорѣ, даже сейчасъ же отплатить мнѣ. Дѣло значительно измѣнилось. Ваше показаніе, которымъ я сегодня не буду безпокить васъ, безъ сомнѣнія, повліяетъ на исходъ дѣла относительно всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ и потому мнѣ будетъ легче коснуться съ вами одного косвеннаго обстоятельства.

— Милордъ,—прервалъ я,—извините, что я перебиваю васъ, но какъ это удалось сдѣлать? Препятствія, о которыхъ вы говорили мнѣ въ субботу, даже мнѣ показались непреодолимыми. Какъ же все устроилось?

— Милѣйшій м-ръ Давидъ,—отвѣчалъ онъ,—я не вправѣ разглашать («даже вамъ», какъ вы говорите) совѣщанія правительства. Вы должны удовольствоваться самимъ фактомъ.

Говоря это, онъ глядѣлъ на меня съ отеческой улыбкой, играя въ то же время новымъ перомъ. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы въ его словахъ была тѣнь обмана; но когда онъ приблизилъ къ себѣ листъ бумаги, обмокнулъ перо въ чернила и снова обратился ко мнѣ, я уже не чувствовалъ этой увѣренности и инстинктивно приготовился быть на-сторожѣ.

— Я желалъ бы коснуться одного обстоятельства,—началъ онъ.—Я намѣренно оставилъ его прежде въ сторонѣ, но теперь этого больше не нужно. Это, разумѣется, не принадлежитъ къ вашему допросу, который будетъ производиться другимъ лицомъ и имѣетъ для меня только частный, личный интересъ. Вы говорите, что встрѣтили Алана Брека на холмѣ?

— Да, милордъ,—отвѣчалъ я.

— Сейчасъ же послѣ убійства?

— Да.

— Говорили вы съ нимъ?

— Да

— Вы, вѣроятно, знали его еще раньше?—небрежно спросилъ онъ.

— Не могу догадаться, почему вы такъ думаете, милордъ,—отвѣчалъ я,—но я, дѣйствительно, зналъ его.

— Когда вы снова разстались съ нимъ?—спросилъ онъ.

— Я отказываюсь отвѣчать,—сказалъ я,—этотъ вопросъ будетъ мнѣ предложенъ въ судѣ.

— Поймите же, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ онъ,—что все это нисколько не можетъ повредить вамъ. Я обѣщалъ вамъ жизнь и честь и, повѣрьте, могу сдержать свое слово. Поэтому вамъ нечего тревожиться. Вы, кажется, предполагаете, что можете защитить Алана, а между тѣмъ говорите о благодарности, которая—вы заставляете меня сказать это—мною, дѣйствительно, заслужена. Множество различныхъ соображенiй указываютъ на одно и то же; я никогда не откажусь отъ мысли, что если бы вы только хотѣли, то могли бы навести насъ на слѣдъ Алана.

— Милордъ,—сказалъ я,—даю вамъ слово. что даже не подозрѣваю, гдѣ Аланъ.

Онъ на минуту остановился.

— А какъ его можно найти?—спросилъ онъ.

Я сидѣлъ передъ нимъ, какъ деревянный чурбанъ.

— Такъ вотъ какова ваша благодарность, м-ръ Давидъ!—замѣтилъ онъ. Опять наступило молчанiе.—Ну,—сказалъ онъ, вставая,—мнѣ не везетъ: мы не понимаемъ другъ друга. Не будемте больше говорить объ этомъ. Вы получите извѣщенiе, когда, гдѣ и кто будетъ снимать съ васъ показанiе. А теперь мои барышни, вѣроятно, ждутъ васъ. Онѣ никогда не простятъ мнѣ, что я задерживаю ихъ кавалера.

Вслѣдъ за этими словами я былъ переданъ въ распоряженiе этихъ трехъ грацiй, которыя были разряжены такъ, какъ я и вообразить не могъ, и образовали очаровательный букетъ.

Когда мы выходили изъ дверей, случилось маленькое обстоятельство, которое впослѣдствiи оказалось очень крупнымъ. Я услышалъ краткiй и громкiй свистъ, прозвучавшiй точно сигналъ и, оглядываясь вокругъ, на мигъ замѣтилъ рыжую голову Нэйля изъ Тома, сына Дункана. Въ слѣдующую минуту онъ уже исчезъ, и я не увидѣлъ даже края платья Катрiоны, которую, какъ я думалъ, Нэйль долженъ былъ сопровождать.

Мои три тѣлохранителя повели меня по Бристо и Брунтс-

фильдъ-Линксъ; отсюда дорога привела насъ въ Гопъ-Паркъ, красивый садъ съ усыпанными гравіемъ дорожками, снабженный скамейками, навѣсами и охраняемый сторожемъ. Дорога туда была немного длинна; двѣ младшія лэди напускали на себя усталый видъ, который чрезвычайно угнеталъ меня, старшая же смотрѣла на меня почти со смѣхомъ; и хотя я старался себя увѣрить, что на этотъ разъ являюсь въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ наканунѣ, это стоило мнѣ большого труда. Когда мы достигли парка, я очутился въ обществѣ восьми или десяти молодыхъ джентльмэновъ (среди нихъ было нѣсколько офицеровъ съ кокардами, большинство же были адвокаты), толпившихся вокругъ трехъ красавицъ и желавшихъ сопровождать ихъ. Хотя меня представили всѣмъ очень любезно, но, казалось, обо мнѣ немедленно всѣ забыли. Молодые люди въ обществѣ похожи на дикихъ звѣрей: они или нападаютъ на чужого человѣка, или безъ всякой вѣжливости и, если можно такъ сказать, человѣколюбія пренебрегаютъ имъ. Я увѣренъ, что если бы очутился среди павіановъ, то они оказали бы мнѣ ровно столько же какъ того, такъ и другого. Нѣкоторые адвокаты принялись острить, а офицеры шумѣть; и не могу сказать, которые изъ нихъ больше раздражали меня. За ихъ манеру притрогиваться къ шпагѣ или къ поламъ кафтана я бы (изъ зависти) охотно вытолкалъ ихъ изъ парка. Я увѣренъ, что они, съ своей стороны, чрезвычайно завидовали мнѣ за то, что я явился въ такомъ прекрасномъ обществѣ. Вслѣдствіе всего этого я скоро оказался позади и чопорно шелъ въ тылу всей веселой компаніи, погруженный въ собственныя думы.

Меня вывелъ изъ нихъ одинъ изъ офицеровъ, лейтенантъ Гекторъ Дункансби, пустой и неуклюжій гайлэндеръ. Онъ спросилъ, не Пальфуромъ ли меня зовутъ.

— Да,—отвѣчалъ я, не особенно любезно, такъ какъ находилъ, что тонъ его недостаточно вѣжливъ.

— А, Пальфуръ,—сказалъ онъ и продолжалъ повторять:— Пальфуръ, Пальфуръ!

— Я боюсь, что мое имя не нравится васъ, сэръ?—спросилъ я, досадуя на самого себя, что сержусь на этого невоспитаннаго малаго.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—но я думалъ...

— Я бы посовѣтовалъ вамъ лучше не заниматься этимъ,

сэръ,—замѣтилъ я.—Я увѣренъ, что это неподходящее для васъ «занятіе».

— Слыхали вы когда-либо, гдѣ Аланъ Грегоръ нашелъ щипцы?—сказалъ онъ.

Я спросилъ, что онъ хочетъ этимъ сказать, и онъ, отрывисто смѣясь, отвѣчалъ, что я, вѣроятно, въ томъ же мѣстѣ нашелъ кочергу и проглотилъ ее.

Я не могъ не понять его намѣренія и вспыхнулъ.

— Прежде чѣмъ наносить оскорбленія джентльмену,—сказалъ я,—я бы сперва научился говорить по-англійски.

Подмигнувъ мнѣ и кивнувъ головой, онъ взялъ меня за рукавъ и спокойно вывелъ изъ Гопъ-Парка. Но какъ только гуляющіе не могли насъ больше видѣть, его обращеніе перемѣнилось.

— Ахъ, вы, лоулэндскій негодяй!—закричалъ онъ и кулакомъ ударилъ меня по челюсти.

Я въ отвѣтъ нанесъ ему такой же, если не сильнѣйшій ударъ. Онъ отступилъ немного и вѣжливо снялъ предо мною шляпу.

— Я думаю, что ударовъ довольно,—сказалъ онъ.—Я считаю себя оскорбленнымъ! Гдѣ видана такая наглость, чтобы королевскому офицеру осмѣлились говорить, что онъ не знаетъ англійскаго языка? У насъ въ ножнахъ есть шпаги, а подъ рукой—королевскій паркъ. Хотите вы итти впередъ или позволите мнѣ указать вамъ дорогу?..

Я поклонился ему въ отвѣтъ, попросилъ его итти впередъ и самъ послѣдовалъ за нимъ. Я слышалъ, что онъ по дорогѣ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ объ «англійскомъ языкѣ» и о «королевскомъ мундирѣ», такъ что имѣлъ основаніе думать, что онъ серьезно оскорбленъ. Но его обращеніе со мной въ началѣ свиданія опровергло эту мысль. Было очевидно, что онъ пришелъ съ намѣреніемъ затѣять со мной ссору, справедливую или несправедливую—все равно; было также очевидно, что это новая затѣя моихъ враговъ. Мнѣ же (знающему свою несостоятельность) было тоже ясно, что на этой дуэли убитъ буду я.

Когда мы пришли въ суровый, скалистый, пустынный Кингсъ-Паркъ, мнѣ нѣсколько разъ хотѣлось повернуться и убѣжать, такъ мало я былъ расположенъ показать свое неумѣніе фехтовать и такъ мнѣ не хотѣлось умирать или даже получить рану. Но я сообразилъ, что если злоба моихъ враговъ не остановилась передъ этимъ, то, весьма вѣроятно, не остановится ни пе-

Лейтенантъ Дункансби спросилъ меня, не Пальфуромъ ли меня зовутъ?..

редъ чѣмъ; и что, хотя и непріятно погибнуть отъ шпаги, но все-таки это лучше, чѣмъ умереть на висѣлицѣ. Я сообразилъ, кромѣ того, что своими неосторожными и дерзкими словами и быстрымъ ударомъ преградилъ себѣ всѣ пути къ отступленію, что если я даже убѣгу, то противникъ мой, по всей вѣроятности, будетъ преслѣдовать, поймаетъ меня, и къ остальнымъ моимъ несчастіямъ

еще прибавится безчестіе. Въ концѣ-концовъ я продолжалъ итти за нимъ, какъ преступникъ идетъ за палачемъ, безъ искры надежды въ сердцѣ.

Мы дошли до конца утесовъ и пришли въ Хентерсъ-Богъ. Здѣсь, на площадкѣ, поросшей дерномъ, мой противникъ вытащилъ шпагу. Никто не видѣлъ насъ здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ птицъ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ послѣдовать его примѣру и стать въ позицію, стараясь казаться возможно спокойнѣе. Но, кажется, это не удовлетворило м-ра Дункансби, который нашелъ какую-то ошибку въ моихъ дѣйствіяхъ, остановился, пристально посмотрѣлъ на меня, отошелъ, затѣмъ наступилъ снова и сталъ угрожать мнѣ поднятымъ вверхъ остріемъ. Такъ какъ у Алана я не видѣлъ такихъ пріемовъ и, кромѣ того, былъ очень встревоженъ мыслью о близкой смерти, то я совершенно растерялся и стоялъ безпомощно, желая только одного—убѣжать.

— Что съ вами?—закричалъ лейтенантъ и внезапнымъ выпадомъ выбилъ шпагу изъ моихъ рукъ и отбросилъ ее далеко въ камыши.

Этотъ маневръ онъ повторилъ трижды. Когда я на третій разъ принесъ обратно свое опозоренное оружіе, я увидѣлъ, что онъ вложилъ свою шпагу въ ножны и ожидалъ меня съ сердитымъ лицомъ, засунувъ руки за бортъ мундира.

— Будь я проклятъ, если дотронусь до васъ!—воскликнулъ онъ и съ горечью освѣдомился, какое я имѣю право выходить на дуэль съ «шентльмэномъ», если не умѣю отличать острую сторону шпаги отъ тупой.

Я отвѣчалъ, что въ этомъ виновато мое воспитаніе, и спросилъ, признаетъ ли онъ, что я далъ все удовлетвореніе, которое только могъ, и храбро выдерживалъ его нападенія.

— Это правда,—сказалъ онъ, — я самъ очень смѣлъ и храбръ, какъ левъ. Но стоять, какъ вы, ничего не понимая въ фехтованіи, увѣряю васъ, я неспособенъ на подобное дѣло. Я очень сожалѣю объ ударѣ, хотя, мнѣ кажется, вы ударили меня еще сильнѣе—у меня до сихъ поръ трещитъ голова. Если бы я только зналъ, какъ обстоитъ дѣло, то, увѣряю васъ, не согласился бы на подобную штуку.

— Хорошо сказано,—отвѣчалъ я.—Я увѣренъ, что вы не захотите во второй разъ дѣйствовать по наущенію моихъ личныхъ враговъ.

— Разумѣется, нѣтъ, Пальфуръ,—сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, что и со мной поступили очень нехорошо, заставляя сражаться со старой бабой или, что все равно, съ маленькимъ ребенкомъ! Я это скажу Ловату и, ей-Богу, вызову его самого!

— Если бы вы знали, въ чемъ состоитъ моя ссора съ м-ромъ Симономъ,—сказалъ я,—вы были бы еще болѣе возмущены тѣмъ, что васъ замѣшиваютъ въ подобныя дѣла.

Онъ поклялся, что вѣритъ этому, что всѣ Ловаты испечены изъ одной муки, которую мололъ самъ дьяволъ. Затѣмъ внезапно пожалъ мнѣ руку и объявилъ, что я все-таки довольно порядочный малый, но только жаль, что мое воспитаніе такъ запущено. Что если у него будетъ время, онъ самъ позаботится о пополненіи его.

— Вы можете оказать мнѣ гораздо большую услугу,—сказалъ я и на вопросъ, въ чемъ она состоитъ, прибавилъ:—Пойдемте вмѣстѣ со мной къ одному изъ моихъ враговъ и засвидѣтельствуйте, какъ я велъ себя сегодня. Это будетъ настоящей услугой. Хотя м-ръ Симонъ на первый разъ и прислалъ мнѣ любезнаго противника, но въ мысляхъ у него просто убійство. За вами послѣдуетъ другой, за другимъ—третій; а такъ какъ вы видѣли мое умѣнье обращаться съ холоднымъ оружіемъ, то сами можете судить, каковъ будетъ результатъ.

— Мнѣ бы тоже это не нравилось, если бы я такъ же сражался, какъ вы!—воскликнулъ онъ.—Но я помогу вамъ, Пальфуръ. Ведите!

Если, направляясь въ этотъ проклятый паркъ, я шелъ медленно, то на обратномъ пути мои ноги несли меня очень быстро, въ темпъ старинной прекрасной аріи на библейскій текстъ: «Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда?». Помню, что я ощущалъ сильную жажду и по дорогѣ напился у колодца св. Маргариты, и что вода показалась мнѣ необыкновенно вкусной. Мы прошли черезъ церковь, вышли въ церковную дверь, спустились нижнимъ ходомъ и прямо пришли къ дому Престонгрэнджа, разговаривая по дорогѣ и сговариваясь о подробностяхъ нашего дѣла. Лакей сознался, что хозяинъ дома, но объявилъ, что онъ занятъ съ другими джентльменами очень секретнымъ дѣломъ и не приказалъ принимать.

— Мое дѣло займетъ всего три минуты, и я не могу ждать,—

сказалъ я.—Можете сказать, что оно вовсе не секретно, и что я даже буду радъ свидѣтелямъ.

Когда лакей довольно неохотно отправился съ нашимъ порученіемъ, мы рѣшились послѣдовать за нимъ въ переднюю, откуда мнѣ былъ слышенъ шумъ нѣсколькихъ голосовъ въ сосѣдней комнатѣ. Тамъ засѣдало трое: Престонгрэнджъ, Симонъ Фрэзеръ и м-ръ Эрскинъ, пертскій шерифъ; а такъ какъ они сошлись для совѣщанія по поводу аппинскаго убійства, то мое появленіе немного помѣшало имъ. Однако, они рѣшили принять меня.

— Ну, м-ръ Бальфуръ, что васъ опять привело сюда? И кого это вы ведете съ собой?—спросилъ Престонгрэнджъ.

Фрэзеръ молча глядѣлъ на столъ.

— Онъ пришелъ сюда, чтобы принести свидѣтельство въ мою пользу, милордъ, и мнѣ кажется, что вамъ необходимо слышать его,—отвѣтилъ я и повернулся къ Дункансби.

— Я долженъ только заявить,—сказалъ лейтенантъ,—что сегодня дрался на дуэли съ Пальфуромъ въ Хентерсъ-Погъ, о чемъ теперь чрезвычайно жалѣю; что онъ велъ себя такъ, какъ только можетъ требовать джентльменъ, и что я питаю большое уваженіе къ Пальфуру.

— Благодарю васъ за ваше честное заявленіе,—сказалъ я.

Затѣмъ Дункансби поклонился и вышелъ изъ комнаты, какъ мы условились заранѣе.

— Какое мнѣ дѣло до этого?—спросилъ Престонгрэнджъ.

— Я объясню это вамъ въ двухъ словахъ, милордъ,—сказалъ я.—Я привелъ этого джентльмена, королевскаго офицера, чтобы оказать мнѣ справедливость. Я думаю, что теперь мое чувство чести удостовѣрено. До извѣстнаго дня, вы знаете какого, милордъ, будетъ совершенно безполезно насылать на меня другихъ офицеровъ. Я не соглашусь прорубать себѣ дорогу сквозь весь гарнизонъ замка.

Жилы налились на лбу Престонгрэнджа, и онъ яростно взглянулъ на меня.

— Я думаю, что самъ чортъ толкнулъ этого мальчишку мнѣ подъ ноги!—воскликнулъ онъ. Затѣмъ, свирѣпо обращаясь къ своему сосѣду, продолжалъ:—Это ваше дѣло, Симонъ. Я чувствую въ немъ вашу руку и, позвольте вамъ замѣтить, недоволенъ вами. Сговорившись воспользоваться однимъ средствомъ, нечестно тайкомъ прибѣгать къ другому. Вы поступили со мной

нечестно. Какъ, вы заставляете меня посылать туда этого мальчишку съ моими собственными дочерьми! И оттого, что я намекнулъ вамъ... Фуй, сэръ, не замѣшивайте другихъ въ свое безчестье!

Симонъ страшно поблѣднѣлъ.

— Я больше не хочу служить мячомъ между вами и герцогомъ!—воскликнулъ онъ.—Кончайте или соглашеніемъ, или ссорой, но не вмѣшивайте въ это меня. Я не хочу болѣе быть у васъ на посылкахъ, получать ваши противорѣчивыя показанія и выслушивать порицанія какъ отъ того, такъ и другого. Если бы я сказалъ вамъ свое мнѣніе о всей вашей ганноверской дѣятельности, у васъ помутилось бы въ головѣ.

Но шерифъ Эрскинъ сохранилъ полное самообладаніе и теперь спокойно вмѣшался въ разговоръ.

— А пока,—сказалъ онъ,—я думаю, мы должны сказать м-ру Бальфуру, что репутація храбрости утверждена за нимъ. Онъ можетъ спать спокойно. До того дня, на который онъ намекалъ, она больше не будетъ подвергаться испытанію.

Его хладнокровіе вернуло осторожность остальнымъ, и они, съ довольно разсѣянной любезностью, поторопились выпроводить меня изъ дому.

IX. Горшокъ на огнѣ.

Когда я на этотъ разъ покинулъ Престонгрэнджа, то впервые почувствовалъ гнѣвъ. Адвокатъ насмѣялся надо мной. Онъ увѣрялъ, что свидѣтельство мое будетъ принято, и что самъ я въ безопасности. И оказывалось, что въ это самое время не только Симонъ покушался на мою жизнь при помощи гайлэндскаго офицера, но, какъ видно было изъ собственныхъ словъ Престонгрэнджа, и самъ онъ приводилъ въ исполненіе какой-то проектъ. Я сосчиталъ своихъ враговъ: Престонгрэнджъ, поддерживаемый королевской властью; герцогъ—глава западнаго Гайлэнда; рядомъ съ ними и въ помощь имъ—Ловатъ, имѣющій огромную силу на сѣверѣ и повелѣвающій цѣлымъ кланомъ якобитскихъ шпіоновъ и продажныхъ людей. Вспомнивъ затѣмъ Джемса Мора и рыжую голову Дунканова сына, Нэйля, я подумалъ, что въ

этомъ союзѣ, можетъ быть, участвуетъ еще четвертый, и что остатки отчаяннаго клана Робъ-Роя соединятся противъ меня съ остальными. Мнѣ было необходимо имѣть сильнаго друга или умнаго совѣтника. Вѣроятно, вокругъ меня было много желающихъ и способныхъ помочь мнѣ, иначе Ловатъ, герцогъ и Престонгрэнджъ не искали бы средствъ отдѣлаться отъ меня. Я приходилъ въ ярость при мысли, что могу на улицѣ пройти мимо своего сторонника и не узнать его.

И, точно въ отвѣтъ на мои мысли, какой-то джентльменъ, проходя мимо, толкнулъ меня, бросилъ мнѣ многозначительный взглядъ и повернулъ въ тупикъ. Я сразу узналъ его—это былъ стряпчій Чарльзъ Стюартъ. Благословляя судьбу, я пошелъ вслѣдъ за нимъ. Войдя въ тупикъ, я увидѣлъ, что онъ стоитъ у входа на лѣстницу. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ и немедленно исчезъ. Семью этажами выше я снова увидѣлъ его у двери въ квартиру, которую онъ заперъ на ключъ, какъ только мы вошли. Квартира была совсѣмъ пустая, безъ всякихъ признаковъ мебели. Это была одна изъ квартиръ, которыя Стюарту поручено было сдать.

— Намъ придется сидѣть на полу,—сказалъ онъ,—но зато, пока мы здѣсь, мы въ безопасности, а я очень желалъ видѣть васъ, м-ръ Бальфуръ.

— Какъ дѣла Алана?—спросилъ я.

— Отлично,—отвѣчалъ онъ.—Энди завтра, въ среду, забираетъ его съ Джилланскихъ песковъ. Ему очень хотѣлось попрощаться съ вами, но при настоящемъ ходѣ дѣлъ я думалъ, что вамъ лучше не встрѣчаться. Теперь скажите мнѣ главное: какъ подвигается ваше дѣло?

— Мнѣ еще сегодня объявили,—сказалъ я,—что мое свидѣтельство допущено, и что я отправлюсь въ Инверари съ адвокатомъ.

— Ну, этому я никогда не повѣрю!—воскликнулъ Стюартъ.

— У меня самого есть нѣкоторыя подозрѣнія,—сказалъ я,—но мнѣ очень бы хотѣлось выслушать ваши доводы.

— Увѣряю васъ, я страшно взбѣшенъ!—воскликнулъ Стюартъ. — Если бы моя рука могла достать ихъ правительства, я сорвалъ бы его, какъ испорченное яблоко. Я—адвокатъ Аппина и Джемса Гленскаго, и потому моя обязанность защищать жизнь моего родственника. Послушайте только, какъ идутъ мои

дѣла, и судите сами. Имъ прежде всего надо отдѣлаться отъ Алана. Они не могутъ привлечь Джемса въ качествѣ соучастника, пока не привлекли сперва Алана, какъ главнаго виновника. Это законъ: нельзя ставить телѣгу передъ лошадью

— Какъ же они могутъ привлечь Алана, не поймавъ его?— спросилъ я.

— Есть возможность избѣгнуть ареста,—сказалъ онъ.—На это тоже есть законъ. Было бы очень удобно, если бы, вслѣдствіе бѣгства одного злоумышленника, другой оставался безнаказаннымъ; чтобы избѣгнуть этого, вызываютъ главнаго виновника и, въ случаѣ неявки, заочно приговариваютъ его. Можно дѣлать вызовъ въ четырехъ мѣстахъ: на мѣстѣ жительства обвиняемаго; тамъ, гдѣ онъ прожилъ не менѣе сорока дней; въ главномъ городѣ графства, гдѣ онъ обыкновенно проживаетъ; или, наконецъ (если есть основаніе предполагать, что онъ не въ Шотландіи), на Эдинбургскомъ перекресткѣ, на дамбѣ и берегу Лейта въ продолженіе шестидесяти дней. Цѣль послѣдняго постановленія очевидна: отходящіе корабли могутъ успѣть сообщить объ этомъ мѣропріятіи, и вызываніе не будетъ простой формальностью. Теперь представьте себѣ случай съ Аланомъ. Я никогда не слышалъ, чтобы у него былъ постоянный домъ; я былъ бы весьма обязанъ человѣку, который бы указалъ, гдѣ послѣ 45-го года Аланъ прожилъ сорокъ дней; нѣтъ графства, гдѣ бы онъ обыкновенно или необыкновенно пребывалъ. Если у него вообще есть жилище, въ чемъ я сомнѣваюсь, то, вѣроятно, въ полку, во Франціи; и если онъ еще не уѣхалъ изъ Шотландіи,—что мы знаемъ, а они подозрѣваютъ,—то самый недалекій человѣкъ пойметъ, что онъ стремится уѣхать. Гдѣ же и какимъ образомъ долженъ быть сдѣланъ вызовъ? Я спрашиваю это у васъ, не юриста.

— Вы сами сказали,—отвѣчалъ я,—здѣсь на перекресткѣ и на дамбѣ и берегахъ Лейта въ продолженіе шестидесяти дней.

— Въ такомъ случаѣ—вы лучшій юристъ, чѣмъ Престонгрэнджъ!—воскликнулъ стряпчій.—Онъ одинъ только разъ вызвалъ Алана, 25-го, въ тотъ день, когда мы встрѣтились впервые. Вызвалъ разъ и на этомъ покончилъ. И гдѣ? На перекресткѣ въ Инверари, главномъ городѣ Кемпбеллей! Скажу вамъ по секрету, м-ръ Бальфуръ, они не ищутъ Алана.

— Что вы хотите сказать?—воскликнулъ я.—Не ищутъ его?

— По моимъ соображеніямъ, нѣтъ,—сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, они вовсе не желаютъ найти его. Они, можетъ быть, думаютъ, что онъ можетъ выставить хорошее оправданіе, и что тогда Джемсъ, котораго они главнымъ образомъ преслѣдуютъ, можетъ вывернуться. Это, вы сами видите, не дѣло, а заговоръ.

— Но, могу сказать вамъ, что Престонгрэнджъ усердно разспрашивалъ объ Аланѣ,—сказалъ я,—хотя, какъ я теперь припоминаю, мнѣ было очень легко увернуться.

— Видите ли!—сказалъ онъ.—Можетъ быть, я и неправъ—это все однѣ догадки. А теперь я возвращаюсь къ фактамъ. Я узнаю, что Джемсъ и свидѣтели,—свидѣтели м-ръ Бальфуръ!—закованные, заключены въ тѣсныя камеры военной тюрьмы въ фортѣ Вилліамѣ. Къ нимъ никого не пускаютъ и запрещаютъ имъ переписываться. Это свидѣтелямъ-то, м-ръ Бальфуръ! Слыхали вы когда-либо что-нибудь подобное? Увѣряю васъ, что никогда ни одинъ старый, нечестивый Стюартъ не нарушалъ закона болѣе наглымъ образомъ. Объ этомъ совершенно ясно сказано въ актѣ парламента 1700 года, касательно неправильнаго заключенія. Какъ только я узналъ это, то подалъ прошеніе лорду-секретарю суда и сегодня получилъ отвѣтъ. Вотъ вамъ и законъ! Вотъ правосудіе!

Онъ подалъ мнѣ бумагу, ту самую сладкорѣчивую и лицемѣрную бумагу, которая послѣ была напечатана въ памфлетѣ «посторонняго», въ пользу, какъ значилось въ заглавіи, бѣдной вдовы и пятерыхъ дѣтей Джемса.

— Смотрите,—сказалъ Стюартъ,—онъ не посмѣлъ отказать мнѣ увидѣться съ моимъ кліентомъ и потому «совѣтуетъ командиру впустить меня». Совѣтуетъ! Лордъ-секретарь суда въ Шотландіи совѣтуетъ! Развѣ не ясно его намѣреніе? Онъ надѣется, что командиръ или такъ глупъ, или, напротивъ, такъ уменъ, что откажется послѣдовать совѣту. Мнѣ пришлось бы возвратиться изъ форта Вилліама сюда. Затѣмъ послѣдовала бы новая проволочка, до полученія мною новаго свидѣтельства, а они пока выгораживали бы офицера, «военнаго человѣка, совершенно незнакомаго съ закономъ»—знаю я эту пѣсню! Затѣмъ, путешествіе въ третій разъ; а тутъ уже сейчасъ долженъ начаться судъ, прежде чѣмъ я успѣю снять первое показаніе. Не правъ ли я, называя это заговоромъ?

— Похоже на то,—сказалъ я.

— Я сейчасъ же докажу вамъ это,—возразилъ онъ.—Они имѣютъ право содержать Джемса въ тюрьмѣ, но не могутъ запретить мнѣ посѣщать его. Они не имѣли права заключать свидѣтелей. Позволятъ ли мнѣ видѣть ихъ, людей, которые должны были быть такъ же свободны, какъ самъ лордъ-секретарь суда? Читайте: «Что касается остального, то отказывается давать какія-либо приказанія смотрителямъ тюремъ, которые не совершили ничего противнаго ихъ обязанностямъ». Ничего противнаго? Боже мой! А актъ 1700 года? М-ръ Бальфуръ, это взорвало меня, я чувствую пожаръ въ груди.

— А на простомъ англійскомъ языкѣ эта фраза значитъ,—сказалъ я,—что свидѣтели будутъ попрежнему заключены, и вы не увидите ихъ?

— Я не увижу ихъ до Инверари, гдѣ назначенъ судъ,—воскликнулъ онъ,—и затѣмъ услышу слова Престонгрэнджа «объ отвѣтственности его должности и объ огромныхъ правахъ, предоставленныхъ защитѣ»! Но я перехитрю ихъ, м-ръ Давидъ. Я намѣреваюсь перехватить свидѣтелей по дорогѣ и попытать, не удастся ли мнѣ добиться капли справедливости отъ «военнаго, совершенно незнакомаго съ закономъ», который будетъ вести партію.

Случилось, дѣйствительно, такъ: м-ръ Стюартъ въ первый разъ увидѣлся со свидѣтелями на дорогѣ около Тинедрума, благодаря поблажкѣ офицера.

— Меня ничто не удивитъ въ этомъ дѣлѣ,—замѣтилъ я.

— Но я васъ удивлю! — воскликнулъ онъ. — Видите вы это?—и онъ показалъ мнѣ еще сырой оттискъ.—Это изложеніе дѣла; смотрите, вотъ имя Престонгрэнджа подъ спискомъ свидѣтелей, и въ немъ не упоминается ни слова о Бальфурѣ. Но дѣло не въ этомъ. Какъ вы думаете, кто платилъ за печатаніе этой бумаги?

— Предполагаю, что, вѣроятно, король Георгъ,—сказалъ я.

— Представьте себѣ, что я!—воскликнулъ онъ.—Положимъ, она печаталась ими для нихъ, для Грантовъ и Эрскиновъ и того ночного вора, Симона Фрэзера. Но развѣ «я» могъ получить оттискъ? Нѣтъ! Я долженъ былъ слѣпо итти на защиту; я долженъ былъ слышать обвиненіе въ первый разъ въ судѣ, вмѣстѣ съ присяжными.

— Развѣ это не противозаконно?—спросилъ я.

— Не могу утверждать это,—отвѣчалъ онъ.—Эта любезность была такъ естественна и оказывалась такъ постоянно (до настоящаго дѣла), что законъ никогда и не занимался этимъ вопросомъ. А теперь подивитесь рукѣ Провидѣнія! Посторонній человѣкъ приходитъ въ печатню Флеминга, видитъ на полу корректуру, поднимаетъ ее и приноситъ мнѣ. Случилось, что то было какъ разъ это дѣло. Тогда я далъ его снова отпечатать на средства защиты: sumptibus moesti rei; слыхалъ ли кто что-либо подобное? И теперь оно доступно всѣмъ, великій секретъ извѣстенъ, всѣ могутъ видѣть эту бумагу. Но какъ вы думаете, какъ ихъ поведеніе должно было понравиться мнѣ, на совѣсти котораго лежитъ жизнь моего родственника?

— Я думаю, что оно вамъ совсѣмъ не понравилось,—сказалъ я.

— Теперь вы видите, какъ обстоитъ дѣло, — заключилъ онъ,—и почему я смѣюсь вамъ прямо въ лицо, когда вы говорите, что васъ допустятъ давать показанія.

Теперь настала моя очередь. Я вкратцѣ сообщилъ ему угрозы и предложенія м-ра Симона, все происшествіе съ офицеромъ и слѣдовавшую затѣмъ сцену у Престонгрэнджа. О первомъ своемъ разговорѣ я, согласно обѣщанію, не сказалъ ничего, да въ этомъ и не было надобности. Пока я говорилъ, Стюартъ все время кивалъ головой, какъ механическая кукла. Но какъ только я кончилъ, онъ открылъ ротъ и съ сильнымъ удареніемъ произнесъ только одно слово:

— Исчезните!—сказалъ онъ.

— Я не понимаю васъ,—замѣтилъ я.

— Такъ я объясню вамъ,—отвѣчалъ онъ.—По моему мнѣнію, вамъ во всякомъ случаѣ надо исчезнуть. Объ этомъ и говорить нечего. Адвокатъ, въ которомъ еще остались нѣкоторыя проблески порядочности, вынудилъ вашу безопасность у герцога и Симона. Онъ отказался отдать васъ подъ судъ и отказался убить васъ. И вотъ въ чемъ причина ихъ несогласій, такъ какъ Симонъ и герцогъ не могутъ быть вѣрными ни другу, ни врагу! Итакъ, васъ не будутъ судить и не убьютъ васъ, но васъ могутъ похитить и увезти, какъ лэди Грэнджъ, или я сильно ошибаюсь! Готовъ держать пари на что угодно, въ этомъ и заключалось ихъ «средство».

— Это наводитъ меня на мысль...—сказалъ я и разсказалъ ему о свисткѣ и о рыжемъ слугѣ Нэйлѣ.

— Ужъ гдѣ Джемсъ Моръ, тамъ всегда какая-нибудь мошенническая продѣлка, въ этомъ не сомнѣвайтесь,—сказалъ онъ.—Его отецъ былъ вовсе не дурнымъ человѣкомъ, хотя и не уважалъ законовъ и не былъ другомъ моей семьи, такъ что мнѣ нечего стараться защищать его! Что же касается Джемса, то онъ хитрецъ и негодяй. Мнѣ также, какъ и вамъ, чрезвычайно не нравится появленіе рыжаго Нэйля. Это выглядитъ нехорошо, да; это дурно пахнетъ. Старый Ловатъ устроилъ дѣло съ лэди Грэнджъ; если молодой Ловатъ займется вашимъ, то это будетъ въ духѣ семьи. За что Джемсъ Моръ сидитъ въ тюрьмѣ? За такое же преступленіе—похищеніе. Его слуги привыкли къ подобной работѣ. Онъ предоставитъ ихъ въ распоряженіе Симона, и вскорѣ мы услышимъ, что Джемсъ прощенъ или что онъ бѣжалъ, а вы будете въ Бенбекулѣ или въ Эпплькроссѣ.

— По вашему, выходитъ, что это серьезное дѣло,—замѣтилъ я.

— Я хочу, чтобы вы скрылись, пока они еще не успѣли наложить на васъ рукъ,—заключилъ онъ.—Сидите спокойно до самаго суда и появляйтесь въ самое послѣднее время, когда васъ менѣе всего будутъ ждать. Конечно, все это говорится въ предположеніи, что ваше свидѣтельство, м-ръ Бальфуръ, стоитъ такого огромнаго риска и непріятностей.

— Скажу вамъ одно,—сказалъ я,—я видѣлъ убійцу, и то былъ не Аланъ.

— Тогда, клянусь небомъ, мой родственникъ спасенъ!—воскликнулъ Стюартъ.—Жизнь его зависитъ отъ вашего показанія. Нечего жалѣть ни времени, ни денегъ, ни риску, чтобы только дать вамъ появиться въ судѣ.—Онъ вытряхнулъ на полъ содержимое своихъ кармановъ.—Вотъ все, что у меня есть съ собой,—продолжалъ онъ.—Берите, это вамъ понадобится до окончанія дѣла. Ступайте прямо по этому проулку, отъ него ведетъ прямая дорога на Лангъ-Дейксъ, и, послушайте моего совѣта, не возвращайтесь въ Эдинбургъ, пока вся суматоха не уляжется.

— Куда же мнѣ итти?—спросилъ я.

— Я очень хотѣлъ бы указать вамъ,—отвѣчалъ онъ,—но всюду, куда я могъ бы направить васъ, они непремѣнно будутъ искать. Нѣтъ, ужъ лучше рѣшайте сами, и да поможетъ вамъ

Богъ! За пять дней до суда, шестнадцатаго сентября, извѣстите меня; я буду въ Стирлингѣ, въ «Королевскомъ гербѣ». И если бы до тѣхъ поръ сумѣете уберечься, то я позабочусь, чтобы вы добрались до Инверари.

— Еще одно,—сказалъ я.—Могу я видѣть Алана?

Онъ, казалось, былъ въ нерѣшительности.

— Лучше было бы вамъ не видѣться, — отвѣчалъ онъ.— Однако, не могу отрицать, что Аланъ очень этого желаетъ и нарочно будетъ сегодня ночью находиться у Сильвермилльса. Если вы убѣдитесь, что за вами не слѣдятъ, м-ръ Бальфуръ, — но только убѣдитесь въ этомъ,—то спрячьтесь въ удобномъ мѣстѣ и наблюдайте цѣлый часъ за дорогой, прежде чѣмъ рискнуть. Было бы ужасно, если бы васъ обоихъ схватили.

X. Рыжій человѣкъ.

Было около половины четвертаго, когда я вышелъ на Лангъ-Дейксъ. Я хотѣлъ итти въ Динъ. Такъ какъ тамъ жила Катріона, а ея родственникамъ, Гленджайльскимъ Макгрегорамъ, почти навѣрное поручили поймать меня, то это было одно изъ немногихъ мѣстъ, которыхъ мнѣ слѣдовало избѣгать. Но такъ какъ я былъ очень молодъ и вдобавокъ влюбленъ, то, не задумываясь, повернулъ по этому направленію. Однако, чтобы успокоить свою совѣсть и здравый смыслъ, я принялъ мѣры предосторожности. Дойдя до вершины небольшого холма по дорогѣ, я спрятался въ ячмень и сталъ ждать. Черезъ нѣкоторое время прошелъ человѣкъ, похожій на гайлэндера, но котораго я никогда прежде не видѣлъ; вскорѣ затѣмъ прошелъ рыжій Нэйль, потомъ проѣхала телѣга мельника, а послѣ проходили только обыкновенные поселяне. Этого было бы достаточно, чтобы самаго смѣлаго человѣка отклонить отъ его намѣренія, но мое влеченіе было слишкомъ сильно и тянуло меня въ другую сторону. Я убѣдилъ себя, что если Нэйль на этой дорогѣ, то это очень понятно: гдѣ же ему и быть, какъ не на дорогѣ къ дочери его начальника. Что же касается другого гайлэндера, то если я буду пугаться всякаго встрѣчнаго горца, я врядъ ли достигну чего-либо. И вполнѣ удовлетворенный такими легкомысленными разсужденіями, я быстро зашагалъ и немного позже четырехъ былъ у дома м-ссъ Друммондъ-Ожильви.

Обѣ лэди находились въ домѣ, и, увидѣвъ ихъ вмѣстѣ у откры-

той двери, я снялъ шляпу и сказалъ: «Мальчикъ пришелъ за сикспенсомъ», думая, что это понравится вдовѣ.

Катріона выбѣжала и сердечно поздоровалась со мной; къ моему великому удивленію, старая лэди была не менѣе любезна. Гораздо позже я узналъ, что она на разсвѣтѣ посылала верхового къ Ранкэйлору въ Куинсферри, зная, что онъ повѣренный Шоосъ-гауза, и что теперь въ карманѣ ея лежало письмо отъ этого моего хорошаго друга, съ самой благопріятной стороны описывавшее мои достоинства и мое положеніе. Но если бы я прочелъ письмо, то не могъ бы лучше понять ея намѣренія. Очень возможно, что я былъ «деревенщиной», но все-таки не въ той степени, какъ она предполагала. Даже для моего немудраго ума было ясно, что она поставила себѣ задачей добиться брака своей родственницы съ безбородымъ юношей, лэрдомъ въ Лотіанѣ

— Пусть Сикспенсъ закуситъ съ нами, Кэтринъ,—сказала она.—Сбѣгай и распорядись.

Пока мы оставались одни, она чрезвычайно старалась льстить мнѣ. Она дѣлала это умно, подъ видомъ шутки, все время называя меня Сикспенсомъ, но такъ, что я долженъ былъ значительно повыситься въ собственномъ мнѣніи. Когда вернулась Катріона, то намѣреніе ея, если возможно, стало еще очевиднѣе: она указывала на достоинства дѣвушки, какъ барышникъ на достоинства своего коня. Я краснѣлъ при мысли, что она считаетъ меня такимъ дуракомъ. То мнѣ казалось, что дѣвушка совершенно невинно вовлечена въ этотъ планъ дѣйствій, и я готовъ былъ приколотить старуху; то казалось, что, можетъ быть, обѣ онѣ сговорились поймать меня, и тогда я сидѣлъ между ними съ мрачнымъ и злымъ видомъ. Наконецъ, сваха придумала лучшую уловку, а именно: оставить насъ однихъ. Когда мои подозрѣнія уже разъ возбуждены, то мнѣ бываетъ очень трудно успокоить ихъ. Но хотя я и зналъ, къ какому воровскому роду принадлежала Катріона, все же я не могъ смотрѣть ей въ лицо и не вѣрить.

— Я не должна спрашивать?—горячо сказала она, какъ только мы остались одни.

— Нѣтъ, сегодня я могу говорить со свободной совѣстью,—отвѣтилъ я.—Я освобожденъ отъ своего слова и (послѣ того, что произошло сегодня утромъ) я не возобновилъ бы его, если бы меня и просили.

— Такъ разскажите мнѣ,—просила она.—Моя родственница скоро вернется.

Итакъ, я разсказалъ ей исторію съ лейтенантомъ съ начала до конца, стараясь выставить ее въ возможно смѣшномъ видѣ, и, дѣйствительно, въ этой безсмыслицѣ было много смѣшного.

— Ну, мнѣ кажется, вы такъ же мало подходите къ суровымъ мужчинамъ, какъ и къ прекраснымъ лэди!—сказала она, когда я кончилъ.—Но кто же былъ вашъ отецъ, что не научилъ васъ владѣть шпагой? Это совсѣмъ неблагородно. Я ни про кого не слыхала ничего подобнаго.

— Во всякомъ случаѣ это большое несчастье,—отвѣчалъ я.—Вѣроятно мой отецъ—вполнѣ честный человѣкъ!—сдѣлалъ большую ошибку, научивъ меня вмѣсто того латыни. Но вы видите, я дѣлаю, что могу; стою, какъ Лотова жена, и позволяю рубить себя.

— Знаете ли, чему я улыбаюсь?—спросила она.—Вотъ чему. Я создана такъ, что должна была бы быть мужчиной. Въ мечтахъ я всегда юноша: я представляю себѣ, что должно случиться то и другое. Затѣмъ дѣло доходитъ до боя, и тогда я вспоминаю, что я только дѣвушка, не умѣю держать шпаги или нанести хорошій ударъ. И тогда мнѣ приходится передѣлывать всю исторію такъ, чтобы поединокъ прекратился, и я все-таки осталась бы побѣдительницей, совсѣмъ какъ вы и лейтенантъ. Я тоже все время веду прекрасныя рѣчи, совсѣмъ какъ м-ръ Давидъ Бальфуръ.

— Вы кровожадная дѣвушка,—сказалъ я.

— Я знаю, что хорошо шить и прясть или мѣтить,—отвѣчала она,—но если бы у васъ не было другого дѣла, то, я думаю, вы нашли бы это скучнымъ занятіемъ. Въ этомъ нѣтъ желанія убивать. Убили вы кого-нибудь въ жизни?

— Представьте, да! Я убилъ двоихъ, будучи мальчикомъ, которому мѣсто въ колледжѣ,—сказалъ я.—А между тѣмъ, я не стыжусь вспомнить объ этомъ.

— Но что вы чувствовали тогда, послѣ убійства?—спросила она.

— Я сидѣлъ и ревѣлъ, какъ ребенокъ,—отвѣчалъ я.

— Я знаю это чувство!—воскликнула она.—Я понимаю, откуда берутся эти слезы. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ не хотѣлось бы убивать; я бы хотѣла быть Катериной Дугласъ, просу-

— Пусть Сикспенсъ закуситъ съ нами...

нувшей руку сквозь скобу засова, гдѣ она и сломалась. Это моя любимая героиня. Не хотѣли ли бы вы такъ же умереть за своего короля?—спросила она.

— По правдѣ сказать,—замѣтилъ я,—моя любовь къ ко-

ролю—да благословитъ его Богъ!—болѣе сдержанна. И мнѣ кажется, что я сегодня такъ близко отъ себя видѣлъ смерть, что теперь мечтаю больше о жизни.

— Вы правы,—сказала она,—такое чувство достойно мужчины! Только вамъ надо научиться фехтовать; мнѣ не хотѣлось бы имѣть друга, не умѣющаго сражаться. Но вы, вѣрно, не шпагой убили тѣхъ двоихъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я,—я убилъ ихъ изъ пистолета. Къ счастью, эти люди находились очень близко отъ меня, потому что я такъ же хорошо владѣю пистолетами, какъ и шпагой.

Такимъ образомъ, она выпытала у меня разсказъ о схваткѣ на бригѣ, которую я обошелъ, когда впервые сообщалъ ей о своихъ дѣлахъ.

— Да,—сказала она,—вы храбрый! А другомъ вашимъ я восхищаюсь и люблю его.

— Я думаю, что нельзя не любить его!—сказалъ я.—У него, какъ и у другихъ, есть свои недостатки, но онъ храбръ, вѣренъ и добръ, да благословитъ его Богъ! Странно было бы мнѣ забыть Алана. Мысль о немъ и о возможности видѣться съ нимъ этой ночью почти не давала мнѣ покоя.

— Гдѣ у меня голова, что я не подѣлилась съ вами своей новостью!—воскликнула Катріона и разсказала, что получила письмо отъ отца, сообщавшаго, что она можетъ на слѣдующій день навѣстить его въ замкѣ, куда его перевели, и что дѣла его поправляются.—Вы не желаете это слышать?—прибавила она.— Неужели вы осудите моего отца, не зная его?

— Я вовсе не осуждаю,—возразилъ я.—Даю вамъ слово, я очень радъ, что вы теперь спокойнѣе. Если выраженіе моего лица и измѣнилось, то сознайтесь, что сегодня неудачный день для примиреній, и что съ людьми, стоящими у власти, очень скверно имѣть дѣло. Этотъ Симонъ Фрэзеръ все еще сильно удручаетъ меня.

— О,—воскликнула она,—надѣюсь, вы не будете ихъ сравнивать. Вамъ надо помнить, что Престонгрэнджъ и Джемсъ Моръ, мой отецъ, одной крови.

— Я никогда объ этомъ не слышалъ,—сказалъ я.

— Странно, что вы такъ мало знакомы съ этимъ,—сказала она.—Одни могутъ называться Грантами, а другіе Макгрегорами, но они все-таки принадлежатъ къ одному клану. Всѣ

они сыны Альпина, по имени котораго, я думаю, называется наша страна.

— Какая страна?—спросилъ я.

— Моя и ваша родина,—отвѣчала она.

— Сегодня день открытій, кажется,—сказалъ я;—я всегда думалъ, что она называется Шотландіей.

— Шотландія имя страны, которую вы называете Ирландіей,—отвѣчала она.—Старинное же и настоящее имя земли, гдѣ мы живемъ и изъ которой мы созданы, Альбанъ. Она называлась Альбанъ, когда наши предки сражались за нее противъ Рима и Александра; и ее до сихъ поръ называютъ такъ на вашемъ языкѣ, который вы забыли.

— По правдѣ, я никогда и не учился ему,—сказалъ я.—У меня не хватило духу поправить ее насчетъ Александра Македонскаго.

— Но ваши предки говорили на немъ много поколѣній подрядъ,—сказала она.—На немъ пѣли надъ колыбелями, пока насъ еще не было на свѣтѣ; и ваше имя еще напоминаетъ о немъ. О, если бы вы говорили на этомъ языкѣ, я показалась бы вамъ совсѣмъ другой. Мое сердце говоритъ этимъ языкомъ.

Я пообѣдалъ съ обѣими лэди. Все было очень хорошо, подано на старинной прекрасной посудѣ; вино было отличное, такъ какъ мистриссъ Ожильви, кажется, была богата. Разговаривали мы тоже довольно пріятно; но когда я увидѣлъ, что солнце начало быстро опускаться и тѣни становились все длиннѣе, я всталъ, чтобы проститься. Мысленно я рѣшилъ уже увидѣться съ Аланомъ; поэтому мнѣ нужно было засвѣтло добраться до лѣса, гдѣ мы должны были встрѣтиться. Катріона дошла со мной до калитки сада.

— Я долго васъ не увижу?—спросила она.

— Не знаю,—отвѣчалъ я,—можетъ быть долго, можетъ быть никогда.

— И это можетъ случиться,—сказала она.—Вамъ жаль?

Я наклонилъ голову, глядя на нее.

— Мнѣ-то, во всякомъ случаѣ, жаль,—сказала она.—Я видѣла васъ немного, но очень уважаю васъ. Вы вѣрны и храбры; я думаю, что со временемъ вы будете больше похожи на мужчину. Я буду рада услышать объ этомъ. Если дѣло пойдетъ худо, если все рухнетъ, какъ мы опасаемся, помните, что у васъ есть

другъ. Послѣ вашей смерти, когда я сама буду старухой, я буду разсказывать дѣтямъ о Давидѣ Бальфурѣ, и слезы будутъ катиться по моимъ щекамъ. Я буду говорить имъ, какъ мы разстались, и что я сказала, и что я сдѣлала. «Господь храни васъ и направляй васъ, молитъ вашъ маленькій другъ, такъ сказала я,—буду разсказывать имъ,—а вотъ что я сдѣлала».

Она взяла мою руку и поцѣловала ее. Это такъ меня поразило, что я вскрикнулъ, какъ отъ удара. Она сильно покраснѣла, взглянула на меня и кивнула головой.

— Да, м-ръ Давидъ,—сказала она,—вотъ что я думаю о васъ. Я душу мою отдала съ этимъ поцѣлуемъ.

Я прочелъ на ея лицѣ воодушевленіе и чувство преданности, какъ у отважнаго ребенка, и больше ничего. Она поцѣловала мою руку, какъ цѣловала бы ее у принца Чарли, съ тѣмъ возвышеннымъ чувствомъ, какого не знаютъ обыкновенные люди. Никогда до этого я такъ ясно не сознавалъ, что влюбленъ въ нее, никогда также не видѣлъ такъ ясно, какъ многаго мнѣ еще надо достичь, чтобы она полюбила меня такою же любовью. Однако, я долженъ былъ сознаться, что немного повысился въ ея мнѣніи, что сердце ея билось и кровь волновалась при мысляхъ обо мнѣ.

Послѣ той чести, которую она оказала мнѣ, я больше не могъ вернуться къ тривіальной любезности. Мнѣ даже трудно было говорить; ея голосъ чуть не вызвалъ слезы на мои глаза.

— Благодарю васъ за вашу доброту, дорогая,—сказалъ я.—До свиданія, маленькій другъ.—Я назвалъ ее именемъ, которое она сама дала себѣ; затѣмъ я поклонился и ушелъ.

Дорога моя лежала внизъ по долинѣ Лейсъ-Ривера, по направленію къ Стокбриджу и Сильвермилльсу.

Тропинка шла по краю долины, вода волновалась и шумѣла посрединѣ. Солнечные лучи падали съ запада среди длинныхъ тѣней и при поворотахъ долины освѣщали все новыя картины и создавали какъ бы новый міръ въ каждомъ уголкѣ ея. Оставивъ Катріону и направляясь къ Алану, я былъ точно поднятъ на небо. Кромѣ того, мнѣ безконечно нравилось и мѣсто, и часъ, и говоръ воды; я замедлялъ шаги и безпрестанно оглядывался. Вотъ почему, а также благодаря Провидѣнію, я замѣтилъ неподалеку отъ себя въ кустахъ рыжую голову.

Въ моемъ сердцѣ поднялась злоба, я разомъ повернулся и быстро пошелъ обратно. Тропинка проходила мимо кустовъ, гдѣ

я видѣлъ голову. Минуя эту засаду, я приготовился встрѣтить и отразить нападеніе, но ничего подобнаго не случилось, и я безпрепятственно прошелъ; отъ этого страхъ мой только увеличился. Было еще свѣтло, но мѣсто казалось чрезвычайно пустыннымъ. Если мои преслѣдователи упустили такой удобный случай, то я могъ предположить, что имъ надо большаго, чѣмъ Давидъ Бальфуръ. Жизни Алана и Джемса лежали у меня на душѣ тяжелымъ бременемъ.

Катріона все еще прогуливалась въ саду.

— Катріона,—сказалъ я,—я снова вернулся къ вамъ.

— Съ измѣнившимся лицомъ,—прибавила она.

— Я несу двѣ человѣческія жизни, кромѣ своей собственной,—сказалъ я.—Было бы грѣшно и стыдно пренебрегать осторожностью. Я не зналъ, хорошо ли я дѣлаю, что иду сюда. Мнѣ было бы очень жаль, если бы изъ-за этого мы попали въ бѣду.

— Есть человѣкъ, которому это еще болѣе жаль и которому очень не нравятся ваши слова!—воскликнула она.—Что же я-то сдѣлала?

— Вы не однѣ,—отвѣчалъ я.—Съ тѣхъ поръ, какъ я ушелъ, за мной снова слѣдили, и я могу назвать своего преслѣдователя: это Нэйль, сынъ Дункана, слуга вашего отца.

— Вы, вѣроятно, ошиблись, — сказала она, поблѣднѣвъ.— Нэйль въ Эдинбургѣ по порученію отца.

— Этого-то я и боюсь,—отвѣчалъ я,—то есть послѣдняго. Что же касается его пребыванія въ Эдинбургѣ, то, мнѣ кажется, я могу доказать вамъ обратное. Вѣроятно у васъ есть какой-нибудь сигналъ на случай необходимости, по которому онъ придетъ вамъ на помощь, если только находится по близости?

— Откуда вы это знаете?—спросила она.

— При помощи магическаго талисмана, даннаго мнѣ Богомъ при рожденіи и называемаго здравымъ смысломъ,—отвѣчалъ я.—Подайте, пожалуйста, вашъ сигналъ, и я покажу вамъ рыжую голову Нэйля.

Не сомнѣваюсь, что я говорилъ рѣзко и съ горечью: на душѣ у меня было тяжело. Я осуждалъ и себя самого, и дѣвушку и ненавидѣлъ обоихъ: ее за подлую семью, изъ которой она происходила, себя за то, что безумно засунулъ голову въ такое осиное гнѣздо.

Катріона приставила пальцы ко рту и свистнула; свистъ ея

былъ чрезвычайно чистый, отчетливый и сильный, какъ у мужчины. Нѣкоторое время мы стояли неподвижно. Я уже собирался просить ее повторить, когда я услышалъ, что кто-то пробирается между кустами внизу, на склонѣ. Я съ улыбкой протянулъ руку въ этомъ направленіи, и вскорѣ Нэйль прыгнулъ въ садъ. Глаза его горѣли, а въ рукахъ онъ держалъ обнаженный «черный ножъ» (какъ говорятъ въ Гайлэндѣ), но, увидѣвъ меня рядомъ со своей госпожей, остановился, точно пораженный ударомъ.

— Онъ пришелъ на вашъ зовъ,—сказалъ я,—можете судить, какъ близко онъ былъ отъ Эдинбурга, и какого рода порученіе ему далъ вашъ отецъ. Спросите его самого. Если, благодаря вашему плану, я самъ долженъ лишиться жизни или лишиться тѣхъ, кто отъ меня зависитъ, то лучше предоставьте мнѣ итти на опасность съ открытыми глазами.

Она взволнованно обратилась къ нему по-гэльски. Вспоминая внимательную вѣжливость Алана въ подобныхъ случаяхъ, мнѣ хотѣлось горько разсмѣяться. Теперь именно, среди всѣхъ этихъ подозрѣній, ей слѣдовало придерживаться англійскаго языка.

Она обращалась къ нему раза два или три, и я могъ замѣтить, что Нэйль, несмотря на свое раболѣпство, казался очень разсерженнымъ.

Затѣмъ она обратилась ко мнѣ:

— Онъ клянется, что нѣтъ,—сказала она.

— Катріона,—возразилъ я,—вѣрите ли вы ему сами?

Она заломила руки.

— Развѣ я могу знать?—воскликнула она.

— Но я долженъ найти способъ узнать это,—сказалъ я.—Я не могу продолжать бродить въ потемкахъ, когда долженъ заботиться о двухъ человѣческихъ жизняхъ! Катріона, попытайтесь стать на мое мѣсто! Клянусь Богомъ, что я всѣми силами стараюсь стать на ваше. Между вами и мной никогда не слѣдовало бы быть такому разговору, нѣтъ, никогда! Сердце мое болитъ отъ него. Попробуйте задержать его до двухъ часовъ ночи, больше ничего не надо. Попытайтесь добиться этого отъ него.

Они опять заговорили по-гэльски.

— Онъ говоритъ, что получилъ порученіе отъ Джемса Мора, моего отца,—сказала она. Она стала еще блѣднѣе, и голосъ ея при этихъ словахъ задрожалъ.

— Теперь все достаточно ясно!—замѣтилъ я.—Да проститъ Богъ нечестивыхъ!

Она не произнесла ни слова, но продолжала смотрѣть на меня, и лицо ея было все такъ же блѣдно.

— Прекрасное это дѣло!—продолжалъ я.—Значитъ, я долженъ погибнуть и тѣ двое вмѣстѣ со мной?

— О, что мнѣ дѣлать?—воскликнула она.—Развѣ я могу противиться приказаніямъ моего отца, когда онъ въ тюрьмѣ, и жизнь его въ опасности?

— Можетъ быть, мы ошибаемся,—сказалъ я.—Не лжетъ ли онъ? У него, можетъ, и не было прямыхъ приказаній; все, вѣроятно, устроено Симономъ, и вашъ отецъ ничего объ этомъ не знаетъ.

Она расплакалась, и совѣсть стала сильно упрекать меня, такъ какъ дѣвушка была дѣйствительно въ ужасномъ положеніи.

— Ну,—сказалъ я,—задержите его хоть на часъ; я тогда рискну и благословлю васъ.

Она протянула мнѣ руку.

— Я такъ нуждаюсь въ добромъ словѣ,—рыдала она.

— Такъ цѣлый часъ, не правда ли?—проговорилъ я, держа ея руку въ своей.—Три жизни зависятъ отъ этого времени, дорогая!

— Цѣлый часъ!—воскликнула она и стала громко молиться Богу, чтобы Онъ простилъ ее.

Я рѣшилъ, что мнѣ здѣсь нечего оставаться, и бѣжалъ.

XI. Лѣсъ около Сильвермилльса.

Я не терялъ времени и со всѣхъ ногъ бросился черезъ долину, мимо Стокбрига и Сильвермилльса. По уговору, Аланъ долженъ былъ каждую ночь, между двѣнадцатью и двумя часами, находиться въ мелкомъ лѣскѣ къ востоку отъ Сильвермилльса и къ югу отъ южной мельничной запруды. Я нашелъ это мѣсто довольно легко. Лѣсокъ росъ на крутомъ склонѣ, у подножія котораго, быстрый и глубокій, шумѣлъ мельничный водоводъ. Здѣсь я пошелъ медленнѣе и сталъ разумнѣе обсуждать свой образъ дѣйствій. Я увидѣлъ, что уговоръ мой съ Катріоной ничему не могъ помочь. Нельзя было предположить, чтобы Нэйль

былъ посланъ одинъ на это дѣло, но онъ, можетъ быть, былъ единственнымъ человѣкомъ, принадлежавшимъ Джемсу Мору. Въ послѣднемъ случаѣ оказалось бы, что я сдѣлалъ невозможное, чтобы отецъ Катріоны былъ повѣшенъ, и ничего существеннаго для собственнаго спасенія. По правдѣ сказать, мнѣ раньше не приходило этого въ голову. Предположимъ, что, задерживая Нэйля, дѣвушка этимъ способствовала повѣшенію своего отца; я подумалъ, что она бы никогда не простила себѣ этого. А если меня въ эту минуту преслѣдовали еще другіе, то для чего я иду къ Алану? Что я несу ему, кромѣ опасности? Можетъ ли это быть мнѣ пріятно?

Я былъ уже на западномъ краю лѣса, когда эти два соображенія вдругъ поразили меня. Ноги мои сами собой остановились и сердце тоже. «Что за безумную игру я веду?», подумалъ я и сейчасъ же повернулся, собираясь пойти въ другое мѣсто.

Повернувшись, я увидѣлъ передъ собой Сильвермилльсъ. Тропинка, обогнувъ деревню, образовала изгибъ, но вся была на виду. На ней никого не было видно: ни гайлэндеровъ, ни лоулэндеровъ. Вотъ то выгодное стеченіе обстоятельствъ, которымъ мнѣ совѣтовалъ воспользоваться Стюартъ! Я сбоку обогнулъ запруду, тщательно обошелъ вокругъ восточнаго угла лѣса, прошелъ его насквозь и вернулся къ западной опушкѣ, откуда снова могъ наблюдать за дорогой, не будучи виденъ самъ. Она была свободна. Я начиналъ успокаиваться.

Болѣе часа сидѣлъ я спрятавшись между деревьями, и ни одинъ заяцъ или орелъ не могъ наблюдать внимательнѣе меня. Когда я засѣлъ туда, солнце уже зашло, но небо еще золотилось и было свѣтло. Но не прошло часу, какъ наступили сумерки, очертанія предметовъ и разстоянія стали смутными, и наблюденіе становилось труднымъ. За все это время ни одинъ человѣкъ не шелъ на востокъ отъ Сильвермилльса, а тѣ, которые шли на западъ, были честными поселянами, возвращавшимися съ женами на отдыхъ. Если бы меня даже преслѣдовали самые хитрые шпіоны во всей Европѣ, то и то, думалъ я, было бы совсѣмъ невозможно подозрѣвать, гдѣ я. И, войдя немного глубже въ лѣсъ, я легъ и сталъ ждать Алана.

Я напрягалъ свое вниманіе насколько могъ и сторожилъ не только дорогу, но и всѣ кусты и поля, которые могъ захватить глазомъ. Теперь все кончилось. Первая четверть луны сверкала

между деревьями. Все кругомъ дышало сельской тишиной. Лежа на спинѣ въ продолженіе трехъ или четырехъ часовъ, я имѣлъ прекрасный случай обдумать все свое поведеніе.

Сначала мнѣ стали ясны двѣ вещи: что я не имѣлъ права итти въ этотъ день въ Динъ и (если я все-таки пошелъ туда) не имѣлъ права теперь находиться здѣсь. Изъ всѣхъ лѣсовъ Шотландіи, именно одинъ этотъ лѣсъ, куда долженъ былъ придти Аланъ, долженъ былъ естественно быть закрытымъ для меня; я соглашался съ этимъ и все-таки оставался, удивляясь самъ себѣ. Я подумалъ о томъ, какъ дурно обошелся съ Катріоной въ эту самую ночь; какъ болталъ о двухъ жизняхъ, за которыя я отвѣчаю, и этимъ заставилъ ее подвергнуть опасности ея отца. А теперь я опять рисковалъ этими жизнями изъ-за одного легкомыслія. Отъ спокойной совѣсти зависитъ храбрость. Какъ только предо мной обнаружилось мое поведеніе, мнѣ показалось, что я, безоружный, стою среди опасностей. Я вдругъ сѣлъ. Что, если я пойду къ Престонгрэнджу, увижу его—что очень легко—пока онъ еще не спитъ и выражу полную покорность? Кто осудилъ бы меня? Не Стюартъ. Мнѣ стоило только сказать, что за мной гнались, что я отчаялся оправдаться и потому сдался. Но Катріона? Здѣсь у меня опять былъ готовъ отвѣтъ: я не могъ допустить, чтобы она предала своего отца. Итакъ, я въ одну минуту могъ освободиться отъ тревогъ, которыя, по правдѣ сказать, были не моими: снять съ себя обвиненіе въ аппинскомъ убійствѣ; быть въ безопасности отъ всѣхъ Стюартовъ и Кемпбеллей, виговъ и тори по всей странѣ; жить впредь по собственному усмотрѣнію, пользоваться своимъ состояніемъ и увеличить его; посвятить нѣкоторое время своей юности на ухаживаніе за Катріоной, что, во всякомъ случаѣ, было бы для меня болѣе подходящимъ занятіемъ, чѣмъ прятаться, бѣжать, переносить преслѣдованіе, точно воръ, и переживать съ самаго начала всѣ ужасы бѣгства съ Аланомъ.

Сначала такая капитуляція не казалась мнѣ постыдной; я только удивлялся, что раньше не подумалъ объ этомъ и не привелъ ее въ исполненіе, и началъ доискиваться причинъ этой перемѣны. Я приписалъ ее упадку духа, послѣдовавшему за безпечностью, которая, въ свою очередь, была слѣдствіемъ стараго, общаго, непризнаваемаго грѣха—слабости характера. Сейчасъ же мнѣ въ голову пришелъ текстъ. «Какъ можетъ Сатана изгнать

Сатану?». «Какъ?», подумалъ я. Исполняя свои желанія, слѣдуя только по пріятному пути, отдаваясь влеченію къ молодой дѣвушкѣ, я совершенно позабылъ о чести и подвергнулъ опасности жизнь Джемса и Алана. А теперь я хочу выпутаться изъ затрудненія тѣмъ же способомъ? Нѣтъ, вредъ, причиненный самоснисхожденіемъ, долженъ быть исправленъ самоотреченіемъ: изнѣженная плоть должна быть распята. Я взглянулъ вокругъ, съ намѣреніемъ привести въ исполненіе рѣшеніе, которое мнѣ менѣе всего нравилось: уйти изъ лѣсу, не дожидаясь Алана, и пойти одному дальше, въ темноту, гдѣ меня ждали тревога и опасность.

Я такъ подробно описалъ ходъ моихъ размышленій потому, что считаю это полезнымъ и думаю, что онъ можетъ служить примѣромъ для молодого человѣка. Но говорятъ, что есть свои резоны, чтобы садить капусту, и что даже въ религіи и этикѣ есть мѣсто для здраваго смысла. Часъ прихода Алана былъ уже близокъ, и мѣсяцъ успѣлъ зайти. Если я уйду (и такъ какъ я не могъ же приказать моимъ шпіонамъ слѣдовать за мной), то они могутъ не замѣтить меня въ темнотѣ и по ошибкѣ напасть на Алана; если же я останусь, то могу, по крайней мѣрѣ, предостеречь моего друга и тѣмъ спасти его. Изъ-за снисхожденія къ самому себѣ, я рисковалъ чужою жизнью; было бы неразумно подвергать ее снова опасности только изъ желанія искупить свою ошибку. Съ этими мыслями, я, едва вставъ со своего мѣста, сѣлъ снова, но уже въ другомъ расположеніи духа, въ равной степени удивляясь моей прошедшей слабости и радуясь моему настоящему хладнокровію.

Вскорѣ затѣмъ въ чащѣ послышался шорохъ. Приложивъ ротъ почти къ землѣ, я просвистѣлъ одну или двѣ ноты Алановой пѣсни. Послѣдовалъ такой же осторожный отвѣтъ, и вскорѣ мы столкнулись въ темнотѣ.

— Вы ли это, наконецъ, Дэви?—прошепталъ онъ.

— Я самый,—отвѣчалъ я.

— Боже, какъ мнѣ хотѣлось васъ видѣть!—сказалъ онъ.—Время тянулось для меня безконечно долго. Одно время мнѣ жилищемъ служилъ стогъ сѣна, въ которомъ я не могъ даже видѣть своихъ пальцевъ. А потомъ эти часы, когда я ждалъ васъ, а вы все не приходили! Честное слово, вы пришли не слишкомъ рано!

Вѣдь завтра я уѣзжаю! Что я говорю, завтра? Сегодня, хотѣлъ я сказать!

— Да, Аланъ, сегодня,—сказалъ я.—Теперь уже, вѣрно, больше двѣнадцати, и вы уѣдете сегодня. Длинный вамъ путь предстоитъ!

— Мы прежде хорошенько побесѣдуемъ,—сказалъ онъ.

— Разумѣется, и я могу разсказать вамъ много интереснаго,—отвѣтилъ я.

Я довольно безпорядочно разсказалъ ему все, что случилось; однако, когда я кончилъ, ему все было достаточно ясно. Онъ слушалъ, задавая очень мало вопросовъ, но отъ времени до времени смѣясь съ восхищеніемъ, и звукъ его смѣха (въ особенности здѣсь, въ темнотѣ, гдѣ мы не могли видѣть другъ друга) былъ мнѣ необыкновенно пріятенъ.

— Да, Дэви, вы странный человѣкъ,—сказалъ онъ, когда я кончилъ свой разсказъ,—вы порядочный чудакъ, и я не желалъ бы встрѣчаться съ подобными вамъ. Что же касается вашего разсказа, то Престонгрэнджъ—вигъ, такъ же, какъ и вы, и потому я постараюсь поменьше говорить о немъ и, честное слово, я вѣрю, что онъ былъ бы вашимъ лучшимъ другомъ, если бы вы только могли довѣрять ему. Но Симонъ Фрэзеръ и Джэмсъ Моръ—скоты, и я даю имъ имя, которое они заслужили. Самъ чортъ былъ отцомъ Фрэзеровъ. Это всякій знаетъ; что же касается племени Грегогоровъ, то я не могъ переносить ихъ присутствія съ тѣхъ поръ, какъ научился стоять. Я помню, что раскровянилъ одному изъ нихъ носъ, когда еще былъ такъ нетвердъ на ногахъ, что сидѣлъ у него на головѣ. Отецъ мой—упокой его Господь!—очень гордился этимъ и, признаюсь, имѣлъ основаніе. «Я никогда не стану отрицать, что Робинъ недурной флейтистъ, — прибавилъ онъ; — что же касается Джемса Мора, то чортъ бы его побралъ!

— Мы должны обсудить одну вещь,—сказалъ я.—Правъ или не правъ Чарльзъ Стюартъ? За мной ли только они гонятся или за обоими нами?

— А каково ваше собственное мнѣніе, опытный человѣкъ?—спросилъ онъ.

— Я не могу рѣшить,—сказалъ я.

— Я тоже,—отвѣтилъ Аланъ.—Вы думаете, что дѣвушка сдержитъ слово?—спросилъ онъ

— Да,—отвѣтилъ я.

— Ну, за это нельзя ручаться,—сказалъ онъ.—И во всякомъ случаѣ, все это дѣло прошлое: онъ уже давно успѣлъ присоединиться къ остальнымъ.

— Какъ вы думаете, сколько ихъ?—спросилъ я.

— Это зависитъ отъ ихъ намѣренія,—отвѣчалъ Аланъ.—Если они хотятъ поймать только васъ, то пошлютъ двухъ-трехъ живыхъ и проворныхъ малыхъ, а если думаютъ, что и я буду участвовать въ дѣлѣ, то пошлютъ, навѣрное, десять или двѣнадцать человѣкъ,—прибавилъ онъ.

Я не могъ удержаться и разсмѣялся.

— Я думаю, что вы своими глазами видѣли, какъ я заставилъ отступить столькихъ же и даже вдвое больше!—воскликнулъ онъ.

— Это теперь не имѣетъ значенія,—сказалъ я,—такъ какъ я въ настоящее время избавленъ отъ нихъ.

— Вы такъ думаете?—спросилъ онъ.—Я, съ своей стороны, нисколько не удивился бы, еслибъ они теперь сторожили этотъ лѣсъ. Видите ли, Давидъ, это все гайлэндеры. Между ними, вѣроятно, есть Фрэзеры, есть и нѣкоторые изъ клана Грегоръ, и я не могу отрицать, что и тѣ и другіе, въ особенности же Грегоры, очень умные и опытные люди. Человѣкъ мало что знаетъ, пока не прогонитъ, положимъ, стада рогатаго скота на протяженіи десяти миль, когда разбойники, можетъ быть, гонятся за нимъ. Вотъ тутъ-то я и пріобрѣлъ большую часть своей проницательности. Нечего и говорить, это лучше, чѣмъ война. Но и война тоже хорошее дѣло, хотя въ общемъ довольно скучное. У Грегоровъ была большая практика.

— Безъ сомнѣнія, въ этомъ отношеніи многое упущено въ моемъ воспитаніи,—сказалъ я.

— Я постоянно вижу это на васъ,—возразилъ Аланъ.—Но вотъ что странно въ людяхъ, учившихся въ колледжѣ: вы невѣжественны и не хотите признаться въ этомъ. Я не знаю греческаго и еврейскаго, но, милый мой, я сознаю, что не знаю ихъ, въ этомъ вся разница. А вы лежите на животѣ вотъ тутъ въ лѣсу и говорите мнѣ, что избавились отъ всѣхъ этихъ Фрэзеровъ и Макгрегоровъ. «Потому, что я не видѣлъ ихъ», говорите вы. Ахъ, вы, глупая башка, вѣдь быть невидимыми—это ихъ средство къ существованію.

— Хорошо, приготовимся къ худшему,—сказалъ я.—Что же намъ дѣлать?

— Я думаю о томъ же,—отвѣтилъ онъ.—Мы могли бы разстаться. Это мнѣ не особенно нравится, и кромѣ того, у меня есть причины, чтобы не дѣлать этого. Во-первыхъ, теперь совершенно темно и есть нѣкоторая возможность улизнуть отъ нихъ. Если мы останемся вмѣстѣ, то пойдемъ по одному направленію; если же порознь, то по двумъ: болѣе вѣроятія наткнуться на когонибудь изъ этихъ джентльменовъ. Во-вторыхъ, если они поймаютъ насъ, то дѣло еще можетъ дойти до боя, Дэви, и тогда, признаюсь, я былъ бы радъ имѣть васъ рядомъ съ собой, и думаю, что и вамъ бы не помѣшало мое присутствіе. Итакъ, по моему, намъ нечего откладывать и слѣдуетъ сейчасъ же выползти изъ этого лѣса и направиться на Джилланъ, гдѣ стоитъ мой корабль. Это напомнитъ намъ прошедшіе дни, Дэви; а потомъ намъ надо подумать, что вамъ дѣлать. Мнѣ тяжело оставить васъ здѣсь одного.

— Будь по вашему!—сказалъ я.—Отправляйтесь туда, гдѣ вы остановились.

— На кой чортъ!—сказалъ Аланъ.—Хозяева, положимъ, относились ко мнѣ недурно, но, думаю, очень бы разочаровались, еслибъ снова увидѣли меня, такъ какъ при теперешнихъ обстоятельствахъ я не могу считаться «желаннымъ гостемъ». Тѣмъ сильнѣе я жажду вашего общества, м-ръ Давидъ Бальфуръ изъ Шооса—гордитесь этимъ! Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались у Корсторфайна, я, кромѣ двухъ разговоровъ съ Чарльзомъ Стюартомъ здѣсь въ лѣсу, не говорилъ почти ни слова.

Съ этими словами онъ поднялся съ мѣста, и мы стали потихоньку двигаться по лѣсу въ восточномъ направленіи.

XII. Я снова въ пути съ Аланомъ.

Было, должно быть, часъ или два ночи; мѣсяцъ, какъ я уже говорилъ, скрылся; съ запада внезапно подулъ довольно сильный вѣтеръ, гнавшій тяжелыя разорванныя тучи. Мы двинулись въ путь въ такой темнотѣ, какую только могъ желать бѣглецъ или убійца. По едва бѣлѣвшейся дорогѣ мы вошли въ спавшій Броутонъ, оттуда прошли чрезъ Пикарди и мимо моей старинной знакомой—висѣлицы съ двумя ворами. Немного далѣе мы увидѣли полезный для насъ сигналъ: огонекъ въ верхнемъ окнѣ

дома въ Лохендѣ. Направляясь по нему, хотя немного наудачу, потоптавъ жатву, спотыкаясь и падая въ канавы, мы подвигались по странѣ и, наконецъ, очутились на извилистой болотистой пустоши, называемой Фиггатъ-Винсъ. Здѣсь, подъ кустомъ дрока, мы продремали до утра.

Мы проснулись около пяти часовъ. Утро было прекрасное. Западный вѣтеръ продолжалъ сильно дуть и унесъ всѣ тучи по направленію къ Европѣ. Аланъ уже сидѣлъ и улыбался. Со времени нашей разлуки я теперь въ первый разъ видѣлъ моего друга и глядѣлъ на него съ большой радостью. На немъ былъ все тотъ же широкій плащъ; но—это было новостью—онъ надѣлъ теперь вязаныя штиблеты, достигавшія колѣнъ. Безъ сомнѣнія, онѣ должны были измѣнить его видъ; но такъ какъ день обѣщалъ быть теплымъ, то костюмъ его былъ немного не по сезону.

— Ну, Дэви, — сказалъ онъ,—развѣ сегодня не славное утро? Вотъ такой денекъ, какимъ должны бы быть всѣ дни! Большая разница съ моимъ стогомъ; пока вы наслаждались и спали, я сдѣлалъ нѣчто, что дѣлаю чрезвычайно рѣдко.

— Что же такое?—спросилъ я.

— Я молился,—сказалъ онъ.

— А гдѣ же мои джентльмэны, какъ вы называете ихъ?—спросилъ я.

— Богъ знаетъ,—отвѣтилъ онъ.—Во всякомъ случаѣ мы должны рискнуть. Вставайте, Давидъ! Идемъ снова наудачу! Намъ предстоитъ прекрасная прогулка.

Мы направились на востокъ, идя вдоль морского берега, къ тому мѣсту, гдѣ соляныя ямы курились у устья Эска. Утреннее солнце необыкновенно красиво сверкало на Артуровомъ стулѣ и на зеленыхъ Пентландскихъ горахъ. Прелесть этого дня, казалось, раздражала Алана.

— Я чувствую себя дуракомъ,—говорилъ онъ,—покидая Шотландію въ подобный день. Эта мысль не выходитъ у меня изъ головы. Мнѣ, пожалуй, было бы пріятнѣе остаться здѣсь и быть повѣшеннымъ.

— Ну, нѣтъ, Аланъ, это вамъ не понравится,—сказалъ я.

— Не потому, что Франція нехорошая страна,—объяснилъ онъ,—но все-таки она не то. Она, можетъ быть, и лучше, но не Шотландія. Я очень люблю ее, когда нахожусь тамъ, но я тоскую по шотландскимъ тетеревамъ и по торфяному дыму.

— Если вамъ больше не на что жаловаться, Аланъ, то это еще не такъ важно,—сказалъ я.

— Мнѣ вообще не пристало жаловаться на что бы то ни было,—сказалъ онъ,—только-что вылѣзши изъ того проклятаго стога.

— Вамъ, должно быть, страшно надоѣлъ вашъ стогъ? — спросилъ я.

— Нельзя сказать, что именно надоѣлъ,—отвѣчалъ онъ,— я не изъ тѣхъ, кто легко падаетъ духомъ, но я лучше чувствую себя на свѣжемъ воздухѣ и съ небомъ надъ головой. Я похожъ на стараго Блэка Дугласа, который больше любилъ слышать пѣніе жаворонка, чѣмъ пискъ мыши. А то мѣсто, Дэви,—хотя долженъ сознаться, оно было очень подходящимъ для того, чтобы прятаться,—было совершенно темно съ утра до ночи. Эти дни (или ночи, потому что я не могъ отличить одно отъ другого) казались мнѣ долгими, какъ продолжительная зима.

— А какъ вы знали, когда вамъ идти на свиданіе?—спросилъ я.

— Хозяинъ около одиннадцати часовъ приносилъ мнѣ пищу и немного водки, и огарокъ, чтобы зажечь во время ѣды,—сказалъ онъ.—Затѣмъ мнѣ была пора отправляться въ лѣсъ. Я сидѣлъ тамъ и горько тосковалъ по васъ, Дэви,—продолжалъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо,—и старался угадать, когда пройдутъ два часа, если не приходилъ Чарли Стюартъ и не говорилъ мнѣ это по своимъ часамъ, и затѣмъ я отправлялся обратно въ ужасный стогъ. Да, это было скучное занятіе, и я благодарю Бога, что покончилъ съ нимъ.

— Что же вы дѣлали тамъ?—спросилъ я.

— Старался какъ можно лучше провести время. Иногда я игралъ въ костяшку, я отлично играю въ костяшки, но не интересно играть, когда никто не восхищается вами; иногда я сочинялъ пѣсни.

— О чемъ?—спросилъ я.

— Объ оленяхъ и верескѣ,—сказалъ онъ,—о старыхъ предводителяхъ, которыхъ давно уже нѣтъ, о томъ, о чемъ вообще пишутся пѣсни. Иногда я старался вообразить себѣ, что у меня пара флейтъ и что я играю. Я игралъ большія аріи и мнѣ казалось, что я играю ихъ замѣчательно хорошо; увѣряю васъ

что иногда я даже слышалъ, какъ фальшивилъ! Но главное то, что все это кончилось.

Затѣмъ онъ навелъ меня снова на мои приключенія, которыя опять выслушалъ сначала съ большими подробностями, чрезвычайно одобряя и по временамъ увѣряя, что я «странный, но храбрый малый».

— Такъ вы испугались Сима Фрэзера? — спросилъ онъ однажды.

— Еще бы!—воскликнулъ я.

— Я также испугался бы его, Дэви,—сказалъ онъ.—Это дѣйствительно ужасный человѣкъ. Но слѣдуетъ и ему воздать должное: могу увѣрить васъ, что на полѣ сраженія это весьма порядочная личность.

— Развѣ онъ такъ храбръ?—спросилъ я.

— Храбръ?—сказалъ онъ.—Онъ непоколебимѣе стального меча.

Разсказъ о моей дуэли вывелъ Алана изъ себя.

— Только подумать объ этомъ!—воскликнулъ онъ.—Вѣдь я училъ васъ въ Корринаки. Три раза... три раза обезоруженъ! Да это позоръ для меня, учившаго васъ! Вставайте, вынимайте свое оружіе. Вы не сойдете съ мѣста, пока не будете въ состояніи поддержать свою и мою честь.

— Аланъ,—сказалъ я, — это просто безуміе. Теперь не время брать уроки фехтованія.

— Я не могу отрицать этого,—сознался онъ.—Но три раза! А вы стояли, какъ соломенное чучело, и бѣгали поднимать свою шпагу, какъ собака — носовой платокъ!.. Давидъ, этотъ Дункансби, должно быть, необыкновенный боецъ! Онъ, вѣроятно, чрезвычайно искусенъ. Если бы у меня было время, я вернулся бы и попробовалъ бы самъ подраться съ нимъ. Онъ, должно быть, мастеръ этого дѣла.

— Глупый человѣкъ,—сказалъ я,—вы забываете, что вѣдь онъ бился со мной.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—но три раза!

— Вы же сами знаете, что я совершенно неискусенъ!—воскликнулъ я.

— Нѣтъ, я никогда не слыхалъ ничего подобнаго,—сказалъ онъ.

— Я обѣщаю вамъ одно, Аланъ,—замѣтилъ я,—когда мы

— Хозяинъ приносилъ мнѣ пищу...

встрѣтимся въ слѣдующій разъ, я буду фехтовать лучше. Вамъ не придется имѣть друга, не умѣющаго наносить удары.

— Въ слѣдующій разъ!—сказалъ онъ.—Когда это будетъ, желалъ бы я знать?

— Ну, Аланъ, я объ этомъ тоже уже думалъ,—отвѣчалъ я,—и вотъ мой планъ:—я хотѣлъ бы сдѣлаться адвокатомъ.

— Это скучное ремесло, Дэви,—сказалъ Аланъ,—и кромѣ того, тамъ приходится кривить душой. Вамъ лучше бы шелъ королевскій мундиръ.

— Вѣрнѣйшій способъ намъ встрѣтиться! — воскликнулъ я.—Но такъ какъ вы будете въ мундирѣ короля Людовика, а я—короля Георга, то это будетъ щекотливая встрѣча.

— Вы, пожалуй, правы,—согласился онъ.

— Такъ ужъ я лучше буду адвокатомъ,—продолжалъ я,— я думаю, что это болѣе подходящее занятіе для человѣка, который былъ три раза обезоруженъ. Но самое лучшее вотъ въ чемъ: одинъ изъ лучшихъ коллэджей для изученія права—коллэджъ, гдѣ учился мой родственникъ, Пильригъ, находится въ Лейденѣ, въ Голландіи. Что вы на это скажете, Аланъ? Не могъ ли бы волонтеръ «королевскихъ шотландцевъ» получить отпускъ, незамѣтно промаршировать до Лейдена и навѣстить лейденскаго студента!

— Конечно, могъ бы!—воскликнулъ онъ.—Видите ли, я нахожусь въ хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ полковникомъ, графомъ Дрюммондъ-Мельфортомъ; и, что еще важнѣе, мой двоюродный братъ подполковникъ въ полку «голландскихъ шотландцевъ». Ничего не можетъ быть проще, какъ получить отпускъ, чтобы навѣстить подполковника Стюарта изъ Галькета. Графъ Мельфортъ, очень ученый человѣкъ, пишущій книги, какъ Цезарь, безъ сомнѣнія, будетъ очень радъ воспользоваться моими наблюденіями.

— Развѣ графъ Мельфортъ писатель? — спросилъ я; хотя Аланъ выше всего ставилъ воиновъ, но я лично предпочиталъ тѣхъ, кто пишетъ книги.

— Да, Давидъ,—сказалъ онъ.—Можно было бы думать, что у полковника должно быть лучшее занятіе. Но могу ли я осуждать, когда самъ сочиняю пѣсни?

— Хорошо! — замѣтилъ я. — Теперь вамъ остается только дать мнѣ адресъ, куда писать вамъ во Францію; а какъ только я попаду въ Лейденъ, я пришлю вамъ свой.

— Лучше всего будетъ писать мнѣ на имя моего начальника,—сказалъ онъ,—Чарльза Стюарта Ардшиля, эсквайра, въ городъ Мелонъ, въ Иль-де-Франсѣ. Рано ли, поздно ли, но ваше письмо въ концѣ концовъ попадетъ въ мои руки.

Въ Мюссельбургѣ, гдѣ мы позавтракали треской, меня чрез-

вычайно забавляли разговоры Алана. Его плащъ и штиблеты дѣйствительно, обращали на себя вниманіе въ это теплое утро, и, можетъ быть, было разумно дать этому нѣкоторое объясненіе. Но Аланъ принялся за это, какъ за серьезное дѣло или, скорѣе, какъ за развлеченіе. Онъ заговорилъ съ хозяйкой дома, хваля ея способъ приготовленія трески, а потомъ во все время нашего пребыванія говорилъ съ ней о своемъ застуженномъ животѣ, съ серьезнымъ видомъ разсказывая всякіе симптомы болѣзни и выслушивая съ большимъ интересомъ всевозможные совѣты, которые давала ему старуха.

Мы покинули Мюссельбургъ прежде, чѣмъ туда прибылъ дилижансъ изъ Эдинбурга, такъ какъ, по словамъ Алана, намъ слѣдовало избѣгать подобной встрѣчи. Вѣтеръ, хотя и сильный, былъ очень теплый, солнце сильно палило, и Алану приходилось очень страдать отъ жары. Отъ Престонпанса мы свернули на Гладсмюирское поле, гдѣ онъ гораздо подробнѣе, чѣмъ требовалось, сталъ описывать сраженіе на этомъ полѣ. Отсюда прежнимъ быстрымъ шагомъ мы пошли въ Кокензи. Хотя здѣсь у м-съ Каделль и строились снасти для ловли сельдей, все же это былъ пустынный, отживающій свой вѣкъ городъ, половина домовъ котораго была разрушена. Но пивная отличалась чистотой, и Аланъ, сильно разгоряченный, все-таки выпилъ бутылку эля и снова разсказалъ хозяйкѣ старую исторію о простудѣ живота, только теперь симптомы были совсѣмъ иные.

Я сидѣлъ и слушалъ; и мнѣ пришло въ голову, что я никогда не слышалъ, чтобы онъ обратился къ женщинамъ хотя бы съ тремя серьезными словами, но всегда шутилъ и зубоскалилъ и въ душѣ издѣвался надъ ними, но вносилъ въ это чрезвычайно много энергіи и интереса. Я замѣтилъ это ему, когда случилось, что хозяйка была отозвана изъ комнаты.

— Чего вы хотите?—сказалъ онъ. — Мужчина долженъ всегда быть занимательнымъ съ женщинами; онъ долженъ разсказывать имъ разныя исторіи, чтобы позабавить ихъ, бѣдныхъ овечекъ! Вамъ слѣдовало бы поучиться этому, Давидъ; вамъ слѣдуетъ усвоить себѣ пріемы этого, своего рода ремесла. Если бы вмѣсто старухи была молодая и хоть сколько-нибудь красивая дѣвушка, я не сталъ бы говорить съ нею о своемъ животѣ, Дэви. Но когда женщины слишкомъ стары, чтобы искать развлеченій, онѣ непремѣнно хотятъ быть аптекарями. Почему? Да развѣ я

знаю? Думаю, что такими уже сотворилъ ихъ Богъ. Но я считаю, что тотъ человѣкъ будетъ дуракомъ, который не постарается понравиться имъ.

Тутъ вернулась хозяйка, и Аланъ нетерпѣливо отвернулся отъ меня, чтобы снова продолжать прежній разговоръ. Хозяйка нѣкоторое время передъ тѣмъ перешла съ живота Алана на случай съ ея зятемъ въ Аберлэди, послѣднюю болѣзнь котораго и смерть она описывала чрезвычайно пространно. Иногда разсказъ ея былъ просто скученъ, иногда же скученъ и страшенъ, такъ какъ она говорила съ большимъ чувствомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что я впалъ въ глубокое раздумье, выглядывая изъ окна на дорогу и едва обращая вниманіе на происходящее на ней. Но вдругъ я вздрогнулъ.

— Мы клали ему припарки къ ногамъ,—говорила хозяйка,—и горячіе камни на животъ, и давали ему иссопъ и настойку изъ полея, и прекрасный, чистый сѣрный бальзамъ...

— Сэръ,—сказалъ я спокойно, перебивая ее, — сейчасъ мимо прошелъ одинъ изъ моихъ друзей.

— Неужели?—отвѣчалъ Аланъ, точно это было совсѣмъ не важно, и продолжалъ:—Вы говорили, сударыня?

И надоѣдливая женщина продолжала свой разсказъ.

Вскорѣ, однако, онъ заплатилъ ей монетой въ полкроны, и она должна была пойти за сдачей.

— Кто это былъ, рыжеголовый?—спросилъ Аланъ.

— Вы угадали,—отвѣтилъ я.

— Что я вамъ говорилъ въ лѣсу?—воскликнулъ онъ.—Все таки странно, что онъ тоже тутъ! Онъ былъ одинъ?

— Совершенно одинъ, насколько я могъ видѣть,—сказалъ я.

— Онъ прошелъ мимо?—спросилъ онъ.

— Онъ шелъ мимо,—сказалъ я,—и не оглядывался по сторонамъ.

— Это еще страннѣе,—сказалъ Аланъ.—Я думаю, Дэви, что намъ надо уходить отсюда. Но куда? Чортъ знаетъ, это становится похожимъ на прежнія времена!—воскликнулъ онъ.

— Однако, есть одна большая разница, — сказалъ я,—а именно: теперь у насъ есть деньги.

— И еще другая разница, м-ръ Бальфуръ, — замѣтилъ Аланъ,—тепрь мы выслѣжены; собаки уже нашли слѣдъ, и вся свора гонится за нами, Давидъ. Дѣло плохо, чортъ бы его по-

бралъ!—Онъ серьезно призадумался, глядя предъ собой со знакомымъ мнѣ выраженіемъ.—Вотъ что, хозяюшка,—сказалъ онъ, когда она вернулась,—есть у васъ другой выходъ изъ постоялаго двора?

Она отвѣчала, что есть, и объяснила, куда онъ выходитъ.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—мнѣ кажется, что этотъ путь будетъ самымъ короткимъ. До свиданья, милая; я не забуду про настойку изъ корицы.

Мы вышли черезъ огородъ и пошли по тропинкѣ среди полей. Аланъ зорко смотрѣлъ по сторонамъ и, увидѣвъ, что мы находимся въ небольшомъ углубленіи, скрытые отъ взглядовъ людей, присѣлъ на траву.

— Будемъ держать военный совѣтъ, Дэви,—сказалъ онъ.— Но прежде всего надо дать вамъ маленькій урокъ. Представьте себѣ, что я былъ бы похожъ на васъ—что бы о насъ обоихъ помнила старуха? Только то, что мы вышли чрезъ задній ходъ. А что она теперь помнитъ? Изящнаго, вѣжливаго, любезнаго, болѣзненнаго человѣка, страдающаго желудкомъ, который очень заинтересовался разсказомъ о зятѣ. О, Дэви, постарайтесь научиться немного соображать!

— Я постараюсь, Аланъ,—сказалъ я.

— А теперь вернемся къ рыжему,—продолжалъ онъ.—Какъ онъ шелъ, скоро или медленно?

— Ни то, ни другое,—сказалъ я.

— Онъ не торопился?—спросилъ онъ.

— Нисколько,—отвѣтилъ я.

— Гм!..—сказалъ Аланъ.—Это очень странно. Мы сегодня утромъ никого не видѣли на Фиггатъ-Винсѣ; онъ прошелъ мимо, повидимому, не наблюдая, а между тѣмъ оказывается на нашемъ пути! Ну, Дэви, я начинаю понимать. Мнѣ кажется, что они ищутъ не васъ, а меня; и думаю, отлично знаютъ, куда итти.

— Знаютъ?—спросилъ я.

— Я думаю,что Энди Скоугель продалъ меня, самъ онъ или помощникъ, знавшій кое-что, или клэркъ Чарли Стюарта, что было бы очень жаль,—сказалъ Аланъ.—Если вы хотите знать мое мнѣніе, то мнѣ кажется, что на Джилланскихъ пескахъ будетъ разбито нѣсколько головъ.

— Аланъ,—воскликнулъ я,—если вы окажетесь правы, то

тамъ будетъ много народу. Будетъ мало пользы отъ того, что вы разобьете нѣсколько головъ.

— Это все-таки было бы нѣкоторымъ удовлетворенiемъ,— сказалъ Аланъ.—Но подождите немного, подождите! Я думаю, что благодаря этому западному вѣтру у меня еще есть возможность спастись. Вотъ какимъ образомъ, Дэви. Мы сговорились встрѣтиться съ этимъ Скоугелемъ съ наступленiемъ темноты. «Но,—сказалъ онъ,—если будетъ хоть малѣйшiй западный вѣтеръ, то я окажусь на мѣстѣ гораздо раньше и буду стоять за островомъ Фидра». Если наши преслѣдователи знаютъ мѣсто, то они должны знать также и время. Понимаете, что я хочу сказать, Дэви? Благодаря Джонни Копу и другимъ дуракамъ въ красныхъ мундирахъ, я знаю эту страну, какъ свои пять пальцевъ; и если вы согласны снова бѣжать съ Аланомъ Брекомъ, то мы можемъ опять углубиться въ страну и снова выйти на берегъ моря у Дирлетона. Если корабль тамъ, то постараемся попасть на него; если же его нѣтъ, то мнѣ опять придется вернуться въ свой скучный стогъ. Въ обоихъ случаяхъ я надѣюсь оставить джентльмэновъ съ носомъ.

— Мнѣ кажется, что есть нѣкоторая надежда на успѣхъ,— сказалъ я.—Будь по вашему, Аланъ!

XIII. Джилланскiе пески.

Руководительство Алана не принесло мнѣ той пользы, которую ему самому принесли переходы съ генераломъ Копомъ. Я едва могу указать, какимъ путемъ мы шли. Извиненiемъ мнѣ можетъ служить только быстрота нашего движенiя. Временами мы бѣжали, временами шли чрезвычайно скорымъ шагомъ. Два раза во время самаго быстраго движенiя мы натыкались на поселянъ. Хотя на перваго изъ нихъ мы налетѣли прямо изъ-за угла, но у Алана былъ уже наготовѣ вопросъ.

— Не видали вы моей лошади?—задыхаясь, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, я не видалъ никакой лошади,—отвѣчалъ крестьянинъ.

Аланъ потратилъ нѣкоторое время, объясняя ему, что мы путешествовали, сидя попеременно на лошади; что лошадь наша убѣжала, и онъ боялся, не вернулась ли она обратно въ Лип-

тонъ. Но и этого ему показалось мало: онъ прерывающимся голосомъ сталъ проклинать свое несчастіе и мою глупость, которая, по его словамъ, была всему причиной.

— Тѣ, которые не могутъ говорить правду,—замѣтилъ онъ, когда мы снова пустились въ путь,—должны заботиться о томъ, чтобы оставить по себѣ хорошую, искусную ложь. Если люди не знаютъ, что вы дѣлаете, они страшно интересуются вами; но если имъ кажется, что они это знаютъ, то интересуются вами столько же, какъ гороховой похлебкой.

Такъ какъ мы сначала направлялись вглубь страны, то подъ конецъ нашъ путь долженъ былъ идти къ сѣверу. Слѣва отъ него приходилась церковь въ Аберлэди, справа—вершина Бервикъ Ло; идя такимъ образомъ, мы снова вышли на берегъ неподалеку отъ Дирлетона. Къ западу отъ Сѣвернаго Бервика и до самаго Джилланскаго носа тянется цѣпь четырехъ небольшихъ острововъ—Креглись, Лэмъ, Фидра и Айброу,—отличающихся различной величиной и формой. Наиболѣе замѣчательный изъ нихъ Фидра—странный сѣрый островокъ, состоящій какъ бы изъ двухъ горбовъ и еще болѣе бросающійся въ глаза вслѣдствіе находящихся на немъ развалинъ. Я припоминаю, что когда мы подошли ближе, чрезъ какое-то окно или дверь этой развалины свѣтилось море, точно человѣческій глазъ. Около Фидры есть прекрасное мѣсто для стоянки судовъ, защищенное отъ западнаго вѣтра, и мы еще издали увидѣли стоявшій тамъ «Тистль».

Противъ этихъ острововъ берегъ почти совершенно пустынный. На немъ не видно человѣческаго жилья, и рѣдко встрѣчаются прохожіе, развѣ иногда пробѣгутъ играющія дѣти. Маленькое мѣстечко Джилланъ расположено на дальнемъ концѣ носа. Дирлетонскіе жители уходятъ работать на поля вглубь страны, а рыбаки изъ Нортъ-Бервика отправляются на рыбную ловлю прямо изъ своей гавани, такъ что пустыннѣе этого мѣста едва ли сыщешь на всемъ берегу. Но я помню, что когда мы на животѣ ползли между безчисленными возвышеніями и углубленіями, внимательно наблюдая по сторонамъ, и сердца наши громко колотились въ груди, то солнце такъ ослѣпительно сіяло, море такъ искрилось въ его лучахъ, вѣтеръ такъ колыхалъ прибрежную траву, а кролики и чайки съ такимъ шумомъ бросались

внизъ или взлетали вверхъ, что эта пустыня казалась мнѣ живой. Мѣсто это, безъ сомнѣнія, было хорошо выбрано для тайнаго отъѣзда, если бы тайна не была нарушена. Даже и теперь, когда она стала извѣстной и мѣсто охранялось, намъ удалось незамѣтно проползти до того края песчаныхъ холмовъ, гдѣ они прямо спускаются на берегъ моря.

Но тутъ Аланъ остановился.

— Дэви,—сказалъ онъ, — намъ предстоитъ трудное дѣло! Пока мы лежимъ здѣсь, мы въ безопасности; но я отъ этого нисколько не ближе къ моему кораблю или берегу Франціи. Какъ только мы встанемъ и начнемъ подавать сигналы бригу, то все сразу перемѣнится. Какъ вы думаете, гдѣ теперь ваши джентльмэны?

— Они, можетъ быть, еще не пришли,—отвѣчалъ я.—А если и пришли, то все-таки есть шансъ и на нашей сторонѣ. Несомнѣнно, что они подготовились захватить насъ, но они ждутъ насъ съ востока, а мы пришли съ запада.

— Да,—сказалъ Аланъ,—жаль, что насъ не больше и что это не сраженіе, а то мы бы прекрасно проучили ихъ! Но это не сраженіе, Давидъ, а нѣчто такое, что совсѣмъ не вдохновляетъ Алана Брека. Я не знаю, на что рѣшиться, Давидъ.

— Время уходитъ, Аланъ,—замѣтилъ я.

— Знаю,—сказалъ Аланъ,—я только объ этомъ и думаю. Но это ужасно затруднительный случай. О, если бы я только зналъ, гдѣ они!

— Аланъ,—сказалъ я,—это не похоже на васъ. Надо дѣйствовать или теперь, или никогда.

Нѣтъ. Это не я,—

запѣлъ Аланъ, дѣлая смѣшное лицо, на которомъ чувство стыда соединялось съ лукавствомъ.

Нѣтъ, не ты и не я, нѣтъ, не ты и не я,
Нѣтъ, клянусь тебѣ, Джонни, не ты и не я.

Потомъ вдругъ всталъ, выпрямился и, держа въ правой рукѣ развернутый платокъ, сталъ спускаться на берегъ. Я тоже всталъ, но остался на мѣстѣ, разглядывая песчаные холмы къ востоку отъ насъ. Вначалѣ Алана не замѣтили. Скоугель не ожи-

далъ его такъ рано, а преслѣдователи наши сторожили съ другой стороны. Потомъ вдругъ его увидѣли съ «Тистля»; вѣроятно, тамъ все было уже готово, такъ какъ на палубѣ не произошло никакой суматохи, и черезъ секунду шлюпка обогнула корму и стала быстро приближаться къ берегу. Почти въ ту же минуту, на разстояніи полумили по направленію къ Джилланскому носу на секунду на песчаномъ холмѣ появилась фигура человѣка, размахивавшаго руками; и хотя она сейчасъ же опять исчезла, но чайки на этомъ мѣстѣ еще продолжали нѣкоторое время безпокойно летать.

Аланъ не видѣлъ этого, такъ какъ смотрѣлъ прямо по направленію къ морю, на судно и шлюпку.

— Будь, что будетъ!—сказалъ онъ, когда я передалъ ему свои наблюденія.—Скорѣе бы пристала эта лодка, иначе мнѣ не снести головы.

Эта часть берега была длинная и плоская; по ней было удобно ходить во время отлива. Небольшой заросшій ручеекъ пересѣкалъ ее и впадалъ въ море, и песчаные холмы у его истоковъ образовали точно укрѣпленія города. Не было ничего видно изъ того, что происходило за ними; нетерпѣніе наше не могло ускорить прибытія лодки: время какъ бы остановилось въ эти минуты томительнаго ожиданія.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать одно,—сказалъ Аланъ:—какія приказанія получили эти люди? Мы оба вмѣстѣ стоимъ четыреста фунтовъ: что, если бы они выстрѣлили въ насъ, Дэви? Имъ было бы удобно стрѣлять съ вершины этого длиннаго песчанаго вала.

— Это невозможно,—сказалъ я.—Дѣло въ томъ, что у нихъ нѣтъ ружей. Все это дѣлалось слишкомъ секретно; у нихъ могутъ быть пистолеты, но никакъ не ружья.

— Я думаю, что вы правы,—замѣтилъ Аланъ.—Но все-таки я очень желалъ бы, чтобы лодка поскорѣй приплыла.

Онъ щелкнулъ пальцами и свистнулъ, точно собакѣ.

Лодка теперь уже прошла около трети пути, а сами мы находились уже на самомъ берегу моря, такъ что мягкій песокъ засыпался мнѣ въ башмаки. Намъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ ждать, возможно больше смотрѣть на медленное приближеніе шлюпки и какъ можно меньше на длинный, непрони-

паемый взгляду рядъ холмовъ, надъ которыми мелькали чайки и за которыми, безъ сомнѣнія, скрывались наши враги.

— Это прекрасное, веселое, привлекательное мѣсто, чтобы быть на немъ застрѣленнымъ,—вдругъ сказалъ Аланъ,—и я хотѣлъ бы имѣть вашу храбрость, милый мой!

— Аланъ,—воскликнулъ я, — это что за разговоры? Вы сами воплощенная храбрость. Это отличительное ваше свойство, и я могъ бы доказать это, если бы другіе сомнѣвались.

— Вы очень ошиблись бы,—сказалъ онъ.—Отличительный мой признакъ: большая проницательность и опытность въ дѣлѣ. Что же касается стойкаго, холоднаго, непоколебимаго мужества, то въ этомъ я не могу равняться съ вами. Посмотрите на обоихъ насъ въ настоящую минуту. Я стою здѣсь на пескѣ и горю желаніемъ уѣхать, а вы, насколько я знаю, еще не рѣшили, не останетесь ли вы здѣсь. Не думаете ли вы, что я бы могъ остаться или хотѣлъ бы? Нѣтъ! Во-первыхъ, потому что у меня не хватило бы мужества; во-вторыхъ, потому что я очень проницательный человѣкъ и подумалъ бы, что могу быть осужденъ.

— Такъ вотъ вы къ чему клоните?—воскликнулъ я.—О, Аланъ, можете заговорить зубы старымъ бабамъ, а меня вы не проведете!

Воспоминаніе объ искушеніи въ лѣсу дѣлало меня твердымъ, какъ сталь.

— Мнѣ надо быть на свиданіи,—продолжалъ я.—Я долженъ встрѣтиться съ вашимъ кузеномъ Чарли, я далъ ему слово.

— Хорошо, если бы вы могли сдержать его,—сказалъ Аланъ.—Но, благодаря этимъ господамъ за холмомъ, вы не будете имѣть возможности когда-либо встрѣтиться съ нимъ. И зачѣмъ?—продолжалъ онъ съ угрожающей серьезностью.—Скажите мнѣ это, мой милый! Хотите вы быть похищеннымъ, какъ леди Грэнджъ? Хотите вы, чтобы они прокололи васъ кинжаломъ и похоронили на холмѣ? Или, можетъ быть, случится иначе, и они будутъ судить васъ вмѣстѣ съ Джемсомъ? Развѣ имъ можно довѣрять? Неужели вы хотите положить вашу голову въ пасть Сима Фрэзера и другихъ виговъ?—прибавилъ онъ съ необычайной горечью.

— Аланъ,—воскликнулъ я,—всѣ они мошенники и обманщики, въ этомъ я съ вами согласенъ! Тѣмъ болѣе причинъ, чтобы въ этой странѣ воровъ былъ хоть одинъ порядочный чело-

На песчаномъ холмѣ появилась фигура человѣка

вѣкъ. Я далъ слово и сдержу его. Я давно уже сказалъ вашей родственницѣ, что не остановлюсь ни предъ какимъ рискомъ. Помните? Это случилось въ ночь, когда былъ убитъ Красный Колинъ. Я и не остановлюсь. Я остаюсь здѣсь. Престонгрэнджъ обѣщалъ мнѣ жизнь; если онъ нарушитъ обѣщаніе. то я здѣсь же и умру.

— Хорошо, хорошо!—сказалъ Аланъ.

Все это время мы не видѣли и не слышали своихъ преслѣдователей. Оказалось, что мы поймали ихъ врасплохъ; какъ я позже узналъ, ихъ партія тогда еще не вся прибыла на мѣсто дѣйствія, прибывшіе же разсѣялись между холмами по направленію къ Джиллану. Было не легкимъ дѣломъ созвать ихъ и привести на мѣсто, а лодка, между тѣмъ, быстро подвигалась. Кромѣ того, они были порядочные трусы: простая шайка воровъ скота изъ разныхъ классовъ, не имѣвшая во главѣ начальника-джентльмена. И чѣмъ они больше смотрѣли на меня и Алана, стоявшихъ на берегу, тѣмъ менѣе, вѣроятно, имъ нравился нашъ видъ.

Кто бы ни предалъ Алана, во всякомъ случаѣ, то былъ не капитанъ. Онъ самъ находился въ лодкѣ, правя рулемъ и поощряя гребцовъ; видно было, что онъ душу вкладывалъ въ это дѣло. Лодка была уже очень близко и быстро подъѣзжала, лицо Алана уже покраснѣло отъ возбужденія при мысли о скоромъ освобожденіи, когда наши преслѣдователи съ отчаянія, что добыча ускользаетъ у нихъ изъ рукъ, или въ надеждѣ испугать Энди, внезапно подняли рѣзкій крикъ изъ-за холмовъ.

Звукъ этотъ, раздавшійся на, повидимому, совершенно пустынномъ берегу, казался, дѣйствительно, угрожающимъ, и лодка немедленно остановилась.

— Что это такое?—закричалъ капитанъ, такъ какъ шлюпка была теперь на разстояніи голоса.

— Мои друзья,—сказалъ Аланъ и сейчасъ же вошелъ въ воду, направляясь навстрѣчу лодкѣ.—Дэви,—прибавилъ онъ, останавливаясь,—Дэви, развѣ вы не идете? Мнѣ тяжело оставить васъ.

— Ни шагу,—отвѣчалъ я.

Онъ постоялъ съ секунду, колеблясь; соленая вода достигала до его колѣнъ.

— Если вы сами лѣзете въ петлю, то я не могу помѣшать вамъ,—сказалъ онъ, и, погрузившись глубже, чѣмъ по поясъ, былъ втащенъ въ шлюпку, которая немедленно отправилась обратно къ кораблю.

Я, заложивъ руки за спину, стоялъ тамъ, гдѣ онъ оставилъ меня. Аланъ повернулъ голову и глядѣлъ на меня, а лодка тихо удалялась. Вдругъ мнѣ страшно захотѣлось заплакать, и я показался себѣ самымъ одинокимъ, оставленнымъ юношей во всей

Шотландіи. Съ этой мыслью я спиной повернулся къ морю и взглянулъ на песчаные холмы. Нигдѣ не было ни видно, ни слышно человѣка. Солнце свѣтило на сухой и мокрый песокъ, вѣтеръ шумѣлъ между холмами, и чайки жалобно кричали. Когда я немного поднялся по берегу, песчаныя блохи проворно скакали вокругъ выброшенныхъ моремъ водорослей. Больше ничего не было видно и слышно на этомъ несчастномъ мѣстѣ. Между тѣмъ, я зналъ, что по какой-то тайной причинѣ за мной наблюдаютъ. Люди эти не были воинами, иначе они напали бы на насъ и уже успѣли бы захватить; нѣтъ, безъ сомнѣнія, то были просто обыкновенные мошенники, нанятые на мою пагубу, чтобы похитить меня или просто убить. Принимая во вниманіе положеніе этихъ наемниковъ, первое казалось наиболѣе вѣроятнымъ; но, зная ихъ характеръ и усердіе въ этомъ дѣлѣ, я думалъ, что и второе весьма возможно, и кровь похолодѣла у меня въ жилахъ.

У меня явилась безумная мысль вынуть шпагу изъ ноженъ. Хотя я и не умѣлъ сражаться съ джентльменами, думалъ я, но въ такой случайной схваткѣ могъ все-таки нанести врагу нѣкоторый вредъ. Но я во-время увидѣлъ все безуміе мысли о сопротивленіи. Это, вѣроятно, и было то самое «средство», въ которомъ Престонгрэнджъ согласился съ Фрэзеромъ. Первый, я былъ увѣренъ, сдѣлалъ все возможное, чтобы сохранить мнѣ жизнь; второй, весьма вѣроятно, далъ противорѣчивыя указанія Нэйлю и его товарищамъ... Если бы я сталъ сопротивляться съ оружіемъ въ рукѣ, то сыгралъ бы прямо въ руку своему худшему врагу и подписалъ бы собственный приговоръ.

Съ этими мыслями я дошелъ до края прибрежной полосы и взглянулъ назадъ: лодка приближалась къ бригу, и Аланъ на прощанье махалъ платкомъ; я отвѣтилъ ему движеніемъ руки. Но самъ Аланъ становился незначительнымъ въ моихъ глазахъ по сравненію съ тѣмъ, что меня ожидало. Я нахлобучилъ шляпу, стиснулъ зубы и зашагалъ прямо вверхъ по песчаной насыпи. Подниматься было трудно: склонъ былъ крутой и песокъ уходилъ изъ подъ ногъ, точно вода. Но, наконецъ, я ухватился руками за длинную траву, росшую на вершинѣ, притянулся и сталъ на твердое мѣсто. Въ ту же минуту со всѣхъ сторонъ задвигались и поднялись шесть или семь оборванцевъ съ кинжалами въ рукахъ. Признаюсь, что я закрылъ глаза и молился. Когда я от-

крылъ ихъ, мошенники, безмолвно и не торопясь, подползали ближе. Всѣ глаза были устремлены на меня и поразили меня своей яркостью, а также свѣтившимся въ нихъ какимъ-то страхомъ; они продолжали приближаться. Я протянулъ руки безъ оружія; одинъ изъ негодяевъ съ сильнымъ гайлэндскимъ акцентомъ спросилъ, сдаюсь ли я.

— Съ протестомъ,—сказалъ я,—если вы только понимаете, что это значитъ, въ чемъ сильно сомнѣваюсь.

При этихъ словахъ они накинулись на меня, какъ стая птицъ на падаль, схватили, отняли шпагу, вытащили изъ кармановъ всѣ деньги, крѣпкой веревкой связали мнѣ руки и ноги и бросили меня на траву. Затѣмъ они полукругомъ усѣлись около своего плѣнника и молча глядѣли на него, точно онъ былъ львомъ или тигромъ, готовымъ вскочить и броситься на нихъ. Но вскорѣ ихъ вниманіе ослабло. Они придвинулись ближе другъ къ другу, заговорили по-гэльски и весьма цинично стали дѣлить мое имущество у меня на глазахъ. Развлеченіемъ мнѣ служило то, что я съ своего мѣста могъ наблюдать за бѣгствомъ моего друга. Я видѣлъ, какъ лодка подплывала къ бригу, была поднята на него, какъ надулись паруса, и судно за островами черезъ Нортъ-Бервикъ двинулось къ океану.

Въ продолженіе двухъ часовъ продолжали собираться оборванные гайлэндеры, пока, наконецъ, ихъ шайка увеличилась человѣкъ до двадцати; однимъ изъ первыхъ прибылъ Нэйль. При каждомъ новомъ прибытіи разговоръ снова оживлялся, и въ немъ слышались жалобы и объясненія. Я замѣтилъ, что пришедшіе позже не принимали участія въ дѣлежѣ моего добра. Послѣдній споръ былъ чрезвычайно жарокъ, такъ что я одно время думалъ, не поссорились ли они; вслѣдъ за этимъ шайка раздѣлилась; большая часть толпой направилась къ западу и только трое, Нэйль и двое другихъ, остались сторожить плѣнника.

— Я знаю человѣка, которому бы очень не понравилось ваше сегодняшнее дѣло, Нэйль, сынъ Дункана, — сказалъ я, когда остальные ушли.

Въ отвѣтъ онъ сталъ увѣрять, что со мной будутъ очень хорошо обращаться, такъ какъ онъ знаетъ, что я знакомъ съ леди.

На этомъ кончился нашъ разговоръ; ни одного человѣка не показывалось больше на этой части берега, пока солнце не зашло за гайлэндскія горы и не наступили сумерки. Тогда я уви-

дѣлъ высокаго, тощаго, костляваго смуглолицаго лотіанца, который на деревенской лошадкѣ приближался къ намъ между холмами.

— Что, молодцы, есть у васъ такая бумага?—сказалъ онъ, держа бумагу въ рукахъ.

Нэйль подалъ ему вторую, которую вновь прибывшій сталъ читать сквозь роговыя очки, и, сказавъ, что все въ порядкѣ и что мы дѣйствительно тѣ, кого онъ ищетъ, слѣзъ съ лошади. Тогда меня посадили на его мѣсто, завязали мнѣ ноги подъ животомъ лошади, и мы отправились въ путь подъ предводительствомъ лоулэндера. Онъ, должно быть, хорошо выбралъ дорогу, такъ какъ за все время мы встрѣтили только одну парочку влюбленныхъ, которые, принимая насъ, вѣроятно, за контрабандистовъ, убѣжали при нашемъ приближеніи. Одно время мы были совсѣмъ у подошвы Бервикъ-Ло съ южной стороны; другой разъ, когда мы переходили черезъ открытые холмы, я недалеко среди деревьевъ увидѣлъ огни деревушки и старинную церковную башню, но все-таки это было недостаточно близко, чтобы кричать о помощи, если бы я и хотѣлъ это сдѣлать. Наконецъ, мы снова услышали шумъ моря. Свѣтила луна, но не ярко; и при этомъ свѣтѣ я увидѣлъ три огромныя башни и сломанные стѣнные зубцы Танталлона, прежняго мѣстопребыванія Красныхъ Дугласовъ. Лошадь привязали къ колу на краю канавы, а меня ввели въ ворота, затѣмъ во дворъ и въ полуразрушенный каменный залъ. Здѣсь, на каменномъ же полу, мои проводники развели яркій огонь,—въ эту ночь былъ небольшой морозъ. Мнѣ развязали руки, усадили около внутренней стѣнки и—такъ какъ лоулэндеръ принесъ провизію—дали мнѣ хлѣба изъ овсяной муки и кружку французской водки. Потомъ меня снова оставили въ обществѣ моихъ трехъ гайлэндеровъ. Они сидѣли у самаго огня, попивая водку и разговаривая; вѣтеръ врывался чрезъ проломы стѣны, разносилъ дымъ и пламя и завывалъ въ верхушкахъ башенъ; внизу подъ скалами шумѣло море. Такъ какъ я былъ теперь спокоенъ за свою жизнь, а душа и тѣло устали отъ всего, что пришлось пережить въ этотъ день, я повернулся на бокъ и заснулъ.

Не могу опредѣлить, когда меня разбудили, только мѣсяцъ уже зашелъ, и огонь почти догорѣлъ. Теперь мнѣ развязали и ноги и повели черезъ развалины и внизъ по склону по очень кру-

той тропинкѣ къ бухточкѣ между скалами, гдѣ насъ ожидала рыбачья лодка. Меня посадили въ нее, и мы отплыли отъ берега при чудномъ свѣтѣ звѣздъ.

XIV. Утесъ Бассъ.

Я не имѣлъ понятія о томъ, куда они везутъ меня, и все оглядывался по сторонамъ, ища глазами корабль; въ моей головѣ все звучало выраженіе Рэнсома: «двадцатифунтовые». «Если я во второй разъ буду подвергнутъ опасности попасть на плантаціи, то дѣло кончится для меня плохо», думалъ я. Нечего было теперь ожидать второго Алана, кораблекрушенія и запасного рея, и я представлялъ себѣ, какъ буду работать на табачныхъ плантаціяхъ подъ ударами кнута. При этой мысли дрожь пробѣжала по моему тѣлу; на водѣ было холодно и подножки на лодкѣ покрылись холодной росой, такъ что я дрожалъ, сидя рядомъ съ рулевымъ. Это былъ тотъ смуглый человѣкъ, котораго я до сихъ поръ называлъ лоулэндеромъ; имя его было Дэль, но обыкновенно его называли Чернымъ Энди. Увидѣвъ, что я дрожу, онъ ласково передалъ мнѣ грубую съ приставшей къ ней рыбьей чешуей куртку, которой я радъ былъ покрыться.

— Благодарю васъ за вашу доброту,—сказалъ я,—и осмѣлюсь отплатить вамъ за нее предостереженіемъ. Вы берете на себя большую отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь вы не невѣжественный варваръ-гайлэндеръ, а знаете, что такое законъ и чѣмъ рискують нарушающіе его.

— Нельзя сказать, чтобы я уже такъ во всякое время преклонялся предъ закономъ,—сказалъ онъ,—но въ этомъ дѣлѣ я дѣйствую съ хорошимъ обезпеченіемъ.

— Что вы со мною сдѣлаете?—спросилъ я

— Ничего дурного,—отвѣтилъ онъ,—ровно ничего дурного. Вы будете пользоваться большой свободой. Вамъ будетъ довольно хорошо.

Поверхность моря чуть-чуть освѣтилась; розовыя и красныя пятна, точно отблески дальняго огня, появились на востокѣ, и въ то же время проснулись гуси и закричали на вершинѣ Басса, который, какъ всякій знаетъ, представляетъ изъ себя одинъ скалистый утесъ, но настолько громадный, что въ немъ можно бы высѣчь цѣлый городъ. Море, вообще совершенно спокойное, у

основанія утеса глухо шумѣло. По мѣрѣ того, какъ свѣтлѣло, я видѣлъ его все отчетливѣе: отвѣсныя кручи, побѣлѣвшія, точно отъ мороза, отъ слѣдовъ морскихъ птицъ, покатая вершина, поросшая зеленой травой, стадо бѣлыхъ гусей, кричавшихъ со всѣхъ сторонъ, и темныя разрушенныя зданія тюрьмы на самомъ берегу моря.

При видѣ этого, мнѣ внезапно открылась правда.

— Вы сюда везете меня!—закричалъ я.

— Да, въ Бассъ, любезный,—отвѣчалъ онъ.—Тутъ до васъ были заключены древніе святые, и я не думаю, что вы такъ же невинно попадаете въ тюрьму.

— Но тутъ теперь никто не живетъ,—воскликнулъ я, — тюрьма давно уже обратилась въ развалины!

— Тѣмъ больше удовольствія вы доставите бакланамъ,— сухо отвѣтилъ Энди.

Становилось все свѣтлѣе, и я при дневномъ свѣтѣ увидѣлъ стоявшія на днѣ лодки, между камнями, служащими у рыбаковъ балластомъ, боченки и корзины, а также запасъ дровъ. Все это было выгружено на утесъ. Энди, я и мои три гайлэндера (я называю ихъ своими, хотя слѣдовало бы выразиться иначе) тоже вышли на берегъ. Не успѣло еще взойти солнце, какъ лодка уже плыла обратно, и шумъ веселъ объ уключины отдавался въ утесахъ; мы оставались одни въ этомъ странномъ мѣстѣ заточенія.

Энди Дэль былъ губернаторомъ Басса (какъ его можно было въ шутку назвать) и въ то же время пастухомъ и смотрителемъ за дичью въ этомъ небольшомъ, но богатомъ помѣстьи. Онъ долженъ былъ смотрѣть за дюжиной овецъ, кормившихся и жирѣвшихъ отъ травы, росшей на покатой части утеса, и которыя паслись точно на крышѣ собора. Затѣмъ онъ долженъ былъ смотрѣть за бакланами, гнѣздившимися въ утесахъ, отъ которыхъ получался большой доходъ. Молодые служили такой вкусной пищей, что гастрономы охотно платили по два шиллинга за штуку. Даже взрослыя птицы дорого цѣнятся за сало и перья, такъ что часто жалованье нортъ-бервикскаго священника и до сихъ поръ уплачивается бакланами, почему очень многіе находятъ этотъ приходъ весьма выгоднымъ. Для исполненія этихъ разнообразныхъ обязанностей, а также для предохраненія гусей отъ воровъ, Энди приходилось часто ночевать и проводить цѣлые дни на

утесѣ, такъ что онъ чувствовалъ себя тамъ настолько же дома, какъ фермеръ въ своей постели. Велѣвъ всѣмъ намъ навьючить на себя кое-что изъ багажа (въ чемъ я поторопился помочь), онъ чрезъ замкнутую на замокъ дверь,—единственный входъ на островъ—и чрезъ развалины крѣпости провелъ насъ къ дому губернатора. По золѣ въ каминѣ и кровати въ углу мы увидѣли, что это его обыкновенное мѣстопребываніе.

Онъ предложилъ мнѣ пользоваться его кроватью, предполагая, говорилъ онъ, что я джентльмэнъ.

— Мое дворянство не имѣетъ никакого отношенія къ тому, гдѣ я сплю,—сказалъ я.—Я до сихъ поръ жестко спалъ; благодарю за это Бога, и готовъ снова спать такъ же. Пока я здѣсь, м-ръ Энди—кажется, васъ такъ зовутъ,—я буду принимать участіе въ вашихъ занятіяхъ и дѣлить все съ остальными; васъ же я прошу избавить меня отъ насмѣшекъ, которыя, признаюсь, мнѣ вовсе не нравятся.

Онъ поворчалъ немного на эти слова, но потомъ, послѣ нѣкотораго размышленія, казалось, одобрилъ ихъ. Онъ дѣйствительно былъ не глупый, разсудительный человѣкъ, хорошій вигъ и пресвитеріанецъ, ежедневно читалъ карманную Библію, охотно и со знаніемъ дѣла любилъ разсуждать о религіи, склоняясь замѣтно въ Камероніанскія крайности. Нравственность его была болѣе сомнительна. Я узналъ, что онъ много занимался контрабандой и что развалины Танталлона служили ему складомъ контрабандныхъ товаровъ. Таможенныхъ онъ не ставилъ ни въ грошъ. Эта часть Лотіанскаго берега до сихъ поръ совершенно дикая, и населеніе ея одно изъ наиболѣе грубыхъ въ Шотландіи.

Одинъ случай во время моего заключенія остался мнѣ памятнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя обнаружились гораздо позже. Въ то время въ Фертѣ стаціонировалъ военный корабль «Морской конь», подъ начальствомъ капитана Паллизера. Случилось, что онъ крейсировалъ въ сентябрѣ между Файфомъ и Лотіаномъ, отмѣчая подводные камни. Въ одно прекрасное утро, очень рано, онъ былъ виденъ около двухъ миль къ востоку отъ насъ, гдѣ спустилъ лодку и, казалось, осматривалъ Вильдфайрскія скалы и Чортовъ кустъ, извѣстные своей опасностью мѣста на этомъ берегу. Затѣмъ, забравъ лодку, пошелъ по вѣтру и прямо направился на Бассъ. Это причинило большое безпокойство Энди и гайлэндерамъ: мое заключеніе должно было остаться

въ тайнѣ, а если теперь на берегъ явится морской капитанъ, то дѣло станетъ общеизвѣстнымъ, а можетъ быть, случится и еще худшее. Я былъ одинъ, не могъ, какъ Аланъ, защищаться противъ стольких людей и зналъ, что сопротивленіе ни въ какомъ случаѣ не улучшитъ моего положенія. Принявъ все это во вниманіе, я далъ слово Энди, что буду слушаться и хорошо вести себя, и былъ быстро отправленъ на вершину скалы, гдѣ всѣ мы легли въ разныхъ мѣстахъ у края утеса, прячась и наблюдая. «Морской конь» шелъ все прямо, такъ что я думалъ, что онъ ударится о скалу, и мы, глядя внизъ, видѣли матросовъ на вахтѣ и слышали, какъ лотовой кричалъ у лота. Вдругъ корабль повернулъ чрезъ фордевиндъ и выпустилъ залпъ не знаю сколькихъ ружей. Отъ грома этого залпа скала потряслась, дымъ разостлался надъ нашими головами, и гуси поднялись въ невѣроятномъ количествѣ. Чрезвычайно любопытно было слышать ихъ крикъ и видѣть мельканіе ихъ крыльевъ, и я думаю, что капитанъ Паллизеръ подошелъ такъ близко къ Бассу единственно изъ-за этого ребяческаго удовольствія. Со временемъ ему пришлось дорого расплатиться за это. Во время приближенія корабля я имѣлъ случай замѣтить снасти этого судна, по которому впослѣдствіи могъ отличить его за нѣсколько миль. Провидѣніе помогло мнѣ этимъ способомъ отвратить отъ друга большое несчастіе и нанести чувствительный ударъ самому капитану Паллизеру.

Мы жили очень хорошо за все время моего пребыванія на скалѣ. У насъ были эль и водка и овсяная мука, изъ которой утромъ и вечеромъ мы приготовляли похлебку. По временамъ изъ Кастлетона пріѣзжала лодка, привозившая намъ четверть барана; мы не смѣли трогать овецъ на скалѣ, которыхъ откармливали спеціально для рынка. Гуси, къ сожалѣнію, были не по сезону, такъ что мы ихъ не трогали. Мы сами ловили рыбу, но чаще заставляли баклановъ ловить за себя: мы наблюдали за ними и когда видѣли, что который-нибудь изъ нихъ словилъ добычу, то отнимали ее прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ проглотить.

Своеобразная природа этого мѣста, рѣдкости, которыми оно изобиловало, занимали и интересовали меня. Такъ какъ бѣгство было невозможно, то мнѣ предоставили полную свободу, и я постоянно изслѣдовалъ поверхность острова вездѣ, гдѣ только возможно было ступить человѣческой ногѣ. Здѣсь оставались еще слѣды прежняго тюремнаго сада, въ которомъ дико росли цвѣты

и огородные овощи, а на маленькомъ деревцѣ висѣло нѣсколько спѣлыхъ вишенъ. Немного ниже находилась часовня или келья отшельника; кто жилъ въ ней, было неизвѣстно, и ветхость ея служила темой для многихъ соображеній. Самая тюрьма, гдѣ я теперь расположился съ гайлэндскими ворами, была когда-то ареной какъ исторіи церкви, такъ и общечеловѣческой. Мнѣ казалось страннымъ, что такъ много святыхъ и мучениковъ, проживавшихъ здѣсь такъ недавно, не оставили даже листка изъ своей Библіи или вырѣзаннаго въ стѣнѣ имени, тогда какъ грубые солдаты, стоявшіе на часахъ по стѣнамъ, заполнили все вокругъ воспоминаніями о себѣ — по большей части ломанными трубками (ихъ было чрезвычайно много) и металлическими пуговицами своихъ мундировъ. Иногда мнѣ казалось, что я услышу набожный напѣвъ псалмовъ въ подземныхъ темницахъ, гдѣ сидѣли мученики, и увижу, какъ солдаты съ трубками въ зубахъ разгуливаютъ по стѣнамъ, а за ними изъ Сѣвернаго моря поднимается утренняя заря.

Безъ сомнѣнія, эти представленія въ значительной степени вызывались Энди и его разсказами. Онъ замѣчательно хорошо во всѣхъ подробностяхъ зналъ исторію скалы до именъ отдѣльныхъ солдатъ включительно, такъ какъ отецъ его служилъ здѣсь въ гарнизонѣ. Кромѣ того, онъ обладалъ особеннымъ даромъ разсказывать: казалось, что люди говорятъ, и дѣла совершаются передъ вашими глазами. Этотъ даръ его и мое усердіе слушать особенно сблизили насъ. Я не могъ отрицать, что онъ мнѣ нравится, и скоро замѣтилъ, что и я ему нравлюсь, такъ какъ съ самаго начала я старался снискать его расположеніе. Странный случай помогъ этому сверхъ моего ожиданія, но даже съ самаго начала мы были въ слишкомъ дружескихъ отношеніяхъ для плѣнника и тюремщика.

Я бы солгалъ, сказавъ, что пребываніе мое на Бассѣ было во всѣхъ отношеніяхъ непріятнымъ. Нѣтъ, оно казалось мнѣ безопаснымъ мѣстомъ, куда я спасся отъ всѣхъ своихъ треволненій. Мнѣ не причиняли никакого вреда; скалы и глубокое море предохраняли меня отъ новыхъ покушеній; я чувствовалъ, что жизнь и честь мои здѣсь въ безопасности, и иногда позволялъ себѣ мириться съ этимъ. Но порою мнѣ приходили въ голову совершенно иныя мысли. Я вспоминалъ, какъ твердо я высказался Ранкэйлору и Стюарту; я соображалъ, что мое заключеніе на

Бассѣ, въ виду береговъ Файфа и Лотіана, могло скорѣй казаться выдумкой, чѣмъ дѣйствительностью, и я—по крайней мѣрѣ, въ глазахъ этихъ двухъ джентльмэновъ—долженъ показаться хвастуномъ и трусомъ. Положимъ, я относился къ этому довольно легко и убѣждалъ себя, что пока я сохраняю хорошія отношенія съ Катріоной Друммондъ, мнѣніе всѣхъ остальныхъ людей для меня безразлично, и погружался въ мечты влюбленнаго, которыя такъ пріятны ему самому и должны казаться удивительно праздными для читателя. Но временами на меня нападалъ другой страхъ: во мнѣ пробуждалось самолюбіе, и эти предполагаемыя осужденія казались несправедливостью, которой я не могъ перенести. Затѣмъ слѣдовали другія мысли, и меня начинало преслѣдовать воспоминаніе о Джемсѣ Стюартѣ, заключенномъ въ тюрьму, и о вопляхъ его жены. Тогда я приходилъ въ возбужденіе: я не могъ простить себѣ свою бездѣятельность; мнѣ казалось, что, если я дѣйствительно мужчина, то долженъ вылетѣть или уплыть изъ своего убѣжища. Въ такомъ настроеніи, чтобы успокоить упреки совѣсти, я еще болѣе старался добиться расположенія Энди Дэля.

Наконецъ, когда мы въ одно прекрасное утро находились вдвоемъ на вершинѣ утеса, я намекнулъ ему на возможность подкупа. Онъ взглянулъ на меня, откинулъ голову и громко разсмѣялся.

— Вы очень смѣшливы, м-ръ Дэль,—сказалъ я,—но, можетъ быть, перемѣните мнѣніе, когда взглянете на эту бумажку.

Глупые гайлэндеры, захвативъ меня, отняли у меня только звонкую монету, а бумага, которую я теперь показывалъ Энди, была чекомъ Британскаго Льнянопрядильнаго Общества на значительную сумму.

Онъ прочелъ ее.

— Дѣйствительно, у васъ совсѣмъ недурное состояніе,—сказалъ онъ.

— Я думалъ, что это, можетъ быть, измѣнитъ ваши взгляды,—замѣтилъ я.

— Гм...—сказалъ онъ,—это доказываетъ только, что вы въ состояніи подкупать, но меня подкупить нельзя.

— Это мы еще увидимъ,—отвѣчалъ я.—Сперва я докажу вамъ, что знаю, въ чемъ дѣло. Вы получили приказанія удержать меня здѣсь до четверга, 21 сентября

— Вы не совсѣмъ ошиблись,—сказалъ Энди.—Я долженъ отпустить васъ, если не будетъ другихъ приказаній, въ субботу, 23-го.

Я не могъ не замѣтить коварства подобнаго распоряженія. Я долженъ былъ появиться тогда, когда будетъ уже слишкомъ поздно, и это вызвало бы еще меньше довѣрія къ моему объясненію, если бы я вздумалъ давать его; сознаніе это доводило меня до бѣшенства.

— Ну, Энди, вы знакомы со свѣтомъ и потому выслушайте меня и подумайте о моихъ словахъ,—сказалъ я.—Я знаю, что въ дѣло мое замѣшаны важныя особы, и не сомнѣваюсь, что вы знаете ихъ имена. Я самъ съ тѣхъ поръ, какъ началось мое дѣло, видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и высказалъ имъ въ лицо свое мнѣніе. Но въ какомъ же меня обвиняютъ преступленіи? И какому я подвергнутъ обращенію? Нѣсколько оборванныхъ гайлэндеровъ захватываютъ меня 30 августа, привозятъ на груду старыхъ камней, не крѣпость и не тюрьму, — чѣмъ бы они прежде ни были, — но жилище хранителя дичи на скалѣ Бассъ, и отпускаютъ на свободу 23 сентября такъ же тайно, какъ и арестовали меня. Развѣ, по вашему, это законно или справедливо? Не похоже ли это скорѣе на грязную интригу, которой должны стыдиться тѣ, кто замѣшанъ въ ней?

— Я не могу опровергнуть васъ, Шоосъ. Это, дѣйствительно, выглядитъ некрасиво, — отвѣчалъ Энди. — И если бы эти люди не были хорошими вигами и настоящими пресвитеріанцами, я бы прогналъ ихъ, прежде чѣмъ помогать въ этомъ дѣлѣ.

— Значитъ Ловатъ хорошій вигъ и прекрасный пресвитеріанецъ? — сказалъ я.

— Я не знаю его, — отвѣчалъ онъ, — я не имѣю никакихъ сношеній съ Ловатами.

— Такъ значитъ вы имѣете дѣло съ Престонгрэнджемъ?— замѣтилъ я.

— Ну, этого я вамъ не скажу, — сказалъ Энди.

— Нечего и говорить, когда я самъ знаю, — отвѣчалъ я.

— Въ одномъ вы можете быть увѣрены, Шоосъ, — сказалъ Энди, — а именно, что, какъ бы вы ни старались, я не имѣю дѣлъ съ вами и не намѣренъ имѣть ихъ, — прибавилъ онъ.

— Хорошо, Энди, я вижу, что мнѣ слѣдуетъ поговорить съ

вами откровенно,—замѣтилъ я. И разсказалъ ему все, что считалъ необходимымъ.

Онъ выслушалъ съ серьезнымъ интересомъ, и, когда я кончилъ, казалось, что-то соображалъ.

— Шоосъ,—сказалъ онъ, наконецъ, — я буду съ вами откровененъ. Это странный разсказъ, который въ той формѣ, какъ вы передали его, не заслуживаетъ большого довѣрія; и мнѣ кажется, что дѣло не совсѣмъ такъ, какъ вы думаете. Вы же сами кажетесь мнѣ вполнѣ порядочнымъ молодымъ человѣкомъ. Но такъ какъ я старше и разсудительнѣе, то, можетъ быть, лучше понимаю это дѣло, чѣмъ вы. Я высказалъ вамъ все ясно и откровенно. Вамъ не будетъ никакого вреда отъ того, что вы останетесь здѣсь; напротивъ, мнѣ кажется, что вы отъ этого только выиграете. Не будетъ также никакого вреда странѣ — повѣсятъ только одного гайлэндера, видитъ Богъ, это не такъ важно! Съ другой стороны, если бы я отпустилъ васъ, то нанесъ бы себѣ самому большой вредъ. Итакъ, какъ хорошій вигъ, какъ честный другъ по отношенію къ вамъ и заботливый другъ самому себѣ, я нахожу, что лучше вамъ оставаться здѣсь съ Энди и гусями.

— Энди, — сказалъ я, положивъ руку ему на колѣно,— вѣдь тотъ гайлэндеръ невиненъ!

— Что жъ, очень жаль, — отвѣтилъ онъ, — но, видите ли, въ этомъ мірѣ мы не всегда можемъ добиться всего, чего хотимъ.

XV. Разсказъ Чернаго Энди о Тодѣ Лапрайкѣ.

Я пока мало говорилъ о гайлэндерахъ. Всѣ трое были приверженцы Джемса Мора, что служило тяжкимъ обвиненіемъ ихъ начальнику. Всѣ они знали два-три слова по-англійски, но одинъ Нэйль считалъ себя достаточно знакомымъ съ этимъ языкомъ, чтобы вести общіе разговоры; однако, когда онъ рѣшался на это, слушатели его очень часто бывали совершенно другого мнѣнія. Гайлэндеры были смирные простые люди, гораздо болѣе благовоспитанные, чѣмъ то можно было предполагать по ихъ ободранному и неуклюжему виду; съ самаго начала они стали какъ бы слугами Энди и моими.

Мнѣ казалось, что въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, среди разва-

линъ бывшей тюрьмы и постояннаго страннаго шума моря и морскихъ птицъ, они ощущали какой-то суевѣрный страхъ. Когда дѣлать было нечего, они или ложились спать (казалось, это никогда не надоѣдало имъ), или же Нэйль разсказывалъ остальнымъ исторіи, должно быть, всегда страшныя. Если же оба эти развлеченія были невозможны—когда, напримѣръ, двое спали, а третій не могъ послѣдовать ихъ примѣру, — то я видѣлъ, что этотъ послѣдній, напряженный, какъ тетива лука, прислушивался и глядѣлъ вокругъ съ возраставшимъ постепенно безпокойствомъ, вздрагивая, блѣднѣя, сжимая руки. Я не имѣлъ случая узнать, какого рода страхъ волновалъ гайлэндеровъ, но безпокойство ихъ было заразительно, да и самое мѣсто, гдѣ мы находились, предрасполагало къ тревогѣ. Я не могу найти подходящаго выраженія по-англійски, но по-шотландски Энди говорилъ о немъ неизмѣнно:

— Да, — говорилъ онъ, — Бассъ—жуткое мѣсто.

Оно всегда представляется мнѣ именно такимъ. Жутко въ немъ было ночью, жутко и днемъ; странные звуки — крикъ баклановъ, плескъ моря и эхо въ скалахъ — постоянно раздавались въ нашихъ ушахъ. Таковъ былъ Бассъ въ умѣренную погоду. Когда же волны становились крупнѣе и ударялись въ скалу, то шумъ ихъ напоминалъ громъ или барабанный бой—и страшно и весело было слышать ихъ! Но и въ тихіе дни Бассъ могъ нагнать страхъ на любого, не только на гайлэндера, какъ я самъ нѣсколько разъ испыталъ; такъ много таинственныхъ глухихъ звуковъ раздавалось и отражалось подъ сводами скалы.

При воспоминаніи о Бассѣ мнѣ приходитъ въ голову слышанный мною разсказъ и сцена, въ которой я принималъ участіе, совершенно измѣнившая нашъ образъ жизни и имѣвшая громадное вліяніе на мой отъѣздъ. Случилось какъ-то вечеромъ, что я, сидя задумчиво у очага и вспоминая мотивъ Алана, сталъ насвистывать его. Вдругъ ко мнѣ на плечо опустилась чья-то рука, и голосъ Нэйля велѣлъ мнѣ остановиться, потому что это нехорошая музыка.

— Нехорошая?—спросилъ я.—Почему?

— Потому что это пѣсня привидѣнія, — сказалъ онъ,—у котораго голова отрублена отъ туловища *).

---

*) Одинъ знакомый мнѣ изслѣдователь народныхъ легендъ сообщаетъ слѣдующее о пѣснѣ Алана: первоначально, кажется, она была напечатана

— Здѣсь не можетъ быть привидѣній, Нэйль, — замѣтилъ я, — они не стали бы тревожиться для того, чтобы пугать баклановъ.

— Вы думаете? — спросилъ Энди. — Могу увѣрить васъ, что здѣсь водилось нѣчто похуже привидѣній.

— Что же здѣсь было хуже привидѣній, Энди? — спросилъ я.

— Колдуны, — сказалъ онъ, — или, по крайней мѣрѣ, один колдунъ. Это странный разсказъ. Если хотите, разскажу вамъ, прибавилъ онъ.

Мы, понятно, всѣ захотѣли услышать его, и даже наименѣе знакомый съ англійскимъ языкомъ гайлэндеръ присѣлъ и сталъ внимательно слушать.

Разсказъ о Тодѣ Лапрайкѣ.

— Мой отецъ, Томъ Дэль, — миръ его праху! — въ юности былъ дикимъ, необузданнымъ мальчишкой, не обладавшимъ ни разсудительностью, ни любезностью. Онъ любилъ молодыхъ дѣвушекъ, любилъ рюмочку, любилъ драку; но никогда я не слышалъ, чтобы онъ годился на какое-нибудь честное дѣло. То да другое, и онъ, наконецъ, поступилъ въ солдаты и служилъ въ гарнизонѣ здѣшняго форта—это былъ первый случай, что кто-либо изъ Дэлей очутился на Бассѣ. Скверная то была служба! Начальникъ самъ варилъ эль, кажется, нельзя было представить себѣ что-нибудь хуже! Провизія должна была доставляться на скалу съ берега, но дѣло это велось небрежно, и бывали времена, что пищей гарнизону служила только рыба и застрѣленные солдатами гуси. Въ довершеніе всего, то было время гоненія. Смертельно холодныя камеры всѣ были заняты святыми и мучениками, солью земли, и которой она была недостойна. И хотя Томъ Дэль и носилъ ружье, и былъ простымъ солдатомъ, любившимъ дѣвушекъ и рюмочку, какъ я уже говорилъ, но душа его была праведнѣе, чѣмъ того требовало его положеніе. Онъ зналъ кое-что о славѣ церкви; онъ порою серьезно сердился,

---

въ сборникѣ Кембелля «Сказки западнаго Гайлэнда», т. II, стр. 91. По разсмотрѣніи ихъ дѣйствительно оказывается, что перифмованныя вирши миссъ Грантъ (см. главу V) съ нѣкоторой натяжкой передаютъ подлинникъ.

видя, какъ обманываютъ святыхъ Божіихъ, и сгоралъ со стыда, что какъ бы помогаетъ такому темному дѣлу. Иногда ночью, когда онъ стоялъ на часахъ и все было пустынно кругомъ, а зимняя стужа свирѣпствовала въ замкѣ, онъ вдругъ слышалъ, какъ какой-нибудь узникъ затягивалъ псаломъ, остальные подхватывали его, и священные звуки поднимались изъ различныхъ камеръ, такъ что эта старая скала среди моря казалась небомъ. Онъ чувствовалъ въ душѣ сильнѣйшій стыдъ, грѣхи его росли передъ нимъ до размѣровъ Басса и даже еще больше; главнымъ же грѣхомъ было, что онъ помогаетъ мучить и губить служителей Церкви Божіей. Но онъ старался бороться съ этимъ чувствомъ. Наступалъ день, вставали товарищи, и его хорошія мысли исчезали.

«Въ тѣ дни на Бассѣ жилъ Божій человѣкъ, по имени Педенъ-пророкъ. Вы, вѣроятно, слышали о Педенѣ-пророкѣ? Съ тѣхъ поръ не было никого подобнаго ему, и многіе думаютъ, что не было и прежде. Онъ былъ дикъ и свирѣпъ, страшно было глядѣть на него, страшно слушать: на лицѣ его точно отражался Страшный Судъ. Голосъ его, рѣзкій, какъ у баклана, звенѣлъ въ ушахъ людей, а слова его жгли, какъ раскаленные уголья.

«На скалѣ жила молодая дѣвушка, должно быть, не особенно порядочная, такъ какъ это было не мѣсто для приличныхъ женщинъ; но, кажется, она была красива и сошлась съ Томомъ Дэлемъ. Случилось, что Педенъ былъ въ саду и молился, когда Томъ съ дѣвушкой проходили мимо, и дѣвушка вдругъ стала со смѣхомъ передразнивать молитву святого. Тотъ поднялся и взглянулъ на обоихъ, и отъ взгляда его у Тома подкосились ноги. Но когда Педенъ заговорилъ, то въ голосѣ его звучало больше грусти, чѣмъ гнѣва.

«— Бѣдняжка, бѣдняжка! — сказалъ онъ, глядя на дѣвушку. — Ты кричишь и смѣешься, но Господь приготовилъ для тебя смертельный ударъ, и въ чудесную минуту суда ты вскрикнешь только разъ!

«Вскорѣ затѣмъ она бродила по скаламъ въ обществѣ двухъ-трехъ солдатъ въ вѣтреный день. Налетѣлъ сильный порывъ вѣтра, подхватилъ ее за одежду и унесъ со всѣмъ, что было на ней. Солдаты замѣтили, что она успѣла только разъ вскрикнуть.

«Этотъ случай, безъ сомнѣнія, произвелъ нѣкоторое впечат

лѣніе на Тома Дэля; но вскорѣ оно сгладилось, и онъ не сталъ лучше. Разъ какъ-то онъ разгуливалъ съ другимъ солдатомъ.

«— Чортъ меня возьми! — сказалъ Томъ, такъ какъ любилъ чертыхаться.

«И вдругъ онъ увидѣлъ, что на него смотритъ Педенъ, изможденный и печальный, съ длиннымъ лицомъ и горящими глазами, въ старой посконной одеждѣ, вытянувъ руку съ черными ногтями, такъ какъ онъ не заботился о тѣлѣ.

«— Фуй, фуй, бѣдняга, — воскликнулъ онъ,—бѣдный, безумный человѣкъ! «Чортъ меня возьми», сказалъ онъ; и я вижу чорта слѣдомъ за нимъ.

«Сознаніе своей вины и вѣра въ милосердіе Божіе нахлынули на Тома, какъ волна; онъ бросилъ пику, которая была у него въ рукахъ.

«— Я не хочу болѣе поднимать оружіе противъ Христа!— сказалъ онъ и сдержалъ слово.

«Сначала произошла большая путаница, но когда начальникъ увидѣлъ, что рѣшеніе его твердо, онъ уволилъ его отъ службы, и Томъ съ тѣхъ поръ жилъ весело въ Нортъ-Бервикѣ и былъ уважаемъ честными людьми.

«Въ тысяча семьсотъ шестомъ году Бассъ перешелъ въ руки Дальримплей, и охранять его добивалось двое. Оба они были достойные люди, такъ какъ прежде служили солдатами въ гарнизонѣ, умѣли обращаться съ бакланами, знали время и цѣны на нихъ. Кромѣ того, оба были — или казались — серьезными людьми, умѣющими вести приличный разговоръ. Однимъ былъ Томъ Дэль, мой отецъ, другого же звали Лапрайкъ; обыкновенно его называли Тодъ Лапрайкъ, но я никогда не слыхалъ, было ли это его настоящее имя, или эта кличка была дана ему вслѣдствіе его характера *). Разъ Томъ по этому дѣлу отправился къ Лапрайку и повелъ съ собой за руку меня, тогда еще маленькаго мальчика. Тодъ жилъ въ проулкѣ къ сѣверу отъ кладбища. Это былъ темный, страшный переулокъ, тѣмъ болѣе, что и сама церковь пользовалась дурной репутаціей со временъ Іакова VI и дьявольскаго обмана, разыграннаго въ ней, пока королева плавала по морю. Домъ же Тода находился въ самомъ темномъ углу проулка, и знавшіе его не любили бывать въ немъ.

*) Tod значитъ лисица.

Дверь его въ этотъ день была не замкнута, такъ что я и отецъ прямо вошли въ домъ. Тодъ по профессіи былъ ткачъ; станокъ его стоялъ въ концѣ комнаты, и около него сидѣлъ самъ хозяинъ, немного полный, блѣдный, небольшой человѣкъ, похожій на слабоумнаго, съ какой-то блаженной улыбкой, отъ которой у меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ. Рука его держала челнокъ, но глаза были закрыты. Мы звали его по имени, кричали ему въ ухо, трясли его за плечо, все напрасно! Онъ продолжалъ сидѣть на табуретѣ, держалъ челнокъ и улыбался, какъ полоумный.

«— Съ нами крестная сила, — сказалъ Томъ Дэль, — это не хорошо!

«Не успѣлъ онъ сказать этихъ словъ, какъ Тодъ Лапрайкъ пришелъ въ себя.

«— Это вы, Томъ? — спросилъ онъ. — Очень радъ видѣть васъ, любезный. Со мною дѣлаются иногда подобные обмороки, — продолжалъ онъ, — это отъ желудка.

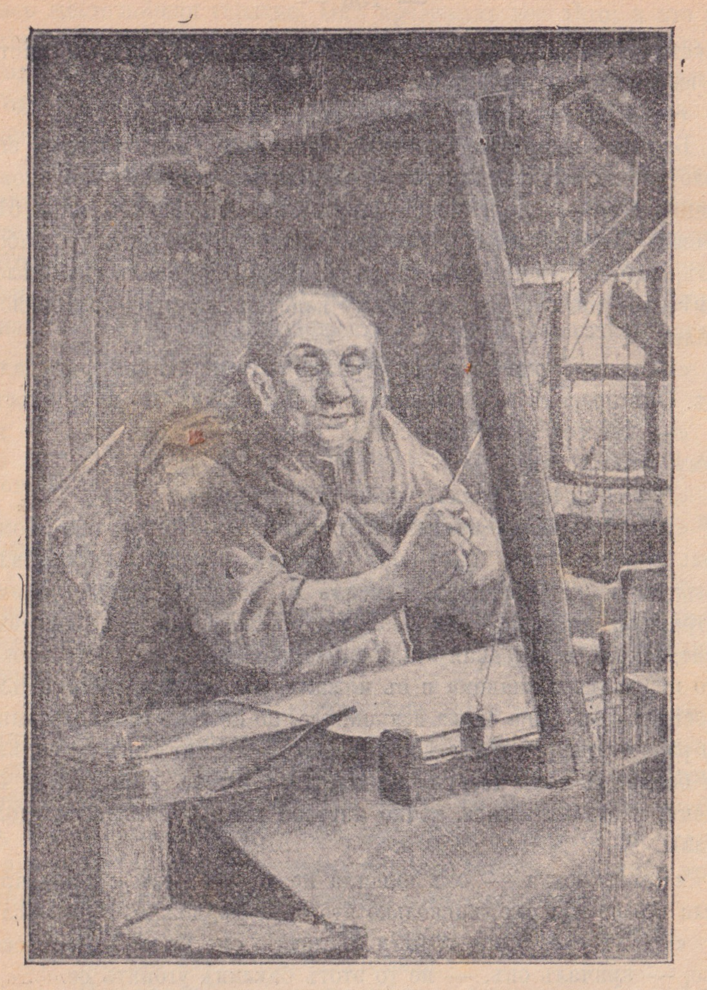
«Оба они стали разговаривать о Бассѣ и о томъ, кому изъ нихъ будетъ поручено охранять его, и мало-по-малу дошли до ругани и разстались въ гнѣвѣ. Я хорошо помню, что когда я съ отцомъ возвращался домой, онъ все вспоминалъ Тода Лапрайка, говоря, что ему не нравится ни онъ самъ, ни его обмороки.

«— Обморокъ!—говорилъ онъ.—Я думаю, что людей сжигали за подобные обмороки.

«Вскорѣ мой отецъ получилъ Бассъ, а Тодъ остался непричемъ. Впослѣдствіи вспоминали, какъ онъ принялъ это извѣстіе.

«— Томъ,—сказалъ онъ,—вы еще разъ одержали верхъ надо мной, и я надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, вы найдете въ Бассѣ, все, чего ожидали.

«Послѣ находили, что это замѣчательныя слова. Наконецъ, настало время, когда Томъ Дэль долженъ былъ брать молодыхъ баклановъ. Къ этому дѣлу онъ давно привыкъ: онъ еще ребенкомъ лазилъ по скаламъ и теперь не хотѣлъ никому довѣрить этого дѣла. Привязанный за веревку, онъ лазилъ по самымъ крутымъ, высокимъ склонамъ утеса. Нѣсколько здоровыхъ малыхъ стояло на вершинѣ, держа веревку и слѣдя за его сигналами. Но тамъ, гдѣ находился Томъ, была только скала, да море внизу, да кричащіе и летающіе бакланы. Весеннее утро было прекрасно, и Томъ посвистывалъ, ловя молодыхъ птицъ. Много

Около станка сидѣлъ самъ хозяинъ...

разъ онъ разсказывалъ мнѣ о происшествіи, и каждый разъ у него выступалъ холодный потъ.

«Случилось, что Томъ взглянулъ наверхъ и увидѣлъ большого баклана, клевавшаго веревку. Ему это показалось необыкновеннымъ и несогласнымъ съ привычками птицы. Онъ сообразилъ, что веревки не особенно крѣпки, а клювъ баклана и скала

Басс чрезвычайно тверды, и что ему не очень пріятно упасть съ высоты двухсотъ футовъ.

«— Шш...—сказалъ Томъ,—шш... пошла прочь!

Бакланъ взглянулъ прямо въ лицо Тому, и въ глазахъ его было что-то жуткое. Бросивъ одинъ только взглядъ, онъ снова принялся за веревку; теперь онъ клевалъ и работалъ, какъ бѣшеный. Никогда не существовало баклана, который бы работалъ, подобно этому; онъ, казалось, прекрасно зналъ свое дѣло, помѣстивъ мягкую веревку между клювовъ и острой зазубриной скалы.

«Въ душу Тома закрался страхъ. «Это не птица», подумалъ онъ. Онъ бросилъ взглядъ назадъ, и въ глазахъ его помутилось.

«— Если у меня закружится голова,—сказалъ онъ, — то Тому Дэлю конецъ.

«И онъ подалъ знакъ, чтобы его подняли.

«Казалось, бакланъ понималъ сигналы. Не успѣлъ Томъ Дэль подать знакъ, какъ онъ бросилъ веревку, расправилъ крылья, громко крикнулъ, описалъ въ воздухѣ кругъ и прямо устремился на глаза Тома Дэля. Но у Тома былъ ножъ, онъ выхватилъ его, и холодная сталь заблестѣла на солнцѣ. Казалось, что птица была знакома и съ ножами, потому что, какъ только блеснула сталь, она снова вскрикнула, но не такъ громко, и какъ бы разочарованно, и улетѣла за скалу, такъ что Томъ не видѣлъ ея болѣе. И какъ только она улетѣла, голова Тома упала на плечи, и его вытащили, точно мертвое тѣло, болтавшееся вдоль скалы.

«Чарка водки — онъ никогда не ходилъ безъ нея — привела его въ чувство, насколько это было возможно, и онъ сѣлъ.

«— Скорѣе, Джорди, бѣги къ лодкѣ, смотри за лодкой, скорѣе, — кричалъ онъ, — не то этотъ бакланъ угонитъ ее.

«Птицеловы удивленно переглянулись и старались убѣдить его успокоиться. Но Томъ Дэль не успокоился, пока одинъ изъ нихъ не побѣжалъ впередъ, чтобы сторожить лодку. Остальные спросили, полѣзетъ ли онъ снова внизъ.

«— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — ни я не спущусь, ни васъ не пошлю; и какъ только я буду въ состояніи стать на ноги, мы уѣдемъ съ этого дьявольскаго утеса.

«Понятно, они не теряли времени, да и хорошо сдѣлали; не успѣли они доплыть до Нортъ-Бервика, какъ у Тома разыгра-

лась жесточайшая горячка. Онъ пролежалъ все лѣто; и кто же былъ такъ добръ, что приходилъ навѣдываться о его здоровьи? Тодъ Лапрайкъ! Впослѣдствіи люди говорили, что какъ только Тодъ подходилъ къ дому, горячка усиливалась. Этого я не помню, но отлично знаю, чѣмъ все кончилось.

«Стояла осень, какъ теперь. Дѣдъ мой отправился на ловлю скатовъ, и я, какъ всѣ дѣти, захотѣлъ поѣхать съ нимъ. Помню, что уловъ былъ большой, и что, слѣдуя за рыбой, мы очутились вблизи Басса и встрѣтились съ другой лодкой, принадлежавшей Сэнди Флетчеру изъ Кастльтона. Онъ тоже недавно умеръ, иначе вы могли бы сами спросить его. Сэнди окликнулъ насъ.

«— Что тамъ на Бассѣ?—спросилъ онъ.

«— На Бассѣ?—переспросилъ дѣдъ.

«— Да,—сказалъ Сэнди,—на его луговой сторонѣ?

«— Что тамъ такое?—спросилъ дѣдъ.—На Бассѣ не можетъ быть ничего, кромѣ овецъ.

«— Это очень похоже на человѣка, — сказалъ Сэнди, находившійся ближе.

«— На человѣка! — воскликнули мы, и намъ это очень не понравилось: у скалы не было лодки, которая могла бы привезти человѣка, а ключи тюрьмы висѣли дома у изголовья складной кровати моего отца.

«Мы для компаніи сблизили свои лодки и вмѣстѣ подошли ближе. У дѣда моего имѣлась зрительная труба — онъ прежде былъ морякомъ и плавалъ капитаномъ на рыболовномъ суднѣ, которое затопилъ на меляхъ Тэя. Когда мы взглянули въ трубу, то, дѣйствительно, увидѣли человѣка. Онъ находился въ углубленіи зеленаго склона, немного повыше часовни, у самой тропинки, метался, прыгалъ и плясалъ, какъ сумасшедшій.

«— Это Тодъ,—сказалъ дѣдъ, передавая трубу Сэнди.

«— Да, это онъ,—отвѣчалъ Сэнди.

«— Или кто-нибудь, принявшій его образъ,—сказалъ дѣдъ.

«— Разница въ этомъ небольшая,—произнесъ Сэнди,—чортъ ли это или колдунъ, я попробую выстрѣлить въ него.—И онъ досталъ ружье, которымъ стрѣлялъ дичь, такъ какъ Сэнди былъ извѣстнымъ стрѣлкомъ во всей окрестности.

«— Подождите, Сэнди, — сказалъ мой дѣдъ,—надо прежде разсмотрѣть хорошенько, иначе это дѣло можетъ дорого обойтись намъ обоимъ.

«— Что тутъ ждать? — замѣтилъ Сэнди. — Это будетъ Божій судъ, разрази меня Богъ!

«— Можетъ быть и такъ, а можетъ быть и иначе,—сказалъ мой дѣдъ, достойный человѣкъ!—Не забывайте правительственнаго прокурора, съ которымъ вы, кажется, уже встрѣчались.

«Это была правда, и Сэнди пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство.

«— Ну, Эди, — сказалъ онъ, — а какъ бы вы поступили?

«— Вотъ какъ,—отвѣчалъ дѣдъ.—Такъ какъ у меня лодка быстрѣе, то я вернусь въ Нортъ-Бервикъ, а вы оставайтесь здѣсь и наблюдайте за э т и м ъ. Если я не найду Лапрайка, я вернусь, и оба мы поговоримъ съ нимъ; но если Лапрайкъ дома, я вывѣшу на пристани флагъ, и вы можете стрѣлять въ это существо.

«На этомъ они и порѣшили. Я перелѣзъ въ лодку Сэнди, думая, что здѣсь произойдетъ наиболѣе интересное. Мой дѣдъ далъ Сэнди серебряную монету, чтобы положить ее въ ружье вмѣстѣ съ свинцовою дробью, такъ какъ она была болѣе смертельна для привидѣній. Затѣмъ одна лодка отправилась въ Нортъ-Бервикъ, а другая осталась на мѣстѣ, наблюдая за таинственнымъ существомъ на склонѣ утеса.

«Все время, пока мы находились тамъ, оно металось и прыгало, приcѣдало и кружилось, какъ юла, и иногда мы слышали, какъ оно смѣялось, вертясь. Я видывалъ, какъ молодыя дѣвушки, проскакавъ и проплясавъ всю зимнюю ночь напролетъ, все еще прыгаютъ и пляшутъ, даже когда наступаетъ зимній день. Но у нихъ бываетъ компанія: молодые люди подстрекаютъ ихъ; это же существо было совершенно одно. У тѣхъ въ углу у камина скрипачъ дрыгалъ рукой; это же существо плясало безъ другой музыки, кромѣ крика баклановъ. Дѣвушки были молоды, и жизнь ключомъ била и играла въ нихъ; это же былъ большой, жирный, блѣдный человѣкъ, уже не молодыхъ лѣтъ. Говорите, что хотите, а я скажу вамъ, что самъ думаю. Мнѣ казалось, что въ душѣ этого созданія была радость, вѣроятно, адская радость, но радость во всякомъ случаѣ. Я много разъ задавалъ себѣ вопросъ, зачѣмъ вѣдьмы и колдуны продаютъ свои души (свою самую дорогую собственность) и остаются старыми, дрожащими, морщинистыми женщинами или слабыми, шатающимися стариками? И тогда я вспоминаю Тода Ла-

прайка, пляшущаго одиноко отъ злобной радости въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Безъ сомнѣнія, они потомъ горятъ за это въ аду, но зато наслаждаются при жизни — спаси насъ, Господи!

«Наконецъ, мы увидѣли, что на скалахъ гавани на вершинѣ мачты появился флагъ. Этого только и ждалъ Сэнди. Онъ поднялъ ружье, внимательно прицѣлился и спустилъ курокъ. Раздался выстрѣлъ и затѣмъ печальный крикъ съ Басса. Мы протерли себѣ глаза и взглянули другъ на друга, какъ сумасшедшіе, такъ какъ послѣ выстрѣла и крика существо безслѣдно пропало. Свѣтило солнце, дулъ вѣтеръ, и передъ нами было пустое мѣсто, на которомъ всего секунду назадъ прыгало и кружилось чудовище.

«Во всю дорогу домой я ревѣлъ и надрывался отъ ужаса этого исчезновенія. Взрослые не многимъ лучше отнеслись къ нему, и въ лодкѣ Сэнди не было разговоровъ, а только призывалось имя Божіе. А когда мы подходили къ молу, всѣ скалы вокругъ пристани были усѣяны ждавшими насъ людьми. Оказалось, что они нашли Лапрайка въ припадкѣ, державшимъ челнокъ и улыбающимся. Послали мальчика вздернуть флагъ, а остальные остались въ домѣ ткача. Можете быть увѣрены, что имъ это не доставляло ни малѣйшаго удовольствія; но многимъ изъ присутствующихъ это казалось средствомъ снискать благодать, и они стояли и тихо молились (никто не хотѣлъ молиться громко), глядя на эту страшную фигуру, водившую челнокъ. Вдругъ Тодъ внезапно, съ ужаснымъ крикомъ, вскочилъ на ноги и окровавленный упалъ замертво на станокъ.

«При осматриваніи трупа увидѣли, что свинцовая дробь не проникла въ тѣло колдуна; съ трудомъ нашли одну дробинку. Но у самаго сердца нашлась серебряная монета дѣда.

Не успѣлъ Энди кончить, какъ случилось чрезвычайно глупое происшествіе, не оставшееся безъ послѣдствій. Нэйль, какъ я говорилъ уже, самъ былъ разсказчикомъ. Я впослѣдствіи слышалъ, что онъ зналъ всѣ гайлэндскія легенды. Онъ очень много воображалъ о себѣ, и вслѣдствіе этого и другіе привыкли высоко ставить его. Разсказъ Энди напомнилъ ему другой, который онъ прежде слышалъ.

— Я уже зналъ этотъ разсказъ, — сказалъ онъ.—Это разсказъ о Унстинѣ Морѣ Макъ-Джилли Фадригѣ и о Гаврѣ Ворѣ.

— Это совсѣмъ не то! — воскликнулъ Энди. — Это исторія моего отца, теперь покойнаго, и Тода Лапрайка. Зарубите это себѣ на носу, — прибавилъ онъ, — и держите языкъ за зубами.

Было замѣчено и подтверждено историческими данными, что лоулэндскіе дворяне прекрасно ладятъ съ гайлэндерами; къ сожалѣнію, это едва ли можно сказать про лоулэндскихъ простолюдиновъ. Я уже раньше замѣчалъ, что Энди постоянно готовъ былъ поссориться съ нашими тремя Макгрегорами, а теперь, безъ сомнѣнія, столкновеніе было неизбѣжно.

— Такія слова не говорятъ джентльмэнамъ, — сказалъ Нэйль.

— Джентльмэнамъ! — воскликнулъ Энди. — Какіе вы джентльмены, гайлэндская сволочь! Если бы вы могли видѣть себя такъ же, какъ васъ видятъ другіе, то вы бросили бы свою спесь.

Нэйль произнесъ какое-то гэльское проклятіе, и въ ту же минуту въ рукахъ его очутился кинжалъ.

Размышлять было некогда: я ухватилъ гайлэндера за ногу, повалилъ его на землю и схватилъ его за вооруженную руку, не успѣвъ сообразить, что я дѣлаю. Товарищи его бросились ему на помощь; у меня и Энди не было оружія, и насъ было двое противъ троихъ. У насъ, казалось, не было надежды на спасеніе, какъ вдругъ Нэйль закричалъ по-гэльски, приказывая остальнымъ отступить, и выразилъ мнѣ покорность самымъ унизительнымъ образомъ, отдавъ даже свой кинжалъ, который я, впрочемъ, вернулъ ему на слѣдующій день, когда онъ повторилъ свои обѣщанія.

Мнѣ стало ясно: во-первыхъ, что я не долженъ былъ слишкомъ разсчитывать на Энди, который прижался къ стѣнѣ и стоялъ тамъ блѣдный, какъ смерть, пока все не кончилось; во-вторыхъ, что мое собственное положеніе относительно гайлэндеровъ очень благопріятно: они, должно быть, получили чрезвычайныя инструкціи охранять мою безопасность. Но если я и нашелъ, что Энди недоставало храбрости, я не имѣлъ основанія упрекнуть его въ неблагодарности. Онъ, положимъ, не надоѣдалъ мнѣ словами, но его мнѣніе обо мнѣ и обращеніе совершенно перемѣнились. А такъ какъ онъ продолжалъ сильно поба-

иваться нашихъ товарищей, то мы съ тѣхъ поръ почти всегда были вмѣстѣ.

XVI. Отсутствующій свидѣтель.

Семнадцатаго числа, въ день, когда была назначена моя встрѣча со стряпчимъ, я сильно возмутился противъ судьбы. Мысль, что онъ ждетъ меня въ «Королевскомъ Гербѣ», предчувствіе того, что онъ подумаетъ и что скажетъ, когда мы снова встрѣтимся, угнетали и мучили меня. Я долженъ былъ допустить, что правдѣ трудно повѣрить, но мнѣ чрезвычайно тяжело было показаться трусомъ и лжецомъ, потому что я никогда сознательно не упускалъ ничего, что только возможно было для выясненія истины. Я съ горькимъ наслажденіемъ повторялъ мысленно эти слова и перебиралъ въ этомъ отношеніи свои поступки. Казалось, что относительно Джемса Стюарта я поступилъ какъ братъ; всѣмъ прошедшимъ я могъ гордиться и надо только было подумать о настоящемъ. Я не могъ переплыть моря, не могъ и летать по воздуху, но у меня былъ Энди. Я оказалъ ему услугу, и онъ любитъ меня. Это былъ рычагъ, за который мнѣ слѣдовало ухватиться. Хотя бы для приличія, я долженъ былъ еще разъ попытать счастія съ Энди.

День клонился къ вечеру; не было слышно ни звука, кромѣ плеска воды о скалы; море было спокойно, и мои четыре товарища всѣ разбрелись: трое Макгрегоровъ полѣзли выше по скалѣ, а Энди съ Библіей въ рукахъ усѣлся на солнцѣ среди развалинъ. Тамъ я вскорѣ нашелъ его, погруженнаго въ глубокій сонъ, и какъ только онъ проснулся, сталъ просить его съ большой горячностью, представляя множество аргументовъ.

— Если бы я только могъ вѣрить, что это будетъ хорошо для васъ, Шоосъ!—сказалъ онъ, глядя на меня поверхъ очковъ.

— Я хочу спасти другого,—убѣждалъ я,—и сдержать свое слово. Что же можетъ быть лучше? Развѣ вы не помните Писанія, Энди? И еще держите въ рукахъ Библію! «Что пользы человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ»...?

— Да,—сказалъ онъ,—это очень благородно съ вашей стороны. Но какъ же мнѣ поступить? Я долженъ сдержать свое слово такъ же, какъ и вы. А что вы мнѣ предлагаете, какъ не то, чтобы я нарушилъ его за деньги?

— Энди, развѣ я говорилъ о деньгахъ?—воскликнулъ я.

— О, тутъ слова ничего не значатъ,—сказалъ онъ,—тутъ важна суть. Все дѣло заключается въ слѣдующемъ: если я окажу вамъ услугу, которой вы отъ меня требуете, я потеряю свое мѣсто. Тогда, разумѣется, вамъ придется возмѣстить мнѣ убытокъ и даже немного больше, изъ чувства чести. А развѣ это не подкупъ? И если бы я еще былъ увѣренъ въ этой взяткѣ! Но изо всего, что я слышу, я не могу быть увѣреннымъ въ ней; если васъ повѣсятъ, то что буду я дѣлать? Нѣтъ, это вещь невозможная. Оставьте меня, милый мой, и дайте Энди дочитать главу.

Я помню, что въ глубинѣ души былъ очень доволенъ этимъ результатомъ и въ слѣдующія минуты чувствовалъ почти благодарность къ Престонгрэнджу, который такимъ незаконнымъ, но сильнымъ способомъ спасъ меня отъ опасностей, соблазновъ и затрудненій. Но чувство это было слишкомъ неосновательно и слишкомъ трусливо, чтобы продолжаться долго: мысль о Джемсѣ стала преобладать въ моемъ умѣ. День, назначенный для суда, 21 сентября, я провелъ въ такомъ удрученномъ состояніи, какого мнѣ, кажется, никогда не приходилось испытывать, развѣ только на островѣ Иррайдѣ. Большую часть времени я пролежалъ на склонѣ горы, въ состояніи среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ: тѣло мое было неподвижно, а голова полна тревожныхъ мыслей. Иногда я дѣйствительно спалъ; но и во снѣ меня преслѣдовалъ видъ зала суда въ Инверари и заключеннаго, оглядывавшагося по сторонамъ, ища отсутствующаго свидѣтеля... И я снова пробуждался съ мрачными мыслями и болью во всемъ тѣлѣ. Энди, кажется, наблюдалъ за мной, но я мало обращалъ на него вниманія. Несомнѣнно, «хлѣбъ мой казался мнѣ горькимъ и дни мои—тяжелымъ бременемъ».

Рано на слѣдующее утро — въ пятницу, 22-го—прибыла лодка съ провизіей, и Энди передалъ мнѣ пакетъ. На конвертѣ не было адреса, но онъ былъ запечатанъ правительственной печатью. Въ немъ лежали двѣ записки. «М-ръ Бальфуръ теперь самъ видитъ, что вмѣшиваться слишкомъ поздно. За поведеніемъ его будутъ наблюдать и вознаградятъ за благоразуміе». Вотъ что стояло въ первой, очевидно, старательно написанной лѣвой рукой. Разумѣется, въ этой фразѣ не было ничего, что бы могло компрометировать писавшаго, даже если бы онъ былъ

найденъ. Печать, замѣнявшая подпись, находилась на отдѣльномъ листкѣ, на которомъ не было написано ни черточки. Мнѣ пришлось сознаться, что въ данномъ случаѣ противники мои знали, что дѣлали, и перенести, насколько я былъ въ силахъ, угрозу, скрывавшуюся за обѣщаніемъ.

Но вторая записка оказалась гораздо удивительнѣе. Она была написана женскимъ почеркомъ. «Мистеръ Бальфуръ симъ извѣщается, что о немъ освѣдомляется другъ съ сѣрыми глазами» стояло въ ней на простонародномъ нарѣчіи. Мнѣ казалось настолько изумительнымъ, что подобная записка могла попасть ко мнѣ въ руки въ такую минуту и подъ прикрытіемъ правительственной печати, что я стоялъ, какъ дуракъ. Воспоминаніе рисовало мнѣ сѣрые глаза Катріоны. Я съ радостнымъ чувствомъ подумалъ, что, вѣроятно, она—этотъ другъ. Но кто же писалъ записку, которая была въ одномъ конвертѣ съ письмомъ Престонгрэнджа? И, что всего удивительнѣе, почему считали нужнымъ послать мнѣ такое пріятное, хотя чрезвычайно неопредѣленное извѣщеніе на Бассъ? Что касается писавшаго, то я не могъ вообразить себѣ никого, кромѣ миссъ Грантъ. Я помнилъ, что ея семья обратила вниманіе на глаза Катріоны и даже дала ей соотвѣтствующее ихъ цвѣту прозвище; сама она имѣла привычку обращаться ко мнѣ на простонародномъ языкѣ, вѣроятно, въ насмѣшку надъ моей неотесанностью. Кромѣ того, она жила въ томъ же домѣ, откуда было получено письмо. Оставалось, слѣдовательно, выяснить одинъ пунктъ, а именно, какъ вообще Престонгрэнджъ допустилъ ее вмѣшаться въ такое секретное дѣло и позволилъ ей отправить ея сумасшедшую записку въ одномъ конвертѣ со своей? Но и тутъ у меня являлись догадки. Во-первыхъ, въ молодой лэди было что-то тревожное, и папаша, можетъ быть, находился подъ ея вліяніемъ больше, чѣмъ я думалъ. Во-вторыхъ, слѣдовало припомнить постоянную тактику Престонгрэнджа: какъ его поведеніе всегда сопровождалось ласками, и какъ онъ, среди столькихъ препирательствъ, почти не снималъ маски дружбы. Онъ долженъ былъ понять, что мое заключеніе взбѣсило меня. Можетъ быть, эта шутливая, дружеская записка предназначалась для того, чтобы меня обезоружить?

Говоря откровенно, она, кажется, дѣйствительно, обезоружила меня. Я вдругъ почувствовалъ приливъ нѣжности къ кра-

сивой миссъ Грантъ за то, что она выказываетъ такой интересъ къ моимъ дѣламъ. Упоминаніе о Катріонѣ навело меня само собой на болѣе мирныя и трусливыя мысли. Если адвокатъ слышалъ о ней и о нашемъ знакомствѣ, если я угожу ему тѣмъ «благоразуміемъ», которое упоминалось въ письмѣ, то къ чему все это могло привести? «Тщетно разставлены тенета на виду у птицъ», говорится въ Писаніи. Ну, значитъ, птицы умнѣе людей! Мнѣ казалось, что я вижу хитрости Престонгрэнджа, и все-таки я попадался на нихъ.

Я еще находился подъ этимъ впечатлѣніемъ,—сердце мое билось, сѣрые глаза Катріоны ясно свѣтились передо мной, точно двѣ звѣзды,—когда Энди прервалъ мое размышленіе.

— Я вижу, что вы получили хорошія извѣстія, — сказалъ онъ.

Я замѣтилъ, что онъ съ любопытствомъ глядитъ мнѣ въ лицо; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ, точно видѣніе, представились Джемсъ Стюартъ и судъ въ Инверари, и мысли мои сразу повернулись, точно дверь на петляхъ. «Судъ,—подумалъ я,—иногда тянется дольше, чѣмъ предполагаютъ. Если я даже прибуду въ Инверари и слишкомъ поздно, то все-таки можно будетъ предпринять что-нибудь въ интересахъ Джемса; что же касается моей чести, то это будетъ лучшимъ средствомъ спасти ее». Въ одну секунду, почти безъ размышленій, я успѣлъ набросать планъ дѣйствій.

— Энди, — спросилъ я, — такъ это попрежнему будетъ завтра?

Онъ отвѣчалъ, что ничего не измѣнено.

— Говорили вамъ что-нибудь относительно часа? — спросилъ я.

Онъ сказалъ, что это должно совершиться въ два часа пополудни.

— А относительно мѣста? — продолжалъ я.

— Какого мѣста? — спросилъ Энди.

— Мѣста, куда вы высадите меня,—сказалъ я.

Онъ признался, что объ этомъ ничего не было сказано.

— Прекрасно,—замѣтилъ я,—моимъ дѣломъ будетъ устроить это. Вѣтеръ дуетъ съ востока, а мой путь лежитъ на западъ; возьмите свою лодку, я нанимаю ее; будемъ весь день подниматься вверхъ по Форту, и завтра въ два часа высадите меня на томъ мѣстѣ къ западу отсюда, котораго мы успѣемъ достигнуть.

— Ахъ, вы безумецъ,—воскликнулъ онъ,—вы все-таки хотите попытаться попасть въ Инверари!

— Вы угадали, Энди,—сказалъ я.

— Ну, васъ трудно переупрямить,—замѣтилъ онъ.—Мнѣ было очень жаль васъ вчера весь день,—прибавилъ онъ.—Видите ли, я до тѣхъ поръ не былъ совершенно увѣренъ, чего вы на самомъ дѣлѣ хотите.

Это было шпорой для хромой лошади.

— Скажу вамъ по секрету, Энди,—сказалъ я.—Мой планъ имѣетъ еще другое преимущество. Вы можете оставить этихъ гайлэндеровъ на скалѣ, и одна изъ вашихъ кастльтонскихъ лодокъ заберетъ ихъ завтра. Этотъ Нэйль глядитъ на васъ страннымъ взглядомъ; возможно, что какъ только я уѣду, дѣло опять дойдетъ до кинжаловъ,—эти дикари чрезвычайно злопамятны. Если бы васъ стали разспрашивать, то это послужитъ вамъ извиненіемъ: наши жизни были въ опасности, и такъ какъ вы были отвѣтственны за мою жизнь, то предпочли спасти меня отъ сосѣдства гайлэндеровъ и держать остальное время заключенія на лодкѣ. Знаете ли, Энди,—сказалъ я, улыбаясь, — мнѣ кажется, что это очень благоразумный выходъ.

— Правда, мнѣ не нравится Нэйль,—сказалъ Энди,—да и онъ, вѣроятно, добра мнѣ не желаетъ; мнѣ не хотѣлось бы имѣть съ нимъ дѣло. Тамъ Энстеръ лучше справится съ ними. (Этотъ Энстеръ происходилъ изъ Файфа, гдѣ еще говорятъ по-гэльски). Да, да, — сказалъ Энди, — Тамъ умѣетъ лучше меня обращаться съ ними. Честное слово, чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ менѣе вижу возможности чтобы насъ хватились. Островъ... но, чортъ возьми, объ островѣ совсѣмъ забыли. Э, Шоосъ, вы умѣете быть дальновиднымъ, когда хотите! Не говоря уже о томъ, что я обязанъ вамъ жизнью,—прибавилъ онъ болѣе торжественно и подалъ мнѣ руку въ знакъ согласія.

Послѣ этого мы безъ разговоровъ быстро спустились въ лодку, отчалили и поставили парусъ. Гайлэндеры въ это время были заняты приготовленіемъ завтрака, такъ какъ они обыкновенно занимались стряпней. Но одинъ изъ нихъ влѣзъ на стѣну, и наше бѣгство было замѣчено, пока мы не отплыли и двадцати саженей отъ скалы; всѣ трое стали бѣгать по развалинамъ и по

отмели, гдѣ приставали лодки, точно утки вокругъ разореннаго гнѣзда, окликая насъ и крича, чтобы мы вернулись. Мы еще находились за вѣтромъ и въ тѣни утеса, которая огромнымъ пятномъ ложилась на воду. Но вотъ почти одновременно мы выбрались на вѣтеръ и на солнце: парусъ надулся, лодку накренило, и мы сейчасъ же отошли такъ далеко, что не слышали больше голосовъ гайлэндеровъ. Нельзя опредѣлить того ужаса, который они претерпѣли на скалѣ, гдѣ остались теперь безъ поддержки какого-либо цивилизованнаго человѣка и даже безъ защиты Библіи. Даже водки имъ не было оставлено на утѣшеніе: несмотря на поспѣшность и тайну нашего отъѣзда, Энди успѣлъ захватить ее съ собой.

Прежде всего мы позаботились отправить Энстера въ бухточку у Глентейтскихъ скалъ, чтобы покинутые нами были освобождены на слѣдующій день. Оттуда мы отправились вверхъ по Форту. Вѣтеръ, сначала очень сильный, сталъ быстро спадать, но ни разу не затихалъ совсѣмъ. Мы весь день двигались впередъ, хотя иногда довольно медленно; успѣло уже стемнѣть, когда мы добрались до Куинсферри. Чтобы соблюсти въ точности обязательство Энди, — насколько еще оставалось соблюдать, — я долженъ былъ оставаться въ лодкѣ; я думалъ, однако, что не сдѣлаю ничего дурного, сообщаясь съ берегомъ письменно. На конвертѣ Престонгрэнджа, правительственная печать котораго, вѣроятно, немало удивила Ранкэйлора, я при свѣтѣ фонаря написалъ ему нѣсколько необходимыхъ словъ, которыя Энди доставилъ по назначенію. Черезъ часъ онъ вернулся обратно съ полнымъ денегъ кошелькомъ и увѣреніемъ, что завтра въ два часа меня будетъ ждать осѣдланная лошадь въ Клакманнанъ-Пулѣ. Покончивъ съ этимъ и бросивъ камень, служившій якоремъ, мы подъ парусомъ улеглись спать.

На слѣдующій день, задолго до двухъ часовъ мы уже были въ Пулѣ, и мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ сидѣть и ждать. Я чувствовалъ мало желанія исполнять свое намѣреніе. Я былъ бы радъ всякому сносному извиненію, чтобы отказаться отъ него; но такъ какъ таковаго не оказывалось, то волненіе мое было такъ же велико, какъ если бы мнѣ предстояло давно ожидаемое удовольствіе. Вскорѣ послѣ часа къ берегу была приведена лошадь, и я видѣлъ, какъ, въ ожиданіи моей высадки, человѣкъ, приведшій ее, ходилъ взадъ и впередъ по берегу,

только увеличивая тѣмъ мое нетерпѣніе. Энди очень точно соблюдалъ время моего освобожденія, показывая, что рѣшилъ буквально сдержать слово, но не болѣе. Черезъ пятьдесятъ секундъ послѣ двухъ я былъ уже на сѣдлѣ и мчался во весь опоръ къ Стирлингу. Черезъ часъ съ небольшимъ я проѣхалъ этотъ городъ и поднимался вдоль Аланъ Уотера, какъ вдругъ поднялась небольшая буря. Дождь ослѣплялъ меня, вѣтеръ чуть не выбилъ изъ сѣдла, и наступавшая темнота застала меня въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ-то къ востоку отъ Бальуиддера. Я не совсѣмъ былъ увѣренъ въ направленіи, а лошадь начинала уже уставать.

Второпяхъ, желая избѣгнуть потери времени и избавиться отъ надоѣдливости проводника, я слѣдовалъ — насколько это было возможно для верхового — тому же направленію, какъ во время бѣгства съ Аланомъ. Я дѣлалъ это вполнѣ сознательно, предвидя большой рискъ, который оказался основательнымъ, когда разразилась буря. Послѣднее знакомое мнѣ мѣсто находилось около Уамъ Вара, гдѣ я проѣзжалъ, должно быть, около шести вечера. Я до сихъ поръ считаю особеннымъ счастьемъ, что около одиннадцати достигъ своего назначенія, т. е. дома Дункана Ду. Гдѣ я скитался въ промежутокъ до этого времени, могла бы, можетъ быть, сказать моя лошадь. Знаю только, что два раза падалъ, разъ перелетѣлъ черезъ сѣдло и на минуту очутился въ шумящемъ потокѣ. И лошадь, и всадникъ были въ грязи по самые глаза.

Отъ Дункана я узналъ новости относительно суда. Во всей этой части Гайлэнда за нимъ слѣдили съ глубокимъ интересомъ; вѣсти о немъ распространялись изъ Инверари настолько скоро, какъ только могли путешествовать люди. Меня обрадовало извѣстіе, что до довольно поздняго часа въ эту субботу дѣло еще не было закончено, и всѣ думали, что оно будетъ перенесено на понедѣльникъ. Подстрекаемый этимъ извѣстіемъ, я не остался поѣсть, но (такъ какъ Дунканъ согласился быть моимъ проводникомъ) продолжалъ путь пѣшкомъ, взявъ ѣду съ собой и жуя на ходу. Дунканъ несъ съ собой фляжку водки и ручной фонарь, который свѣтилъ намъ только пока мы шли мимо домовъ, гдѣ могли зажигать его, такъ какъ онъ сильно текъ и гасъ при каждомъ порывѣ вѣтра. Большую часть ночи мы скитались подъ проливнымъ дождемъ, ничего не видя, и день засталъ насъ бродящими безцѣльно по горамъ. Вскорѣ мы наткну-

лись на хижину на берегу ручья, гдѣ намъ дали перекусить и указали направленіе къ Инверари. Незадолго до окончанія проповѣди мы подошли къ дверямъ инверарской церкви.

Дождь слегка омылъ меня сверху, но я все еще былъ по колѣно въ грязи, вода съ меня текла ручьемъ; я такъ усталъ, что едва передвигалъ ноги, и лицо мое было блѣдно, какъ у привидѣнія. Я, безъ сомнѣнія, болѣе нуждался въ сухой одеждѣ и постели для отдыха, чѣмъ во всѣхъ благодѣяніяхъ христіанской вѣры. Несмотря на это, будучи увѣренъ, что для меня важнѣе всего немедленно показаться публикѣ, я открылъ дверь, вошелъ въ церковь въ сопровожденіи грязнаго Дункана и, увидѣвъ вблизи свободное мѣсто, сѣлъ на него.

— Въ тринадцатыхъ, братія, на самый законъ надо смотрѣть, какъ на средство милосердія, — говорилъ священникъ, съ наслажденіемъ развивая свой тезисъ.

Проповѣдь говорилась по-англійски, во вниманіе къ суду. На ней присутствовали судьи со своей вооруженной свитой; въ углу около двери сверкали алебарды, и скамьи, противъ обыкновенія, пестрѣли одеждами юристовъ. Текстъ былъ взятъ изъ посланія къ римлянамъ, гл. 5 ст. 13, и священникъ искусно развивалъ его. И вся церковь, начиная съ герцога Арджайля и лордовъ Эльчиса и Килькеррана до алебардистовъ, составлявшихъ ихъ свиту, сдвинувъ брови, была погружена въ глубокое вниманіе. Самъ священникъ и нѣсколько человѣкъ около дверей увидѣли, какъ мы вошли, но сейчасъ же позабыли объ этомъ; остальные же или не слыхали, или не обратили вниманія. Итакъ, я находился среди друзей и враговъ, незамѣченный ими.

Первый, котораго я узналъ, былъ Престонгрэнджъ. Онъ сидѣлъ наклонившись впередъ, какъ страстный ѣздокъ на лошади; губы его шевелились отъ наслажденія, глаза были прикованы къ священнику: проповѣдь, очевидно, нравилась ему. Чарльзъ Стюартъ, наоборотъ, почти заснулъ и выглядѣлъ блѣднымъ и измученнымъ. Симонъ же Фрэзеръ велъ себя позорно посреди этой внимательной толпы: онъ рылся въ карманахъ, перекидывалъ ноги, прокашливался, дерзко поднималъ брови и стрѣлялъ глазами направо и налѣво, то позѣвывая, то незамѣтно улыбаясь. Иногда онъ бралъ Библію, лежавшую передъ нимъ, пробѣгалъ по ней глазами, казалось, читалъ немного, опять

просматривалъ, затѣмъ бросалъ все, сильно зѣвая. Все это онъ продѣлывалъ точно для моціона.

Среди этого постояннаго движенія онъ случайно взглянулъ на меня. Съ секунду онъ просидѣлъ, пораженный, затѣмъ вырвалъ изъ Библіи полъ-листка, нацарапалъ на немъ нѣсколько словъ карандашемъ и передалъ ближайшему сосѣду, шепотомъ сказавъ ему что-то. Записка дошла до Престонгрэнджа, который бросилъ на меня только одинъ взглядъ. Отъ него она перешла въ руки м-ра Эрскина, оттуда къ Арджайлю, сидѣвшему между двумя другими лордами суда, и его свѣтлость повернулся и взглянулъ на меня вызывающимъ взглядомъ. Послѣднимъ изъ всѣхъ заинтересованныхъ меня увидѣлъ Чарли Стюартъ, который тоже сталъ писать и разсылать во всѣ стороны записки; я не могъ въ толпѣ прослѣдить за ихъ назначеніемъ.

Но передача этихъ записокъ возбудила общее вниманіе; всѣ, кто былъ въ курсѣ дѣла или считалъ себя таковымъ, шепотомъ давали объясненія, остальные задавали вопросы. Самъ священникъ, казалось, пришелъ въ замѣшательство отъ волненія въ церкви, внезапнаго движенія и шепота. Голосъ его измѣнился, онъ совершенно смутился и не могъ продолжать проповѣдь съ прежней убѣдительностью и звучностью. Для него, должно быть, до конца жизни осталось загадкой, отчего проповѣдь, четыре части которой прошли съ громаднымъ успѣхомъ, потерпѣла неудачу на пятой.

Я же продолжалъ сидѣть на мѣстѣ мокрый и усталый, сильно волнуясь при мысли о томъ, что должно было случиться, но въ восторгѣ отъ успѣха своего появленія.

XVII. Докладная записка.

Едва успѣлъ священникъ произнести послѣднее слово отпуста, какъ Стюартъ уже бралъ меня подъ-руку. Мы первыми вышли изъ церкви, и онъ такъ необыкновенно торопился, что мы уже сидѣли запертыми въ домѣ, прежде чѣмъ улица стала наполняться идущей изъ церкви толпой.

— Я явился еще во-время?—спросилъ я.

— И да, и нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—Дѣло окончено, присяжные заперты и сообщатъ намъ свое мнѣніе завтра утромъ, мнѣніе, которое я могъ бы формулировать еще за три дня до начала

засѣданій. Оно съ самаго начала было общеизвѣстнымъ. Обвиняемый знаетъ это. «Можете дѣлать для меня, что хотите, — шепнулъ онъ мнѣ два дня тому назадъ.—Я знаю свою судьбу, потому что герцогъ Арджайль сказалъ м-ру Макинтошу». О, это былъ цѣлый скандалъ!

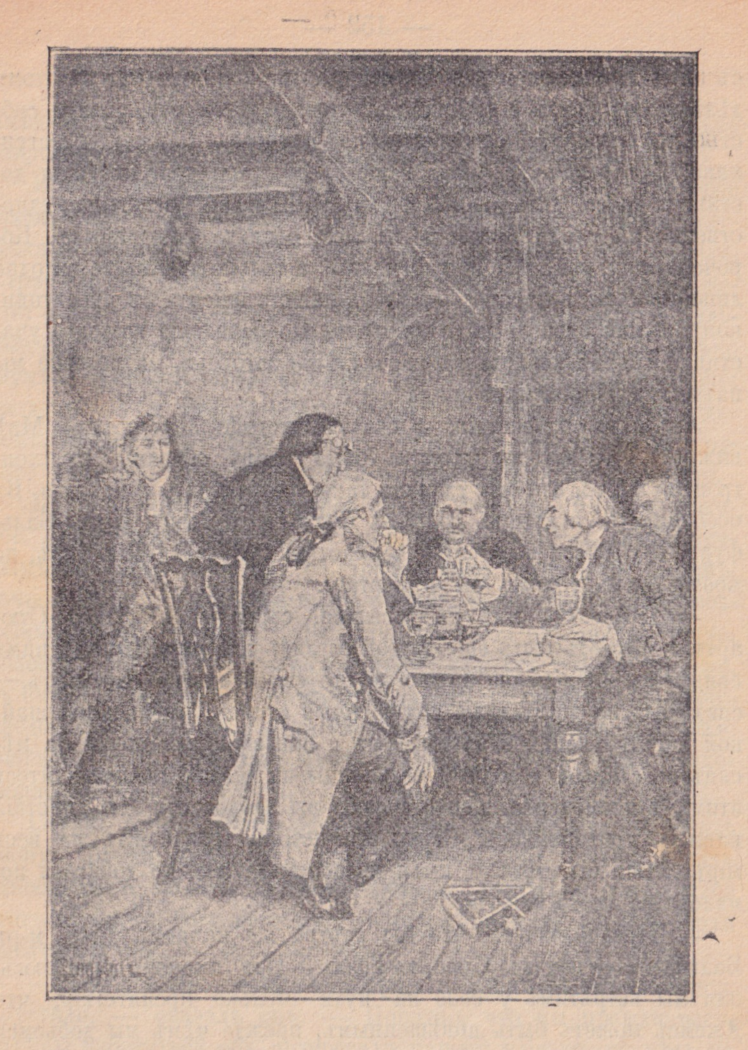
Великій Арджайль шелъ на бой,
И пушки, и ружья гремѣли.

И даже самый жезлъ его, казалось, кричалъ «Круаханъ!» *). Но теперь, когда вы явились, я не стану отчаиваться. Дубъ еще побѣдитъ мирту; мы еще поколотимъ Кемпбеллей въ ихъ собственной столицѣ. Слава Богу, что я дожилъ до этого дня!

Онъ прыгалъ отъ возбужденія, опорожнилъ свои чемоданы на полъ, чтобы дать мнѣ перемѣну платья, и мѣшалъ мнѣ своей помощью, пока я переодѣвался. Онъ не говорилъ, да, кажется, и не думалъ о томъ, что оставалось сдѣлать и какъ я долженъ былъ приняться за это. «Мы еще побѣдимъ Кемпбеллей», вотъ что одолѣвало его. И мнѣ пришла въ голову мысль, что тутъ подъ формой строгаго судебнаго процесса въ сущности разыгрывалась борьба между дикими кланами. Я находилъ, что мой другъ стряпчій нисколько не менѣе дикъ, чѣмъ другіе. Кто изъ видѣвшихъ его только на адвокатскомъ мѣстѣ передъ помѣстнымъ судьей или за игрой въ мячъ, или катающимся на лодкѣ по Брентсфильдскимъ излучинамъ, узналъ бы его въ этомъ говорливомъ и неистовомъ гайлэндерѣ?

Защита Джемса Стюарта состояла изъ четырехъ человѣкъ: шерифовъ Броуна изъ Кольстоуна и Миллера, м-ра Роберта Макинтоша и м-ра Стюарта младшаго, изъ Стюартъ-Голля. Всѣ они сговорились обѣдать у Стюарта послѣ обѣдни; меня любезно включили въ число приглашенныхъ. Какъ только со стола было убрано и первый пуншъ искусно приготовленъ шерифомъ Миллеромъ, мы заговорили о настоящемъ дѣлѣ. Я вкратцѣ разсказалъ исторію своего похищенія и заключенія, а затѣмъ меня стали спрашивать о подробностяхъ убійства. Надо припомнить, что я въ первый разъ высказывался вполнѣ и что дѣло это впер-

*) Боевой ключъ Кемпбеллей.

Какъ только со стола было убрано, мы заговорили о дѣлѣ...

вые обсуждалось юристами; послѣдствія оказались весьма удручающими для остальныхъ, не оправдавъ и моихъ ожиданій.

— Однимъ словомъ, — сказалъ Кольстоунъ, — вы доказываете, что Аланъ находился на мѣстѣ преступленія; вы слышали, какъ онъ угрожалъ Гленуру, и хотя и увѣряете, что стрѣлялъ не онъ, но остается сильное подозрѣніе, что убійца былъ

съ нимъ въ соглашеніи, и Аланъ, если не помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ, то одобрялъ его. Далѣе вы показываете, что, рискуя собственной свободой, онъ дѣятельно помогалъ бѣгству преступника. Остальная же часть вашего свидѣтельства, могущая доставить намъ хоть какой-нибудь матеріалъ, основана единственно на словѣ Алана и Джемса, обоихъ осужденныхъ. Короче говоря, вы вовсе не разбиваете, а только удлиняете на одно лицо ту цѣпь, которая соединяетъ нашего кліента съ преступникомъ, и мнѣ едва ли надо говорить, что появленіе третьяго участника скорѣе усиливаетъ впечатлѣніе заговора, на которое мы натыкаемся съ самаго начала.

— Я того же мнѣнія, — сказалъ шерифъ Миллеръ. — Мнѣ кажется, что всѣ мы должны быть очень обязаны Престонгрэнджу за то, что онъ удалилъ такого неудобнаго свидѣтеля. Въ особенности, я думаю, долженъ быть благодаренъ м-ръ Бальфуръ. Вы говорите о третьемъ участникѣ, но м-ръ Бальфуръ, по моему очень похожъ на четвертаго.

— Позвольте мнѣ высказаться, сэры, — вмѣшался Стюартъ.—Можетъ быть еще другой взглядъ на вещи. Передъ нами свидѣтель—все равно важно ли его свидѣтельство или нѣтъ,—свидѣтель по этому дѣлу, похищенный старой, беззаконной шайкой Гленгильскихъ Макгрегоровъ и заключенный почти на мѣсяцъ въ старыя, холодныя развалины на Бассѣ! Воспользуйтесь этимъ и посмотрите, какою грязью вы забросаете всѣ дѣйствія нашихъ противниковъ. Сэры, эта исторія прогремитъ на весь міръ! Было бы странно, имѣя подобное оружіе, не добиться помилованія моего кліента.

— Предположимъ, что мы завтра же начнемъ дѣло, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ Стюартъ-Голль.—Или я очень ошибаюсь, или мы встрѣтимъ у себя на пути столько препятствій, что Джемсъ можетъ быть повѣшеннымъ, прежде чѣмъ мы добьемся суда. Это, конечно, постыдное дѣло, но, вѣроятно, вы не забыли еще болѣе постыднаго, а именно: похищенія лэди Грэнджъ. Она была еще въ заточеніи; мой другъ, м-ръ Гопъ Ранкэйлоръ сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ, и чего же ему удалось добиться? Ему даже отказали въ поручительствѣ! Теперь дѣло такое же: они будутъ сражаться тѣмъ же оружіемъ. Джентльмэны, здѣсь роль играетъ вражда клановъ. Лица съ высокимъ положеніемъ питаютъ ненависть къ имени, которое я

имѣю честь носить. Здѣсь надо принимать во вниманіе только откровенную злобу Кемпбеллей и ихъ презрѣнныя интриги.

Всѣ съ радостью набросились на эту тему, и я нѣкоторое время сидѣлъ среди своихъ ученыхъ совѣтчиковъ, почти оглушенный ихъ говоромъ, но очень мало понимая его смыслъ. Стряпчій горячился и употребилъ нѣсколько рѣзкихъ выраженій; Кольстоуну пришлось остановить его и поправить; остальные присоединились, кто къ одному, кто къ другому; всѣ сильно шумѣли. Герцога Арджайльскаго разбили, какъ нельзя лучше; на долю короля Георга пришлось по пути тоже нѣсколько ударовъ, и много цвѣтистыхъ защитительныхъ рѣчей. Только одного человѣка, казалось, забыли а именно: Джемса Гленскаго.

Все это время м-ръ Миллеръ сидѣлъ смирно. Это былъ пожилой джентльмэнъ, румяный и моргающій; онъ говорилъ звучнымъ, мягкимъ голосомъ, съ чрезвычайно лукавымъ видомъ, точно актеръ отчеканивая каждое слово, чтобы придать ему возможно больше выраженія. Даже теперь, когда онъ сидѣлъ молча, положивъ въ сторону парикъ и держа стаканъ обѣими руками, съ смѣшно собраннымъ ртомъ и выдающимся подбородкомъ, онъ представлялъ изъ себя олицетвореніе веселаго лукавства. Было очевидно, что онъ имѣетъ нѣчто сказать и только ждетъ подходящаго случая.

Случай этотъ вскорѣ представился. Кольстоунъ одну изъ своихъ рѣчей заключилъ напоминаніемъ объ обязанностяхъ относительно кліента. Второму шерифу, вѣроятно, понравился этотъ переходъ. Онъ жестомъ и взглядомъ пригласилъ весь столъ выслушать его.

— Это наводитъ меня на соображеніе, которое всѣ, кажется, упустили, — сказалъ онъ. — Понятно, что мы прежде всего должны заботиться объ интересахъ нашего кліента, но вѣдь на свѣтѣ существуетъ не одинъ только Джемсъ Стюартъ. — Тутъ онъ прищурилъ глазъ.—Я могу снизойти, exempli gratia, до м-ра Джорджа Броуна, м-ра Томаса Миллера или м-ра Давида Бальфура. У м-ра Давида Бальфура есть серьезное основаніе жаловаться, и я думаю, джентльмэны, что, если только хорошенько разсказать его исторію, нѣкоторымъ вигамъ не поздоровилось бы.

Всѣ сразу повернулись къ нему.

— Если его исторію направить какъ слѣдуетъ и хорошенько

изложить, то она врядъ ли останется безъ послѣдствій,—продолжалъ онъ.—Весь судебный персоналъ, начиная съ высшаго его представителя до низшихъ, былъ бы совершенно опозоренъ; и мнѣ кажется, всѣхъ ихъ пришлось бы замѣстить другими.—Говоря это, онъ весь свѣтился лукавствомъ.—Мнѣ нечего указывать вамъ, что выступить въ дѣлѣ м-ра Бальфура было бы чрезвычайно выгодно,—прибавилъ онъ.

И вотъ они всѣ погнались за другимъ зайцемъ—дѣломъ м-ра Бальфура; спорили о рѣчахъ, которыя будутъ говориться, о томъ, какихъ должностныхъ лицъ можно будетъ прогнать и кто займетъ ихъ мѣсто. Я приведу только два примѣра. Предлагали сблизиться съ Симономъ Фрэзеромъ, показаніе котораго, если бы его удалось получить, навѣрно, оказалось бы гибельнымъ для Арджайля и Престонгрэнджа. Миллеръ сильно одобрялъ подобную попытку. «Тутъ передъ нами сочное жаркое,—говорилъ онъ,—всякому изъ насъ хватитъ по кусочку». И при этой мысли всѣ облизывали губы. О другомъ уже перестали думать. Чарли Стюартъ не помнилъ себя отъ восторга, предвкушая мщеніе надъ своимъ главнымъ врагомъ, герцогомъ.

— Джентльмэны,—воскликнулъ онъ, наполняя стаканъ,—я пью за шерифа Миллера! Его юридическія познанія всѣмъ извѣстны, а о кулинарныхъ свидѣтельствуетъ стоящій передъ нами пуншъ. Но когда дѣло доходитъ до политики!.. — воскликнулъ онъ и осушилъ стаканъ.

— Да, но врядъ ли это окажется политикой въ томъ смыслѣ, какой вы подразумѣваете, другъ мой, — сказалъ польщенный Миллеръ.—Революція, если хотите; мнѣ кажется, я могу обѣщать вамъ, что историки будутъ вести счетъ годамъ съ дѣла м-ра Бальфура. Но если дѣло поведется какъ слѣдуетъ и осторожно, то революція эта будетъ мирной.

— Какое мнѣ дѣло, если проклятымъ Кемпбеллямъ и надерутъ уши?—кричалъ Стюартъ, ударяя кулакомъ по столу.

Можете легко представить себѣ, что мнѣ все это мало нравилось, хотя я едва могъ сдержать улыбку, замѣчая какую-то наивность въ этихъ старыхъ интригахъ. Но въ мой разсчетъ вовсе не входило перенести столько несчастій единственно для повышенія шерифа Миллера или для того, чтобы произвести революцію въ парламентѣ; потому я вмѣшался въ разговоръ со всею простотою, которую могъ напустить на себя.

— Мнѣ остается благодарить васъ за вашъ совѣтъ, джентльмэны,—сказалъ я.—А теперь я, съ вашего позволенія, хотѣлъ бы задать вамъ два-три вопроса. Одна вещь, напримѣръ, какъ-то совсѣмъ забыта: принесетъ ли это дѣло какую-либо пользу нашему другу, Джемсу Гленскому?

Всѣ немного опѣшили и стали давать мнѣ различные отвѣты, которые на практикѣ сводились къ тому, что Джемсу остается надѣяться только на милость короля.

— Затѣмъ,—сказалъ я,—принесетъ ли это какую-нибудь пользу Шотландіи? У насъ есть пословица, что плоха та птица, которая грязнитъ собственное гнѣздо. Я помню, что будучи еще ребенкомъ, слышалъ, будто въ Эдинбургѣ былъ бунтъ, который далъ случай покойной королевѣ назвать эту страну варварской. Мнѣ всегда казалось, что этимъ бунтомъ мы скорѣй проиграли, чѣмъ выиграли. Затѣмъ наступилъ 45-й годъ, и о Шотландіи заговорили повсюду; но я никогда не слышалъ, чтобы мы что-нибудь выиграли и 45-мъ годомъ. Теперь обратимся къ дѣлу м-ра Бальфура, какъ вы его называете. Шерифъ Миллеръ говоритъ, что историки отмѣтятъ этотъ годъ; это меня нисколько не удивляетъ. Я только боюсь, что они отмѣтятъ его, какъ бѣдственный и достойный порицанія періодъ.

Проницательный Миллеръ уже пронюхалъ, къ чему я веду дѣло, и поторопился пойти по тому же пути.

— Сильно сказано, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ онъ.—Очень дѣльное замѣчаніе.

— Намъ слѣдуетъ затѣмъ спросить себя, хорошо ли это будетъ для короля Георга,—продолжалъ я.—Шерифа Миллера это, кажется, мало заботитъ. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы было возможно разрушить зданіе безъ того, чтобы его величеству не было нанесено удара, который могъ бы оказаться роковымъ.— Я далъ имъ время отвѣчать, но ни одинъ не изъявилъ на это желанія.—Изъ тѣхъ, кому это дѣло должно было оказаться выгоднымъ,—продолжалъ я, — шерифъ Миллеръ упомянулъ нѣсколькихъ, въ томъ числѣ и меня. Надѣюсь, что онъ проститъ мнѣ, но я думаю иначе. Я не колебался, пока дѣло шло о спасеніи жизни Джемса, хотя и сознавалъ, что чрезвычайно рискую. Теперь же думаю, что молодому человѣку, желающему сдѣлаться юристомъ, неудобно утвердить за собой репутацію безпокойнаго, мятежнаго малаго, не достигнувъ еще двадцати лѣтъ.

Что же касается Джемса, то, кажется, при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда приговоръ уже почти произнесенъ, у него только и надежды, что на милость короля. Развѣ нельзя въ такомъ случаѣ обратиться болѣе непосредственно къ его величеству, охранить репутацію высокихъ должностныхъ лицъ въ глазахъ публики и избавить меня самого отъ положенія, которое можетъ испортить мою карьеру?

Всѣ они сидѣли и глядѣли въ свои стаканы. Я видѣлъ, что мой взглядъ на дѣло имъ непріятенъ. Но Миллеръ былъ готовъ на всякій случай.

— Если мнѣ будетъ дозволено привести соображенія нашего молодого друга въ болѣе оформленный видъ,—сказалъ онъ,—то, насколько я понимаю, онъ предлагаетъ намъ включить фактъ его заключенія, а также нѣкоторые намеки на показаніе, которое онъ готовился дать, въ докладную записку правительству. Этотъ планъ имѣетъ нѣкоторые шансы на успѣхъ. Онъ можетъ помочь нашему кліенту не хуже другого, пожалуй, даже лучше. Его величество, можетъ быть, почувствуетъ нѣкоторую благодарность ко всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ этой запискѣ, которой можетъ быть придано значеніе чрезвычайно деликатнаго изложенія вѣрноподданническихъ чувствъ; и я думаю, что при редактированіи ея надо именно подчеркнуть эту сторону.

Всѣ они кивнули головами, вздыхая, такъ какъ первый способъ, несомнѣнно, приходился имъ болѣе по вкусу.

— Такъ пишите, пожалуйста, м-ръ Стюартъ,—продолжалъ Миллеръ,—я думаю, что записка можетъ быть прекрасно подписана всѣми нами, присутствующими здѣсь, въ качествѣ повѣренныхъ осужденнаго.

— Это, во всякомъ случаѣ, не можетъ никому изъ насъ повредить,—сказалъ Кольстоунъ съ новымъ глубокимъ вздохомъ; онъ за послѣднія десять минутъ воображалъ себя лордомъ-адвокатомъ.

Вслѣдъ за этимъ они, безъ особеннаго энтузіазма, стали редактировать записку, и за этимъ занятіемъ, разумѣется, вскорѣ воодушевились; мнѣ же не оставалось дѣлать ничего другого, какъ глядѣть на нихъ и отвѣчать на случайные вопросы. Бумага была написана очень хорошо. Она начиналась съ пересказа фактовъ, относившихся ко мнѣ, касалась награды, объявленной за мое арестованіе, моей объявки, давленія, которому

я былъ подвергнутъ, моего заточенія и прибытія въ Инверари, когда уже было слишкомъ поздно. Затѣмъ въ ней излагались тѣ чувства вѣрности и заботы объ общественномъ благѣ, вслѣдствіе которыхъ было рѣшено отказаться отъ своего права дѣйствія. Заключалась записка энергичнымъ воззваніемъ къ королю о помилованіи Джемса.

Мнѣ кажется, что лично я былъ принесенъ въ жертву и выставленъ безпокойнымъ малымъ, котораго вся эта группа юристовъ едва могла удержать отъ крайностей. Но я не придирался къ этому, предложивъ только, чтобы меня выставили готовымъ дать собственное показаніе и подтвердить показанія другихъ передъ любой слѣдственной коммиссіей, и просилъ объ одномъ: чтобы мнѣ немедленно выдали копію.

Кольстоунъ мямлилъ и запинался.

— Это очень конфиденціальный документъ,—сказалъ онъ.

— Мое положеніе относительно Престонгрэнджа совершенно особенное,—отвѣчалъ я.—Я, безъ сомнѣнія, завоевалъ его сердце въ наше первое свиданіе, такъ что онъ съ тѣхъ поръ постоянно былъ мнѣ другомъ. Если бы не онъ, джентльмены, я бы теперь былъ мертвъ или ожидалъ бы приговора вмѣстѣ съ несчастнымъ Джемсомъ. Поэтому-то я и хочу послать ему эту записку, какъ только она будетъ переписана. Примите также во вниманіе, что этотъ шагъ послужитъ мнѣ защитой. У меня здѣсь есть враги, привыкшіе дѣйствовать энергично. Его свѣтлость тутъ у себя и рядомъ съ нимъ Ловатъ; если наши дѣйствія окажутся хоть немного двусмысленными, я могу легко очутиться въ тюрьмѣ!

Такъ какъ у моихъ совѣтчиковъ не нашлось готоваго отвѣта на эти соображенія, они, наконецъ, рѣшили согласиться и только поставили условіемъ, что, представляя эту бумагу Престонгрэнджу, я выражу ему почтеніе отъ имени всѣхъ заинтересованныхъ.

Адвокатъ находился въ замкѣ на обѣдѣ у его свѣтлости. Съ однимъ изъ слугъ Кольстоуна я послалъ ему записку, прося о свиданіи, и получилъ приглашеніе сейчасъ же повидаться съ нимъ въ одномъ частномъ домѣ. Я засталъ его одного въ комнатѣ; на лицѣ его ничего нельзя было прочитать. Но у меня настолько хватило наблюдательности и ума, чтобы замѣтить въ сѣняхъ нѣсколько алебардъ, и сообразить, что Престонгрэнджъ

готовъ былъ арестовать меня немедленно, если бы это оказалось нужнымъ.

— Такъ это вы, м-ръ Давидъ?—сказалъ онъ.

— Боюсь, что вы не особенно рады видѣть меня здѣсь, милордъ,—отвѣчалъ я.—Прежде, чѣмъ начинать разговоръ о дѣлѣ, мнѣ хотѣлось бы выразить благодарность за ваши постоянныя дружескія услуги, даже если бы теперь онѣ и прекратились.

— Я ужъ раньше слышалъ о вашей благодарности,—сухо возразилъ онъ,—и думаю, что вы, вѣроятно, не для того вызвали меня изъ-за стола, чтобы еще разъ выразить ее. На вашемъ мѣстѣ я помнилъ бы также, что вы стоите пока на очень шаткой почвѣ.

— Думаю, что теперь это кончилось, милордъ,—сказалъ я.— Если вы только взгляните на эту бумагу, то, можетъ быть, подумаете то же.

Онъ внимательно сталъ читать ее, сильно нахмуривъ лобъ; возвращался то къ одной части, то къ другой, точно взвѣшивая и сравнивая производимое ими впечатлѣніе. Лицо его немного прояснилось.

— Это еще не такъ плохо, могло бы быть и хуже,—сказалъ онъ,—хотя весьма возможно, что я еще дорого заплачу за свое знакомство съ м-ромъ Давидомъ Бальфуромъ.

— Скорѣе за вашу снисходительность къ этому злосчастному молодому человѣку, милордъ,—замѣтилъ я.

Онъ продолжалъ просматривать бумагу, и настроеніе его, казалось, измѣнялось къ лучшему.

— Кому я обязанъ этимъ?—спросилъ онъ, наконецъ.—Вѣроятно, предлагались и другіе проекты. Кто же предложилъ этотъ частный методъ? Миллеръ?

— Я самъ, милордъ,—отвѣчалъ я.—Эти джентльмены не оказали мнѣ столько вниманія, чтобы я отказался отъ чести, на которую имѣю право претендовать, избавляя ихъ отъ отвѣтственности, которую они справедливо должны нести. Дѣло въ томъ, что всѣ они были за процессъ, который долженъ былъ произвести весьма значительныя перемѣны въ парламентѣ и оказаться для нихъ, по ихъ собственному выраженію, жирнымъ жаркимъ. Когда я вмѣшался, они уже собирались раздѣлить между собой всѣ судебныя должности. По нѣкоторому соглашенію, они должны были привлечь къ себѣ и м-ра Симона.

Престонгрэнджъ улыбнулся.

— Вотъ они, наши друзья!—сказалъ онъ. — А какія вы имѣли причины не соглашаться, м-ръ Давидъ?

Я высказалъ ихъ ему безъ утайки, придавая, впрочемъ, больше вѣса и силы тѣмъ, которыя касались самого Престонгрэнджа.

— Вы были ко мнѣ не болѣе, какъ справедливы,—сказалъ онъ.—Я также энергично сражался за ваши интересы, какъ вы противъ моихъ. Но какъ могли вы прибыть сюда сегодня? —спросилъ онъ.—По мѣрѣ того, какъ дѣло затягивалось, я начиналъ безпокоиться, что назначилъ такой короткій срокъ, и даже ожидалъ васъ завтра. Но сегодня—этого мнѣ никогда не приходило въ голову!

Я, разумѣется, не хотѣлъ выдавать Энди.

— Я думаю, что по дорогѣ найдется не одна замученная лошадь,—замѣтилъ я.

— Если бы я зналъ, что вы такой разбойникъ, вы бы дольше остались на Бассѣ,—сказалъ онъ.

— Кстати, милордъ, возвращаю вамъ ваше письмо.

Я отдалъ ему записку, написанную измѣненнымъ почеркомъ.

— Тамъ былъ также конвертъ съ печатью,—сказалъ онъ.

— У меня его нѣтъ,—отвѣтилъ я.—На немъ не было ничего, кромѣ адреса, такъ что онъ не можетъ никого компреметировать. Но вторая записка у меня, и я, съ вашего позволенія, желалъ бы сохранить ее.

Мнѣ показалось, что онъ немного нахмурился, но ничего на это не возразилъ.

— Завтра,—заключилъ онъ,—наше дѣло здѣсь будетъ окончено, и я поѣду обратно чрезъ Глазго. Я былъ бы очень радъ вашему обществу, м-ръ Давидъ.

— Милордъ...—началъ я.

— Не отрицаю, что этимъ вы окажете мнѣ услугу,—прервалъ онъ.—Я даже желаю, чтобы, когда мы вернемся въ Эдинбургъ, вы остановились у меня. Мои дочери чувствуютъ къ вамъ большое расположеніе и будутъ очень рады вашему обществу. Если вы думаете, что я былъ вамъ полезенъ, то можете такимъ образомъ легко отплатить мнѣ, не теряя при этомъ ничего, напротивъ, даже извлекая изъ этого нѣкоторую пользу. Не всякаго мо-

лодого человѣка вводитъ въ общество королевскій лордъ-адвокатъ.

Несмотря на наше недавнее знакомство, этотъ джентльменъ довольно часто задавалъ мнѣ головоломныя загадки. Теперь опять мнѣ приходилось работать мозгами: онъ снова повторялъ старый вымыселъ объ особенной благосклонности ко мнѣ его дочерей, изъ которыхъ одна была такъ добра, что насмѣхалась надо мной, а обѣ остальныя едва соблаговолили замѣтить меня. Я долженъ былъ ѣхать съ Престонгрэнджемъ въ Глазго, долженъ былъ жить съ нимъ въ Эдинбургѣ и вступить въ общество подъ его покровительствомъ! Было уже достаточно удивительно, что у него хватило добродушія простить меня; почти невозможно было допустить въ немъ искреннее желаніе принять меня, какъ гостя, и быть мнѣ полезнымъ, и я сталъ искать тайнаго смысла его словъ. Одно было ясно: если я стану его гостемъ, отступленіе будетъ невозможно; мнѣ нельзя будетъ отказаться отъ своего настоящаго намѣренія и начать дѣйствовать. Кромѣ того, развѣ мое присутствіе въ его домѣ не уничтожитъ всю язвительность записки? Вѣдь не могли же серьезно взглянуть на эту жалобу, когда пострадавшій будетъ гостемъ наиболѣе обвиняемаго должностного лица? Подумавъ объ этомъ, я не могъ удержать улыбки.

— Это должно служить противодѣйствіемъ докладной запискѣ?—спросилъ я.

— Вы очень хитры, м-ръ Давидъ,—сказалъ онъ,—и не совсѣмъ ошибаетесь: этотъ фактъ пригодится мнѣ для защиты. Вы, впрочемъ, кажется, слишкомъ низко цѣните мои дружескія чувства, которыя совершенно искренни. Я чувствую къ вамъ уваженіе, смѣшанное со страхомъ, м-ръ Давидъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Я не только согласенъ, но и очень радъ исполнить ваше желаніе,—отвѣчалъ я,—такъ какъ мое намѣреніе—стать юристомъ, а ваше покровительство, милордъ, будетъ для меня неоцѣнимо! Кромѣ того, я отъ души благодаренъ вамъ и вашей семьѣ за сочувствіе и снисхожденіе. Но вотъ въ чемъ затрудненіе. Въ одномъ пунктѣ мы съ вами значительно расходимся: вы стараетесь повѣсить Джемса Стюарта, я пытаюсь спасти его. Насколько моя поѣздка съ вами можетъ содѣйствовать вашей защитѣ, милордъ, я въ вашемъ распоряженіи; но если она поможетъ повѣсить Джемса Стюарта, то я затрудняюсь обѣщать...

Мнѣ показалось, что онъ вполголоса выругался.

— Вамъ, дѣйствительно, слѣдуетъ быть юристомъ. Судъ— вотъ настоящая арена для вашего таланта,—съ горечью сказалъ онъ и на нѣкоторое время погрузился въ молчаніе.—Вотъ что я скажу вамъ,—заключилъ онъ, наконецъ, — теперь не можетъ быть рѣчи о Джемсѣ Стюартѣ, ни за, ни противъ него. Джемсъ долженъ умереть; жизнь его отдана и принята или, если вамъ больше нравится, продана и куплена; тутъ не поможетъ никакая записка, никакое опроверженіе честнаго м-ра Давида. Какъ ни старайтесь, Джемсу Стюарту не будетъ помилованія, примите это къ свѣдѣнію. Дѣло теперь идетъ обо мнѣ одномъ: оставаться ли мнѣ на своемъ посту или пасть? Не скрою отъ васъ, что мнѣ грозитъ нѣкоторая опасность. Но почему? Можетъ ли м-ръ Бальфуръ сообразить это? Не потому, что я неправильно направилъ дѣло противъ Джемса; въ этомъ, я знаю, я буду оправданъ; не потому также, что я заточилъ м-ра Давида на скалѣ, хотя придерутся именно къ этому; но потому, что я не пошелъ готовой и прямой дорогой, на которую меня неоднократно направляли, и не отправилъ м-ра Давида въ могилу или на висѣлицу. Оттого и произошелъ скандалъ и это проклятая записка,—сказалъ онъ, ударяя по лежавшей на колѣняхъ бумагѣ.—Моя мягкость къ вамъ привела меня въ это затруднительное положеніе. Хотѣлось бы мнѣ знать, не слишкомъ ли велико ваше снисхожденіе къ собственной совѣсти, чтобы помочь мнѣ выбраться изъ него?

Не было сомнѣнія, что въ его словахъ было много правды: если Джемсу нельзя было помочь, то кому же мнѣ оставалось помогать, какъ не этому человѣку, который самъ такъ часто помогалъ мнѣ и даже теперь могъ служить мнѣ примѣромъ терпѣнія? Кромѣ того, мнѣ не только надоѣло, но и стыдно было постоянно подозрѣвать и отказывать.

— Если вы назначите мнѣ время и мѣсто, я буду готовъ сопровождать васъ, милордъ,—сказалъ я.

Онъ пожалъ мнѣ руку.

— Мнѣ кажется, что у моихъ барышень есть для васъ новости,—сказалъ онъ мнѣ на прощанье.

Я ушелъ чрезвычайно довольный, что заключилъ миръ, но все-таки въ душѣ немного озабоченный. Возвращаясь, я началъ

сомнѣваться, не былъ ли слишкомъ уступчивымъ. Впрочемъ, нельзя было отрицать, что этотъ человѣкъ, годившійся мнѣ въ отцы, былъ талантливымъ важнымъ лицомъ и не разъ въ минуту опасности приходилъ мнѣ на помощь. Съ большимъ удовольствіемъ провелъ я остатокъ этого вечера въ прекрасномъ, безъ сомнѣнія, обществѣ адвокатовъ; но, пожалуй, съ большимъ, чѣмъ слѣдовало, количествомъ пунша: хотя я и рано пошелъ спать, но не помню хорошенько, какъ добрался до кровати.

XVIII. Мячъ.

На слѣдующее утро я изъ судейской комнаты, гдѣ никто не могъ видѣть меня, выслушалъ вердиктъ присяжныхъ и приговоръ суда надъ Джемсомъ. Я совершенно увѣренъ, что вѣрно запомнилъ слова герцога; и такъ какъ эта знаменитая рѣчь послужила предметомъ споровъ, я лучше передамъ ее въ своемъ изложеніи. Сославшись на 45-ый годъ, глава Кемпбеллей, засѣдая въ судѣ въ качествѣ предсѣдателя, въ слѣдующихъ словахъ обратился къ стоявшему передъ нимъ несчастному Стюарту:

— Если бы ваше возмущеніе не было безуспѣшнымъ, то вы могли бы предписывать законы тамъ, гдѣ теперь выслушиваете приговоръ. Мы, ваши теперешніе судьи, были бы судимы въ одномъ изъ вашихъ шутовскихъ судовъ. И тогда вы могли бы насытиться кровью каждаго рода или клана, къ которому чувствовали бы отвращеніе.

«Это, дѣйствительно, называется выпустить кошку изъ мѣшка», подумалъ я. Таково было и общее впечатлѣніе. Замѣчательно, какъ молодые адвокаты ухватились за эту рѣчь и насмѣхались надъ ней и кажется не проходило ни одного обѣда или ужина, чтобы кто-нибудь не произнесъ: «И тогда вы могли бы насытиться». Въ то время сложилось много пѣсней по этому случаю, которыя почти всѣ теперь забыты. Помню, что одна начиналась такъ:

Чья же кровь вамъ нужна, чья вамъ кровь нужна?,
Рода ль какого иль клана,
Или Гайлэнда дикаго сына?
Чья вамъ кровь нужна, чья вамъ кровь нужна?

Другая пѣлась на мой любимый мотивъ «Замокъ Эрли» и начиналась словами:

Однажды, какъ Арджайль въ судѣ засѣдалъ,
На обѣдъ ему Стюарта дали.

Въ одномъ стихѣ говорилось:

И, вскочивъ, сталъ опять слугу герцогъ ругать:
«Оскорбленіемъ большимъ себѣ буду считать,
Что обѣдать я долженъ, себя насыщать
Кровью клана, который привыкъ презирать».

Джемсъ былъ убитъ такъ же просто, какъ если бы герцогъ взялъ ружье и застрѣлилъ его. Это я, безъ сомнѣнія, зналъ, но другіе этого не знали и были болѣе моего поражены скандальными намеками, которые обнаружились во время разбора дѣла. Однимъ изъ главныхъ была, конечно, эта выходка по адресу правосудія. Другимъ, еще сильнѣйшимъ, слова одного изъ присяжныхъ, которыми тотъ прервалъ защитительную рѣчь Кольстоуна: «Пожалуйста, сэръ, говорите покороче, мы совсѣмъ устали», которыя казались черезчуръ безцеремонными и наивными. Но нѣкоторые изъ моихъ новыхъ друзей-юристовъ были еще болѣе поражены нововведеніемъ, которое безчестило и даже дѣлало недѣйствительнымъ все разбирательство: одинъ свидѣтель совсѣмъ не былъ вызванъ. Имя его, положимъ, было напечатано и до сихъ поръ его можно видѣть на четвертой страницѣ списка: «Джемсъ Друммондъ, alias Мактрегоръ, иначе Джемсъ Моръ, бывшій арендаторъ въ Инверонахилѣ». Предварительный допросъ его, какъ полагается былъ произведенъ письменно. Онъ вспомнилъ или выдумалъ—прости ему Богъ!—вещи, которыя легли тяжелымъ обвиненіемъ на Джемса Стюарта, самому же ему открыли двери тюрьмы. Было очень желательно довести его показаніе до свѣдѣнія присяжныхъ, не подвергая самого свидѣтеля опасности перекрестнаго допроса; и способъ, которымъ оно было сообщено, удивилъ всѣхъ своей неожиданностью. Бумагу эту, какъ нѣчто любопытное, просто передавали изъ рукъ въ руки въ засѣданіи; она обошла скамью присяжныхъ, произвела свое дѣйствіе и опять исчезла (точно нечаянно), прежде чѣмъ достигла защитниковъ подсудимаго. Это считали предательскимъ средствомъ. Мысль,

что тутъ было замѣшано имя Джемса Мора, заставляла меня краснѣть за Катріону и позаботиться о самомъ себѣ.

На слѣдующій день я съ Престонгрэнджемъ, въ довольно многочисленномъ обществѣ, отправились въ Глазго, гдѣ мы провели нѣкоторое время среди удовольствій и дѣлъ къ моему великому нетерпѣнію. Я жилъ съ милордомъ, который поощрялъ меня къ фамильярности, участвовалъ въ пріемахъ, былъ представленъ самымъ важнымъ гостямъ; вообще на меня обращали болѣе вниманія, чѣмъ того допускали мои способности и положеніе, такъ что въ присутствіи постороннихъ я часто краснѣлъ за Престонгрэнджа. Надо сознаться, что все, что я видѣлъ за послѣдніе мѣсяцы, наложило печать мрачности на мой характеръ. Я видѣлъ людей, изъ которыхъ многіе рожденіемъ или талантами были предназначены главенствовать: и кто же изъ нихъ оказался съ чистыми руками? Я видѣлъ также эгоизмъ всякихъ Броуновъ и Миллеровъ и не могъ болѣе уважать ихъ. Престонгрэнджъ былъ еще лучше всѣхъ. Онъ спасъ меня и щадилъ, когда другіе думали только о томъ, чтобы убить меня; но кровь Джемса лежала на немъ, и его настоящее притворство по отношенію ко мнѣ казалось мнѣ непростительнымъ. Меня почти выводило изъ терпѣнія его желаніе показать, будто онъ находитъ удовольствіе въ разговорѣ со мной. Я тогда сидѣлъ и наблюдалъ за нимъ, чувствуя, какъ внутри меня, точно огонь, разгорается медленный гнѣвъ. «Любезный другъ,—думалъ я,—если бы только это дѣло съ запиской было кончено, не выгнали ли бы вы меня на улицу?» Какъ доказали событія, я былъ къ нему болѣе, чѣмъ несправедливъ: кажется, онъ былъ одновременно и болѣе искреннымъ, и болѣе искуснымъ актеромъ, чѣмъ я думалъ.

Но нѣкоторымъ оправданіемъ моего недовѣрія служило поведеніе группы молодыхъ адвокатовъ, окружавшихъ его въ надеждѣ на покровительство. Внезапное расположеніе къ мальчишкѣ, о которомъ прежде ничего не было слышно, сначала чрезвычайно волновало ихъ; но не прошло и двухъ дней, какъ я оказался окруженнымъ самой тонкой лестью и вниманіемъ. Я былъ тотъ же самый—не лучше и не красивѣе,—которымъ они пренебрегли мѣсяцъ тому назадъ, а теперь они не знали, какъ угодить мнѣ! Тотъ ли я былъ, однако? Нѣтъ, и доказательствомъ тому служило прозвище, которое мнѣ давали за-глаза. Видя, въ какихъ хорошихъ отношеніяхъ я нахожусь къ адвокату, и убѣж-

денные, что мнѣ предстоитъ летѣть высоко и далеко, они воспользовались терминомъ игры въ мячъ и назвали меня the tee'd ball *). Мнѣ говорили, что я теперь принадлежу къ ихъ обществу. Мнѣ приходилось знакомиться съ ихъ мягкой подкладкой, уже успѣвъ испытать на себѣ ихъ грубость. Одинъ, которому меня представили въ Гопъ-Паркѣ, былъ настолько самоувѣренъ, что даже напомнилъ мнѣ объ этой встрѣчѣ. Я сказалъ, что не имѣю удовольствія помнить его.

— Какъ,—замѣтилъ онъ,—сама миссъ Грантъ представила меня! Меня зовутъ такъ-то.

— Очень возможно, сэръ,—возразилъ я,—но я этого не помню.

Тогда онъ отсталъ отъ меня. И отвращеніе, которое я обыкновенно чувствовалъ, на минуту смѣнилось радостью.

Но у меня не хватаетъ терпѣнія останавливаться подробно на этомъ времени. Когда я находился въ обществѣ подобныхъ молодыхъ политиковъ, меня удручалъ стыдъ за самого себя, за свое неизящество, и злоба на нихъ и ихъ двуличность. Изъ двухъ золъ я Престонгрэнджа считалъ меньшимъ, и, будучи всегда жестокъ, какъ клеенка, съ молодыми людьми, я относительно адвоката старался скрыть свои непріязненныя чувства и (выражаясь словами стараго м-ра Кемпбелля) былъ вѣжливъ съ лэрдомъ. Онъ самъ критиковалъ мое поведеніе, уговаривалъ не быть серьезнѣе своего возраста и подружиться съ юными товарищами.

Я сказалъ ему, что очень трудно схожусь съ людьми.

— Тогда я беру назадъ свои слова,—отвѣчалъ онъ.—Но вѣдь кромѣ этого, на свѣтѣ существуетъ и простая вѣжливость, м-ръ Давидъ. Это молодые люди, съ которыми вамъ придется провести всю жизнь; ваше нежеланіе сойтись съ ними похоже на высокомѣріе. И я боюсь, что если вы не пріобрѣтете болѣе учтивости, то встрѣтите препятствія на своемъ пути.

— Было бы напрасной работой дѣлать шелковый кошелекъ изъ свиного уха,—сказалъ я .

Утромъ 1-го октября я проснулся отъ стука въѣзжавшаго курьера. Подойдя къ окну, пока онъ еще не успѣлъ сойти съ лошади, я увидѣлъ, что онъ, должно быть, скакалъ очень быстро. Немного погодя меня позвали къ Престонгрэнджу, сидѣвшему въ

*) The tee'd ball—мячъ, положенный на небольшое возвышеніе, чтобы его легче было подбросить.

ночной рубашкѣ и колпакѣ, съ разбросанными вокругъ письмами.

— М-ръ Давидъ,—сказалъ онъ,—у меня есть для васъ новость. Она касается вашихъ друзей, которыхъ вы, какъ мнѣ иногда кажется, немного стыдитесь, такъ какъ никогда не упоминали о ихъ существованіи.

Я, должно быть, покраснѣлъ.

— Я вижу, что вы понимаете меня, такъ какъ даете отвѣтный сигналъ,—продолжалъ онъ.—Долженъ васъ поздравить, у васъ прекрасный вкусъ. Но знаете ли, м-ръ Давидъ, она кажется мнѣ чрезвычайно предпріимчивой дѣвушкой. Она оказывается всюду. Шотландское правительство не въ состояніи справиться съ миссъ Кэтринъ Друммондъ, какъ это (еще недавно) случилось и съ извѣстнымъ м-ромъ Давидомъ Бальфуромъ. Развѣ эти двое не составятъ хорошей парочки? Ея первое вмѣшательство въ политику... Но я не долженъ разсказывать вамъ: власти рѣшили, что вы услышите объ этомъ при другихъ обстоятельствахъ и отъ болѣе интереснаго собесѣдника. Но теперешній подвигъ ея болѣе серьезенъ, и я долженъ причинить вамъ безпокойство, сообщивъ, что она заключена въ тюрьму.

Я издалъ восклицаніе.

— Да,—сказалъ онъ,—маленькая лэди въ тюрьмѣ. Но вамъ не слѣдуетъ особенно отчаиваться. Если только вы (съ помощью вашихъ друзей и докладныхъ записокъ) не лишите меня моей должности, она нисколько не пострадаетъ.

— Но что она сдѣлала? Въ чемъ ея преступленіе?—воскликнулъ я.

— Оно можетъ быть названо предательствомъ,—отвѣчалъ онъ.—Она отомкнула королевскій замокъ въ Эдинбургѣ.

— Молодая лэди—мой хорошій другъ,—сказалъ я.—Вы, вѣроятно, не стали бы шутить, если бы дѣло было серьезно.

— А между тѣмъ, оно въ извѣстномъ смыслѣ серьезно,— отвѣчалъ онъ,—такъ какъ эта плутовка Кэтринъ или Катеранъ, что было бы вѣрнѣе, выпустила опять на свѣтъ Божій эту весьма сомнительную личность, своего папашу.

Итакъ, одно изъ моихъ предчувствій оправдалось: Джемсъ Моръ снова былъ на свободѣ. Онъ поручилъ своимъ людямъ сторожить меня въ заключеніи; онъ предложилъ свое свидѣтельство по аппинскому дѣлу, и его показаніе (при помощи какой

увертки—безразлично) оказало свое вліяніе на присяжныхъ. Теперь слѣдовало вознагражденіе—онъ былъ свободенъ. Властямъ нравилось придавать этому видъ бѣгства; но я зналъ лучше, зналъ, что это—послѣдствіе сдѣлки. Эти размышленія отогнали отъ меня всякую тревогу о Катріонѣ. Могли думать, что она открыла тюрьму для отца, она сама могла вѣрить этому. Но главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всемъ дѣлѣ былъ Престонгрэнджъ. Я былъ увѣренъ, что онъ не только не доведетъ ея до наказанія, но и не допуститъ суда. Поэтому я невольно не особенно политично воскликнулъ:

— А я этого ожидалъ!

— Вы по временамъ бываете замѣчательно осторожны!—сказалъ Престонгрэнджъ.

— Что вы желаете этимъ сказать, милордъ?—спросилъ я.

— Я только удивлялся,—отвѣчалъ онъ,—что если у васъ достаточно ума, чтобы выводить подобныя заключенія, у васъ не хватаетъ его, чтобы оставлять ихъ при себѣ. Но вамъ, я думаю, хотѣлось бы узнать подробности дѣла. Я получилъ два извѣщенія: наименѣе официальное гораздо полнѣе и интереснѣе, такъ какъ написано живымъ слогомъ моей старшей дочери. «Весь городъ шумитъ объ интересномъ дѣлѣ,—пишетъ она,—которое обратило бы на себя еще больше вниманія, если бы знали, что преступница—protégée милорда моего папаши. Я увѣрена, что вы настолько близко къ сердцу принимаете свои обязанности, что не забыли «Сѣроглазку». Что же она дѣлаетъ? Она достаетъ широкополую шляпу съ опущенными полями, длинный мохнатый мужской плащъ и большой галстухъ; подбираетъ юбки какъ можно короче, одѣваетъ двѣ пары гамашъ на ноги, въ руки беретъ заплатанные башмаки и отправляется въ замокъ! Тамъ она выдаетъ себя за сапожника, работающаго на Джемса Мора; ее впускаютъ въ камеру, причемъ лейтенантъ (очевидно, очень веселый) вмѣстѣ съ солдатами потѣшается надъ плащомъ сапожника. Затѣмъ они слышатъ споръ и звукъ ударовъ внутри камеры. Оттуда вылетаетъ сапожникъ въ развѣвающемся плащѣ, съ опущенными на лицо полями шляпы; лейтенантъ и солдаты смѣются надъ нимъ, пока онъ бѣжитъ. Они уже не смѣялись такъ весело, когда, при слѣдующемъ посѣщеніи камеры, не нашли въ ней никого, кромѣ высокой, красивой дѣвушки съ сѣрыми глазами и въ женской одеждѣ! Что же касается сапожника, то онъ

былъ уже «за горами за долами», и бѣдной Шотландіи придется, вѣроятно, обойтись какъ-нибудь безъ него. Въ тотъ вечеръ я публично пила за здоровье Катріоны. Весь городъ восхищался ею; я думаю, что наши щеголи стали бы носить въ петлицѣ кусочки ея подвязокъ, если бы могли достать ихъ. Я было пошла навѣстить ее въ тюрьмѣ, но во-время вспомнила, что я дочь моего отца; тогда я написала ей записку и поручила передать ее вѣрному Дойгу. Надѣюсь, вы согласитесь, что и я умѣю быть тактичной, когда хочу. Тотъ же самый вѣрный дуракъ отправитъ это письмо съ курьеромъ, вмѣстѣ съ письмами ученыхъ людей, такъ что вы одновременно съ Соломономъ Премудрымъ услышите и Иванушку-Дурачка. Вспомнивъ о дуракахъ, прошу васъ сообщить эту новость Давиду Бальфуру. Мнѣ бы хотѣлось видѣть его лицо при мысли о длинноногой красоткѣ въ подобномъ положеніи! Не говорю уже о легкомысліи вашей любящей дочери и его почтительнаго друга». Такъ подписывается моя плутовка,—продолжалъ Престонгрэнджъ.—Вы видите, м-ръ Давидъ, я говорю вамъ совершенную правду, когда увѣряю, что дочери мои относятся къ вамъ съ самой дружеской шутливостью.

— Дуракъ имъ чрезвычайно благодаренъ,—сказалъ я.

— Развѣ это нехорошо было сдѣлано?—продолжалъ онъ.—Вѣдь эта гайлэндская дѣвушка нѣчто вродѣ героини.

— Я всегда былъ увѣренъ, что у этой дѣвушки много смѣлости. Я могу побиться объ закладъ, что она ничего не подозрѣвала... Но прошу у васъ извиненія, я снова затрогиваю запрещенныя темы.

— Я готовъ поручиться, что она не знала,—возразилъ онъ откровенно.—Я готовъ поручиться, она думала, что идетъ противъ самого короля Георга.

Воспоминаніе о Катріонѣ и мысль, что она въ заключеніи, какъ-то странно трогали меня. Я видѣлъ, что даже Престонгрэнджъ удивлялся ея поведенію и не могъ удержать улыбку при мысли о ней. Что же касается миссъ Грантъ, то, несмотря на ея дурную привычку насмѣхаться, восхищеніе ея было очевидно. На меня нашелъ какой-то пылъ.

— Я не ваша дочь, милордъ...—началъ я.

— Я это знаю!—возразилъ онъ, улыбаясь.

— Я говорю глупости,—сказалъ я,—или, вѣрнѣе, я не такъ началъ. Безъ сомнѣнія, для миссъ Грантъ было бы неблаго-

разумно пойти въ тюрьму; но я показался бы безсердечнымъ, если бы не полетѣлъ туда немедленно.

— Такъ, такъ, м-ръ Давидъ,—замѣтилъ онъ,—я думалъ, что у насъ съ вами былъ уговоръ.

— Когда я заключалъ этотъ уговоръ, милордъ,—сказалъ я,—я, конечно, былъ очень тронутъ вашей добротой, но не могу отрицать, что заботился, кромѣ того, и о собственныхъ интересахъ. Я подчинялся эгоизму, котораго теперь стыжусь. Для вашей безопасности, милордъ, вамъ, можетъ быть, нужно вездѣ разсказывать, что безпокойный Дэви Бальфуръ вашъ другъ и гость. Разсказывайте это, я не стану противорѣчить. Что же касается вашего покровительства, я отказываюсь отъ него. Я прошу лишь объ одномъ: отпустите меня и дайте мнѣ пропускъ, чтобы я могъ повидаться съ ней въ тюрьмѣ.

Онъ строго посмотрѣлъ на меня.

— Мнѣ думается, что вы ставите телѣгу передъ лошадью,—сказалъ онъ.—Я оказываю вамъ расположеніе, чего при вашемъ неблагоразумномъ характерѣ вы, кажется, не замѣчаете. Но покровительства я вамъ не обѣщалъ, да, говоря правду, и не предлагаю его.—Онъ помолчалъ немного.—Предостерегаю васъ: вы сами себя не знаете,—прибавилъ онъ.—Молодость—горячее время. Черезъ годъ вы будете думать иначе.

— О, я бы хотѣлъ, чтобы молодость моя была такова!—воскликнулъ я.—Ужъ слишкомъ много я видѣлъ противоположнаго въ молодыхъ адвокатахъ, которые увиваются около васъ, милордъ, и даже стараются увиваться вокругъ меня. Я замѣтилъ то же самое и въ старикахъ. Всѣ они, вся ихъ шайка, заботится только о своихъ личныхъ интересахъ! Оттого-то и кажется, что я не довѣряю вашему расположенію. Отчего я стану думать, будто вы любите меня? Вы сами говорили мнѣ, что преслѣдуете собственную выгоду!

Тутъ я остановился, пристыженный, что зашелъ такъ далеко; онъ смотрѣлъ на меня, но на лицѣ его ничего нельзя было прочесть.

— Прошу у васъ прощенія, милордъ,—заключилъ я.—Я умѣю говорить только грубо, по-деревенски. Мнѣ кажется, что было бы прилично поѣхать навѣстить моего друга въ заключеніи; но я обязанъ вамъ жизнью, и этого я никогда не забуду. И

если нужно для вашего блага, милордъ, то я останусь, останусь изъ одного чувства благодарности.

— Это можно было бы сказать и покороче,—мрачно сказалъ Престонгрэнджъ. — Легко, а иногда и вѣжливо сказать просто «да».

— Но, милордъ, мнѣ кажется, что вы все еще не вполнѣ понимаете меня!—воскликнулъ я.—Для в а с ъ, за спасеніе моей жизни, за расположеніе, которое, какъ вы говорите, вы чувствуете ко мнѣ,—за все это я готовъ остаться; но не оттого, что ожидаю отъ подобнаго поведенія какихъ-либо выгодъ. Если я буду держаться въ сторонѣ, когда будутъ судить молодую дѣвушку, то этимъ я ни въ какомъ случаѣ ничего не выгадаю; напротивъ, я при этомъ проиграю. Я скорѣе готовъ потерпѣть окончательное крушеніе, чѣмъ на этомъ основывать свое благополучіе.

Престонгрэнджъ съ минуту оставался серьезенъ, затѣмъ улыбнулся.

— Вы напоминаете мнѣ человѣка съ длиннымъ носомъ,— сказалъ онъ.—Если бы вамъ пришлось въ телескопъ глядѣть на луну, вы и тамъ бы увидѣли Давида Бальфура. Но пусть будетъ по вашему. Я попрошу у васъ одну услугу, а затѣмъ освобожу васъ. У моихъ клерковъ работы по горло: будьте такъ добры перепишите мнѣ нѣсколько страницъ,—сказалъ онъ, замѣтно затрудняясь между нѣсколькими большими свертками рукописей,— а когда это будетъ кончено, я скажу вамъ: съ Богомъ! Я никогда не согласился бы обременить себя заботой о совѣсти м-ра Давида. Если бы и вы сами могли по дорогѣ бросить часть ее въ моховое болото, то поѣхали бы дальше значительно облегченнымъ.

— Хотя, можетъ быть, не по тому же самому направленію, милордъ!—сказалъ я.

— За вами непремѣнно должно остаться послѣднее слово!— весело воскликнулъ онъ.

У него, дѣйствительно, была причина веселиться, такъ какъ онъ нашелъ способъ добиться своего. Для того, чтобы уменьшить значеніе докладной записки и имѣть готовый отвѣтъ, онъ желалъ, чтобы я показывался публично въ качествѣ близкаго ему человѣка. Но если бы я такъ же публично появился въ качествѣ посѣтителя Катріоны въ тюрьмѣ, свѣтъ не преминулъ бы вывести

свои заключенія, и настоящій характеръ бѣгства Джемса Мора сталъ бы всѣмъ очевиднымъ. Такова была небольшая задача, которую я внезапно предложилъ ему и на которую онъ такъ быстро нашелъ рѣшеніе. Меня удерживали въ Глазго подъ предлогомъ переписки, отъ которой я, изъ простого приличія, не могъ отказаться, а пока я былъ занятъ ею, отъ Катріоны постарались избавиться частнымъ образомъ. Мнѣ совѣстно писать это о человѣкѣ, который оказывалъ мнѣ столько услугъ. Онъ былъ добръ ко мнѣ, какъ отецъ, но я постоянно замѣчалъ, что онъ фальшивитъ, какъ надтреснутый колоколъ.

XIX. Я попадаю въ дамскія руки.

Переписывать было чрезвычайно скучно, тѣмъ болѣе, что дѣла, о которыхъ говорилось въ бумагѣ, не требовали, какъ я скоро замѣтилъ, никакой поспѣшности; я началъ понимать, что это занятіе было только предлогомъ удержать меня. Едва успѣвъ кончить, я вскочилъ на лошадь, постарался воспользоваться какъ можно лучше остававшимся днемъ и только поздно вечеромъ остановился на ночлегъ въ домикѣ на берегу Алланъ-Уотера. До наступленія дня я снова сидѣлъ въ сѣдлѣ. Въ Эдинбургѣ только что открылись лавки, когда я въѣхалъ въ него черезъ Вестъ-Боу и на взмыленной лошади подскакалъ къ дому лорда-адвоката. У меня была записка къ Дойгу, довѣренному лицу милорда, который, какъ предполагалось, зналъ всѣ его секреты. Это былъ почтенный, некрасивый, жирный человѣчекъ, весь какъ бы пропитанный табакомъ и самонадѣянностью. Я засталъ его уже за конторкой, выпачканнаго табакомъ, въ той самой передней, гдѣ я встрѣтился съ Джемсомъ Моромъ. Онъ внимательно прочелъ записку, точно главу изъ Библіи.

— Гм...—сказалъ онъ,—вы немного опоздали, м-ръ Бальфуръ. Птичка улетѣла, мы выпустили ее.

— Миссъ Друммондъ свободна!—воскликнулъ я.

— Ну, да!—сказалъ онъ.—На что намъ было держать ее, подумайте сами? Никому бы не понравилось, если бы мы подняли шумъ изъ-за этого ребенка.

— А гдѣ же она теперь?—спросилъ я.

— Богъ знаетъ!—сказалъ Дойгъ, пожимая плечами.

— Она, вѣроятно, вернулась къ лэди Аллардайсъ,—замѣтилъ я.

— Вѣроятно,—сказалъ онъ.

— Такъ я прямо отправлюсь туда,—продолжалъ я.

— Но вы прежде немного закусите?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я не стану закусывать,—отвѣчалъ я.—Я выпилъ молока въ Рато.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Дойгъ.—Но вы можете оставить свою лошадь и багажъ, такъ какъ вы, кажется, остановитесь здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ я,—сегодня въ особенности мнѣ совсѣмъ не улыбается ѣхать на Томсоновой кобылѣ *).

Такъ какъ Дойгъ говорилъ съ сильнымъ акцентомъ, то и я, подражая ему, отвѣчалъ болѣе простонароднымъ языкомъ, чѣмъ говорилъ обыкновенно, и гораздо грубѣе, чѣмъ написалъ здѣсь. Тѣмъ болѣе я былъ пристыженъ, когда услышалъ за собой другой голосъ, продекламировавшій отрывокъ изъ баллады:

Сѣдлайте же мнѣ вороного коня,
Сѣдлайте, сѣдлайте скорѣй!
Умчусь я на немъ по прямому пути
Къ дѣвицѣ, что всѣхъ мнѣ милѣе!

Когда я повернулся, то увидѣлъ молодую лэди, стоявшую передо мной въ утреннемъ платьѣ, спрятавъ руку въ складки, точно не желая подать ее мнѣ. Но я не могъ не замѣтить, что въ глазахъ ея, глядѣвшихъ на меня, свѣтилось расположеніе.

— Мое почтеніе, миссъ Грантъ,—сказалъ я, поклонившись.

— Вамъ тоже, м-ръ Давидъ,—отвѣчала она, низко присѣдая.—Прошу васъ, вспомните старую поговорку, что ѣда и литургія никогда не мѣшаютъ. Литургіи я не могу предложить вамъ, такъ какъ всѣ мы добрые протестанты, но на ѣдѣ настаиваю. Можетъ случиться, что у меня найдется для васъ нѣчто, изъ-за чего стоило бы остаться.

— Миссъ Грантъ,—сказалъ я,—мнѣ кажется, что я и такъ уже обязанъ вамъ за нѣсколько радостныхъ и добрыхъ словъ на бумажкѣ безъ подписи.

— Безъ подписи?—спросила она, и на лицѣ ея, удивительно

*) Идти пѣшкомъ.

красивомъ, появилась забавная гримаска, точно она старалась припомнить что-то.

— Если только я не ошибаюсь,—продолжалъ я.—Но у насъ, во всякомъ случаѣ, будетъ время поговорить объ этомъ, благодаря добротѣ вашего отца, который на нѣкоторое время приглашаетъ меня къ себѣ. Въ настоящую же минуту дуракъ проситъ васъ дать ему свободу.

— Вы даете себѣ рѣзкое названіе,—сказала она.

— М-ръ Дойгъ и я рады бы были и болѣе рѣзкому подъ вашимъ остроумнымъ перомъ,—сказалъ я.

— Мнѣ еще разъ приходится удивляться скромности всѣхъ мужчинъ,—возразила она.—Но если вы не хотите ѣсть, то отправляйтесь сейчасъ же; вы вернетесь тѣмъ скорѣе, такъ какъ ѣдете совершенно напрасно. Отправляйтесь, м-ръ Давидъ,—продолжала она, отворяя дверь.

На добраго быстро вскочилъ онъ коня,
Въ ворота промчался скорѣе,
Безъ отдыха ѣхалъ и всюду искалъ
Дѣвицу, что ему всѣхъ милѣе.

Я не сталъ долго ждать второго приглашенія и по дорогѣ въ Динъ оправдалъ цитату миссъ Грантъ.

Старая лэди Аллардайсъ гуляла въ саду одна, въ шляпѣ и платьѣ, опираясь на палку изъ какого-то чернаго дерева съ серебрянымъ набалдашникомъ. Когда я слѣзъ съ лошади и подходилъ къ ней съ привѣтствіемъ, я видѣлъ, какъ кровь приливаетъ ей къ лицу, и голова ея выпрямляется съ такимъ видомъ, какъ у императрицъ (какъ я воображалъ ихъ).

— Что привело васъ къ моему бѣдному порогу?—воскликнула она съ сильнымъ носовымъ акцентомъ.—Я не могу допустить васъ. Всѣ мужчины въ моей семьѣ умерли и похоронены: у меня нѣтъ ни сына, ни мужа, которые могли бы охранять мою дверь; всякій бродяга можетъ схватить меня за бороду, а борода у меня дѣйствительно есть, и это хуже всего,—прибавила она, точно про себя.

Такой пріемъ совершенно огорошилъ меня, а послѣднее замѣчаніе, похожее на бредъ сумасшедшей, почти лишило дара слова.

— Я вижу, что возбудилъ ваше неудовольствіе, милэди,—сказалъ я.—Но все же беру на себя смѣлость освѣдомиться о миссъ Друммондъ.

Она взглянула на меня горѣвшими глазами. Губы ея были крѣпко сжаты, образуя множество складокъ, и рука, опиравшаяся о палку, дрожала

— Это лучше всего!—воскликнула она.—Вы же еще приходите спрашивать о ней? Видитъ Богъ, я бы сама желала это знать!

— Такъ она не здѣсь?—воскликнулъ я.

Она закинула голову, сдѣлала шагъ впередъ и такъ закричала на меня, что я тотчасъ же отступилъ.

— Ахъ, вы проклятый лгунъ!—воскликнула она.—Какъ, вы еще приходите спрашивать меня? Она въ тюрьмѣ, куда вы посадили ее, вотъ она гдѣ! И подумать только, что изъ всѣхъ мужчинъ, которыхъ я когда-либо видѣла, это сдѣлали именно вы! Ахъ, вы мерзавецъ! Если бы въ моей семьѣ оставался хоть одинъ мужчина, онъ отколотилъ бы васъ хорошенько.

Я подумалъ, что лучше не оставаться дольше на этомъ мѣстѣ, такъ какъ возбужденіе ея все усиливалось. Когда я повернулъ, чтобы пойти къ лошади, она даже послѣдовала за мной; я не стыжусь признаться, что уѣхалъ съ одной ногой въ стремени, тогда какъ другая еще искала его.

Такъ какъ я не зналъ другого мѣста, гдѣ бы могъ навести справки о Катріонѣ, то мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ вернуться къ адвокату. Меня очень любезно приняли всѣ четыре лэди, которыя теперь находились вмѣстѣ. Я долженъ былъ сообщать имъ такъ подробно новости о Престонгрэнджѣ и о томъ, что говорилось въ западныхъ провинціяхъ, что не могъ побороть скуки. Въ то же время та молодая лэди, съ которой я желалъ снова остаться наединѣ, насмѣшливо глядѣла на меня и, казалось, находила удовольствіе въ моемъ нетерпѣніи. Наконецъ, когда я вытерпѣлъ завтракъ съ ними и уже былъ готовъ въ присутствіи тетки умолять ее объ объясненіи, она подошла къ клавикордамъ и, наигрывая мотивъ, пропѣла на высокихъ нотахъ:

Когда ты могъ имѣть—не бралъ
Когда захочешь—не получишь.

Но на этомъ окончилась ея строгость: подъ какимъ-то предлогомъ, который я забылъ, она увела меня въ библіотеку своего отца. Не могу не сказать, что миссъ Грантъ была очень нарядно одѣта и выглядѣла чрезвычайно красивой.

— А теперь, м-ръ Давидъ, садитесь и поговоримъ наединѣ,— сказала она.—У меня есть много, что разсказать вамъ, и, кромѣ того оказывается, что мое сужденіе о вашемъ вкусѣ было очень несправедливо.

— Какимъ образомъ, миссъ Грантъ?—спросилъ я.—Надѣюсь, что я всегда относился къ вамъ съ должнымъ уваженіемъ.

— Можете быть спокойны, м-ръ Давидъ, ваше уваженіе какъ къ самому себѣ, такъ и къ вашимъ бѣднымъ ближнимъ, къ счастью, не имѣло равнаго. Но это къ дѣлу не относится. Вы получили отъ меня записку?—спросила она.

— Я имѣлъ смѣлость предполагать это,—сказалъ я,—и чувствовалъ къ вамъ большую благодарность.

— Она, вѣроятно, порядочно удивила васъ,—сказала она.— Но начнемъ съ самаго начала. Вы, можетъ быть, не забыли дня, когда имѣли любезность сопровождать трехъ скучныхъ барышень въ Гопъ-Паркъ? У меня еще менѣе основанія забыть его, такъ какъ вы были такъ замѣчательно любезны, что познакомили меня съ нѣкоторыми правилами латинской грамматики, за что я вамъ осталась глубоко благодарной.

— Боюсь, что я былъ слишкомъ педантиченъ,—сказалъ я, чувствуя замѣшательство при этомъ воспоминаніи.—Но примите во вниманіе, что я совсѣмъ не привыкъ къ дамскому обществу.

— Въ такомъ случаѣ я не буду говорить болѣе о латинской грамматикѣ,—отвѣчала она.—Но какъ могли вы покинуть довѣренныхъ вашему попеченію молодыхъ лэди? «Онъ швырнулъ ее за бортъ, онъ бросилъ ее, свою добрую, милую Анни»,—пропѣла она,—и его милой Анни и двумъ ея сестрамъ пришлось тащиться домой однѣмъ, какъ стаду молодыхъ гусенятъ! Оказывается, что вы вернулись къ моему папашѣ, гдѣ выказали необыкновенную воинственность, а оттуда отправились въ невѣдомыя страны, направляясь, какъ оказывается, къ скалѣ Бассъ. Молодые бакланы вамъ, вѣроятно, больше нравятся, чѣмъ красивыя дѣвушки.

Несмотря на насмѣшки, въ глазахъ молодой лэди можно было прочесть снисходительность, и я сталъ надѣяться, что дальше будетъ лучше.

— Вамъ нравится мучить меня,—сказалъ я,—я служу вамъ покорной игрушкой. Позвольте, однако, просить васъ быть болѣе

милостивой. Въ настоящее время мнѣ важно слышать только одно, а именно извѣстія о Катріонѣ.

— Вы называете ее такъ въ глаза, м-ръ Бальфуръ?—спросила она.

— Увѣряю васъ, что я и самъ не знаю,—запинаясь, проговорилъ я.

— Я ни въ какомъ случаѣ не стала бы такъ называть чужихъ,—сказала миссъ Грантъ.—А почему васъ такъ тревожатъ дѣла этой молодой лэди?

— Я слыхалъ, что она въ тюрьмѣ,—возразилъ я.

— Ну, а теперь вы слышите, что она ушла изъ тюрьмы,—отвѣчала она,—что вамъ еще нужно? Она болѣе не нуждается въ защитникѣ.

— Но я могу нуждаться въ ней,—сказалъ я.

— Вотъ такъ-то лучше!—сказала миссъ Грантъ.—Взгляните мнѣ хорошенько въ лицо; развѣ я не красивѣе ея?

— Я никогда не стану отрицать это,—отвѣчалъ я.—Во всей Шотландіи нѣтъ красивѣе васъ.

— Ну вотъ, а теперь, когда передъ вами лучшая изъ двухъ, вы должны непремѣнно говорить о другой!—замѣтила она.—Вы такимъ образомъ никогда не будете нравиться дамамъ, м-ръ Бальфуръ.

— Но, миссъ,—сказалъ я,—кромѣ красоты есть вѣдь еще и другое.

— Вы хотите дать понять мнѣ, что я хуже, чѣмъ могла бы быть?—спросила она.

— Я хочу дать вамъ понять, что я похожъ на пѣтуха въ баснѣ,—сказалъ я.—Я вижу драгоцѣнность, мнѣ очень нравится смотрѣть на нее, но я болѣе нуждаюсь въ пшеничномъ зернѣ.

— Брависсимо!—воскликнула она.—Это вы хорошо сказали, и я вознагражу васъ своимъ разсказомъ. Вечеромъ въ день вашего исчезновенія я поздно вернулась отъ знакомыхъ, гдѣ мною очень восхищались, каково бы ни было ваше мнѣніе, и вдругъ мнѣ говорятъ, что меня желаетъ видѣть дѣвушка въ тартановой шапочкѣ. Она ждала уже болѣе часу, сказала мнѣ служанка, и въ ожиданіи очень сокрушалась. Я сейчасъ же вышла къ ней. Она встала при моемъ появленіи, и я сейчасъ же узнала ее. «Сѣроглазка», подумала я, но была настолько умна, что не подала виду, будто знаю ее. «Это вы, наконецъ, миссъ Грантъ?—

спросила она, глядя на меня сурово и жалобно.—«Да, онъ говорилъ правду, что вы очень красивы».—«Такова, какъ создалъ меня Богъ, моя милая,—отвѣчала я.—«Однако, я была бы очень рада и обязана вамъ, если бы вы объяснили, что васъ привело сюда въ ночную пору».—«Милэди,—сказала она,—мы родственницы; обѣ мы происходимъ отъ одной крови сыновъ Альпина».—«Милая моя,—отвѣчала я,—я столько же думаю объ Альпинѣ и его сынахъ, какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ. Слезы на вашемъ красивомъ лицѣ для меня гораздо краснорѣчивѣе». Тутъ я оказалась настолько неосторожной, что поцѣловала ее. Вы бы сами чрезвычайно желали это сдѣлать, но, держу пари, никогда не рѣшитесь. Я говорю, что это было неосторожно, потому что я знала ее только по наружности; но оказалось, что я не могла бы придумать ничего умнѣе. Она очень смѣлая и гордая дѣвушка, но, я думаю, мало видѣла нѣжности, и при этой ласкѣ (хотя, признаюсь, она была оказана довольно легкомысленно) сердце ея сразу расположилось ко мнѣ. Я не буду открывать вамъ женскія тайны, никогда не скажу, какимъ образомъ она обворожила меня, потому что она воспользуется тѣми же средствами, чтобы покорить и васъ. Да ,это славная дѣвушка! Она чиста, какъ вода горныхъ ключей.

— О, да!—воскликнулъ я.

— Ну, затѣмъ она разсказала мнѣ о своемъ безпокойствѣ,—продолжала миссъ Грантъ,—о томъ, въ какой тревогѣ она относительно отца, въ какомъ страхѣ за васъ (безъ всякой серьезной причины) и какъ затруднительно оказалось ея положеніе, когда вы ушли. «И тогда я, наконецъ, вспомнила,—сказала она,—что мы родственницы, и что м-ръ Давидъ назвалъ васъ красавицей изъ красавицъ, и подумала: «Если она такъ красива, то будетъ, вѣроятно, и добра», собралась съ духомъ и пришла сюда». Вотъ тутъ-то я и простила вамъ, м-ръ Дэви. Когда вы находились въ моемъ обществѣ, вы были точно на горячемъ желѣзѣ; если я когда-либо видѣла молодого человѣка, который хотѣлъ сбѣжать, то, по всѣмъ признакамъ, это были вы, а я и мои двѣ сестры были тѣми лэди, отъ которыхъ вы желали уйти. И вдругъ оказывается, что вы мимоходомъ обратили на меня вниманіе и были такъ добры, что разсказали о моей красотѣ! Съ этого часа можете счи-

тать меня другомъ; я даже начинаю съ нѣжностью вспоминать о латинской грамматикѣ.

— У васъ будетъ достаточно времени насмѣхаться надо мной,—сказалъ я.—Думаю только, что вы несправедливы къ себѣ, и что это Катріона расположила васъ въ мою пользу. Она слишкомъ проста, чтобы замѣчать, какъ вы, неловкость своего друга.

— Я не поручилась бы за это, м-ръ Давидъ,—замѣтила она,—У дѣвушекъ зоркіе глаза. Но, по крайней мѣрѣ, какъ я вскорѣ увидѣла, она вамъ настоящій другъ. Я отвела ее къ моему папашѣ, а такъ какъ его высокоблагородіе отъ кларета былъ въ благопріятномъ настроеніи, то принялъ насъ обѣихъ. «Вотъ «Сѣроглазка», о которой вы столько слышали за послѣдніе дни, — сказала я, — она пришла доказать, что мы говорили правду, и я повергаю къ стопамъ вашимъ самую красивую дѣвушку въ Шотландіи», дѣлая по-іезуитски мысленное ограниченіе въ свою пользу. Она на дѣлѣ подтвердила мои слова: стала передъ нимъ на колѣни, и я не рѣшилась бы побожиться, что онъ не увидѣлъ ея вдвойнѣ, отчего ея обращеніе несомнѣнно показалось ему еще неотразимѣе, такъ какъ всѣ вы, мужчины, настоящіе магометане. Она разсказала ему, что случилось въ этотъ вечеръ, какъ она задержала слугу своего отца, чтобы онъ не могъ слѣдовать за вами, и въ какой она тревогѣ за отца и за васъ. Со слезами просила она спасти жизнь вамъ обоимъ (изъ которыхъ ни одному не грозило ни малѣйшей опасности). Увѣряю васъ, я стала, наконецъ, гордиться своимъ поломъ, такъ все у нея выходило красиво, и жалѣла только о ничтожествѣ даннаго случая. Она не успѣла много сказать, какъ, увѣряю васъ, адвокатъ былъ уже совершенно трезвъ и видѣлъ, что вся его тонкая политика распутана молодой дѣвушкой и открыта самой непокорной его дочери. Но мы вдвоемъ забрали его въ руки и уладили дѣло. Если только умѣло обращаться съ моимъ папочкой, какъ умѣю я, то съ нимъ никто не сравнится.

— Онъ былъ очень добръ ко мнѣ,—сказалъ я.

— Онъ былъ также добръ къ Кэтринъ, я сама была свидѣтельницей,—возразила она.

— И она просила за меня!—сказалъ я.

— Да, и очень трогательно,—отвѣчала миссъ Грантъ.—Я

Она стала передъ нимъ на колѣни...

не хочу сказать вамъ, что она говорила, я считаю, что у васъ и такъ достаточно самомнѣнія.

— Награди ее Богъ за это!—воскликнулъ я.

— Вмѣстѣ съ м-ромъ Давидомъ Бальфуромъ, я думаю?—сказала она.

— Вы слишкомъ несправедливы ко мнѣ!—воскликнулъ я.—Я дрожу при мысли видѣть ее въ такихъ грубыхъ рукахъ. Вы

думаете, что я разсчитываю на это, потому что она молила о моей жизни? Да она сдѣлала бы это для новорожденнаго щенка! Если бы вы только знали, у меня было еще больше причинъ возгордиться: она поцѣловала мою руку. Да, поцѣловала! А почему? Она думала, что я храбро стою за правое дѣло и, можетъ быть, иду на смерть. Не для меня она это дѣлала... Впрочемъ, мнѣ не слѣдовало бы говорить это вамъ, когда вы не можете глядѣть на меня безъ смѣха. Это было изъ любви къ тому, что она считала мужествомъ. Я думаю, никто, кромѣ меня и бѣднаго принца Чарли, не удостоился этой чести. Развѣ это не значило приравнять меня къ божеству? Вы думаете, сердце мое не трепещетъ, когда я думаю объ этомъ?

— Я много смѣюсь надъ вами, больше, чѣмъ допускается вѣжливостью, — сказала она, — но скажу вамъ одно: если вы съ ней говорите такъ, то у васъ есть нѣкоторая надежда на успѣхъ.

— Съ ней?!—воскликнулъ я.—Да никогда не посмѣлъ бы! Я могу говорить такъ съ вами, миссъ Грантъ, потому что мнѣ безразлично, что вы думаете обо мнѣ. Но съ ней! Нечего бояться!—сказалъ я.

— Мнѣ кажется, что у васъ самыя большія ноги въ Шотландіи *),—сказала она.

— Дѣйствительно, онѣ не малы,—отвѣчалъ я, глядя внизъ.

— Бѣдная Катріона!—воскликнула миссъ Грантъ.

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее; хотя я теперь отлично вижу, что она хотѣла сказать (а также оправданіе для этого), но я всегда былъ тугъ на пониманіе въ такихъ легкихъ разговорахъ.

— Ну, м-ръ Давидъ,—сказала она,—хотя это и противъ моей совѣсти, но я вижу, что мнѣ придется быть вашимъ адвокатомъ. Она узнаетъ, что вы пріѣхали къ ней, какъ только услыхали о ея заключеніи; узнаетъ также, что вы не захотѣли даже закусить; изъ нашего же разговора она узнаетъ ровно столько, сколько я найду подходящимъ для дѣвушки ея лѣтъ и неопытности. Повѣрьте, что это сослужитъ вамъ лучшую службу, чѣмъ если бы вы говорили за себя сами, потому что я умолчу о большихъ ногахъ.

— Такъ вы, значитъ, знаете, гдѣ она?—воскликнулъ я.

---

*) Тутъ, очевидно, въ смыслѣ «самый неотесанный человѣкъ».

— Знаю, м-ръ Давидъ, и никогда не скажу,—сказала она.

— Почему же?—спросилъ я.

— Я хорошій другъ,—сказала она,—вы скоро въ этомъ убѣдитесь; а изъ тѣхъ, кому я другъ, главный—мой отецъ. Увѣряю васъ, вы ничѣмъ не воспламените и не разжалобите меня настолько, чтобы я забыла объ этомъ. И потому избавьте меня отъ вашихъ телячьихъ глазъ. И до свиданья пока, м-ръ Давидъ Бальфуръ!

— Но остается еще одно,—воскликнулъ я,—еще одно, чему слѣдуетъ помѣшать, потому что это принесетъ безчестье какъ ей, такъ и мнѣ!

— Будьте кратки,—сказала она,—я и такъ уже потратила на васъ половину дня.

— Лэди Аллардайсъ думаетъ,—началъ я,—она предполагаетъ, что я похитилъ ее.

Краска бросилась въ лицо миссъ Грантъ, такъ что я сначала пришелъ въ замѣшательство, увидѣвъ, что слухъ ея такъ нѣженъ, пока не понялъ, что она скорѣе борется со смѣхомъ. Въ этомъ я окончательно убѣдился по дрожи въ ея голосѣ, когда она отвѣтила мнѣ.

— Я беру на себя защиту вашей репутаціи,—сказала она.— Можете оставить ее въ моихъ рукахъ.

Съ этими словами она ушла изъ библіотеки.

XX. Я продолжаю вращаться въ хорошемъ обществѣ.

Около двухъ мѣсяцевъ я прожилъ гостемъ въ семьѣ Престонгрэнджа и за это время лучше познакомился съ судьями, адвокатами и цвѣтомъ эдинбургскаго общества. Вы не должны предполагать, что я пренебрегалъ своимъ воспитаніемъ; напротивъ, я былъ чрезвычайно занятъ. Я изучалъ французскій языкъ, подготовляясь къ поѣздкѣ въ Лейденъ, принялся за фехтованіе и занимался имъ очень много, иногда часа три въ день, значительно подвигаясь впередъ. По мысли моего родственника Пильрига, хорошаго музыканта, меня стали обучать пѣнію и, по настоянію миссъ Грантъ, также и танцамъ, въ которыхъ я, признаюсь, оказался далеко не изящнымъ. Несмотря на то, всѣ были такъ добры, что находили, будто это придаетъ мнѣ ловкость и грацію; безъ сомнѣнія, я научился обращаться болѣе ловко съ полами

кафтана и шпагой и стоять въ комнатѣ съ такимъ видомъ, будто находился у себя дома. Вся моя одежда была вновь приведена въ порядокъ, и самыя мельчайшія подробности, напримѣръ, гдѣ мнѣ связать волоса или какого цвѣта выбрать ленту, обсуждались тремя барышнями, точно важныя дѣла. Благодаря всему этому вмѣстѣ взятому, я выглядѣлъ значительно лучше и имѣлъ модный видъ, который очень удивилъ бы добрыхъ иссендинскихъ жителей.

Обѣ младшія миссъ очень охотно обсуждали подробности моей одежды, потому что всѣ мысли ихъ обыкновенно были направлены на наряды. Не могу сказать, чтобы онѣ другимъ какимъ-нибудь образомъ показывали, что замѣчаютъ мое присутствіе; и хотя онѣ были всегда болѣе чѣмъ внимательны и даже какъ-то бездушно фамильярны, но не могли скрыть, какъ я надоѣлъ имъ. Что же касается тетки, то эта чрезвычайно спокойная женщина, я думаю, относилась ко мнѣ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и къ остальной семьѣ, а это было немного. Такимъ образомъ, главными друзьями моими были самъ адвокатъ и его старшая дочь, и наши дружескія отношенія еще болѣе усилились послѣ тѣхъ развлеченій, въ которыхъ мы совмѣстно участвовали.

До открытія засѣданій суда мы провели одинъ или два дня въ грэнджъ-гаузѣ, гдѣ жили по-аристократически, держали открытый столъ и втроемъ совершали экскурсіи по полямъ, что потомъ и продолжали въ Эдинбургѣ, насколько это допускали постоянныя дѣла адвоката. Когда быстрота движенія, затруднительность пути или разныя случайности вслѣдствіе дурной погоды приводили насъ въ хорошее настроеніе, моя застѣнчивость совершенно пропадала; мы забывали, что мы чужіе, и такъ какъ разговоръ не былъ обязателенъ, онъ лился совершенно естественно. Тогда-то адвокатъ и дочь его услышали мою исторію отрывками, начиная съ того времени, какъ я ушелъ изъ Иссендина, какъ я отправился въ плаваніе и сражался на «Конвентѣ», скитался по горамъ и пр. Вслѣдствіе интереса, который возбудили въ нихъ мои приключенія, мы немного позже, въ день, когда въ судѣ не было засѣданія, совершили прогулку, о которой я разскажу немного подробнѣе.

Мы выѣхали рано и сперва проѣхали мимо Шоосъ-гауза, который безъ дыма стоялъ среди обширнаго, покрытаго инеемъ

поля; было еще очень раннее утро. Престонгрэнджъ слѣзъ, поручилъ мнѣ свою лошадь и одинъ отправился навѣстить моего дядю. Помню, что при видѣ этого оголеннаго дома и при мысли о старомъ скрягѣ, который дрожалъ въ холодной кухнѣ, въ сердцѣ моемъ поднялось горькое чувство.

— Вотъ мой домъ и моя семья,—сказалъ я.

— Бѣдный Давидъ Бальфуръ!—замѣтила миссъ Грантъ.

Я никогда не слышалъ о томъ, что произошло во время этого посѣщенія; вѣроятно, не особенно хорошее для Эбенезера, потому что, когда адвокатъ вернулся, лицо его было мрачно.

— Я думаю, что вы вскорѣ дѣйствительно станете лэрдомъ, м-ръ Дэви,—сказалъ онъ, наполовину поворачиваясь ко мнѣ съ одной ногой въ стремени.

— Я не буду притворяться, будто жалѣю объ этомъ,—сказалъ я.

По правдѣ сказать, миссъ Грантъ и я въ его отсутствіе въ воображеніи украшали это мѣсто насажденіями, цвѣтниками и террасой, что я впослѣдствіи и привелъ въ исполненіе.

Оттуда мы проѣхали въ Куинсферри, гдѣ Ранкэйлоръ былъ очень радъ насъ видѣть, въ восторгѣ, что принимаетъ такого важнаго посѣтителя. Адвокатъ былъ такъ искренно добръ, что вполнѣ ознакомился съ моими дѣлами, проведя часа два со стряпчимъ въ его кабинетѣ и выражая, какъ мнѣ сказали, большой интересъ ко мнѣ и моей будущности. Въ это время миссъ Грантъ, я и молодой Ранкэйлоръ сѣли въ лодку и переѣхали заливъ къ Лимекильнсу. Ранкэйлоръ смѣшно и, по моему, обидно восторгался молодой лэди, но, къ моему удивленію, хотя это обычная женская слабость, она, казалось, скорѣе была польщена. Это принесло одну несомнѣнную пользу: когда мы подъѣхали къ другому берегу, она приказала ему стеречь лодку, пока сама пошла со мной немного дальше къ постоялому двору. Миссъ Грантъ придумала эту поѣздку:—ее заинтересовалъ разсказъ объАлизонъ Хэсти, и она пожелала видѣть эту дѣвушку. Мы опять застали ее одну,—отецъ ея, кажется, весь день работалъ въ полѣ,—и она почтительно присѣла передъ господиномъ и красивой лэди въ амазонкѣ.

— Развѣ вы не хотите поздороваться со мной иначе?—сказалъ я, протягивая руку. — Развѣ вы не помните старыхъ друзей?

— Боже мой, что же это такое?—воскликнула она.—Честное слово, это тотъ оборванный мальчикъ!

— Онъ самый,—сказалъ я.

— Я часто думала о васъ и вашемъ другѣ и рада, что вижу васъ такимъ нарядпымъ!—воскликнула она.—Я уже знала, что вы вернулись къ своимъ родственникамъ, по чудному подарку, который вы прислали мнѣ, и за который я отъ души благодарю васъ.

— Ступайте-ка вы прочь,—сказала миссъ Грантъ, обращаясь ко мнѣ,—будьте добрымъ мальчикомъ. Я пришла не для того, чтобы стоять здѣсь и слушать васъ; я хочу поговорить съ ней наединѣ.

Мнѣ кажется, она оставалась въ домѣ минутъ десять, и когда вышла, я замѣтилъ, что глаза ея красны и что серебряная брошка исчезла у нея съ груди. Это очень тронуло меня.

— Ничто никогда не украшало васъ такъ,—сказалъ я.

— О, Дэви, ради Бога, не будьте такимъ высокопарнымъ глупцомъ!—отвѣтила она и во весь остальной день была со мною рѣзче обыкновеннаго.

Начинало уже темнѣть, когда мы возвратились съ этой поѣздки.

Довольно продолжительное время я ничего болѣе не слышалъ о Катріонѣ. Миссъ Грантъ оставалась непроницаемой и шутками останавливала мои разспросы. Разъ, наконецъ, когда она вернулась съ прогулки и застала меня въ гостиной за французскимъ учебникомъ, въ наружности ея, какъ мнѣ показалось, было что-то необычайное: лицо разгорѣлось, глаза блестѣли и на губахъ играла улыбка, которую она старалась скрыть, глядя на меня. Она выглядѣла олицетвореніемъ лукавства и, быстро расхаживая по комнатѣ, вскорѣ втянула меня въ какой-то споръ о пустякахъ и безъ всякаго съ моей стороны желанія. Я очутился въ положеніи Христіана въ болотѣ: чѣмъ больше я старался выкарабкаться съ одной стороны, тѣмъ глубже погружался съ другой, пока она, наконецъ, не объявила, очень гнѣвно, что не позволитъ никому такъ отвѣчать ей, и что я долженъ стать на колѣни и просить прощенія.

Безпричинность такого порыва раздражила меня.

— Я ничего не сказалъ, въ чемъ бы вы могли меня основа-

тельно упрекнуть, — сказалъ я,—а на колѣни я становлюсь только передъ Богомъ.

— Я и хочу, чтобы мнѣ служили, какъ богинѣ!—воскликнула она съ пылающимъ лицомъ, встряхивая русыми кудрями.— Всякій человѣкъ, который подходитъ ко мнѣ близко, долженъ такъ обращаться со мной!

— Я, пожалуй, ради вѣжливости, попрошу у васъ извиненія, хотя, клянусь, не знаю въ чемъ,—отвѣчалъ я.—Но вы можете обращаться къ другимъ за такими театральными позами.

— О, Дэви,—сказала она,—а если я попрошу васъ?

Я сообразилъ, что сражаюсь съ женщиной, а это то же, что съ ребенкомъ, и притомъ изъ-за пустой формальности.

— Я считаю это ребячествомъ,—сказалъ я,—недостойнымъ того, чтобы вы о немъ просили, а я исполнялъ его. Но я не хочу отказывать вамъ, и позоръ, если онъ есть, будетъ на вашей душѣ.—Съ этими словами я сталъ на колѣни.

— Вотъ,—воскликнула она,—вотъ ваше настоящее положеніе, въ которое я такъ старалась поставить васъ! — Затѣмъ вдругъ, сказавъ «ловите», бросила мнѣ сложенную записку и, смѣясь, выбѣжала изъ комнаты.

На запискѣ не было обозначено ни мѣста, ни числа. «Дорогой м-ръ Давидъ,—начиналась она,—я постоянно имѣю извѣстія о васъ чрезъ мою кузину, миссъ Грантъ, и очень рада, что извѣстія эти хороши. Я совершенно здорова, нахожусь въ хорошемъ мѣстѣ, среди добрыхъ людей, но по необходимости должна скрываться, хотя надѣюсь, что когда-нибудь мы, наконецъ, снова встрѣтимся. О вашемъ дружескомъ поведеніи мнѣ разсказала моя кузина, которая обоихъ насъ любитъ. Она велѣла мнѣ написать вамъ эту записку и просматриваетъ ее. Прошу васъ исполнять всѣ ея приказанія и остаюсь вашимъ преданнымъ другомъ Катріоной Макгрегоръ-Друммондъ».

«PS. Не навѣстите ли вы мою родственницу, лэди Аллардайсъ?».

Исполняя это желаніе, я немедленно отправился въ Динъ, и считаю это одной изъ своихъ самыхъ смѣлыхъ кампаній (какъ говорятъ солдаты). Но старая лэди теперь совершенно перемѣнилась и была со мною чрезвычайно ласкова. Какими средствами удалось миссъ Грантъ достичь этого, я никогда не могъ понять; я только увѣренъ, что она не посмѣла выступить здѣсь

открыто, такъ какъ ея отецъ былъ порядочно замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. Это онъ убѣдилъ Катріону уйти или, вѣрнѣе, не возвращаться къ своей родственницѣ и помѣстилъ ее въ семью Грегоровъ—приличныхъ людей, совершенно преданныхъ адвокату и къ которымъ Катріона могла тѣмъ болѣе имѣть довѣріе, что они принадлежали къ ея клану и семьѣ. Они скрывали ее, пока все не было улажено, побуждали и помогали ей попытаться освободить отца, приняли обратно къ себѣ и скрывали попрежнему, когда ее выпустили изъ тюрьмы. Вотъ какимъ образомъ Престонгрэнджъ воспользовался ея помощью, не проронивъ ни единаго слова о своемъ знакомствѣ съ дочерью Джемса Мора. Безъ сомнѣнія, были разговоры относительно бѣгства этого лишеннаго чести человѣка; но правительство отвѣтило на нихъ показной строгостью: одного изъ тюремныхъ сторожей выгнало, а лейтенанта караула (моего бѣднаго пріятеля Дункансби) разжаловало; что же касается Катріоны, то всѣ были очень довольны, что ея поступокъ обойденъ молчаніемъ.

Я никакъ не могъ уговорить миссъ Грантъ передать Катріонѣ отвѣтъ. «Нѣтъ,—говорила она, когда я настаивалъ,—я не хочу допустить въ это дѣло «большія ноги». Это мнѣ было тѣмъ тяжелѣе слышать, что, какъ я зналъ, она видѣла моего маленькаго друга много разъ въ недѣлю и сообщала ей свѣдѣнія обо мнѣ, когда (какъ говорила она) «я хорошо себя велъ». Она обращалась со мной «со снисхожденіемъ», какъ говорила сама, но я находилъ, что скорѣе съ издѣвательствомъ. Она, безъ сомнѣнія, была вѣрнымъ, чрезвычайно энергичнымъ другомъ для всѣхъ, кого любила. Главное мѣсто въ ея привязанностяхъ занимала старая, болѣзненная, почти слѣпая и очень умная лэди, которая жила въ верхнемъ этажѣ высокаго дома въ узкомъ проулкѣ и имѣла пару коноплянокъ въ клѣткѣ. У нея обыкновенно бывала цѣлая толпа посѣтителей. Миссъ Грантъ очень любила водить меня туда и заставляла занимать ея друга разсказами о моихъ несчастіяхъ. Миссъ Тобби Рамсэй (такъ звали старушку) была особенно добра ко мнѣ и разсказывала много интереснаго о старыхъ людяхъ и прежнихъ дѣлахъ въ Шотландіи. Мнѣ слѣдуетъ сказать, что изъ окна ея комнаты, на разстояніи не болѣе трехъ футовъ (такъ былъ узокъ переулокъ) находилось загороженное окошечко, освѣщавшее лѣстницу стоявшаго напротивъ дома, и въ которое легко можно было заглянуть.

Однажды миссъ Грантъ подъ какимъ-то предлогомъ оставила меня одного съ миссъ Рамсэй. Мнѣ показалось, что старушка невнимательна и чѣмъ-то обезпокоена. Кромѣ того, въ комнатѣ было очень неуютно, такъ какъ, противъ обыкновенія, окно было отворено, несмотря на холодную погоду. Вдругъ, точно издалека, въ ушахъ моихъ прозвенѣлъ голосъ миссъ Грантъ.

— Шоосъ,—крикнула она,—взгляните въ окно и посмотрите, кого я привела вамъ!

Мнѣ кажется, что это было самое красивое зрѣлище, какое я когда-либо видѣлъ. Весь проулокъ былъ въ прозрачной тѣни, сквозь которую отчетливо можно было видѣть черныя и грязныя стѣны домовъ и, у загороженнаго окошечка, два улыбающихся мнѣ личика—миссъ Грантъ и Катріону.

— Вотъ,—сказала миссъ Грантъ,—я хотѣла, чтобъ она видѣла васъ въ изящномъ видѣ, какъ та дѣвушка въ Лимекильнсѣ. Я хотѣла, чтобъ она видѣла, что я сумѣла сдѣлать изъ васъ, когда серьезно принялась за дѣло!

Я вспомнилъ, какъ въ этотъ день она болѣе чѣмъ обыкновенно занималась моимъ туалетомъ, и думаю, что съ такою же заботливостью отнеслась и къ Катріонѣ. Для такой веселой и отзывчивой лэди миссъ Грантъ удивляла своей любовью къ тряпкамъ.

— Катріона!—могъ я только воскликнуть.

Она же не говорила ни слова, а только помахала мнѣ рукой и улыбнулась, и вдругъ опять была отведена отъ окна.

Не успѣло это видѣніе исчезнуть, какъ я уже бѣжалъ къ двери дома, которая оказалась запертой на замокъ; потомъ вернулся опять къ миссъ Рамсэй и требовалъ ключа, но съ такимъ же успѣхомъ могъ бы требовать его отъ скалы. Она дала слово, говорила она, и я долженъ быть умнымъ мальчикомъ. Выбить дверь было невозможно, не говоря уже о томъ, что это было неприлично. Также невозможно было выпрыгнуть изъ окна, которое отстояло отъ земли на семь этажей. Мнѣ оставалось только наблюдать за проулкомъ и стеречь появленіе Катріоны съ лѣстницы. Видѣть мнѣ пришлось немного—только верхушки головъ на смѣшномъ кругѣ юбокъ, точно двѣ подушки для булавокъ. Катріона даже не взглянула вверхъ на прощанье, предупрежденная миссъ Грантъ (какъ я узналъ позже), что никогда

люди не выглядятъ менѣе интересными, чѣмъ когда на нихъ смотрятъ сверху внизъ.

Получивъ свободу, я по дорогѣ домой упрекалъ миссъ Грантъ за ея жестокость.

— Мнѣ жаль, что вы разочаровались, — кротко замѣтила она.—Мнѣ же это доставило большое удовольствіе. Вы выглядѣли лучше, чѣмъ я того опасалась; вы выглядѣли—если это только не сдѣлаетъ васъ тщеславнымъ—очень красивымъ молодымъ человѣкомъ, когда появились въ окнѣ. Вы должны помнить, что она не могла видѣть вашихъ ногъ,—сказала она, какъ бы успокаивая меня.

— О, воскликнулъ я,—оставьте мои ноги въ покоѣ;—онѣ не больше, чѣмъ у другихъ.

— Онѣ даже меньше, чѣмъ нѣкоторыя другія,—сказала она,— но я говорю притчами, какъ еврейскіе пророки.

— Я не удивляюсь, что ихъ иногда побивали камнями!—воскликнулъ я.—Но, несчастная, какъ могли вы сдѣлать это? Зачѣмъ вамъ нужно было дразнить меня одной минутой?

— Любовь все равно что человѣкъ, — сказала она.—Она тоже нуждается въ пищѣ.

— О, Барбара, дайте мнѣ хорошенько повидаться съ ней!—просилъ я.—Вы можете, вы видите ее, когда хотите; дайте мнѣ только полчаса!

— Кто устраиваетъ это любовное дѣло, вы или я?—спросила она. Когда же я продолжалъ приставать къ ней съ просьбами, она прибѣгла къ ужасному средству: стала передразнивать мой голосъ, когда я звалъ Катріону по имени. Этимъ она нѣсколько дней держала меня въ подчиненіи.

О докладной запискѣ не было ровно ничего слышно—мною, по крайней мѣрѣ. Престонгрэнджъ и его свѣтлость лордъ-президентъ (насколько я знаю) постарались замять ее; во всякомъ случаѣ, они сохранили ее про себя, и публика ничего не узнала. Въ назначенный день, 8-го ноября, во время страшной вьюги и дождя, Джемсъ Гленскій былъ повѣшенъ въ Леттерморѣ у Балахулиша.

Таковъ былъ финалъ моей политики! И до Джемса погибали невинные и (несмотря на нашъ умъ) будутъ погибать до конца міра. До конца міра молодежь (еще не привыкшая ко лжи въ жизни и людяхъ) будетъ бороться, какъ я, принимать геройскія

рѣшенія, подвергать себя большому риску; но сила событій оттолкнетъ всѣхъ въ сторону и будетъ подвигаться, какъ марширующая армія. Джемсъ былъ повѣшенъ, а я жилъ въ домѣ Престонгрэнджа былъ ему благодаренъ за его отеческое попеченіе. Джемсъ былъ повѣшенъ, а между тѣмъ, когда я на улицѣ встрѣтилъ м-ра Симона, я былъ вынужденъ снять передъ нимъ шляпу, какъ благонравный школьникъ передъ учителемъ. Его повѣсили при помощи обмана и насилія, а міръ продолжалъ существовать, и ничего въ немъ не измѣнилось; и злодѣи, устроившіе этотъ ужасный заговоръ, были приличными, добрыми, почтенными отцами семействъ, ходившими въ церковь и принимавшими причастіе.

Но зато я видѣлъ вблизи ужасную вещь, называемую политикой, видѣлъ ея оборотную сторону, гдѣ только смерть и мракъ, и на всю жизнь былъ исцѣленъ отъ соблазна вновь принять въ ней участіе. Я стремился теперь итти по обыкновенной, тихой частной дорогѣ, гдѣ голова моя была бы въ безопасности, а совѣсть—далеко отъ искушенія. Бросая взглядъ назадъ, я видѣлъ что въ концѣ концовъ поступилъ ужъ вовсе не такъ прекрасно и послѣ многочисленныхъ разговоровъ и долгихъ приготовленій не совершилъ ничего.

25-го того же мѣсяца должно было отправиться изъ Лейта судно, и мнѣ внезапно посовѣтовали собираться въ Лейденъ. Престонгрэнджу я, разумѣется, ничего не могъ возразить—я и безъ того слишкомъ долго пользовался его гостепріимствомъ. Но съ дочерью его я былъ откровеннѣе, жалуясь на свою судьбу, которая удаляла меня изъ Эдинбурга, и увѣряя, что если она не позволитъ мнѣ проститься съ Катріоной, я въ послѣднюю минуту откажусь ѣхать.

— Развѣ вы не помните моего совѣта?—спросила она.

— Знаю, что вы совѣтовали, — сказалъ я,—знаю также, какъ многимъ уже обязанъ вамъ, и что я долженъ слушаться вашихъ приказаній. Но вы должны сами сознаться, что иногда бываете слишкомъ веселы, чтобы вамъ можно было совсѣмъ довѣриться.

— Вотъ что я скажу вамъ, — возразила она.—Будьте на суднѣ въ девять часовъ утра; отойдетъ оно не ранѣе часа дня, и если вы не останетесь довольны тѣмъ, что я пришлю вамъ на

прощаніе, то можете снова вернуться на берегъ и сами искать Кэтринъ.

Такъ какъ я ничего больше не могъ добиться отъ нея, то пришлось удовольствоваться хоть этимъ.

Наступилъ, наконецъ, день, когда мнѣ надо было разстаться съ ней. Отношенія наши были чрезвычайно близкія и фамильярныя; я былъ многимъ обязанъ ей; и мысль о томъ, какъ мы разстанемся, не давала мнѣ спать, также какъ соображенія о деньгахъ, которыя я долженъ былъ раздать на чай слугамъ. Я зналъ, что она считаетъ меня очень застѣнчивымъ, и хотѣлъ повыситься въ ея мнѣніи. Кромѣ того, было бы слишкомъ холодно показать хоть сколько-нибудь чопорности послѣ дружелюбія, проявленнаго и прочувствованнаго съ обѣихъ сторонъ. Итакъ, я собрался съ храбростью и, когда мы въ послѣдній разъ остались одни, довольно смѣло спросилъ ее, не позволитъ ли она поцѣловать себя на прощанье.

— Вы довольно странно забываетесь, м-ръ Бальфуръ,—сказала она,—не могу припомнить, чтобы я давала вамъ какія-либо права злоупотреблять нашимъ знакомствомъ.

Я стоялъ передъ ней, какъ остановленные часы, не зная, ни что думать, ни что говорить, когда она вдругъ обѣими руками обвила мою шею и отъ души поцѣловала меня.

— Какой вы ребенокъ!—воскликнула она.—Неужели вы думали, что я могла разстаться съ вами, какъ съ чужимъ? Оттого, что я не могу сохранить серьезность въ теченіе пяти минутъ, вы не должны думать, что я не люблю васъ: каждый разъ, какъ я взгляну на васъ, мнѣ хочется любить васъ и смѣяться! А теперь, чтобы закончить ваше воспитаніе, я дамъ вамъ совѣтъ, который понадобится вамъ въ скоромъ времени. Никогда не спрашивайте женщинъ. Онѣ не могутъ не отвѣчать «нѣтъ»; Богъ еще не сотворилъ той дѣвушки, которая могла бы противиться этому искушенію. Богословы предполагаютъ, что въ этомъ проклятіе Евы: такъ какъ она не произнесла этого слова, когда дьяволъ предложилъ ей яблоко, то дочери ея не могутъ отвѣчать ничего другого.

— Такъ какъ я скоро лишусь своего прекраснаго профессора...—началъ я.

— Это очень любезно,—сказала она, присѣдая.

— Я хотѣлъ бы предложить одинъ вопросъ,—продолжалъ

я.—Могу я спросить дѣвушку, хочетъ ли она выйти за меня замужъ?

— Вы думаете, что не могли бы иначе жениться на ней?—спросила она.—Или, по вашему, лучше чтобы она сдѣлала предложеніе?

— Вы сами видите, что не умѣете быть серьезной,—сказалъ я.

— Въ одномъ я буду очень серьезна, Давидъ,—отвѣчала она,—я всегда останусь вашимъ другомъ.

Когда я на слѣдующее утро отправился на корабль, всѣ четыре лэди были у того самаго окна, изъ котораго мы когда-то смотрѣли на Катріону; всѣ онѣ кричали мнѣ «прощайте» и махали носовыми платками. Я зналъ, что одна изъ четырехъ дѣйствительно огорчена; при мысли объ этомъ, а также о томъ, какъ я три мѣсяца назадъ подходилъ къ этой самой двери, грусть и благодарность смѣшались въ моемъ сердцѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТЕЦЪ И ДОЧЬ.

XXI. Путешествіе въ Голландію.

Судно стояло на одномъ якорѣ далеко за Лейтскимъ моломъ, такъ что всѣ пассажиры могли попасть на него не иначе, какъ при помощи лодки. Это нисколько не затрудняло насъ, такъ какъ стоялъ совершенно тихій, холодный и облачный день, съ небольшимъ туманомъ надъ водой. Благодаря ему, самый корпусъ судна былъ совершенно невидимъ, когда я приблизился къ нему, тогда какъ высокія мачты ярко вырисовывались въ солнечномъ свѣтѣ, похожемъ на мерцаніе огня. Корабль оказался просторнымъ, удобнымъ торговымъ судномъ съ немного тупымъ носомъ, сильно нагруженнымъ солью, соленой лососиной и тонкими нитяными чулками для голландцевъ. Когда я взошелъ на судно, меня привѣтствовалъ капитанъ, нѣкій Сэнгъ (изъ Лес-

мааго, какъ кажется), очень сердечный, добродушный морякъ, хлопотливо расхаживавшій по кораблю. Никто изъ другихъ пассажировъ еще не появлялся, такъ что мнѣ оставалось только гулять по палубѣ, любуясь видомъ и въ сильной степени интересуясь тѣмъ, каковъ будетъ обѣщанный мнѣ прощальный сюрпризъ.

Весь Эдинбургъ и Пентландъ-Гиллсъ сверкали надо мною въ какомъ-то дымномъ свѣтѣ, закрываемомъ временами пятнами облаковъ; отъ Лейта были видны только верхушки трубъ, а на поверхности воды, гдѣ лежалъ туманъ, ничего. Оттуда мнѣ вдругъ послышался плескъ веселъ, а вскорѣ затѣмъ, точно изъ дыма костра, появилась лодка. На кормѣ сидѣлъ серьезный, закутанный отъ холода человѣкъ, а рядомъ съ нимъ высокая, красивая, граціозная фигура дѣвушки, при видѣ которой у меня чуть не остановилось сердце. Я едва поспѣлъ собраться съ духомъ и приготовиться встрѣтить ее, когда она вступила на палубу съ улыбкой и поклономъ, который теперь былъ значительно изящнѣе, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда я впервые поклонился ей. Не было сомнѣнія, что оба мы значительно измѣнились: она, казалось, выросла, какъ молодое, красивое деревцо. Въ ней теперь была какая-то милая застѣнчивость, которая очень шла къ ней, точно она смотрѣла теперь на себя съ другой точки зрѣнія, и стала болѣе женственной. Съ другой стороны, надъ обоими нами поработала рука одного и того же волшебника, и если миссъ Грантъ только одного изъ насъ могла сдѣлать красивымъ, то зато она обоихъ сдѣлала изящными.

Мы оба одновременно, почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ, воскликнули, что другой пріѣхалъ, вѣроятно, чтобы попрощаться. И вдругъ мы увидѣли, что должны были ѣхать вмѣстѣ.

— О, зачѣмъ Беби не сказала мнѣ этого!—воскликнула она и тутъ вспомнила о письмѣ, которое было ей дано съ условіемъ не открывать его, пока не будетъ на кораблѣ.

Въ письмѣ этомъ была записка для меня слѣдующаго содержанія:

«Дорогой Дэви, какъ вы находите мой прощальный сюрпризъ? Какъ вамъ нравится ваша спутница? Поцѣловали вы ее или сдѣлали предложеніе? Я хотѣла уже подписаться здѣсь, но тогда смыслъ моего вопроса остался бы сомнительнымъ; что касается лично меня, то отвѣтъ мнѣ извѣстенъ. Итакъ, примите

хорошій совѣтъ: не будьте слишкомъ застѣнчивы и ради Бога не пробуйте быть слишкомъ смѣлымъ,—ничего не можетъ болѣе повредить вамъ. Остаюсь вашимъ любящимъ другомъ и учительницей

Барбарой Грантъ».

Я написалъ отвѣтъ и привѣтствіе на страничкѣ своей записной книжки, вмѣстѣ съ запиской отъ Катріоны запечаталъ его моей новой печатью съ гербомъ Бальфуровъ и отправилъ со слугой Престонгрэнджа, который все еще ждалъ меня въ лодкѣ.

Затѣмъ мы снова стали глядѣть другъ на друга, а черезъ минуту (по обоюдному импульсу) снова пожали другъ другу руки.

— Катріона!—сказалъ я.

Казалось, что этимъ словомъ начиналось и кончалось мое краснорѣчіе.

— Вы рады снова видѣть меня?—спросила она.

— Мнѣ кажется, что это праздныя слова,—сказалъ я.—Мы слишкомъ близкіе друзья, чтобы говорить о такихъ пустякахъ.

— Ну, не лучшая ли она дѣвушка въ мірѣ?—снова воскликнула Катріона.—Я никогда не видала такой честной и красивой дѣвушки.

— А между тѣмъ, ей было такое же дѣло до Альпина, какъ до капустной кочерыжки,—замѣтилъ я.

— О, она это только говоритъ!—воскликнула Катріона.—А между тѣмъ, изъ-за имени и благородной крови она приняла меня подъ свое покровительство и была такъ добра ко мнѣ.

— Нѣтъ, я скажу вамъ, почему она это сдѣлала,—сказалъ я.—Разныя бываютъ лица на этомъ свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, лицо Барбары, на которое всякій долженъ смотрѣть съ восхищеніемъ и находить, что она красивая, славная, веселая дѣвушка. А вотъ ваше лицо совершенно на нее не похоже, я до сего дня не понималъ, насколько оно не похоже! Вы не можете видѣть себя, а потому и не можете понять это; но она изъ любви къ лицу вашему приняла васъ подъ свое покровительство и была добра къ вамъ. И всякій человѣкъ сдѣлалъ бы то же самое.

— Всякій?—спросила она.

— Всякая живая душа!—отвѣчалъ я.

— Оттого-то, вѣрно, и солдаты въ замкѣ схватили меня!— воскликнула она.

— Барбара научила васъ ловить меня,—замѣтилъ я.

— Она, во всякомъ случаѣ, научила меня гораздо большему. Она сообщила мнѣ очень многое относительно м-ра Давида, все дурное; а затѣмъ отъ времени до времени немного и не совсѣмъ дурного,—говорила она, улыбаясь.—Она разсказала мнѣ все о м-рѣ Давидѣ, только не то, что онъ поѣдетъ на томъ жеораблѣ. А куда же вы ѣдете?

Я сообщилъ ей.

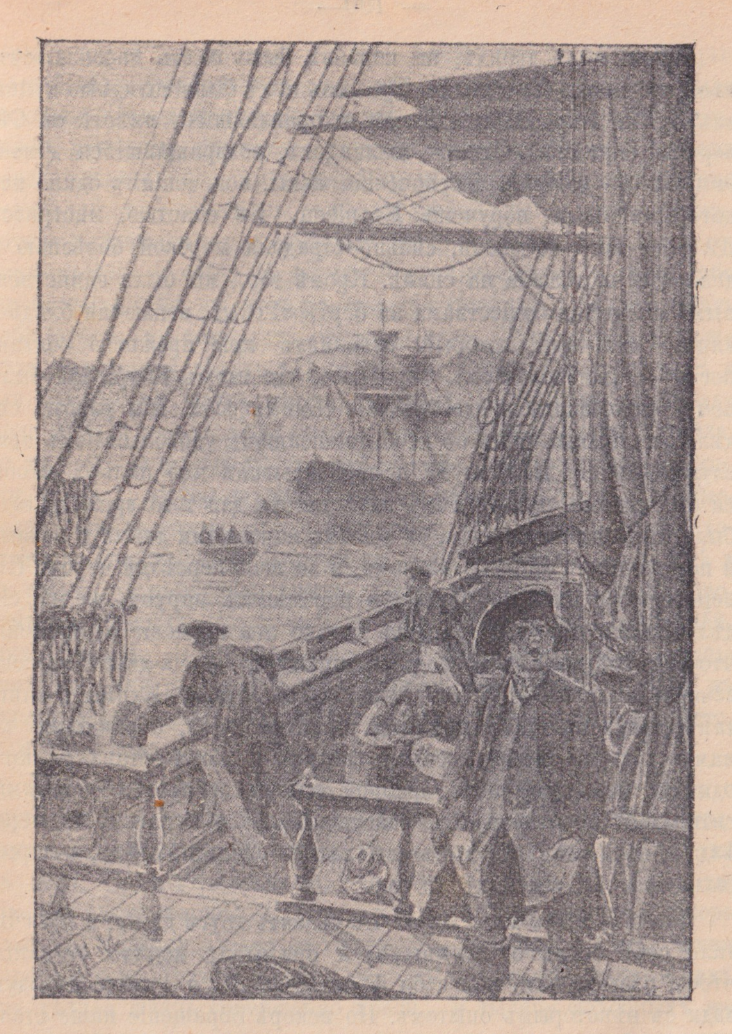
— Значитъ мы,—сказала она,—проведемъ нѣсколько дней вмѣстѣ, а затѣмъ, вѣроятно, распростимся навсегда! Я ѣду въ мѣстечко подъ названіемъ Гельветслуйсъ, гдѣ должна встрѣтиться съ отцомъ, а оттуда во Францію, чтобы раздѣлить изгнаніе съ нашимъ начальникомъ.

Я отвѣтилъ ей только «О!», такъ какъ имя Джемса Мора имѣло способность лишать меня дара слова.

Она сейчасъ же замѣтила это и угадала часть моихъ мыслей.

— Я прежде всего должна сказать вамъ одно, м-ръ Давидъ,—сказала она,—мнѣ кажется, что поведеніе двоихъ моихъ родственниковъ относительно васъ было не совсѣмъ безупречно. Одинъ изъ нихъ—Джемсъ Моръ, мой отецъ, другой—лордъ Престонгрэнджъ. Престонгрэнджъ, вѣроятно, говорилъ самъ за себя, и за него говорила его дочь. Но за моего отца, Джемса Мора, я должна сказать слѣдующее: онъ былъ закованъ и въ тюрьмѣ. Онъ простой честный солдатъ и прямодушный гайлэндскій джентльменъ; онъ не могъ и предчувствовать, какое у нихъ было намѣреніе; если бы онъ только зналъ, что будетъ нанесенъ вредъ такому молодому джентльмену, какъ вы, онъ скорѣе бы умеръ... И, помня вашу всегдашнюю пріязнь, прошу васъ простить моему отцу и семейству эту ошибку.

— Катріона,—отвѣчалъ я,—я и знать не хочу, въ чемъ она состояла. Я знаю только одно, что вы пошли къ Престонгрэнджу и на колѣняхъ молили о моей жизни. О, я отлично знаю, что вы пошли къ нему ради вашего отца, но, будучи тамъ, вы и за меня также просили. Объ этомъ я даже не могу говорить. Двухъ вещей я никогда не забуду: вашей доброты, когда вы назвали себя моимъ маленькимъ другомъ, и того, когда вы молили о

Весь Эдинбургъ сверкалъ надо мною...

моей жизни. Не будемъ никогда болѣе говорить объ оскорбленіи и прощеніи.

Мы нѣкоторое время стояли молча. Катріона смотрѣла на палубу, а я на нее. Прежде чѣмъ мы вновь заговорили, успѣлъ подняться небольшой сѣверо-западный вѣтеръ, и матросы стали развертывать паруса и вытягивать якорь.

Кромѣ насъ двоихъ, на кораблѣ было шесть пассажировъ, такъ что каюта была полна. Трое изъ нихъ были солидные купцы изъ Лейта, Киркальди и Денди, направлявшіеся вмѣстѣ съ Сѣверную Германію. Одинъ—голландецъ, возвращавшійся домой; остальные—достойныя купеческія жены, попеченіямъ одной изъ которыхъ была поручена Катріона. Къ счастью, мистриссъ Джебби, такъ ее звали, сильно страдала морской болѣзнью и день и ночь лежала на спинѣ. Кромѣ того, мы были единственными молодыми существами на бортѣ «Розы», исключая блѣднолицаго мальчика, который исполнялъ мою прежнюю обязанность—служилъ у стола. Случилось, что мы съ Катріоной были почти совершенно предоставлены самимъ себѣ. Мы рядомъ сидѣли за столомъ, гдѣ я съ необыкновеннымъ удовольствіемъ прислуживалъ ей. На палубѣ я подкладывалъ мое пальто, чтобы ей было мягко сидѣть. Такъ какъ погода для того времени года была необычайно хороша, съ ясными морозными днями и ночами и постояннымъ легкимъ вѣтромъ, и за весь переѣздъ черезъ Сѣверное море едва ли пришлось перемѣнить парусъ, то мы сидѣли на палубѣ (прогуливаясь только отъ времени до времени, чтобы согрѣться) съ восхода солнца и до восьми-девяти часовъ вечера, когда на небѣ загорались ясныя звѣзды. Купцы и капитанъ Сэнгъ иногда улыбались, глядя на насъ, обращались къ намъ съ двумя-тремя веселыми словами и снова оставляли насъ однихъ: большую часть времени они были заняты сельдями, ситцами и полотномъ или разсужденіями о медленности переѣзда и предоставляли намъ заниматься своими дѣлами, которыя были совсѣмъ для нихъ не ва'

Сначала намъ было много что сказать другъ другу, и мы считали себя очень остроумными; я прилагалъ немало старанія, чтобы разыгрывать изъ себя франта, а она, я думаю, молодую лэди съ нѣкоторымъ опытомъ. Но вскорѣ обращеніе наше стало проще. Я отложилъ въ сторону свой высокопарный свѣтскій англійскій языкъ (то немногое, что я зналъ) и позабылъ эдинбургскіе поклоны и шарканье; она съ своей стороны вернулась къ простому любезному обращенію. Итакъ, мы проводили время вмѣстѣ, точно члены одной семьи, только съ моей стороны чувствовалось нѣкоторое волненіе. Въ то же время въ разговорахъ нашихъ пропала серьезность, но мы объ этомъ не горевали. Иногда Катріона разсказывала мнѣ шотландскія сказки, ко-

торыхъ знала удивительно много,—частью отъ моего друга, рыжаго Нэйля. Она очень хорошо разсказывала ихъ, и это были довольно красивыя дѣтскія сказки; но удовольствіе мнѣ доставляли, главнымъ образомъ, звукъ ея голоса и сознаніе, что она разсказываетъ, а я слушаю. Иногда мы сидѣли совершенно безмолвно, не сообщаясь даже взглядами, но чувствуя достаточное наслажденіе отъ сознанія нашей близости. Впрочемъ, говорю только о себѣ. Я не совсѣмъ увѣренъ, что когда-либо спрашивалъ себя, что думаетъ молодая дѣвушка, и боялся отдать себѣ отчетъ въ томъ, что ощущаю самъ. Теперь мнѣ больше нѣтъ надобности дѣлать изъ этого тайну какъ для себя, такъ и для читателя: я окончательно влюбился; въ ея присутствіи для меня меркло солнце. Она, какъ я уже говорилъ, сильно выросла, но то былъ здоровый ростъ; она казалась воплощеніемъ крѣпости, веселья, мужества; мнѣ думалось, что она ходитъ, какъ молодая лань, и стоитъ, точно березка на горѣ. Съ меня было достаточно сидѣть рядомъ съ ней на палубѣ. Увѣряю васъ, мнѣ и въ голову не приходили мысли о будущемъ; я былъ такъ доволенъ настоящимъ, что не давалъ себѣ труда думать о дальнѣйшихъ шагахъ; развѣ только иногда у меня являлось искушеніе взять ея руку въ свою и такъ держать ее. Я былъ похожъ на скрягу и не хотѣлъ рисковать наудачу тѣмъ счастьемъ, которымъ пользовался.

Мы говорили по большей части о насъ самихъ и другъ о другѣ, такъ что если бы кто-нибудь и взялъ на себя трудъ подслушивать, то счелъ бы насъ за самыхъ большихъ эгоистовъ въ мірѣ. Случилось какъ-то, что, разговаривая, по обыкновенію, мы стали говорить о друзьяхъ и дружбѣ и, какъ мнѣ теперь кажется, плавали близко къ вѣтру. Мы говорили о томъ, какая хорошая вещь дружба, и какъ мало мы объ этомъ знали, и какъ она дѣлала жизнь совершенно новой... и тысячу подобныхъ же вещей, которыя съ самаго основанія міра говорятся молодыми людьми въ нашемъ положеніи. Потомъ мы обратили вниманіе на странность того обстоятельства, что когда друзья встрѣчаются въ первый разъ, имъ кажется, что они только начинаютъ жить, а между тѣмъ каждый изъ нихъ уже долго жилъ, теряя время съ другими людьми.

— Я не много сдѣлала въ жизни,—сказала она,—и могу разсказать все въ двухъ-трехъ словахъ. Вѣдь я дѣвушка, а что

можетъ случиться съ дѣвушкой? Но въ 45-мъ году я сопровождала кланъ. Мужчины шли со шпагами и ружьями, раздѣленные на бригады съ разными подборами цвѣтовъ тартана; они шли не лѣниво, могу увѣрить васъ! Тутъ были также джентльмены изъ южныхъ графствъ въ сопровожденіи арендаторовъ верхомъ и съ трубами, и отовсюду звучали боевыя флейты. Я ѣхала на маленькой гайлэндской лошадкѣ по правую сторону моего отца, Джемса Мора, и самого Гленгиля. Тутъ я помню одно, а именно, что Гленгиль поцѣловалъ меня въ лицо, потому что, говорилъ онъ: «Вы моя родственница, единственная женщина изъ всего клана, которая отправилась съ нами», а мнѣ было тогда всего около двѣнадцати лѣтъ! Я видѣла также принца Чарли и его голубые глаза; онъ, право, былъ очень красивъ! Мнѣ пришлось поцѣловать ему руку въ виду всей арміи. Да, то были хорошіе дни, но они похожи на сонъ, отъ котораго я затѣмъ проснулась. Далѣе все пошло тѣмъ путемъ, который вы отлично знаете; самыми худшими днями были тѣ, когда явились красные солдаты. Мой отецъ и дядя скрывались въ холмахъ, и мнѣ приходилось носить имъ пищу среди ночи или рано утромъ, когда кричатъ пѣтухи. Да, я много разъ ходила ночью, и сердце билось во мнѣ отъ страха темноты. Странное дѣло, мнѣ никогда не пришлось встрѣтиться съ привидѣніемъ; но говорятъ, что дѣвушка можетъ пройти безопасно. Затѣмъ приключилась свадьба моего дяди. Это было ужасное дѣло! Невѣсту звали Джэнъ Кей; мнѣ пришлось въ одной комнатѣ съ ней провести ночь въ Инверснайдѣ, ту ночь, когда мы похитили ее у родственниковъ по старому дѣдовскому обычаю. Она то соглашалась, то не соглашалась; одну минуту она хотѣла выйти за Роба, а въ другую не хотѣла. Я никогда не видала такой нерѣшительной женщины; вся она какъ бы состояла изъ противорѣчій. Положимъ, она была вдовой, а я никогда не могла считать вдову хорошей женщиной.

— Катріона,—сказалъ я,—съ чего вы это взяли?

— Не знаю,—отвѣчала она,—я только говорю вамъ то, что чувствую въ душѣ. Выходить за второго мужа! Фуй! Но она была такова: она снова вышла замужъ за моего дядю Робина и ходила съ нимъ въ церковь и на рынокъ. Потомъ ей это надоѣло, или, можетъ быть, ею завладѣли ея друзья и уговорили ее, или ей стало стыдно. Въ концѣ концовъ она сбѣжала и вер-

нулась къ своимъ родственникамъ, разсказывая, что мы удерживали ее насильно и Богъ знаетъ что еще. Я съ тѣхъ поръ составила себѣ очень невысокое мнѣніе о женщинахъ. Ну, а затѣмъ, мой отецъ, Джемсъ Моръ, оказался заключеннымъ въ тюрьму, а остальное вы знаете не хуже меня.

— И за все это время у васъ не было друзей?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—сказала она,—я была въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ двумя-тремя дѣвушками въ горахъ, но не настолько, чтобы называть ихъ друзьями.

— Ну, мой разсказъ еще проще,—замѣтилъ я.—У меня никогда не было друга, пока я не встрѣтилъ васъ.

— А храбрый м-ръ Стюартъ?—спросила она.

— О, да, я совсѣмъ и забылъ его,—сказалъ я.—Но вѣдь онъ мужчина, а это совсѣмъ другое дѣло.

— О, конечно!—сказала она.—Разумѣется, это совсѣмъ другое дѣло.

— А потомъ у меня былъ еще другой другъ,—сказалъ я.— Вѣрнѣе, я когда-то думалъ, что имѣю друга, но былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ.

Она спросила меня, кто она такая.

— Это былъ онъ, а не она,—сказалъ я.—Оба мы были лучшими учениками въ школѣ моего отца и думали, что сильно любимъ другъ друга. Настало время, когда онъ отправился въ Глазго и поступилъ въ торговый домъ, куда еще прежде отправился служить его двоюродный братъ; я съ посланнымъ получилъ отъ него два-три письма, потомъ онъ нашелъ новыхъ друзей, и хотя я писалъ ему, пока мнѣ не надоѣло, онъ не обращалъ на меня никакого вниманія. Да, Катріона, я долгое время не могъ простить судьбѣ. Ничего нѣтъ горше, какъ потерять человѣка, котораго считалъ другомъ.

Она начала подробно разспрашивать меня о его наружности и характерѣ, такъ какъ оба мы очень интересовались всѣмъ, что касалось другого, пока, наконецъ, въ дурной часъ, я не вспомнилъ о его письмахъ и не принесъ изъ каюты цѣлую связку.

— Вотъ его письма,—сказалъ я,—и вообще всѣ письма, которыя я когда-либо получалъ. Вотъ послѣднее, что я могу сказать о себѣ: остальное вы знаете не хуже меня.

— Вы хотите, чтобы я прочла ихъ?—сказала она.

Я отвѣтилъ, что да, если «она не жалѣетъ потраченнаго труда». Тогда она велѣла мнѣ уйти, сказавъ, что прочтетъ ихъ съ начала до конца. Въ связкѣ, которую я далъ ей, были не только письма моего невѣрнаго друга, но также одно или два отъ м-ра Кемпбелля, когда онъ ѣздилъ въ городъ на собраніе, и, для полноты картины всего, что мнѣ было когда-либо написано, записка Катріоны и двѣ записки, полученныя мною отъ миссъ Грантъ, на Бассѣ и на бортѣ этого судна. Но объ этихъ послѣднихъ я и не подумалъ въ эту послѣднюю минуту.

Я такъ былъ поглощенъ мыслью о моемъ другѣ, что мнѣ было безразлично, что дѣлаю и даже нахожусь ли я въ ея присутствіи или нѣтъ. Она была для меня точно какой-то благородный недугъ, не оставлявшій меня ни ночью, ни днемъ, спалъ ли я или бодрствовалъ. Оттого-то случилось, что, попавъ на переднюю часть корабля, гдѣ вокругъ широкаго носа поднимались брызги волнъ, я не такъ торопился возвратиться, какъ вы бы думали, но скорѣе продлилъ свое отсутствіе, точно разнообразя удовольствіе. Я не думаю, чтобы по природѣ былъ эпикурейцемъ; но, такъ какъ до этого времени на пути моемъ встрѣчалось мало радостнаго, мнѣ, можетъ быть, было простительно отдаваться ему болѣе, чѣмъ слѣдовало.

Когда я возвратился къ Катріонѣ, она такъ холодно вернула мнѣ связку, что у меня явилось смутное, мучительное ощущеніе, что что-то порвалось между нами.

— Вы прочли ихъ?—спросилъ я.—Мнѣ кажется, что голосъ мой звучалъ не совсѣмъ естественно, такъ какъ я соображалъ, что бы могло случиться съ ней.

— Хотѣли вы, чтобы я всѣ прочла?—спросила она.

Я отвѣчалъ «да» слабымъ голосомъ.

— Послѣднее также?—продолжала она.

Я теперь зналъ, въ чемъ дѣло, но все-таки не хотѣлъ лгать ей.

— Я отдалъ ихъ всѣ безъ задней мысли,—сказалъ я,—предполагая, что вы всѣ прочтете. Я ни въ одномъ изъ нихъ не вижу ничего дурного.

— Я, вѣроятно, создана иначе,—сказала она,—и благодарю за это Бога. Это не такое письмо, чтобы показывать его мнѣ. Такое письмо не слѣдовало бы и писать.

— Мнѣ кажется, что вы говорите о своемъ другѣ, Барбарѣ Грантъ?—спросилъ я.

— Ничего нѣтъ горше, какъ потерять человѣка, котораго считалъ другомъ,—сказала она, повторяя мое собственное выраженіе.

— Мнѣ кажется, что иногда дружба была только воображаема!—воскликнулъ я. — Развѣ вы считаете справедливымъ обвинять меня за нѣсколько словъ, которыя сумасшедшая дѣвушка написала на клочкѣ бумаги? Вы сами знаете, съ какимъ уваженіемъ я относился къ вамъ и буду всегда относиться.

— Однако же, вы показали мнѣ это самое письмо!—сказала она.—Мнѣ не нужно такихъ друзей. Я прекрасно обойдусь безъ нея и безъ васъ.

— Такъ вотъ ваша благодарность!—сказалъ я.

— Очень признательна вамъ,—замѣтила она.—Я попрошу васъ взять обратно ваши письма. — Она точно запнулась на этомъ словѣ, такъ что оно прозвучало, какъ ругательство.

— Вамъ не придется два раза просить меня объ этомъ,—сказалъ я, схватилъ связку, отошелъ немного и бросилъ ихъ какъ можно дальше въ море. Еще немного, и я, кажется, бросился бы вслѣдъ за ними.

Весь остальной день я въ бѣшенствѣ ходилъ взадъ и впередъ. Не было такого дурного названія, котораго бы я не далъ ей до наступленія вечера. Поведеніе ея превзошло все, что я когда-либо слышалъ о гайлэндской гордости: едва взрослая дѣвушка до такой степени принимала къ сердцу такой пустяшный намекъ, да еще со стороны самаго близкаго друга, похвалами которому она успѣла утомить меня! Мои мысли на ея счетъ были очень рѣзки, горьки, грубы, какъ у разсерженнаго ребенка. Если бы я дѣйствительно поцѣловалъ ее, то она, можетъ быть, приняла бы это вовсе не такъ дурно; а только потому, что это было написано, да еще въ шутливомъ тонѣ, она вдругъ возгорается такой смѣшной злобой! Мнѣ казалось, что въ женщинахъ былъ такой недостатокъ проницательности, что ангеламъ оставалось только плакать надъ положеніемъ бѣдныхъ мужчинъ.

За ужиномъ мы снова сидѣли рядомъ, но какъ все перемѣнилось! Она была точно скисшееся молоко; лицо ея было, какъ у деревянной куклы; я готовъ бы былъ одновременно и ударить ее, и ползать у ея ногъ, но она не подала мнѣ ни малѣйшаго

повода ни къ тому, ни къ другому. Сейчасъ же послѣ ужина она отправилась ухаживать за мистриссъ Джебби, о которой до сихъ поръ не особенно заботилась. Но теперь она нагоняла потерянное и за остальное время переѣзда была чрезвычайно внимательна къ старой лэди, а на палубѣ стала любезничать съ капитаномъ Сэнгъ болѣе, чѣмъ я находилъ разумнымъ. Положимъ, капитанъ казался достойнымъ, почтеннымъ человѣкомъ, но мнѣ было ненавистно видѣть ея фамильярность съ кѣмъ-нибудь, кромѣ меня.

Вообще она такъ искусно избѣгала меня и такъ старательно окружала себя обществомъ другихъ, что мнѣ пришлось ждать долго, пока я, наконецъ, нашелъ случай поговорить съ ней. Когда же этотъ случай представился, то я не сумѣлъ воспользоваться имъ, какъ вы сейчасъ услышите.

— Не могу понять, чѣмъ я оскорбилъ васъ,—сказалъ я,— во всякомъ случаѣ, не можете же вы считать мой поступокъ непростительнымъ. Постарайтесь, не можете ли вы простить мнѣ.

— Мнѣ нечего прощать,—сказала она, и, казалось, слова, точно камни, съ трудомъ выходили у нея изъ горла.—Весьма благодарна вамъ за ваше дружеское вниманіе.—И она чуть замѣтно присѣла.

Но я впередъ рѣшилъ сказать больше и теперь хотѣлъ высказать все.

— Еще одно,—сказалъ я.—Если я оскорбилъ ваше чувство, показавъ вамъ это письмо, то миссъ Грантъ тутъ непричемъ. Она писала не вамъ, но бѣдному, простому, обыкновенному мальчику, которому слѣдовало быть умнѣе и не показывать его. Если вы осуждаете меня...

— Во всякомъ случаѣ совѣтую вамъ больше не говорить объ этой дѣвушкѣ!—воскликнула Катріона.—Я не хочу имѣть съ ней никакого дѣла, даже еслибъ она умирала.—Она отвернулась отъ меня; затѣмъ, внезапно повернувшись, воскликнула:— Поклянетесь вы мнѣ, что никогда не будете имѣть съ ней дѣла?

— Разумѣется, я не буду такъ несправедливъ,—сказалъ я,—и такъ неблагодаренъ.

На этотъ разъ уже я отвернулся отъ нея.

XXII. Гельвутслуйсъ.

Къ концу переѣзда погода значительно испортилась. Вѣтеръ завывалъ въ вантахъ; море стало бурнымъ, и корабль съ трудомъ пробирался и трещалъ среди волнъ. Выкрики лотового почти не прекращались, такъ какъ мы все время шли между отмелей. Около девяти утра я при свѣтѣ зимняго солнца, выглянувшаго между двумя шквалами съ градомъ, впервые увидѣлъ Голландію—рядъ мельницъ съ вертящимися по вѣтру крыльями. Я въ первый разъ видѣлъ эти оригинальныя сооруженія, вселившія въ меня сознаніе заграничнаго путешествія, новаго міра и новой жизни. Около половины двѣнадцатаго мы бросили якорь невдалекѣ отъ пристани Гельвутслуйсъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ по временамъ разбивались волны и корабль сильно кидало. Понятно, что всѣ мы, кромѣ мистриссъ Джебби, были на палубѣ. Нѣкоторые надѣли пальто, другіе закутались въ брезенты, всѣ держались за канаты и шутили, подражая, какъ умѣли, старымъ матросамъ.

Вскорѣ сбоку къ судну осторожно подошла лодка, шкиперъ которой сталъ по-голландски кричать что-то нашему капитану. Капитанъ Сэнгъ, очень встревоженный, обратился къ Катріонѣ, а такъ какъ всѣ мы стояли вокругъ, то затрудненіе стало всѣмъ яснымъ. «Роза» направлялась въ Роттердамъ, прибытія въ который остальные пассажиры ожидали съ нетерпѣніемъ, такъ какъ въ тотъ же вечеръ оттуда отправлялась почтовая карета по направленію въ Сѣверную Германію. Капитанъ надѣялся поспѣть къ этому времени при настоящемъ сильномъ вѣтрѣ, если не будетъ задержки въ пути. Но Джемсъ Моръ долженъ былъ встрѣтиться со своей дочерью въ Гельвутѣ, а капитанъ взялся остановиться у гавани и, согласно обыкновенію, высадить ее въ береговую лодку. Лодка была здѣсь, и Катріона готова сойти въ нее; но и капитанъ, и кормчій лодки боялись рисковать, а капитанъ, кромѣ того, не желалъ ждать.

— Вашъ отецъ,—говорилъ онъ,—врядъ ли будетъ доволенъ, если мы сломаемъ вамъ ногу, миссъ Друммондъ, а то, можетъ быть, и потопимъ васъ. Послушайтесь меня,—продолжалъ онъ,—и поѣзжайте съ нами до Роттердама. Оттуда вы можете спуститься по Массу въ Брилль на парусной лодкѣ, а затѣмъ въ дилижансѣ вернуться въ Гельвутъ.

Но Катріона и слышать не хотѣла о перемѣнѣ. Она поблѣд-

нѣла, когда увидѣла летящія брызги, зеленые валы, временами заливавшіе бакъ, и постоянно взлетавшую и погружавшуюся между волнами лодку, но она твердо отстаивала приказаніе своего отца. «Мой отецъ, Джемсъ Моръ, такъ рѣшилъ», были ея первыя и послѣднія слова. Я находилъ, что очень легкомысленно и глупо дѣвушкѣ быть такой педантичной и не слушаться добрыхъ совѣтовъ; но дѣло въ томъ, что у нея были очень важныя причины, о которыхъ она не говорила. Парусныя лодки и дилижансъ—прекрасныя вещи, но только надо платить, чтобы пользоваться ими, а у нея не было ничего, кромѣ двухъ шиллинговъ и полутора пенни. Итакъ, вышло, что капитанъ и пассажиры, не зная ея бѣдности (она же была слишкомъ горда, чтобы сознаться въ этомъ), напрасно тратили слова.

— Но вы не знаете ни голландскаго, ни французскаго языка,—сказалъ кто-то.

— Это правда,—отвѣчала она,—но съ 46-го года здѣсь проживаетъ такъ много честныхъ шотландцевъ, что я отлично устроюсь, благодарю васъ.

Въ словахъ ея звучала такая милая деревенская простота, что нѣкоторые разсмѣялись, другіе казались еще болѣе огорченными, а м-ръ Джебби чрезвычайно разсердился. Я думаю, онъ чувствовалъ (такъ какъ жена его согласилась взять дѣвушку подъ свое покровительство), что его обязанностью было бы поѣхать съ ней на берегъ и убѣдиться, что она въ безопасности: но ничто не могло бы заставить его сдѣлать это, такъ какъ онъ пропустилъ бы свой дилижансъ; мнѣ кажется, что своимъ громкимъ крикомъ онъ хотѣлъ заглушить упреки совѣсти. Наконецъ, онъ напалъ на капитана Сэнга, злясь и увѣряя, что это было бы позорно высадить Катріону, что покинуть корабль означало вѣрную смерть, и что мы ни въ какомъ случаѣ не могли бросить невинную дѣвушку въ лодку со скверными голландскими рыбаками и предоставить ее своей судьбѣ. Я думалъ то же самое, подозвалъ къ себѣ штурмана и сговорился, чтобы онъ отослалъ мои сундуки съ товарными баржами въ Лейденъ по адресу, который я далъ ему. Затѣмъ я сталъ давать сигналъ рыбакамъ.

— Я поѣду на берегъ съ молодой леди, капитанъ Сэнгъ,—сказалъ я.—Мнѣ все равно, какимъ путемъ отправиться въ Лейденъ,—и съ этими словами прыгнулъ въ лодку, но не сумѣлъ сдѣ-

лать это особенно изящно, и вмѣстѣ съ обоими рыбаками упалъ на дно.

Изъ лодки дѣло казалось еще болѣе сомнительнымъ, чѣмъ съ корабля; послѣдній стоялъ высоко надъ нами, безпрестанно нырялъ и своимъ погруженіемъ и передвиженіемъ черезъ якорный канатъ постоянно угрожалъ намъ. Я начиналъ думать, что сдѣлалъ глупость, что Катріонѣ невозможно спуститься ко мнѣ въ лодку, что мнѣ придется одному быть высаженнымъ на берегъ въ Гельвутѣ, безъ надежды на иное вознагражденіе, какъ объятія Джемса Мора, если бы я пожелалъ ихъ. Но, разсчитывая такъ, я не принималъ во вниманіе храбрости дѣвушки. Она видѣла, что я прыгнулъ безъ видимаго колебанія (хотя на дѣлѣ я очень боялся); понятно, что она не позволитъ превзойти себя своему возлепному другу! Она поднялась на бульварки, придерживаясь за штагъ; вѣтеръ поддувалъ ея юбки, отчего предпріятіе становилось еще болѣе опаснымъ, и показывалъ намъ ея чулки немного болѣе, чѣмъ то сочли бы приличнымъ въ городѣ. Она не теряла ни минуты, и если бы кто и пожелалъ помѣшаться ей, то не поспѣлъ бы. Я съ своей стороны стоялъ въ лодкѣ, раскрывъ объятія. Корабль опустился къ намъ, кормчій приблизилъ свою лодку ближе, чѣмъ, можетъ быть, было безопасно, и Катріюна прыгнула въ воздухъ. Я былъ такъ счастливъ, что поймалъ ее, и при помощи рыбаковъ избѣгнулъ паденія. Она съ минуту крѣпко держалась за меня, дыша быстро и глубоко; потомъ (она все еще держалась за меня обѣими руками) кормчій провелъ насъ на мѣста; и при рукоплесканіяхъ и прощальныхъ крикахъ капитана Сэнга, экипажа и пассажировъ наша лодка направилась къ берегу.

Какъ только Катріона немного пришла въ себя, она, не говоря ни слова, отняла свои руки. Я тоже молчалъ; свистъ вѣтра и шумъ брызгъ не благопріятствовали разговорамъ; хотя наши гребцы работали чрезвычайно усердно, но мы подвигались медленно, такъ что «Роза» успѣла сняться съ якоря и уйти, прежде чѣмъ мы вошли въ гавань.

Не успѣли мы очутиться въ спокойной водѣ, какъ кормчій, по безобразному голландскому обычаю, остановилъ лодку и потребовалъ плату за проѣздъ. Онъ спрашивалъ по два гульдена за каждаго пассажира—между тремя и четырьмя англійскими шиллингами. Но тутъ Катріона начала кричать въ большомъ волненіи. Она говорила, что спрашивала капитана Сэнга, за-

явившаго, что проѣздъ стоитъ одинъ англійскій шиллингъ. «Неужели вы думаете, что я сяду въ лодку, не спросивъ сперва о цѣнѣ?», кричала она. Кормчій въ отвѣтъ тоже кричалъ на жаргонѣ, въ которомъ брань была англійская, а все остальное настоящее голландское; пока, наконецъ, увидѣвъ, что она готова заплакать, я потихоньку сунулъ въ руку негодяя шесть шиллинговъ, послѣ чего онъ былъ настолько любезенъ, что взялъ отъ нея шиллингъ безъ дальнѣйшихъ претензій. Я, безъ сомнѣнія, чувствовалъ себя чрезвычайно уязвленнымъ и пристыженнымъ. Я люблю, когда люди бережливы, но не съ такимъ пыломъ; и поэтому я довольно холодно спросилъ ее, когда лодка снова направилась къ берегу, гдѣ она сговорилась встрѣтиться со своимъ отцомъ.

— О немъ надо справиться въ домѣ нѣкоего Спрота, честнаго шотландскаго купца,—сказала она, и затѣмъ тѣмъ же духомъ продолжала:—Я хочу отъ души поблагодарить васъ, вы были мнѣ хорошимъ другомъ.

— На это будетъ достаточно времени, когда я доставлю васъ вашему отцу, — сказалъ я, мало думая, что говорю такъ вѣрно.—Я могу разсказать ему хорошую исторію о вѣрной дочери.

— О, я не думаю, чтобы меня можно было назвать вѣрной дочерью!—воскликнула она со скорбью въ голосѣ.—Я не думаю, чтобы въ душѣ я была вѣрной.

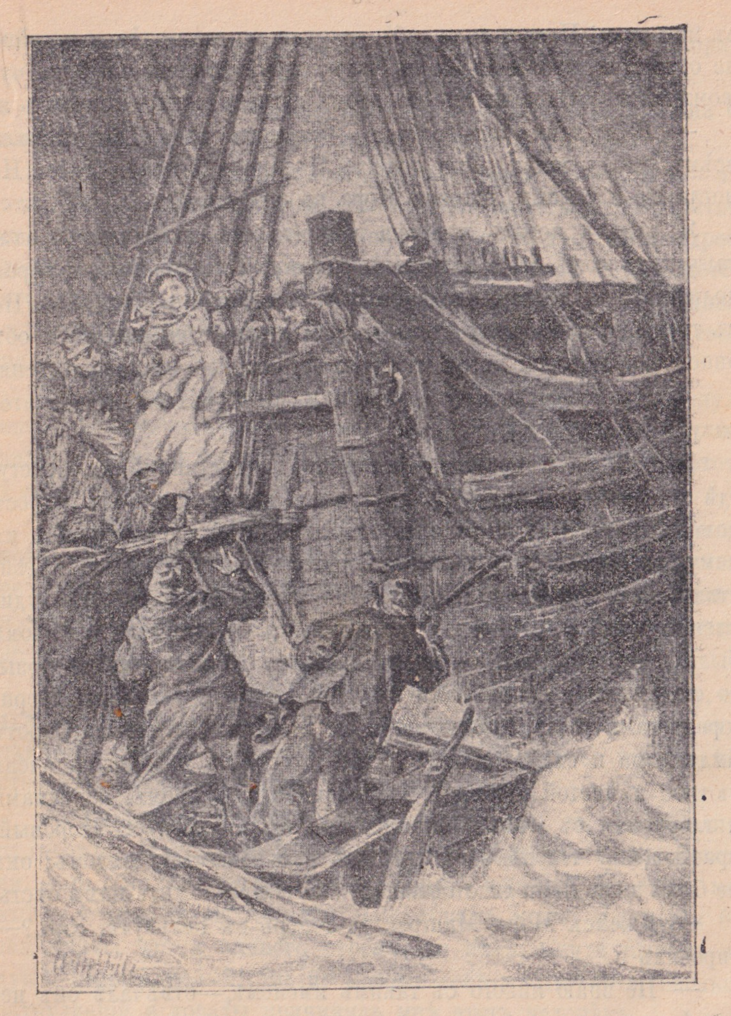
— Однако, мнѣ кажется, что очень немногіе рѣшились бы на этотъ прыжокъ для того только, чтобы исполнить приказаніе отца,—замѣтилъ я.

— Я не могу допустить, чтобы вы думали такъ обо мнѣ!—снова воскликнула она.—Но развѣ я могла остаться, когда вы сдѣлали то же самое?—И, во всякомъ случаѣ, тутъ были и другія причины.—Послѣ чего она съ пылающимъ лицомъ сказала мнѣ всю правду о своей бѣдности.

— Боже мой,—воскликнулъ я,—что это за безумное поведеніе бросить васъ на материкѣ Европы съ пустымъ кошелькомъ! Я считаю это едва ли приличнымъ!

— Вы забываете, что отецъ мой, Джемсъ Моръ, бѣдный человѣкъ,—сказала она.—Онъ преслѣдуемый изгнанникъ.

— Но я думаю, что не всѣ ваши друзья преслѣдуемые изгнанники!—воскликнулъ я.—Хорошо ли вы поступили отно-

Она поднялась на бульварки, придерживаясь за штагъ...

сительно тѣхъ, кто заботится о васъ? Хорошо ли это было относительно меня или миссъ Грантъ, которая посовѣтовала вамъ ѣхать и сошла бы ума, еслибъ услышала объ этомъ? Даже по отношенію къ этимъ Грегорамъ, съ которыми вы жили и которые съ любовью относились къ вамъ? Еще счастье, что вы попали

въ мои руки! Представьте себѣ, что вашего отца здѣсь случайно не окажется, что было бы съ вами, одной-одинешенькой въ чужомъ мѣстѣ? Одна мысль объ этомъ пугаетъ меня,—говорилъ я.

— Я бы всѣмъ имъ солгала,—отвѣчала она.—Я бы сказала всѣмъ, что у меня много денегъ. Я такъ и сказала «ей». Не могла же я унизить Джемса Мора въ ихъ глазахъ.

Я узналъ позже, что она унизила его до самаго праха, такъ какъ ложь была выдумана отцомъ, а не дочерью, которая должна была поддерживать ее для спасенія его репутаціи. Но въ то время я не зналъ этого, и одна мысль о ея нищетѣ и объ опасности, которая могла ожидать ее, безумно волновала меня.

— Ну, ну,—сказалъ я,—вамъ надо научиться быть благоразумнѣе.

Багажъ ея я временно оставилъ въ гостиницѣ на берегу, гдѣ на моемъ новомъ французскомъ языкѣ спросилъ адресъ дома Спрота. Онъ находился недалеко, и мы направились къ нему, по дорогѣ съ удивленіемъ разсматривая мѣстность. Дѣйствительно, для шотландцевъ здѣсь многое было достойно удивленія: каналы и деревья смѣшивались съ домами; всѣ дома были построены изъ хорошаго краснаго кирпича, цвѣта розы, со ступенями и скамейками голубого мрамора у каждой двери; городъ такъ чистъ, что вы могли бы пообѣдать на шоссе. Спротъ былъ дома и сидѣлъ надъ счетной книгой въ низенькой, очень уютной и чистой пріемной, украшенной фарфоромъ, картинами и глобусомъ въ мѣдной оправѣ. Это былъ крупный, здоровый, краснощекій человѣкъ съ хитрымъ и суровымъ взглядомъ; онъ не былъ даже настолько вѣжливъ, чтобы предложить намъ сѣсть.

— Джемсъ Моръ Макгрегоръ теперь въ Гельвутѣ, сэръ?—спросилъ я.

— Не знаю никого съ такимъ именемъ,—отвѣчалъ онъ нетерпѣливо.

— Если вы желаете быть точнымъ,—сказалъ я,—я измѣню свой вопросъ и спрошу васъ, гдѣ мы въ Гельвутѣ можемъ найти Джемса Друммонда, или Макгрегора, или Джемса Мора, бывшаго арендатора Инверонахиля?

— Сэръ,—отвѣчалъ онъ,—онъ можетъ быть хоть въ аду, и я, съ своей стороны, очень бы желалъ этого.

— Эта молодая лэди его дочь, сэръ,—замѣтилъ я,—согла-

ситесь сами, что въ ея присутствіи не особенно прилично спорить о его характерѣ.

— Я не имѣю никакого дѣла ни съ ней, ни съ нимъ, ни съ вами!—закричалъ онъ громкимъ голосомъ.

— Позвольте вамъ сказать, м-ръ Спротъ,—сказалъ я,—что эта молодая лэди пріѣхала изъ Шотландіи, чтобы встрѣтиться съ отцомъ, и, по какому-то недоразумѣнію, ей данъ былъ адресъ вашего дома. Тутъ, вѣроятно, была ошибка, но мнѣ кажется, что это налагаетъ на насъ обоихъ—васъ и меня, ея случайнаго спутника,—строгое обязательство помочь нашей соотечественницѣ.

— Вы съ ума меня хотите свести, что ли?—воскликнулъ онъ.—Говорю вамъ, что ничего не знаю и еще менѣе желаю знать о немъ и его породѣ. Говорю вамъ, что человѣкъ этотъ долженъ мнѣ.

— Очень возможно, сэръ,—сказалъ я, разсердившись теперь сильнѣе, чѣмъ онъ самъ.—Но я, по крайней мѣрѣ, ничего не долженъ вамъ, молодая лэди подъ моимъ покровительствомъ, я совсѣмъ не привыкъ къ подобнымъ манерамъ, и онѣ мнѣ вовсе не нравятся.

Говоря это, я на шагъ или два приблизился къ его столу, не думая особенно о томъ, что дѣлаю, но попавъ совершенно случайно на единственный аргументъ, который могъ на него подѣйствовать. Кровь покинула его здоровое лицо.

— Бога ради, не будьте такъ нетерпѣливы, сэръ!—воскликнулъ онъ.—Право же, я не хотѣлъ оскорбить васъ, но, знаете ли, сэръ, я вѣдь очень добродушный, честный, веселый малый,—я лаю, но не кусаюсь. По словамъ моимъ вы могли бы заключить, что я немного суровъ; но нѣтъ, Сэнди Спротъ въ душѣ добрый малый! Вы не можете себѣ представить, сколько затрудненій и досады причинялъ мнѣ этотъ человѣкъ.

— Прекрасно, сэръ,—сказалъ я.—Въ такомъ случаѣ позволю себѣ побезпокоить васъ вопросомъ относительно вашихъ послѣднихъ извѣстій о м-рѣ Друммондѣ.

— Радъ служить вамъ, сэръ,—сказалъ онъ.—Что же касается молодой лэди,—прошу ее принять мое почтеніе,—то онъ, должно быть, совершенно забылъ о ней. Видите ли, я знаю этого

человѣка. Онъ думаетъ только о себѣ одномъ; если онъ можетъ только набить себѣ животъ, то ему нѣтъ дѣла ни до клана, ни до корабля, ни до дочери, ни даже до своего компаньона. Потому что я, въ извѣстномъ смыслѣ, могу назваться его компаньономъ. Дѣло въ томъ, что мы оба участвуемъ въ одномъ дѣлѣ, которое можетъ оказаться очень дорогимъ для Сэнди Спрота. Хотя человѣкъ этотъ почти что мой компаньонъ, но даю вамъ слово, я не знаю, гдѣ онъ. Онъ, можетъ быть, вернется въ Гельвутъ; онъ можетъ вернуться завтра, можетъ пріѣхать и черезъ годъ. Меня ничто не удивитъ; впрочемъ, нѣтъ удивитъ одно, если онъ возвратитъ мнѣ мои деньги. Вы видите, въ какихъ мы отношеніяхъ; понятно, что я не желаю имѣть дѣла съ молодой лэди, какъ вы называете ее. Она не можетъ остановиться здѣсь, это несомнѣнно. Я одинокій человѣкъ, сэръ! Если бы я принялъ ее, то очень возможно, что этотъ мошенникъ, вернувшись, сталъ бы навязывать ее мнѣ и заставилъ бы меня жениться на ней.

— Довольно,—сказалъ я.—Я отвезу молодую лэди къ лучшимъ друзьямъ. Дайте мнѣ перо, чернила и бумагу, я оставлю Джемсу Мору адресъ моего лейденскаго корреспондента. Онъ можетъ узнать отъ меня, гдѣ ему искать свою дочь.

Я написалъ и запечаталъ свою записку. Пока я дѣлалъ это, Спротъ по собственному побужденію предложилъ взять на себя попеченіе о багажѣ Катріоны и даже послалъ за нимъ разсыльнаго въ гостиницу. Я заплатилъ ему за это впередъ одинъ или два доллара, и онъ выдалъ мнѣ письменное удостовѣреніе въ полученіи этой суммы.

Послѣ это мы (я велъ Катріону подъ-руку) покинули домъ этого грубіяна. Катріона за все время не произнесла ни слова, предоставляя мнѣ судить и говорить за нее. Я, съ своей стороны, старался и взглядомъ не смущать ея, и даже теперь, хотя сердце мое горѣло стыдомъ и гнѣвомъ, я счелъ своимъ долгомъ казаться совершенно спокойнымъ.

— А теперь,—сказалъ я,—пойдемте обратно въ ту самую гостиницу, гдѣ умѣютъ говорить по-французски, пообѣдаемте тамъ и справимся относительно дилижансовъ въ Роттердамъ. Я не успокоюсь, пока вы не будете снова на попеченіи мистриссъ Джебби.

— Я думаю, что придется такъ поступить,—сказала Катріона,—хотя она, вѣроятно, совсѣмъ не будетъ довольна этимъ.

И должна вамъ еще разъ напомнить, что у меня всего одинъ шиллингъ и три боуби *).

— А я опять напомню вамъ,—сказалъ я,—что на счастье я пріѣхалъ съ вами.

— О чемъ же я думаю все это время, какъ не объ этомъ?—спросила она и, какъ мнѣ показалось, немного оперлась о мою руку.—Не я вамъ, а вы для меня вѣрный другъ.

XXIII. Скитанія по Голландіи.

Дилижансъ, нѣчто вродѣ длиннаго вагона, установленнаго скамейками, черезъ четыре часа доставилъ насъ въ большой городъ Роттердамъ. Когда мы пріѣхали туда, было уже давно темно, но улицы города были хорошо освѣщены и переполнены дикими чужеземными людьми, евреями съ длинными бородами, чернокожими и цѣлыми толпами куртизанокъ, очень неприлично разряженными и останавливающими моряковъ за рукавъ. Отъ шума разговоровъ вокругъ у насъ закружилась голова; но что было всего неожиданнѣе, мы, казалось, также мало были поражены всѣми этими иноземцами, какъ и они нами. Ради дѣвушки и собственной чести я старался принять самый независимый видъ; но на самомъ дѣлѣ я чувствовалъ себя потеряннымъ, какъ овца, и сердце у меня тревожно билось въ груди. Разъ или два я спрашивалъ о гавани и о мѣстѣ стоянки судна «Роза», но, вѣроятно, нападалъ на людей, говорившихъ только по-голландски, или мой французскій языкъ оказался неудовлетворительнымъ. Зайдя наудачу въ какую-то улицу, я увидѣлъ цѣлый рядъ ярко освѣщенныхъ домовъ, двери и окна которыхъ были усѣяны раскрашенными женщинами; онѣ шутили и насмѣхались надъ нами, когда мы проходили, и я радовался, что мы ничего не понимаемъ на ихъ языкѣ. Немного далѣе мы вышли на открытое мѣсто около гавани.

— Теперь мы найдемъ ее! — воскликнулъ я, завидѣвъ мачты.—Пойдемте тутъ, вдоль гавани. Мы, навѣрное, встрѣтимъ кого-нибудь говорящаго по-англійски, а можетъ быть, случайно придемъ къ кораблю, котораго ищемъ.

Случилось нѣчто другое, но настолько же удачное: около де-

*) Боуби—шотландская мелкая монета, около полъ-пенни.

пяти часовъ вечера мы натолкнулись на самого капитана Сэнга. Онъ разсказалъ, что они совершили переѣздъ въ поразительно короткій періодъ времени, такъ какъ вѣтеръ дулъ все такъ же сильно, пока они не достигли гавани; благодаря этому, всѣ его пассажиры уже успѣли отправиться въ дальнѣйшій путь. Было невозможно гнаться за Джебби въ Сѣверную Германію, а тутъ у насъ не было другихъ знакомыхъ, кромѣ капитана Сэнга. Тѣмъ болѣе намъ было пріятно, что онъ оказался очень любезнымъ и готовымъ помочь намъ. Онъ увѣрялъ, что очень легко найти какую-нибудь хорошую, простую купеческую семью, гдѣ бы могла пріютиться Катріона, пока «Роза» не нагрузится, и объявилъ, что онъ тогда съ удовольствіемъ даромъ отвезетъ ее въ Лейтъ и доставитъ къ м-ру Грегору. Пока же онъ повелъ насъ въ поздній табльдотъ, гдѣ мы получили ужинъ, въ которомъ сильно нуждались. Я говорилъ, что онъ былъ очень любезенъ, но меня чрезвычайно удивило, что онъ, кромѣ того, былъ очень шуменъ; причину этого мы скоро увидѣли. За табльдотомъ онъ спросилъ себѣ рейнскаго вина, пилъ очень много и вскорѣ совершенно опьянѣлъ. Какъ большинство людей, особенно же занимающихся его тяжелымъ ремесломъ, онъ въ подобномъ случаѣ терялъ и ту небольшую долю благовоспитанности, которой располагалъ въ обыкновенное время. Онъ сталъ вести себя такъ скандально съ молодой лэди, неприлично шутя надъ ея видомъ, когда она стояла на бульваркахъ, что мнѣ оставалось только поскорѣй увести ее.

Выходя изъ табльдота, она крѣпко прижалась ко мнѣ.

— Уведите меня, Давидъ,—сказала она.—Оставьте меня у себя. Васъ я не боюсь.

— И не имѣете причины, мой маленькій другъ!—воскликнулъ я, тронутый до слезъ.

— Куда вы поведете меня?—продолжала она.—Только не оставляйте меня, никогда не оставляйте.

— Дѣйствительно, куда я поведу васъ?—сказалъ я, останавливаясь, потому что я въ совершенномъ затменіи все шелъ впередъ.—Надо остановиться и подумать. Но я не покину васъ, Катріона. Пусть Богъ совсѣмъ оставитъ меня, если я брошу или оскорблю васъ.

Она въ отвѣтъ еще ближе прижалась ко мнѣ.

— Здѣсь,—сказалъ я,—самое тихое мѣсто, какое мы ви-

дѣли въ этомъ шумномъ дѣловомъ городѣ. Сядемъ подъ этимъ деревомъ и сообразимъ, что намъ дѣлать.

Дерево это, которое я врядъ ли забуду, стояло у самаго берега. Хотя ночь была темная, но въ домахъ, и еще ближе, на тихихъ судахъ виднѣлись огни; съ одной стороны ярко сіялъ городъ и надъ нимъ стоялъ гулъ отъ многихъ тысячъ гуляющихъ и разговаривающихъ, съ другой—было темно, и вода тихо плескала о берегъ. Я разостлалъ пальто на камнѣ, приготовленномъ для постройки, и посадилъ ее. Она все еще продолжала держаться за меня, дрожа отъ послѣдняго оскорбленія; но такъ какъ я хотѣлъ обдумать дѣло серьзно, то высвободился и сталъ скорыми шагами ходить передъ ней взадъ и впередъ, напрягая умъ, чтобы придумать какой-нибудь исходъ. Среди этихъ безпорядочныхъ мыслей мнѣ вдругъ вспомнилось, что, въ пылу нашего поспѣшнаго ухода, я предоставилъ капитану Сэнгу заплатить въ ресторанѣ. При этой мысли я громко разсмѣялся, находя, что онъ подѣломъ наказанъ, и въ то же время инстинктивнымъ движеніемъ опустилъ руку въ карманъ, гдѣ лежали мои деньги. Должно быть, это случилось въ переулкѣ, гдѣ надъ нами смѣялись женщины, я зналъ только то, что кошелекъ мой пропалъ.

— Вы, вѣрно, придумали что-нибудь хорошее, — сказала она, увидѣвъ, что я остановился.

Въ крайности, въ которой мы находились, умъ мой внезапно сталъ ясенъ, какъ оптическое стекло, и я увидѣлъ, что у насъ нѣтъ выбора. У меня не было ни гроша, но въ бумажникѣ моемъ еще лежало письмо къ лейденскому купцу, а добраться до Лейдена мы могли только однимъ способомъ, а именно пѣшкомъ.

— Катріона,—сказалъ я,—я знаю, что вы мужественны, и предполагаю, что сильны. Какъ вы думаете, могли бы вы пройти тридцать миль по гладкой дорогѣ?—Оказалось потомъ, что разстояніе было на цѣлую треть короче, но тогда я такъ думалъ.

— Давидъ,—сказала она,—если вы будете со мной, то я пойду, куда угодно, и сдѣлаю все, что хотите. Все мое мужество сломилось. Только не оставляйте меня одну въ этой ужасной странѣ, и я готова сдѣлать все остальное.

— Можете вы выступить сейчасъ же и идти всю ночь?— спросилъ я.

— Я буду дѣлать все, что вы прикажете мнѣ,—отвѣчала

она,—и никогда не стану разспрашивать о причинѣ. Я была скверной, неблагодарной дѣвчонкой, и теперь дѣлайте со мной, что хотите! Я нахожу, что миссъ Барбара Грантъ самая лучшая лэди въ мірѣ,—прибавила она,—и, во всякомъ случаѣ, не вижу, зачѣмъ ей отказывать вамъ.

Все это было для меня такъ же непонятно, какъ греческій или еврейскій языкъ; но теперь у меня были соображенія поважнѣе, и главнымъ образомъ, какъ выбраться изъ этого города и попасть на лейденскую дорогу. Это оказалось трудной задачей, и было уже часъ или два ночи, когда мы, наконецъ, разрѣшили ее. Когда мы оставили за собой дома, то оказалось, что нѣтъ ни звѣздъ, ни мѣсяца, чтобы свѣтить намъ; едва виднѣлась только свѣтлая дорога между темными линіями аллеи. Идти, кромѣ того, было необыкновенно трудно, вслѣдствіе изморози, которая внезапно выпала ночью и превратила шоссе въ непрерывный катокъ.

— Ну, Катріона,—сказалъ я,—теперь мы похожи на королевскихъ сыновей и на старушкиныхъ дочерей изъ вашихъ невѣроятныхъ гайлэндскихъ сказокъ. Скоро мы пойдемъ черезъ «семь холмовъ, семь долинъ, семь болотъ».—Это было обыкновеннымъ присловіемъ къ ея сказкамъ, которое осталось у меня въ памяти.

— О,—сказала она,—здѣсь нѣтъ ни долинъ, ни холмовъ! Хотя я не стану отрицать, что здѣшнія деревья и нѣкоторыя равнины красивы, но наша страна гораздо лучше.

— Желалъ бы я, чтобы это можно было сказать и про нашъ народъ,—отвѣчалъ я, вспомнивъ Спрота и Сэнга и, можетъ быть, самого Джемса Мора.

— Я никогда не стану жаловаться на страну своего друга,— сказала она съ такимъ особеннымъ удареніемъ, что мнѣ казалось, будто я вижу ея взглядъ.

У меня захватило дыханіе, и я чуть не упалъ на ледъ.

— Не знаю, что вы думаете, Катріона,—сказалъ я, когда немного оправился,—но пока день этотъ былъ всетаки нашимъ лучшимъ днемъ! Мнѣ стыдно говорить это, такъ какъ вамъ пришлось пережить столько непріятностей и оскорбленій, но для меня это былъ всетаки лучшій день.

— Это былъ хорошій день, потому что вы выказали мнѣ столько любви,—сказала она.

— И всетаки мнѣ совѣстно чувствовать себя счастливымъ,—продолжалъ я,—когда вы среди ночи тутъ, на большой дорогѣ.

— Гдѣ же мнѣ быть?—воскликнула она.—Я думаю, что мнѣ безопаснѣе всего быть съ вами.

— Значитъ я совершенно прощенъ?—спросилъ я.

— Неужели вы не можете настолько простить мнѣ эти послѣдніе дни, чтобы не вспоминать болѣе о нихъ?—воскликнула она.—Въ моемъ сердцѣ нѣтъ къ вамъ ничего, кромѣ благодарности. Но я хочу быть искренней, — прибавила она неожиданно,—я никогда не прощу той дѣвушкѣ.

— Вы опять говорите о миссъ Грантъ?—спросилъ я.—Но вы сами сказали, что она лучшая лэди въ мірѣ.

— И это дѣйствительно правда,—отвѣчала Катріона.—Но я всетаки никогда не прощу ей. Я никогда, никогда не прощу ей, и не говорите мнѣ больше о ней.

— Ну,—сказалъ я,—это превосходитъ все, что мнѣ когда-либо приходилось слышать. Я удивляюсь, какъ у васъ могутъ быть такіе дѣтскіе капризы. Вѣдь эта молодая лэди была для насъ обоихъ лучшимъ другомъ, научила насъ, какъ одѣваться и какъ вести себя; всякій, кто зналъ насъ прежде и увидитъ теперь согласится съ этимъ.

Но Катріона рѣшительно остановилась посрединѣ шоссе.

— Послушайте,—сказала она,—или вы будете продолжать говорить о ней, и тогда я вернусь въ тотъ городъ и пусть случится, что Богу угодно; или вы будете такъ любезны, что заговорите о другомъ.

Я совершенно сталъ втупикъ, но во-время вспомнилъ, что она нуждалась въ моей помощи, что она принадлежала къ слабому полу, была почти ребенкомъ, и что я долженъ быть разсудительнымъ за двоихъ.

— Милая моя дѣвочка,—сказалъ я,—я въ этомъ ровно ничего не понимаю, но никогда не стану смѣяться надъ вами, Боже избави! Что же касается разговоровъ о миссъ Грантъ, то я вовсе не такъ жажду ихъ, и, мнѣ кажется, вы сами начали говорить объ этомъ. Моимъ единственнымъ намѣреніемъ, когда я возражалъ вамъ было желаніе вамъ добра, такъ какъ я ненавижу несправедливость. Я не желаю, чтобы въ васъ совсѣмъ не было

самолюбія и женской деликатности,—онѣ вамъ очень къ лицу,—но вы доводите ихъ тутъ до крайности.

— Кончили вы?—спросила она.

— Кончилъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, и прекрасно сдѣлали, — замѣтила она, и мы пошли дальше, на этотъ разъ въ молчаніи.

Мнѣ показалось, что она чуть-чуть прижалась къ моей груди; я не слышалъ ничего, кромѣ звука собственныхъ шаговъ. Сначала, я думаю, въ сердцахъ нашихъ мы чувствовали нѣкоторую вражду другъ къ другу; но темнота и холодъ, и тишина, прерываемая изрѣдка только крикомъ пѣтуховъ или лаемъ дворовой собаки, вскорѣ совершенно сломили наше самолюбіе; что касается меня, то я съ восторгомъ воспользовался бы всякимъ приличнымъ предлогомъ для разговора.

Передъ разсвѣтомъ пошелъ теплый дождикъ и смылъ всю изморозь подъ нашими ногами. Я подалъ Катріонѣ свой плащъ и хотѣлъ завернуть ее въ него, но она довольно нетерпѣливо сказала, чтобы я оставилъ его себѣ.

— Конечно, я не сдѣлаю этого,—сказалъ я.—Вѣдь я большой, некрасивый малый, видавшій всякую погоду, а вы нѣжная, красивая дѣвушка! Милая, вѣдь вы не захотите, чтобы я покраснѣлъ со стыда?

Она безъ возраженія позволила мнѣ покрыть себя; такъ какъ я дѣлалъ это въ потемкахъ, то позволилъ себѣ на минуту удержать руку у нея на плечѣ, точно обнимая ее.

— Вамъ надо постараться быть терпѣливѣе къ вашему другу,—сказалъ я.

Мнѣ показалось, что она чуть-чуть прижалась къ моей груди, впрочемъ, я, можетъ быть, только вообразилъ это.

— Вашей добротѣ не будетъ конца,—сказала она.

Мы снова молча пошли дальше; но теперь все перемѣнилось. И счастье въ сердцѣ моемъ разгоралось, какъ огонь въ большомъ каминѣ.

Дождь прошелъ до наступленія дня. Было грязное утро, когда мы пришли къ Дельфтъ. Красныя черепичныя крыши красиво вырисовывались вдоль канала. Служанки вытирали и скоблили камни на общественномъ шоссе. Дымъ поднимался изъ сотни кухонь, и я сразу почувствовалъ, что пора и намъ нарушить свой постъ.

— Катріона,—сказалъ я, — кажется, у васъ еще остался шиллингъ и три боуби?

— Нужны вамъ они? — спросила она, передавая мнѣ кошелекъ.—Хотѣла бы я, чтобы это было пять фунтовъ! На что они вамъ?

— А почему мы шли всю ночь точно двое нищихъ?—спросилъ я.—Потому, что въ этомъ несчастномъ Роттердамѣ у меня украли кошелекъ и все, что у меня было. Я могу сказать это теперь, такъ какъ думаю, что худшее уже прошло; но все-таки намъ предстоитъ еще порядочный путь, пока мы придемъ туда, гдѣ я могу получить деньги, и если вы не купите мнѣ куска хлѣба, то мнѣ придется итти голоднымъ.

Она взглянула на меня широко раскрытыми глазами. При свѣтѣ наступавшаго дня она казалась совершенно блѣдной отъ усталости, такъ что совѣсть моя упрекнула меня за нее. Сама же она громко разсмѣялась.

— Охъ, мученіе! Значитъ, мы теперь нищіе?—воскликнула она.—И вы тоже? О, я бы очень желала этого! Я рада, что могу купить вамъ завтракъ. Но было бы лучше, если бы мнѣ пришлось танцовать, чтобы заработать вамъ пищу! Я думаю, что здѣсь мало знакомы съ нашими танцами и стали бы платить за любопытное зрѣлище.

Я готовъ былъ расцѣловать ее за эти слова, не въ качествѣ влюбленнаго, но въ пылу восхищенія. Мужчины всегда воспламеняются при видѣ женскаго мужества.

Мы купили себѣ молока у деревенской женщины, только что пріѣхавшей въ городъ, а у булочника прекрасный, горячій, вкусно пахнувшій хлѣбъ, который мы съѣли по пути. Отъ Дельфта до Гаги ровно пять миль; дорога идетъ прекрасной аллеей, осѣненной деревьями; съ одной стороны ея—каналъ, съ другой—роскошныя пастбища. Это дѣйствительно красивое мѣстечко.

— А теперь, Дэви,—спросила она,—скажите, что вы въ самомъ дѣлѣ думаете сдѣлать со мной?

— Объ этомъ намъ надо поговорить,—сказалъ я,—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ Лейденѣ я могу получить деньги; въ этомъ отношеніи все будетъ хорошо. Но затрудненіе въ томъ, какъ устроиться съ вами до пріѣзда вашего отца. Мнѣ показалось вчера вечеромъ, что вы не хотите разстаться со мной?

— Это не только кажется,—сказала она.

— Вы очень молоды,—продолжалъ я,—да и я тоже. Въ этомъ главное затрудненіе. Какъ намъ устроиться? Не можете ли вы сойти за мою сестру?

— А почему бы и нѣтъ?—спросила она.—Если бы вы только согласились.

— Хотѣлось бы мнѣ, чтобы это было правдой!—воскликнулъ я.—Я былъ бы счастливымъ человѣкомъ, если бы у меня была такая сестра. Но затрудненіе въ томъ, что вы—Катріона Друммондъ.

— А теперь я стану Катріоной Бальфуръ,—сказала она.—Кто будетъ знать?.. Здѣсь все чужіе.

— Вы думаете, что это можно сдѣлать?—спросилъ я.—Сознаюсь, это очень тревожитъ меня. Мнѣ не хотѣлось бы давать вамъ дурные совѣты.

— Давидъ, кромѣ васъ, у меня нѣтъ здѣсь друзей,—сказала она.

— Дѣло въ томъ, что я слишкомъ молодъ, чтобы быть вашимъ другомъ,—отвѣчалъ я.—Я слишкомъ молодъ, чтобы давать вамъ совѣты, слишкомъ молодъ, чтобы вы принимали ихъ. Я не вижу другого выхода, а между тѣмъ обязанъ предостеречь васъ.

— У меня нѣтъ выбора,—сказала она.—Отецъ мой, Джемсъ Моръ, нехорошо поступилъ со мной, и это не въ первый разъ. Я остаюсь у васъ на рукахъ, какъ мѣшокъ съ мукой, и должна думать только о томъ, что вамъ пріятнѣе. Если вы хотите взять меня—прекрасно. Если не хотите...—она повернулась и дотронулась рукой до моего локтя.—Давидъ, я боюсь,—сказала она.

— Я долженъ предостеречь васъ...—началъ я; но тутъ я вспомнилъ, что деньги мои и что нельзя казаться слишкомъ скупымъ.—Катріона,—сказалъ я,—поймите меня хорошенько: я стараюсь исполнить свой долгъ относительно васъ! Я отправляюсь въ этотъ чужой городъ съ тѣмъ, чтобы жить тамъ одинокимъ студентомъ; и вдругъ, благодаря случаю, оказывается, что вы можете пожить немного со мной и быть какъ бы моей сестрой: не можете вы не понять, дорогая, что мнѣ бы хотѣлось имѣть васъ у себя?

— Ну, я и буду у васъ,—сказала она.—Это, значитъ, рѣшено.

Я знаю, что обязанъ былъ говорить яснѣе. Знаю, что это было большимъ пятномъ на моей чести, за которое мнѣ, къ счастью, не пришлось заплатить слишкомъ дорого. Но я вспомнилъ, какъ ея деликатность была оскорблена при упоминаніи о поцѣлуяхъ въ письмѣ Барбары; теперь, когда она зависѣла отъ меня, какъ могъ я быть смѣлѣе? Кромѣ того, я дѣйствительно не видѣлъ другого возможнаго способа устроить ее. Да и чувство сильно толкало меня на этотъ путь.

Пройдя Гагу, она стала хромать и съ трудомъ прошла остальную дорогу. Два раза она должна была отдыхать, мило извиняясь, называя себя стыдомъ Гайлэнда и своего рода помѣхой для меня. Извиненіемъ, говорила она, могло служить то, что она не привыкла ходить обутой. Я посовѣтовалъ ей снять чулки и башмаки и итти босикомъ. Но она обратила мое вниманіе, что здѣсь всѣ женщины, даже на проселочныхъ дорогахъ, ходили обутыми.

— Я не должна позорить моего брата,—сказала она и оставалась веселой, хотя лицо ея краснорѣчиво говорило объ ея усталости.

Въ городѣ, куда мы направились, есть садъ, усыпанный чистымъ пескомъ, съ густолиственными деревьями, съ подрѣзанными и мѣстами переплетенными кустами, украшенный аллеями и бесѣдками. Въ немъ я оставилъ Катріону, а самъ пошелъ отыскивать своего корреспондента. Здѣсь я воспользовался своимъ кредитомъ и попросилъ рекомендовать мнѣ приличную, спокойную квартиру. Я сказалъ ему, что, такъ какъ багажъ мой еще не прибылъ, хозяева дома, вѣроятно, потребуютъ его поручительства, и объяснилъ, что мнѣ понадобятся двѣ комнаты, такъ какъ сестра моя на нѣкоторое время поселится со мной. Все это было прекрасно; но затрудненіе состояло въ томъ, что хотя м-ръ Бальфуръ въ своемъ рекомендательномъ письмѣ сообщалъ много подробностей, но ни словомъ не упоминалъ о какой-либо сестрѣ. Я видѣлъ, что голландецъ былъ чрезвычайно подозрителенъ, и, глядя на меня поверхъ своихъ огромныхъ очковъ,—то былъ хрупкій, болѣзненный человѣкъ, напоминавшій больного кролика,—онъ началъ подробно разспрашивать меня.

Тутъ я порядочно струсилъ. Что, если онъ повѣритъ моему разсказу (думалъ я), пригласитъ мою сестру къ себѣ, и я при-

веду ее? Не легко мнѣ будетъ тогда распутать этотъ клубокъ, и можетъ случиться, что въ концѣ концовъ, я обезчещу какъ дѣвушку, такъ и себя. Вслѣдствіе этого я быстро сталъ объяснять ему характеръ моей сестры. Оказалось, что она чрезвычайно застѣнчива и такъ боится встрѣчи съ чужими, что въ эту минуту я оставилъ ее одну въ общественномъ саду. Затѣмъ, уже вступивъ на дорогу лжи, мнѣ оставалось только поступить такъ же, какъ и другіе въ подобныхъ обстоятельствахъ, и погрузиться въ нее глубже, чѣмъ требовалось, прибавляя совершенно ненужныя подробности о нездоровьи и уединенной жизни миссъ Бальфуръ въ дѣтствѣ. Среди этихъ разглагольствованій у меня вдругъ явилось сознаніе безобразія моего поведенія, и я сильно покраснѣлъ.

Старый джентльменъ былъ не настолько обманутъ, чтобы не пожелать отдѣлаться отъ меня. Но прежде всего онъ былъ дѣловымъ человѣкомъ и, зная, что каково бы ни было мое поведеніе, деньги у меня хорошія, былъ такъ любезенъ, что послалъ своего сына въ качествѣ проводника и поручителя въ квартирномъ вопросѣ. Вслѣдствіе этого потребовалось представить его Катріонѣ. Бѣдная, милая дѣвушка успѣла отдохнуть, выглядѣла и вела себя въ совершенствѣ, взяла меня подъ-руку и называла братомъ гораздо непринужденнѣе, чѣмъ я ее сестрой. Но тутъ было одно затрудненіе: думая помочь мнѣ, она, пожалуй, была слишкомъ привѣтлива съ голландцемъ, и я не могъ не подумать, что миссъ Бальфуръ уже слишкомъ внезапно утратила свою застѣнчивость. Кромѣ того, въ нашемъ говорѣ была большая разница. Я говорилъ на лоулэндскомъ нарѣчіи, ясно произнося всѣ слова; она же—на гайлэндскомъ, съ акцентомъ, похожимъ на англійскій, но только гораздо красивѣе, и едва ли могла быть названа профессоромъ въ англійской грамматикѣ, такъ что для брата и сестры мы были поразительно непохожи. Но молодой голландецъ былъ тяжеловѣсный парень, не имѣвшій достаточно ума, чтобы замѣтить ея миловидность, на что я разсердился. Какъ только мы нашли себѣ кровъ, онъ оставилъ насъ однихъ, и это было наибольшей изъ его услугъ.

XXIV. Подробная исторія книги доктора Гейнекціуса.

Найденная нами квартира находилась въ верхнемъ этажѣ дома, выходившаго на каналъ. У насъ было двѣ комнаты, изъ которыхъ во вторую надо было пройти черезъ первую; въ каждой, по голландскому обычаю, въ полъ было вдѣлано по камину. Такъ какъ комнаты были въ рядъ, то изъ оконъ обѣихъ виднѣлись: верхушка дерева, росшаго на маленькомъ дворикѣ подъ нами, кусочекъ канала, дома голландской архитектуры и церковный шпицъ на противоположномъ берегу. На шпицѣ этомъ висѣлъ цѣлый наборъ колоколовъ, восхитительно звучавшихъ, а солнце, когда оно бывало, свѣтило прямо въ наши комнаты. Изъ ближайшей таверны намъ приносили хорошіе обѣды и ужины.

Въ первую ночь мы оба почувствовали сильное утомленіе, въ особенности Катріона. Между нами почти не было разговоровъ, и, какъ только мы поужинали, я уложилъ ее на ея постель. На слѣдующее утро я прежде всего написалъ записку Спроту, прося его выслать вещи Катріоны, а также нѣсколько словъ Алану на имя его начальника. Потомъ отправилъ записки, приготовилъ завтракъ и только тогда разбудилъ Катріону. Я немного смутился, когда она вышла въ своемъ единственномъ платьѣ, съ чулками, запачканными въ дорожной грязи. По справкамъ, которыя я навелъ, должно было пройти не менѣе нѣсколькихъ дней, пока ея вещи могли прибыть въ Лейденъ, и ей было необходимо имѣть другую перемѣну. Сначала она не хотѣла, чтобы я дѣлалъ этотъ расходъ; но я напомнилъ, что теперь она сестра богача и должна быть одѣта соотвѣтственно этому. Не успѣли мы войти во вторую лавку, какъ она уже была вполнѣ очарована этимъ дѣломъ, и глаза ея заблестѣли. Мнѣ нравилось, что она такъ невинно и отъ души радуется. Но еще замѣчательнѣе было одушевленіе, съ которымъ я сталъ относиться къ покупкамъ; воображая постоянно, что я купилъ ей недостаточно или не довольно хорошія вещи, я не уставалъ любоваться ею въ различныхъ нарядахъ. Я начиналъ немного понимать способность миссъ Грантъ погружаться въ вопросъ объ одеждѣ. Дѣло въ томъ, что когда приходится наряжать красивую особу, то все занятіе становится красивымъ. Надо сказать, что голландскіе ситцы были чрезвычайно дешевы и изящны, но мнѣ

какъ-то совѣстно написать здѣсь, сколько я заплатилъ за ея чулки. Все-таки я истратилъ настолько большую сумму на это удовольствіе (не могу иначе назвать его), что долгое время совѣстился тратить еще, и, чтобы возмѣстить это, оставилъ наши комнаты порядочно пустыми. У насъ были постели, Катріона была достаточно нарядна, были свѣчи, при которыхъ я могъ видѣть ее... на мой взглядъ, этого было достаточно.

Окончивъ наши странствованія по лавкамъ, я радъ былъ оставить ее у дверей со всѣми покупками и отправиться на длинную прогулку, во время которой прочелъ себѣ наставленіе. Я взялъ подъ свою кровлю, почти къ себѣ на грудь, молодую, чрезвычайно красивую дѣвушку, невинность которой была для нея главной опасностью. Разговоръ мой со старымъ голландцемъ и ложь, къ которой я долженъ былъ прибѣгнуть, дали мнѣ нѣкоторое понятіе о томъ, чѣмъ мое поведеніе можетъ казаться въ глазахъ другихъ. Теперь же, послѣ испытаннаго мною только что чувства восхищенія и неумѣренности, съ которой я продолжалъ дѣлать ненужныя покупки, я и самъ сталъ считать его чрезвычайно рискованнымъ. Я спрашивалъ себя: если бы у меня дѣйствительно была сестра, сталъ ли бы я такъ компрометировать ее? Затѣмъ, считая подобный случай слишкомъ проблематичнымъ, измѣнилъ свой вопросъ, спрашивая, довѣрилъ ли бы я Катріону въ такой степени какому-либо другому человѣку? Отвѣтъ на это заставилъ меня покраснѣть. Но разъ я уже попалъ самъ и поставилъ дѣвушку въ такое неподходящее положеніе, тѣмъ болѣе я обязанъ обращаться съ нею съ самой щепетильной осторожностью. Въ отношеніи хлѣба и крова она совершенно зависѣла отъ меня; если бы я оскорбилъ ея деликатное чувство, у нея не осталось бы другого пристанища. Я, кромѣ того, былъ хозяиномъ квартиры и покровителемъ дѣвушки; и чѣмъ болѣе незаконно я попалъ въ это положеніе, тѣмъ менѣе у меня могло быть извиненій, если бы я воспользовался имъ хотя бы для самаго честнаго ухаживанія. Даже самое честное ухаживаніе было бы недобросовѣстнымъ при тѣхъ удобныхъ случаяхъ, какіе были въ моемъ распоряженіи и которые никакіе благоразумные родители не допустили бы ни на минуту. Я видѣлъ, что долженъ стараться какъ можно дальше держаться отъ нея, однако, все-таки не слишкомъ далеко; хотя я и не имѣлъ права являться въ роли ухаживателя, но я дол-

женъ былъ постоянно и по возможности пріятнымъ образомъ исполнять роль хозяина. Очевидно, для этого требовалось много такта и умѣнья, можетъ быть, больше, чѣмъ было возможно въ мои годы. Но я попалъ въ положеніе, котораго бы даже ангелы испугались, и изъ этого положенія не было другого выхода, кромѣ корректнаго поведенія. Я составилъ себѣ цѣлый рядъ правилъ для руководства, помолился, чтобы мнѣ дана была сила слѣдовать имъ, и, въ качествѣ болѣе человѣческой помощи въ этомъ дѣлѣ, купилъ себѣ учебникъ по законовѣдѣнію. Такъ какъ больше я ничего не могъ придумать, то бросилъ эти серьезныя соображенія. Въ головѣ моей стали роиться пріятныя мысли, и, возвращаясь домой, я, казалось, не шелъ, а несся по воздуху. При одной мысли о «домѣ» и о той, которая ждала меня въ этихъ четырехъ стѣнахъ, сердце забилось у меня въ груди.

Безпокойство мое началось съ самаго моего возвращенія. Катріона съ очевидной и трогательной радостью выбѣжала мнѣ навстрѣчу. Она вся была одѣта въ новыя вещи, которыя я купилъ ей, и выглядѣла въ нихъ замѣчательно красивой. Она все ходила вокругъ и присѣдала, желая, чтобы я разглядѣлъ ихъ и полюбовался. Вѣроятно, я сдѣлалъ это очень нелюбезно, такъ какъ помню, что запинался на словахъ.

— Ну,—сказала она,—если васъ не интересуютъ мои красивыя платья, то посмотрите, что я сдѣлала съ нашими комнатами.—И она показала мнѣ, что квартира хорошо выметена и въ обоихъ каминахъ горитъ огонь.

Я былъ радъ случаю казаться болѣе строгимъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

— Катріона,—сказалъ я,—я очень не доволенъ вами; вы никогда болѣе не должны касаться моей комнаты. Одинъ изъ насъ долженъ былъ главой, пока мы живемъ вмѣстѣ; приличнѣе, чтобы то былъ я, какъ мужчина и какъ старшій, и я требую этого отъ васъ.

Она сдѣлала одинъ изъ своихъ реверансовъ, которые были обворожительны.

— Если вы будете сердиться,—сказала она,—то мнѣ придется стараться угодить вамъ, Дэви. Я буду очень послушна, какъ и должна быть, когда каждый стежокъ на мнѣ принад-

лежитъ вамъ. Но вы тоже не будьте слишкомъ сердитымъ, вѣдь теперь у меня нѣтъ никого другого.

Это сильно подѣйствовало на меня, и я, въ наказаніе, поторопился сгладить хорошее впечатлѣніе моихъ послѣднихъ словъ. Въ этомъ направленіи успѣть было легче, такъ какъ дѣло шло подъ гору. Она, улыбаясь, повела меня въ комнаты; и, при видѣ ея, и яркаго огня, и ея милыхъ взглядовъ, и жестовъ, сердце мое совершенно растаяло. Мы пообѣдали съ безконечнымъ весельемъ и нѣжностью, которыя точно сочетались въ одно, такъ что самый смѣхъ нашъ звучалъ лаской.

Но среди веселья я вдругъ вспомнилъ свои хорошія намѣренія, неловко извинился и грубо сѣлъ за ученіе. Книга, которую я купилъ, была толстая, поучительная, сочиненіе покойнаго д-ра Гейнекціуса; я въ послѣдующіе дни много читалъ ее и часто радовался, что некому спросить меня о моемъ чтеніи. Помню, что Катріона немного кусала губы, глядя на меня, и это меня мучило. Правда, что она такимъ образомъ оставалась совершенно одинока, тѣмъ болѣе, что не любила читать и никогда не держала въ рукахъ книги. Но что мнѣ было дѣлать?

Такимъ образомъ, остальной вечеръ прошелъ почти въ совершенномъ безмолвіи.

Я готовъ былъ поколотить самъ себя. Въ эту ночь я не могъ лежать отъ бѣшенства и раскаянія, но босикомъ ходилъ взадъ и впередъ, пока почти не замерзъ, такъ какъ каминъ потухъ, а морозъ былъ очень силенъ. Мысль, что она тутъ, въ сосѣдней комнатѣ, что она даже можетъ слышать, какъ я хожу, воспоминанія о моей грубости и о томъ, что я долженъ продолжать подобное же неблагодарное поведеніе или быть опозореннымъ, лишала меня разсудка. Я находился, какъ бы между Сциллой и Харибдой. «Что она должна думать обо мнѣ?»—эта мысль постоянно смягчала меня и доводила до слабости. «Что будетъ съ нами?»—эта мысль снова закаляла мою рѣшимость. Это была первая ночь бодрствованія и противоположныхъ ощущеній; я долженъ былъ теперь провести много подобныхъ ночей, гуляя взадъ и впередъ, какъ сумасшедшій, плача иногда, какъ ребенокъ, временами молясь, какъ искренно вѣрующій.

Молиться не особенно трудно; затрудненіе обыкновенно является на практикѣ. Въ ея присутствіи, въ особенности когда

я допускалъ въ началѣ нѣкоторую фамильярность, я находилъ, что мало могу распоряжаться послѣдствіями. А между тѣмъ, сидѣть весь день въ одной съ ней комнатѣ и притворяться, что занятъ Гейнекціусомъ, превышало мои силы. Въ концѣ концовъ я прибѣгъ къ слѣдующему средству: я отсутствовалъ, сколько было возможно, посѣщалъ лекціи и правильно отсиживалъ тамъ, часто совсѣмъ безъ вниманія, доказательство чему я недавно нашелъ въ записной книжкѣ того времени; бросивъ слѣдить за поучительной лекціей, я сталъ царапать въ ней очень скверные стихи, хотя латинскій языкъ, которымъ они написаны, пожалуй, лучше, чѣмъ я ожидалъ отъ себя. Но, къ несчастью, вредъ отъ этого образа дѣйствій былъ очень немногимъ меньше его пользы. У меня оставалось меньше времени на искушеніе, но зато въ это время искушеніе было гораздо сильнѣе. Такъ какъ Катріона много оставалась одна, то стала съ такимъ возраставшимъ пыломъ встрѣчать мое возвращеніе, что я едва могъ противиться ему. Я долженъ былъ грубо отталкивать ея дружескія ласки; и мое отталкиваніе иногда такъ сильно оскорбляло ее, что мнѣ приходилось смягчаться и стараться лаской загладить свою вину. Такимъ образомъ, наше время проходило въ постоянной смѣнѣ настроеній, въ ссорахъ и разочарованіяхъ, и я могъ бы сказать, если бы это не было кощунствомъ, что я ежедневно распинался.

Главной причиной моей тревоги была необычайная невинность Катріоны, которой я не столько удивлялся, сколько при видѣ ея преисполнялся жалостью и восхищеніемъ. Она, казалось, совсѣмъ не понимала своего положенія и не сознавала моей борьбы, встрѣчая каждый знакъ моей слабости отвѣтной радостью; а когда я снова замыкался въ своей крѣпости, она не всегда умѣла скрыть печаль. Были минуты, когда я думалъ: «Если бы она была влюблена по уши и всячески старалась поймать меня, она врядъ ли вела бы себя иначе». Потомъ я снова начиналъ удивляться наивности женщины вообще, отъ которой, какъ мнѣ казалось, въ тѣ минуты, я не былъ достоинъ происходить.

Наша борьба по большей части вертѣлась на одномъ, а именно на ея платьѣ. Мой багажъ вскорѣ прибылъ изъ Рот-

тердама, а ея вещи изъ Гельвута. У нея теперь оказалось два гардероба, и не знаю какъ, но между нами какъ бы явилось соглашеніе, что когда она дружески расположена ко мнѣ, она надѣваетъ мое платье, въ противномъ же случаѣ свое собственное. Это означало какъ бы пощечину или, во всякомъ случаѣ, отказъ въ благосклонности; я такъ въ душѣ и понималъ это, но обыкновенно былъ настолько разуменъ, что не подавалъ вида, будто замѣчаю это обстоятельство.

Разъ, однако, я впалъ въ еще большее ребячество, чѣмъ она. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Возвращаясь съ лекціи и думая о ней съ нѣжностью и любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ нѣкоторой досадой, я замѣтилъ, что досада эта мало-по-малу стала совершенно исчезать. Увидѣвъ въ окнѣ одинъ изъ тѣхъ цвѣтовъ, которые голландцы такъ искусно выращиваютъ, я послѣдовалъ минутному влеченію и купилъ его для Катріоны. Я не знаю названія цвѣтка, помню только, что онъ былъ розовый; я думалъ, что онъ понравится ей, и несъ его домой съ нѣжнымъ чувствомъ въ сердцѣ. Уходя, я оставилъ ее въ моемъ платьѣ, а когда вернулся, то какъ платье, такъ и лицо ея измѣнились; я только оглядѣлъ ее съ головы до ногъ, заскрежеталъ зубами, распахнулъ окно и выбросилъ свой цвѣтокъ во дворъ, а затѣмъ (изъ ярости или осторожности) самъ выбѣжалъ изъ комнаты и хлопнулъ за собою дверью.

На крутой лѣстницѣ я чуть не упалъ. Это привело меня въ себя, и я сейчасъ же сталъ сознавать безуміе своего поведенія. Я пошелъ не на улицу, какъ сперва хотѣлъ, а на дворикъ, гдѣ обыкновенно никого не было и гдѣ я увидѣлъ свой цвѣтокъ, который мнѣ обошелся гораздо дороже своей настоящей стоимости, висящимъ на безлистномъ деревѣ. Стоя на берегу канала, я смотрѣлъ на ледъ. Деревенскіе жители пробѣгали мимо наونькахъ, и я съ завистью глядѣлъ на нихъ. Я не видѣлъ выхода изъ своего затрудненія; мнѣ не оставалось ничего, какъ вернуться въ комнату, изъ которой я только что ушелъ. У меня больше не было сомнѣнія въ томъ, что я обнаружилъ свои тайныя чувства. Что еще хуже, я въ то же время (съ глупымъ ребячествомъ) оказался невѣжливымъ относительно моей беззащитной гостьи.

Она, вѣроятно, видѣла меня изъ открытаго окна. Мнѣ казалось, что я не особенно долго стоялъ во дворѣ, какъ вдругъ

Она сдѣлала одинъ изъ своихъ реверансовъ...

услыхалъ скрипъ шаговъ по замерзшему снѣгу и, сердито повернувшись (я не желалъ, чтобы прерывали мои размышленія), увидѣлъ подходившую Катріону. Она снова вся переодѣлась, до чулокъ со стрѣлками включительно.

— Развѣ мы сегодня не пойдемъ гулять?—спросила она.

Я въ смущеніи глядѣлъ на нее.

— Гдѣ ваша брошка?—спросилъ я.

Она поднесла руку къ груди и сильно покраснѣла.

— Я забыла ее,—сказала она.—Я поскорѣе сбѣгаю за нею наверхъ, и тогда, неправда ли, мы пойдемъ гулять?

Въ послѣднихъ словахъ ея слышалась мольба, которая привела меня въ замѣшательство. Я не находилъ ни словъ, ни голоса, чтобы отвѣтить ей, и могъ только молча кивнуть головой. Какъ только она ушла, я влѣзъ на дерево и досталъ свой цвѣтокъ, который и поднесъ ей по ея возвращеніи.

— Я купилъ его для васъ, Катріона,—сказалъ я.

Она съ нѣжностью, какъ мнѣ показалось, прикрѣпила его къ груди вмѣстѣ съ брошкой.

— Онъ не сталъ лучше отъ моего обращенія,—продолжалъ я, краснѣя.

— Мнѣ онъ отъ этого не меньше нравится, можете быть увѣрены,—сказала она.

Мы въ этотъ день разговаривали не особенно много; она казалась немного на-сторожѣ, хотя безъ враждебнаго чувства. Я же за все время нашей прогулки и позже, когда мы пришли домой и она поставила мой цвѣтокъ въ кувшинъ съ водой, думалъ о томъ, какая загадка женщина. То мнѣ думалось, какъ было глупо, что она до сихъ поръ не замѣтила моей любви; а въ слѣдующую минуту—что, разумѣется, она уже давно замѣтила ее и, будучи умной дѣвушкой съ сильно развитымъ чувствомъ приличія, только скрывала это.

Каждый день мы отправлялись гулять. На улицахъ я считалъ себя въ большей безопасности, немного ослаблялъ свою осторожность и, главное, тутъ не было Гейнекціуса. Поэтому наши прогулки были не только отдыхомъ для меня самого, но и особеннымъ удовольствіемъ для бѣдной дѣвочки. Возвращаясь въ назначенное время, я обыкновенно заставалъ ее уже одѣтой и горящей нетерпѣніемъ. Она старалась продолжить прогулки до крайнихъ предѣловъ, точно боясь, какъ и самъ я, минуты возвращенія. Врядъ ли около Лейдена осталось какое-нибудь поле или рѣчка, вдоль которыхъ бы мы не гуляли. За исключеніемъ этихъ прогулокъ, я велѣлъ ей не выходить изъ квартиры, боясь, чтобы она не встрѣтила какихъ нибудь знакомыхъ, отчего наше положеніе стало бы чрезвычайно затруднительнымъ. Вслѣдствіе этого же опасенія я не позволялъ ей

ходить въ церковь, да и самъ не ходилъ, а довольствовался молитвой вмѣстѣ съ Катріоной въ нашей комнатѣ, съ честнымъ намѣреніемъ, но, сознаюсь, съ большой разсѣянностью. Дѣйствительно, на меня врядъ ли что такъ дѣйствовало, какъ это колѣнопреклоненіе рядомъ съ нею передъ Богомъ, точно мы были мужъ и жена.

Разъ какъ-то шелъ сильный снѣгъ. Мнѣ казалось невозможнымъ итти гулять, и я былъ очень удивленъ, найдя ее одѣтою и ожидающею меня.

— Я не могу отказаться отъ прогулки! — воскликнула она.—Вы, Дэви, дома никогда не бываете хорошимъ мальчикомъ; я только и люблю васъ, что на открытомъ воздухѣ. Я думаю, намъ лучше стать цыганами и жить у большой дороги.

Это была наша самая лучшая прогулка. При падающемъ снѣгѣ она близко прижималась ко мнѣ. Снѣгъ сыпался и таялъ на насъ, капли висѣли на ея румяныхъ щекахъ, точно слезы, и скатывались въ ея улыбающійся ротикъ. При видѣ этого у меня точно прибывали силы, и я чувствовалъ себя великаномъ; мнѣ казалось, что я могъ бы схватить ее и убѣжать съ нею въ отдаленнѣйшіе уголки земли. Во все время прогулки мы разговаривали удивительно свободно и нѣжно.

Было уже совершенно темно, когда мы подошли къ двери нашего дома. Она прижала мою руку къ своей груди.

— Благодарю васъ за эти счастливые часы,—проговорила она глубоко тронутымъ голосомъ.

Смущеніе, въ которое я впалъ при этомъ обращеніи, быстро заставило меня принять мѣры предосторожности. Не успѣли мы войти въ комнату и зажечь огонь, какъ она увидѣла прежнее суровое, непреклонное лицо человѣка, изучающаго Гейнекціуса. Катріона, безъ сомнѣнія, была огорчена болѣе обыкновеннаго, да и самому мнѣ было болѣе чѣмъ обыкновенно трудно сохранить свою холодность. Даже за ѣдой я едва рѣшился сбросить ее и поднять на Катріону глаза, и только что кончился обѣдъ, снова занялся законовѣдѣніемъ, съ болѣе отвлеченнымъ видомъ и меньшимъ пониманіемъ, чѣмъ прежде. Мнѣ помнится, что, читая, я слышалъ, какъ сердце мое ударяетъ, точно столовые часы. Какъ я ни притворялся, что занимаюсь, но глазъ мой все-таки черезъ книгу скользилъ по Катріонѣ. Она сидѣла на полу около моего большого сундука; пламя камина освѣ-

щало ее, сверкало и блистало на ней и, кладя на лицо ея удивительные оттѣнки, заставляло его казаться то пылающимъ, то совершенно темнымъ. Она смотрѣла то на огонь, то снова на меня; въ послѣднемъ случаѣ меня обуревалъ страхъ за самого себя, и я начиналъ переворачивать страницы Гейнекціуса, точно человѣкъ, отыскивающій въ церкви нужный текстъ.

Вдругъ она громко воскликнула:

— О, зачѣмъ не приходитъ мой отецъ?—и залилась потокомъ слезъ.

Я вскочилъ, швырнулъ Гейнекціуса въ огонь, подбѣжалъ къ ней и обвилъ ее руками.

Она рѣзко оттолкнула меня.

— Вы не любите своего друга,—сказала она.—Я могла бы быть такъ счастлива, если бы вы дали мнѣ возможность,—и продолжала:—О, что я сдѣлала, за что вы такъ ненавидите меня?

— Ненавижу васъ!—воскликнулъ я, крѣпко держа ее.—О, слѣпая, неужели вы не видите моего несчастнаго сердца? Неужели вы думаете, что когда я сижу тутъ и читаю эту дурацкую книгу, которую я только что сжегъ, чортъ бы ее побралъ, я хоть малѣйше думаю о чемъ-нибудь, кромѣ васъ? Каждый вечеръ сердце мое надрывалось, видя, что вы сидите совершенно одна. А что я могъ сдѣлать? Вы здѣсь подъ защитой моей чести; неужели вы хотите наказать меня за это? Неужели вы за это станете отталкивать преданнаго слугу?

При этихъ словахъ она слабымъ, внезапнымъ движеніемъ ближе прижалась ко мнѣ. Приблизивъ ея лицо къ своему, я поцѣловалъ ее, она же склонила голову ко мнѣ на грудь, крѣпко обнимая меня. Голова моя кружилась точно у пьянаго. И вдругъ я услышалъ ея голосъ, тихій, заглушенный моей одеждой.

— Вы вправду цѣловали ее?—спросила она.

Я почувствовалъ такое сильное изумленіе, что совсѣмъ былъ потрясенъ.

— Миссъ Грантъ?—воскликнулъ я растерянно.—Да, я попросилъ ее поцѣловать меня на прощанье, что она и сдѣлала.

— Ну что-жъ,—сказала она,—во всякомъ случаѣ вы и меня тоже поцѣловали.

Эти странныя и милыя слова показали мнѣ, въ чемъ дѣло; я всталъ самъ и поставилъ ее на ноги.

— Не годится такъ говорить,—сказалъ я,—это невозможно, совсѣмъ невозможно О, Кэтринъ, Кэтринъ!

Послѣдовала пауза, во время которой я не былъ въ состояніи произнести ни слова.

— Ложитесь спать, — наконецъ сказалъ я. — Ложитесь спать и оставьте меня.

Она повернулась, послушная, какъ ребенокъ, и вскорѣ остановилась уже въ самыхъ дверяхъ.

— Спокойной ночи, Дэви!—сказала она.

— Спокойной ночи, дорогая моя!—воскликнулъ я, въ страстномъ порывѣ схватилъ ее и снова прижалъ къ себѣ такъ, что, казалось, долженъ былъ сломать ее. Въ слѣдующую минуту я уже вытолкнулъ ее изъ комнаты, съ силою захлопнулъ дверь, и остался одинъ.

Слово вырвалось, наконецъ, правда была сказана. Я, какъ воръ, вкрался въ привязанность молодой дѣвушки. Она, слабое, невинное созданіе, была теперь совершенно въ моей власти. Какое мнѣ оставалось средство защиты? Точно символомъ служило то, что Гейнекціусъ, мой прежній защитникъ, сожженъ. Я раскаивался, но между тѣмъ въ душѣ не могъ порицать себя за эту большую ошибку. Мнѣ казалось невозможнымъ сопротивляться ея наивной смѣлости или послѣднему испытанію— слезамъ. Но всѣ эти извиненія дѣлали мой грѣхъ еще значительнѣе; дѣвушка была такъ беззащитна, и положеніе мое представляло такія выгоды!

Что теперь будетъ съ нами! Мнѣ казалось, что намъ нельзя больше оставаться въ одной квартирѣ. Но куда мнѣ уйти? Куда уйти ей? Не по нашему выбору и не по нашей винѣ жизнь заключила насъ вмѣстѣ въ это тѣсное жилище. Мнѣ являлась дикая мысль немедленно же жениться на ней; но въ слѣдующую минуту я съ негодованіемъ отвергалъ эту мысль: она была ребенкомъ, не знала собственнаго сердца. Я напалъ на нее врасплохъ и ни въ какомъ случаѣ не долженъ воспользоваться этимъ; я не только долженъ сохранить ее безупречной, но и свободной, такой, какой она пришла ко мнѣ.

Я усѣлся передъ каминомъ, соображая, раскаиваясь и напрасно ломая голову надъ средствами къ спасенію. Когда,

около двухъ часовъ ночи, въ каминѣ оставалось только три красныхъ головни и весь городъ уже спалъ, я услышалъ тихій плачъ въ сосѣдней комнатѣ. Бѣдная дѣвочка, она думала, что я сплю; она раскаивалась въ своей слабости и въ томъ, что, можетъ быть (помоги ей Богъ), называла своей смѣлостью и въ ночной тишинѣ облегчала свою трудь слезами. Нѣжныя и горькія чувства, любовь, раскаяніе и жалость боролись въ моей душѣ; мнѣ казалось, что я обязанъ утереть эти слезы.

— О, постарайтесь простить мнѣ!—воскликнулъ я.—Постарайтесь простить мнѣ! Забудемте все, попытаемся все забыть.

Отвѣта не послѣдовало, но рыданія прекратились. Я еще долгое время стоялъ съ сжатыми руками; наконецъ, ночной холодъ пронизалъ меня насквозь, я вздрогнулъ, и разумъ мой пробудился.

«Этимъ ты дѣлу не поможешь, Дэви,—подумалъ я.—Ложись въ постель, какъ умный мальчикъ, и постарайся заснуть. Утро вечера мудренѣе».

XXV. Возвращеніе Джемса Мора.

Утромъ меня отъ поздняго и тревожнаго сна пробудилъ стукъ въ дверь; побѣжавъ отворить, я чуть не лишился чувствъ отъ противоположныхъ ощущеній, по большей части тяжелыхъ: на порогѣ, въ мохнатомъ пальто и чрезвычайно большой шляпѣ, обшитой галунами, стоялъ Джемсъ Моръ.

Мнѣ слѣдовало бы, пожалуй, чувствовать только радость, потому что человѣкъ этотъ нѣкоторымъ образомъ служилъ отвѣтомъ на мою молитву. Я до утомленія повторялъ себѣ, что Катріона и я должны разстаться, и до боли въ сердцѣ изыскивалъ возможное средство для разлуки. И вотъ это средство является ко мнѣ на двухъ ногахъ, а между тѣмъ я менѣе всего чувствую радость... Надо, однако, принять во вниманіе, что если прибытіе этого человѣка освобождало меня отъ заботы о будущемъ, настоящее мое было мрачно и угрожающе. Очутившись передъ нимъ въ рубашкѣ и кальсонахъ, я, кажется, даже отскочилъ назадъ, точно подстрѣленный.

— А,—сказалъ онъ,—я нашелъ васъ, наконецъ, м-ръ Бальфуръ,—и протянулъ мнѣ свою большую, красивую руку,

которую я взялъ очень нерѣшительно, шагнувъ снова впередъ и остановившись у дверей, точно готовясь къ сопротивленію.

— Удивительно, право,—продолжалъ онъ, какъ переплетаются наши дѣла. Я еще долженъ извиниться передъ вами за непріятное вторженіе въ ваше, къ которому былъ припутанъ этимъ обманщикомъ Престонгрэнджемъ; совѣстно даже признаться, что я могъ довѣриться судьѣ.—Онъ совершенно по-французски пожалъ плечами.—Но человѣкъ этотъ кажется такимъ достойнымъ довѣрія,— продолжалъ онъ.—А теперь, какъ оказывается, вы очень любезно позаботились о моей дочери, за адресомъ которой меня направили къ вамъ.

— Я думаю, сэръ,—сказалъ я съ удрученнымъ видомъ,—что намъ необходимо объясниться.

— Ничего не случилось дурного?—спросилъ онъ.—Мой агентъ, м-ръ Спротъ...

— Ради Бога говорите тише! — воскликнулъ я. — Она не должна ничего слышать, пока мы не объяснимся.

— Развѣ она здѣсь?—воскликнулъ онъ.

— Эта дверь въ ея комнату,—отвѣчалъ я.

— Вы были съ ней одни?—спросилъ онъ.

— Кто же другой могъ жить съ нами?—воскликнулъ я.

Долженъ отдать ему справедливость, упомянувъ, что онъ поблѣднѣлъ.

— Это очень странно,—сказалъ онъ.—Это чрезвычайно необыкновенный случай. Вы правы, намъ слѣдуетъ объясниться.

Говоря это, онъ прошелъ мимо меня; долженъ сознаться, что старый мошенникъ въ эту минуту выглядѣлъ чрезвычайно величественнымъ. Онъ впервые увидѣлъ мою комнату, которую и я теперь разсматривалъ, такъ сказать, его глазами. Блѣдный лучъ утренняго солнца пробивался сквозь окно и освѣщалъ ее. Кровать, чемоданы, умывальникъ, разбросанное въ безпорядкѣ платье и потухшій каминъ составляли все ея убранство. Она, несомнѣнно, выглядѣла пустой и холодной и казалась неподходящимъ нищенскимъ пріютомъ для молодой лэди. Въ то же время мнѣ вспомнились платья, которыя я купилъ Катріонѣ, и я подумалъ, что этотъ контрастъ между бѣдностью и роскошью не могъ не выглядѣть подозрительнымъ.

Джемсъ оглянулъ комнату, ища куда бы сѣсть, и, не найдя ничего, кромѣ кровати, усѣлся на нее. Закрывъ дверь, я при-

нужденъ былъ сѣсть рядомъ съ нимъ: какъ бы ни окончилось это необыкновенное объясненіе, надо было по возможности стараться не разбудить Катріоны, а для этого требовалось, чтобы мы сидѣли близко и говорили шепотомъ. Не берусь описывать, какую мы представляли странную пару: на немъ было пальто, вполнѣ умѣстное въ виду холода въ моей комнатѣ, я же дрожалъ въ одной рубашкѣ и кальсонахъ. У него былъ видъ судьи, я же (чѣмъ ни старался казаться) чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, услышавшаго трубу Страшнаго Суда.

— Ну?—спросилъ онъ.

— Ну...—началъ я, но почувствовалъ, что не въ состояніи продолжать.

— Вы говорите, что она здѣсь?—снова заговорилъ онъ, на этотъ разъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, которое, казалось, вернуло мнѣ мужество.

— Она въ этомъ домѣ,—сказалъ я.—Я зналъ, что это обстоятельство покажется необычайнымъ. Но вы должны сообразить, насколько необычайно было дѣло съ самаго начала. Молодая лэди высаживается на европейскій берегъ съ однимъ шиллингомъ и тремя боуби въ карманѣ! Ее направляютъ къ этому Спроту въ Гельвутѣ, котораго вы называете своимъ агентомъ. Могу сказать только, что онъ ругался и божился при одномъ упоминаніи о васъ, и что я долженъ былъ заплатить ему изъ своего кармана, чтобы онъ только сохранилъ ея вещи. Вы говорите о необыкновенномъ случаѣ, м-ръ Друммондъ; если угодно, называйте его такъ. Но подвергать ее такой случайности было варварствомъ.

— Вотъ чего я совсѣмъ не могу понять. — сказалъ Джемсъ.—Моя дочь была отдана на попеченіе почтенныхъ людей, имя которыхъ я забылъ.

— Ихъ звали Джебби,—сказалъ я.—Безъ сомнѣнія, м-ру Джебби слѣдовало бы поѣхать съ ней на берегъ въ Гельвутѣ. Но онъ не поѣхалъ, м-ръ Друммондъ, и думаю, что вамъ надо благодарить Бога, что я случился тутъ и предложилъ свои услуги.

— Я еще поговорю съ м-ромъ Джебби въ скоромъ времени,—сказалъ онъ.—Что же касается васъ, то я думаю, вы могли бы понять, что слишкомъ молоды для этого.

— Но выбирать приходилось не между мной и кѣмъ-нибудь

... Я сѣлъ рядомъ съ нимъ на кровати...

другимъ, а между мной и никѣмъ!—воскликнулъ я.—Никто болѣе не предлагалъ своихъ услугъ. Долженъ сознаться, что вы выказываете весьма мало благодарности мнѣ, сдѣлавшему это.

— Я подожду, пока не пойму немного яснѣе той услуги, которую вы оказали мнѣ.

— Мнѣ кажется, что она бросается въ глаза,—сказалъ я.— Вы покинули вашу дочь, почти бросили ее одну посреди Европы,

съ двумя шиллингами въ карманѣ и не знающую двухъ словъ на здѣшнемъ языкѣ; прекрасно, нечего сказать! Я привелъ ее сюда. Я назвалъ ее своей сестрой и обращался съ ней, какъ съ таковой. Врядъ ли нужно объяснять вамъ, что все это стоило денегъ. Я обязанъ былъ сдѣлать это для молодой леди, достоинство которой я уважаю... но, кажется, было бы довольно неумѣстно расхваливать ее собственному отцу.

— Вы молодой человѣкъ...—началъ онъ

— Я уже слышалъ это,—отвѣчалъ я запальчиво.

— Вы очень молодой человѣкъ,—повторилъ онъ,—иначе вы бы поняли все значеніе вашего поступка.

— Вамъ очень легко говорить это! — воскликнулъ я. — Но какъ же я могъ поступить иначе? Положимъ, я могъ бы нанять какую-нибудь бѣдную, приличную женщину, которая бы жила съ нами; но, увѣряю васъ, мнѣ до сихъ поръ этого не приходило въ голову! Да и гдѣ бы я нашелъ ее, когда самъ чужой въ этомъ городѣ? Позвольте обратить ваше вниманіе еще на то, м-ръ Друммондъ, что это стоило бы мнѣ денегъ. Дѣло-то, какъ видите, главнымъ образомъ въ томъ, что мнѣ все время приходилось платить за вашу небрежность; и вся исторія произошла единственно оттого, что вы были такъ безпечны и мало заботливы, что потеряли свою дочь.

— Тотъ, кто самъ живетъ въ стеклянномъ домѣ, не долженъ бы бросать камнями въ другихъ,—сказалъ онъ.—Прежде окончимъ разспросы о поведеніи миссъ Друммондъ, а потомъ уже станемъ судить ея отца.

— Я считаю такую постановку вопроса совершенно неумѣстной,—сказалъ я,—честь миссъ Друммондъ выше всякихъ подозрѣній, что должно было бы быть извѣстнымъ ея отцу. То же самое можно сказать и обо мнѣ. Вамъ остается только два образа дѣйствій: одинъ—выразить мнѣ свою благодарность, какъ джентльменъ джентльмену, и больше не говорить объ этомъ; другой (если вы все еще недовольны)—заплатить мнѣ все, что я затратилъ, и уѣхать.

Онъ успокоительно замахалъ рукой.

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—вы слишкомъ торопитесь, м-ръ Бальфуръ. Хорошо, что я научился быть терпѣливымъ. Вы, кажется, забываете, что я еще долженъ видѣться съ моей дочерью.

При этихъ словахъ я началъ немного успокаиваться, увидѣвъ перемѣну въ манерахъ Джемса, какъ только рѣчь зашла о деньгахъ.

— Я думаю, будетъ лучше, если вы только позволите мнѣ одѣться въ вашемъ присутствіи, чтобы я ушелъ и предоставилъ вамъ встрѣтиться съ ней наединѣ?—спросилъ я.

— Я ожидалъ этого отъ васъ!—сказалъ онъ очень вѣжливымъ тономъ.

Я находилъ, что дѣло идетъ все лучше и лучше. Начиная натягивать брюки, я вспомнилъ о безсовѣстномъ попрошайничествѣ этого человѣка у Престонгрэнджа и рѣшилъ упрочить за собой побѣду.

— Если вы желаете нѣкоторое время пробыть въ Лейденѣ,—сказалъ я,—то эта комната совершенно въ вашемъ распоряженіи. Для себя я легко могу найти другую. Такимъ образомъ будетъ всего менѣе безпокойства, такъ какъ придется переѣхать только одному.

— Сэръ,—сказалъ онъ, выпячивая грудь,—я не стыжусь бѣдности, въ которую впалъ на службѣ моему королю; не скрываю, что дѣла мои очень разстроены и что въ настоящую минуту мнѣ было бы совершенно невозможно ѣхать дальше.

— Пока вы не найдете возможности снестись съ вашими друзьями,—сказалъ я,—вамъ, можетъ быть, будетъ удобно (для меня же это будетъ очень лестно) пожить здѣсь въ качествѣ моего гостя?

— Сэръ,—отвѣчалъ онъ,—на ваше искреннее предложеніе я считаю обязанностью отвѣчать такъ же искренно. Вашу руку, м-ръ Давидъ; у васъ характеръ, который я болѣе всего уважаю; вы изъ тѣхъ, отъ которыхъ джентльменъ можетъ принять одолженіе безъ лишнихъ словъ. Я старый солдатъ,—продолжалъ онъ, съ видимымъ отвращеніемъ оглядывая комнату,—и вамъ нечего бояться, что я буду вамъ въ тягость. Я слишкомъ часто ѣлъ на краю канавы, пилъ изъ лужи и проводилъ дни и ночи безъ крова, подъ дождемъ.

— Долженъ сказать вамъ,—замѣтилъ я,—что обыкновенно намъ въ это время присылаютъ завтракъ. Я могу зайти въ таверну, велѣть прибавить для васъ порцію и отложить завтракъ на часъ, чтобы дать вамъ время повидаться съ вашей дочерью.

Мнѣ показалось, что ноздри его шевельнулись.

— О, цѣлый часъ!—замѣтилъ онъ.—Это, пожалуй, слишкомъ много. Скажемъ лучше полчаса, м-ръ Давидъ, или двадцать минутъ; увѣряю васъ, что этого совершенно достаточно. Кстати,—прибавилъ онъ, удерживая меня за сюртукъ,—что вы пьете за завтракомъ, эль или вино?

— Откровенно говоря, сэръ,—отвѣчалъ я,—я не пью ничего, кромѣ чистой холодной воды.

— Ой-ой,—сказалъ онъ,—это очень вредно для желудка, повѣрьте старому солдату. Наиболѣе здорово, можетъ быть, пить нашу домашнюю родную водку; но такъ какъ это невозможно, то лучше всего брать рейнское или бѣлое бургундское вино.

— Сочту своимъ долгомъ доставить его вамъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, прекрасно,—сказалъ онъ,—мы еще сдѣлаемъ изъ васъ мужчину, м-ръ Давидъ.

Могу сказать, что въ это время я обращалъ на него вниманіе ровно настолько, чтобы представить себѣ, какимъ страннымъ тестемъ онъ окажется. Всѣ мои заботы сосредоточивались на дочери, которую я рѣшилъ какъ-нибудь предупредить о посѣтителѣ. Поэтому я подошелъ къ двери и постучалъ въ нее, крикнувъ въ то же время: «Вашъ отецъ пришелъ, наконецъ, миссъ Друммондъ!» .

Затѣмъ я пошелъ по своему дѣлу, однимъ словомъ сильно испортивъ наши отношенія.

XXVI. Трое.

Заслуживалъ ли я порицанія или скорѣе жалости, предоставляю судить другимъ. Проницательность моя, которой у меня много, не такъ велика, когда дѣло идетъ о дамахъ. Будя Катріону, я, безъ сомнѣнія, больше всего думалъ о дѣйствіи моихъ словъ на Джемса Мора; когда я возвратился, и всѣ мы сѣли за завтракъ, я на томъ же основаніи продолжалъ относиться къ молодой леди съ холодной почтительностью. Я и теперь думаю, что поступалъ умно: отецъ ея сомнѣвался въ невинности нашей дружбы, и сомнѣнія эти я прежде всего долженъ былъ разсѣять. Но и Катріона тоже заслуживаетъ извиненія: между нами наканунѣ была страстная и нѣжная сцена; мы обмѣнялись поцѣлуями; я рѣзко отбросилъ ее отъ себя; я кричалъ ей ночью изъ своей комнаты; она цѣлые часы провела безъ сна, въ

слезахъ, и нельзя не предположить, что предметомъ ея ночныхъ думъ былъ я. И вдругъ послѣ всего этого быть разбуженной съ непривычной церемонностью, подъ именемъ миссъ Друммондъ, и видѣть впредь только чрезвычайно холодное, почтительное отношеніе! Понятно, что это привело ее въ заблужденіе относительно моихъ дѣйствительныхъ чувствъ и заставило ее вообразить, будто я раскаиваюсь и иду на попятный!

Недоразумѣніе между нами, какъ кажется, было въ слѣдующемъ: тогда какъ я, едва увидѣвъ большую шляпу Джемсэ Мора, сталъ думать только о немъ, о его возвращеніи и подозрѣніяхъ, она такъ мало придавала этому значенія, что почти не замѣчала; всѣ же ея тревоги и дѣйствія касались только того, что произошло между нами наканунѣ ночью. Это отчасти объясняется невинностью и смѣлостью ея характера, отчасти же тѣмъ, что Джемсъ Моръ, потерпѣвшій неудачу въ разговорѣ со мной и моимъ приглашеніемъ лишенный возможности говорить, не сказалъ ей ни слова на эту щекотливую тему. За завтракомъ уже стало ясно, что мы не понимаемъ другъ друга. Я ожидалъ видѣть ее въ своемъ собственномъ платьѣ, а между тѣмъ она, точно забывъ объ отцѣ, надѣла одно изъ лучшихъ купленныхъ мною, которое, какъ она знала (или думала), очень нравилось мнѣ на ней. Я ожидалъ, что она будетъ подражать моей сдержанности, будетъ холоднѣе и церемоннѣе, а вмѣсто того засталъ ее раскраснѣвшейся, возбужденной съ ярко блестѣвшими глазами, съ тревожнымъ и измѣнчивымъ выраженіемъ; она съ какой-то вызывающей нѣжностью называла меня по имени, стараясь угадывать мои мысли и желанія, точно заботливая или подозрѣваемая жена.

Но это продолжалось недолго. Когда я увидѣлъ, какъ она забываетъ о своихъ интересахъ (которыми я пренебрегъ и теперь старался исправить это), я удвоилъ собственную холодность, точно желая этимъ дать урокъ дѣвушкѣ. Чѣмъ болѣе она шла впередъ, тѣмъ болѣе я отступалъ; чѣмъ болѣе она обнаруживала близость нашихъ отношеній, тѣмъ я становился болѣе утонченно вѣжливымъ, пока, наконецъ, даже отецъ ея (если бы онъ не былъ такъ поглощенъ ѣдой) могъ бы замѣтить это противорѣчіе. Тогда она вдругъ совершенно измѣнилась, и я съ облегченіемъ подумалъ, что она, наконецъ, поняла мой намекъ.

Весь день я провелъ на лекціяхъ и въ поискахъ новой квартиры, и хотя мнѣ мучительно недоставало нашей обычной прогулки, я, признаюсь, былъ счастливъ при мысли, что путь мой свободенъ, дѣвушка снова въ подобающихъ рукахъ, отецъ доволенъ или, по крайней мѣрѣ, примиренъ, а самъ я могу свободно и честно отдаться своей любви. За ужиномъ, какъ и всегда за столомъ, разговоръ поддерживалъ одинъ Джемсъ Моръ. Надо сознаться, что говорилъ онъ хорошо, если бы только можно было вѣрить ему. Но я дальше поговорю о немъ подробнѣе. Когда мы кончили ужинать, онъ всталъ, одѣлъ пальто и, глядя, какъ мнѣ показалось, на меня, замѣтилъ, что у него есть дѣла въ городѣ. Я принялъ это за намекъ, что и мнѣ слѣдуетъ уходить, и всталъ; тогда дѣвушка, которая при входѣ моемъ едва поздоровалась со мной, взглянула на меня широко раскрытыми глазами, какъ бы приказывая остаться. Я стоялъ между ними, точно рыба безъ воды, поворачиваясь отъ одного къ другому. Казалось, что оба не смотрятъ на меня; она глядѣла на полъ, онъ застегивалъ свое пальто, и это только увеличило мое смущеніе. Кажущееся равнодушіе Катріоны таило сильный гнѣвъ, ежеминутно готовый прорваться. Понявъ это, я испугался; я былъ увѣренъ, что тутъ собирается гроза, и, желая избѣгнуть ее, повернулся къ Джемсу и отдался, если можно такъ выразиться, въ его руки.

— Могу я чѣмъ-нибудь служить вамъ, м-ръ Друммондъ?—спросилъ я.

Онъ заглушилъ зѣвокъ, который мнѣ снова показался притворствомъ.

— Что же, м-ръ Давидъ,—сказалъ онъ,—если вы такъ любезно предлагаете свои услуги, то укажите мнѣ дорогу въ таверну (онъ назвалъ ее), гдѣ я надѣюсь встрѣтить стараго товарища по оружію.

Возражать было нечего, и я взялъ шляпу и плащъ, чтобы сопутствовать ему.

— Что же касается тебя,—сказалъ онъ дочери,—то тебѣ лучше всего лечь спать. Я вернусь домой поздно, а рано ложиться и рано вставать—это дѣлаетъ молодыхъ дѣвушекъ красивыми.

Съ этими словами онъ нѣжно поцѣловалъ ее и, пропустивъ меня впередъ, направился къ двери. Все случилось такъ (я

думалъ—преднамѣренно), что мнѣ было едва возможно проститься; однако, я успѣлъ замѣтить, что Катріона не глядѣла на меня, и приписалъ это страху предъ Джемсомъ Моромъ.

До таверны было довольно далеко. Онъ всю дорогу говорилъ на темы, нисколько меня не интересовавшія, а у дверей разстался со мною очень холодно. Я пошелъ на новую квартиру, гдѣ не было ни камина, чтобы согрѣться, ни другого общества, кромѣ собственныхъ мыслей. Мысли эти были довольно радостныя; мнѣ пока и въ голову не приходило, что Катріона отвернулась отъ меня. Я считалъ насъ все равно, что помолвленными и думалъ, что мы были слишкомъ близки другъ другу и говорили слишкомъ нѣжно, чтобы разойтись, въ особенности изъ-за поступковъ, которыхъ требовала самая необходимая осторожность. Болѣе всего меня заботилъ мой будущій тесть, который совсѣмъ не отвѣчалъ моимъ требованіямъ, а также предстоявшее объясненіе съ нимъ. Это послѣднее было щекотливо по нѣсколькимъ причинамъ. Во-первыхъ, при одной мысли о своей крайней молодости я краснѣлъ и былъ почти готовъ отступиться, но соображалъ, что если я безъ объясненія дамъ имъ уѣхать изъ Лейдена, то могу совсѣмъ потерять Катріону. Во-вторыхъ, надо было имѣть въ виду наше очень неправильное положеніе и довольно недостаточное удовлетвореніе, которое я далъ въ это утро Джемсу Мору. Въ общемъ я рѣшилъ, что отсрочка ничему не помѣшаетъ, но отсрочивать, однако, не слѣдуетъ слишкомъ долго, и съ переполненнымъ сердцемъ легъ въ свою холодную постель.

Такъ какъ на слѣдующій день Джемсъ Моръ сталъ жаловаться на мою комнату, то я предложилъ ему купить еще мебели. Придя на квартиру днемъ въ сопровожденіи носильщиковъ со стульями и столами, я засталъ дѣвушку снова одну. При входѣ моемъ она вѣжливо поздоровалась со мной, но сейчасъ же ушла въ свою комнату, заперевъ за собою дверь. Я отдалъ нужныя распоряженія, заплатилъ и отправилъ носильщиковъ, стараясь, чтобы она слышала, какъ они уходятъ, и предполагая, что она сейчасъ же выйдетъ поговорить со мной. Я нѣкоторое время подождалъ, потомъ постучалъ въ дверь.

— Катріона!—позвалъ я.

Дверь отворилась такъ быстро, прежде чѣмъ я успѣлъ вы-

говорить это слово, что, вѣроятно, она стояла за ней и слушала. Она такъ и осталась неподвижно въ дверяхъ; только во взглядѣ ея, который я не берусь описать, свѣтилась какая-то горькая тревога.

— Неужели мы и сегодня не пойдемъ гулять?—произнесъ я, запинаясь.

— Благодарю васъ,—отвѣчала она,—мнѣ не особенно хочется гулять теперь, когда вернулся мой отецъ.

— Но мнѣ кажется, что онъ ушелъ и оставилъ васъ одну,— сказалъ я.

— Не кажется ли вамъ также, что любезно говорить мнѣ это?—спросила она.

— Я не хотѣлъ огорчить васъ,—отвѣчалъ я.—Что съ вами, Катріона? Что я вамъ сдѣлалъ? Зачѣмъ вы такъ отвертываетесь отъ меня?

— Я вовсе не отворачиваюсь отъ васъ,—отвѣчала она осторожно.—Я всегда буду благодарна другу, который былъ такъ добръ ко мнѣ; я всегда во всемъ, что въ моей власти, буду вашимъ другомъ. Но теперь, когда вернулся отецъ мой, Джемсъ Моръ, многое должно измѣниться; мнѣ кажется, что были произнесены и сдѣланы вещи, которыя лучше бы забыть. Но я всегда останусь вашимъ другомъ во всемъ, что могу, и если это не то что... не настолько какъ... Вамъ это, вѣроятно, все равно! Но я не хотѣла бы, чтобы вы слишкомъ дурно думали обо мнѣ. Вы сказали правду: я еще слишкомъ молода, чтобы поступать обдуманно... Надѣюсь, вы будете помнить, что я почти ребенокъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ не хотѣлось бы потерять вашу дружбу.

Въ началѣ этой тирады она была очень блѣдна; но еще до окончанія кровь прилила ей къ лицу, такъ что не только слова ея, но и лицо, и дрожаніе рукъ убѣждали меня быть кроткимъ. Я въ первый разъ увидѣлъ, какъ былъ неправъ, поставивъ ребенка въ такое положеніе. Она отдалась минутной слабости, а теперь стояла предо мной пристыженная.

— Миссъ Друммондъ,—сказалъ я и, запнувшись, повторилъ эти слова,—мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы видѣли мое сердце!— воскликнулъ я.—Вы бы прочли въ немъ, что уваженіе мое къ вамъ не уменьшилось; я сказалъ бы даже, что оно увеличилось, если бы это было возможно. То, что было—только результатъ нашей ошибки; оно должно было случиться, и чѣмъ меньше мы

будемъ говорить объ этомъ, тѣмъ лучше. Обѣщаю вамъ, что никогда больше не буду упоминать объ этомъ; хотѣлось бы мнѣ обѣщать также, что не буду и думать, но не могу: воспоминаніе это всегда останется дорогимъ для меня. А другъ я вамъ такой, что готовъ умереть за васъ.

— Благодарю,—сказала она.

Мы нѣкоторое время стояли молча, но печаль о себѣ самомъ начала понемногу брать верхъ въ моемъ сердцѣ: всѣ мои мечты приходили къ грустному концу, любовь моя оказывалась напрасной, и самъ я, какъ прежде, оставался одинокимъ на свѣтѣ.

— Да,—сказалъ я,—мы всегда останемся друзьями, это вѣрно. Но мы теперь прощаемся, прощаемся со всѣмъ, что было. Я всегда буду знать миссъ Друммондъ, но я прощаюсь съ моей Катріоной.

Я взглянулъ на нее. Не могу сказать, видѣлъ ли я ее, но мнѣ казалось, что она растетъ и проясняется въ моихъ глазахъ. Тутъ я, должно быть, потерялъ голову, потому что я снова назвалъ ее по имени и сдѣлалъ шагъ впередъ, протягивая къ ней руки.

Она отскочила съ пылающимъ лицомъ, точно будто я ударилъ ее; но не успѣла кровь броситься ей въ лицо, какъ у меня, при видѣ ея, она прилила къ сердцу отъ раскаянія и досады. Я не находилъ словъ для извиненія, но глубоко поклонился ей и, со смертью въ груди, вышелъ изъ дома.

Прошло, должно быть, дней пять безо всякой перемѣны. Я почти не видѣлъ ее иначе, какъ за столомъ, и, разумѣется, въ обществѣ Джемса Мора. Когда мы хоть на минуту оставались одни, я считалъ своей обязанностью вести себя какъ можно сдержаннѣе и усиливать свое почтительное вниманіе, имѣя постоянно передъ глазами сцену, когда дѣвушка отскакивала, горя румянцемъ, и чувствуя къ ней въ душѣ такую жалость, какой не описать словами. Нечего говорить, что мнѣ и за себя также было чрезвычайно грустно, за то, что я въ нѣсколько секундъ упалъ такъ низко. Но, право же, я былъ огорченъ также и за дѣвушку, настолько, что даже не могъ сердиться на ея порывы и сдержанность. У нея было хорошее извиненіе: она была еще ребенкомъ, была поставлена въ ложное положеніе, и если обманула какъ себя, такъ и меня, то этого вѣдь и слѣдовало ожидать.

Катріона теперь очень часто бывала одна. Когда отецъ ея сидѣлъ дома, онъ былъ съ нею довольно нѣженъ. Но онъ очень

часто уходилъ по дѣламъ и ради удовольствія, покидая ее безъ объясненія или предлога, проводилъ ночи въ тавернѣ, если у него были деньги, а это случалось чаще, чѣмъ я могъ ожидать. Разъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней онъ даже не явился къ столу, и намъ съ Катріоной пришлось, наконецъ, приняться за ѣду безъ него. Это былъ ужинъ, по окончаніи котораго я немедленно ушелъ, сказавъ, что, вѣроятно, она предпочитаетъ остаться одна; она съ этимъ согласилась, и, странно сказать, я повѣрилъ ей. Я дѣйствительно думалъ, что ей непріятно видѣть меня, такъ какъ я напоминалъ ей минуту слабости, о которой ей совѣстно было думать. Ей приходилось оставаться одной въ комнатѣ, гдѣ намъ бывало такъ весело вмѣстѣ, при свѣтѣ камина, видавшаго столько тяжелыхъ и нѣжныхъ минутъ. Она должна была сидѣть одна и думать о себѣ, какъ о дѣвушкѣ, которая совершенно неженственно высказала свои чувства и которую отвергли. А въ то же время я сидѣлъ одинъ въ другомъ мѣстѣ и читалъ себѣ проповѣди о мужской слабости и женской деликатности. И я думаю, что никогда двое безумцевъ не были болѣе несчастны вслѣдствіе большого недоразумѣнія.

Что же касается Джемса, то онъ не обращалъ вниманія ни на насъ, ни на что въ мірѣ, кромѣ своего кармана да желудка, да собственнаго хвастовства. Не успѣло пройти и двѣнадцати часовъ съ его пріѣзда, какъ онъ уже сдѣлалъ у меня маленькій заемъ; черезъ тридцать онъ попросилъ второй и получилъ отказъ. Какъ деньги, такъ и отказы онъ принималъ съ одинаковымъ добродушіемъ. У него дѣйствительно была какая-то внѣшняя величественность, которая могла дѣйствовать на его дочь. Видъ, подъ которымъ онъ обыкновенно выставлялъ себя въ разговорѣ, его изящная наружность и широкія привычки, все это очень гармонировало между собой. Человѣкъ, который не имѣлъ съ нимъ дѣла и былъ или очень непроницателенъ, или сильно предубѣжденъ, могъ легко обмануться. Для меня же послѣ двухъ первыхъ встрѣчъ онъ былъ ясенъ, какъ день; я видѣлъ, что онъ совершенный эгоистъ, наивный въ своемъ эгоизмѣ. Я слушалъ его хвастливый разговоръ объ оружіи и «старомъ солдатѣ», и «бѣдномъ гайлэндскомъ джентльмэнѣ», и о «силѣ моей страны и друзей», точно то была болтовня попугая.

Удивительно, что онъ, кажется, иногда вѣрилъ части своихъ разсказовъ; онъ былъ такимъ лживымъ, что, какъ кажется,

едва ли самъ зналъ, когда лгалъ; напримѣръ, минуты унынія были у него совершенно искренни. Временами онъ бывалъ самымъ молчаливымъ, любящимъ, нѣжнымъ созданіемъ въ мірѣ, держалъ, точно большой ребенокъ, руку Катріоны въ своихъ рукахъ, прося меня не покидать его, если я хоть немного его люблю. Его, положимъ, я не любилъ, но зато любилъ его дочь. Онъ настойчиво умолялъ насъ развлекать его разговоромъ, что при нашихъ отношеніяхъ было очень трудно, и затѣмъ снова принимался за горькія сожалѣнія о родной странѣ и друзьяхъ, а также за гэльскія пѣсни.

— Это одна изъ меланхоличныхъ пѣсенъ моей родины,— говаривалъ онъ.—Вы удивляетесь, что видите солдата плачущимъ? Это доказываетъ только, что я считаю васъ близкимъ другомъ. Мотивъ этой пѣсни въ моей крови, а слова идутъ изъ сердца. Когда я вспоминаю свои красныя горы и крики дикихъ птицъ, и быстрые потоки, стекающіе съ холмовъ, я не постыдился бы плакать и передъ врагами.—Затѣмъ онъ снова пѣлъ и переводилъ мнѣ текстъ пѣсенъ, съ большими остановками и выраженіями досады, на англійскій языкъ.—Здѣсь говорится,— разсказывалъ онъ,—что солнце зашло, сраженіе кончено, и храбрые начальники потерпѣли пораженіе. И еще говорится, что звѣзды видятъ, какъ они убѣгаютъ въ чужія страны или лежатъ мертвые на красныхъ горахъ; никогда больше не издадутъ они военнаго клича и не омоютъ ногъ въ ручьяхъ долины. Если бы вы хоть немного знали этотъ языкъ, то сами плакали бы, такъ выразительны его слова; передавать ихъ по-англійски похоже на насмѣшку.

Я находилъ, что во всемъ этомъ была нѣкоторая насмѣшка, но, между тѣмъ, было и настоящее чувство; и за это я, кажется, больше всего ненавидѣлъ Джемса Мора. Меня задѣвало за живое, когда я видѣлъ, какъ Катріона заботится о старомъ негодяѣ и плачетъ сама при видѣ его слезъ; между тѣмъ, я былъ увѣренъ, что половина его печали происходила отъ неумѣренной выпивки наканунѣ въ тавернѣ. Бывали минуты, когда мнѣ хотѣлось дать ему взаймы крупную сумму съ тѣмъ, чтобы больше не видѣть его. Но въ такомъ случаѣ я не увидѣлъ бы также и Катріоны, а это было не то же самое; и, кромѣ того, совѣсть не разрѣшала мнѣ бросать деньги на человѣка, который былъ такимъ плохимъ отцомъ семейства.

XXVII. Двое.

Прошло, должно быть, дня четыре; помню, что Джемсъ находился въ одномъ изъ своихъ мрачныхъ настроенiй, когда я получилъ три письма. Первое было отъ Алана—онъ предлагалъ навѣстить меня въ Лейденѣ. Остальныя два были изъ Шотландiи и по одному и тому же дѣлу, а именно извѣщали о смерти моего дяди и окончательномъ вступленiи моемъ въ права наслѣдства. Письмо Ранкэйлора было, разумѣется, написано въ дѣловомъ тонѣ; письмо же миссъ Грантъ, похожее на нее самое, было болѣе остроумно, чѣмъ разсудительно, полно упрековъ за то, что я не писалъ ей,—хотя какъ я могъ писать ей при настоящихъ отношенiяхъ?—и шутливыхъ замѣчанiй относительно Катрiоны, которыя мнѣ было тяжело читать въ ея присутствiи.

Я получилъ эти письма, разумѣется, у себя на квартирѣ, когда пришелъ къ обѣду, такъ что о моихъ новостяхъ узнали сейчасъ же, какъ только я прочелъ ихъ. Это послужило намъ всѣмъ троимъ желаннымъ развлеченiемъ, и никто изъ насъ не могъ предвидѣть дурныхъ послѣдствiй этого разговора. Случай привелъ всѣ три письма въ одинъ и тотъ же день, и онъ же отдалъ ихъ въ мои руки въ той же комнатѣ, гдѣ былъ Джемсъ Моръ. Всѣ происшествiя, вытекшiя отсюда, которыя я могъ бы предупредить, если бы держалъ языкъ за зубами, были, несомнѣнно, предопредѣлены еще прежде, чѣмъ Агрикола пришелъ въ Шотландiю, или Авраамъ отправился въ странствiя.

Первымъ я, разумѣется, распечаталъ письмо Алана; и что было естественнѣе, какъ сообщить о его намѣренiи навѣстить меня? Но я замѣтилъ, что Джемсъ выпрямился немедленно съ большимъ вниманiемъ.

— Это тотъ Аланъ Брекъ, котораго подозрѣваютъ въ аппинскомъ происшествiи?—спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что это тотъ самый; и онъ нѣкоторое время мѣшалъ мнѣ прочесть остальныя письма, разспрашивая о нашемъ знакомствѣ, объ образѣ жизни Алана во Францiи, о которомъ я самъ очень мало зналъ, и о его предполагаемомъ визитѣ ко мнѣ.

— Всѣ мы, изгнанники, стараемся держаться одинъ другого,—объяснялъ онъ.—Я, кромѣ того, знаю этого джентльмэна, и хотя его происхожденiе и не совсѣмъ чисто, и онъ собственно

не имѣетъ права на имя Стюарта, но имъ очень восхищались во время битвы при Друммоси. Онъ велъ себя настоящимъ солдатомъ; если бы другіе, которыхъ я не хочу называть, вели себя также, то дѣло это не оставило бы такихъ грустныхъ воспоминаній. Мы оба въ тотъ день сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ, и это служитъ связью между нами,—сказалъ онъ.

Я едва могъ удержаться отъ желанія показать ему языкъ и почти желалъ, чтобы Аланъ былъ тутъ и заставилъ его яснѣе высказаться о его происхожденіи, хотя, какъ мнѣ говорили потомъ, послѣднее дѣйствительно было не совсѣмъ правильно.

Между тѣмъ, я открылъ письмо миссъ Грантъ и не могъ удержать восклицанія.

— Катріона,—воскликнулъ я, въ первый разъ послѣ пріѣзда ея отца забывая церемонно обратиться къ ней,—я теперь настоящимъ образомъ вступилъ во владѣніе, я дѣйствительно лэрдъ Шооса; мой дядя, наконецъ, умеръ!

Она, ударивъ въ ладоши, вскочила со стула. Въ слѣдующую же минуту мы оба сразу поняли, какъ мало радостнаго было для насъ въ этомъ извѣстіи, и стояли, грустно глядя другъ на друга.

Но Джемсъ сейчасъ же показалъ свое лицемѣріе.

— Дочь моя,—сказалъ онъ,—развѣ ваша кузина учила васъ такъ вести себя? У м-ра Давида умеръ близкій родственникъ, и намъ прежде всего слѣдуетъ выразить сочувствіе его горю.

— Увѣряю васъ, сэръ,—сказалъ я, сердито оборачиваясь къ нему,—я не могу такъ притворяться. Смерть его для меня самое пріятное извѣстіе, какое я когда-либо получалъ.

— Вотъ здравая философія солдата!—отвѣчалъ Джемсъ.— Это общій удѣлъ смертныхъ, всѣ мы должны умереть, всѣ. А если этотъ джентльмэнъ такъ мало пользовался вашимъ расположеніемъ, то что же? Прекрасно! Мы, по крайней мѣрѣ, должны поздравить васъ со вступленіемъ во владѣніе помѣстьемъ.

— Я и съ этимъ не могу согласиться,—возразилъ я съ прежнимъ жаромъ.—Положимъ, это хорошее помѣстье; но не все ли равно для одинокаго человѣка, у котораго и безъ того довольно? При моей бережливости мнѣ было достаточно и прежняго дохода; и если бы не смерть этого человѣка—которая, со стыдомъ сознаюсь, очень радуетъ меня,—я не сумѣлъ бы сказать, кому будетъ лучше отъ этой перемѣны.

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—вы болѣе взволнованы, чѣмъ

желаете показать, иначе вы не стали бы считать себя такимъ одинокимъ. Вотъ три письма: это значитъ, что есть трое желающихъ вамъ добра; я могъ бы назвать еще двоихъ, находящихся здѣсь, въ этой комнатѣ. Я знаю васъ не особенно давно, но Катріона, когда мы остаемся одни, не перестаетъ восхвалять васъ.

При этихъ словахъ она взглянула на него немного удивленно, и онъ сразу перемѣнилъ тему, заговоривъ о величинѣ моего помѣстья, и съ большимъ интересомъ продолжалъ этотъ разговоръ въ теченіе всего почти обѣда. Но напрасно онъ старался притворяться; онъ слишкомъ грубо коснулся этого вопроса, и я зналъ, чего мнѣ ожидать. Едва мы успѣли пообѣдать, какъ онъ сразу открылъ свои планы. Онъ напомнилъ Катріонѣ о какомъ-то порученіи и послалъ ее исполнить его.

— Тебѣ не слѣдуетъ опаздывать,—прибавилъ онъ,—а нашъ другъ Давидъ останется со мною до твоего возвращенія.

Она безмолвно поспѣшила повиноваться ему. Не знаю, понимала ли она, въ чемъ дѣло; я думаю, что нѣтъ. Я же былъ очень доволенъ и приготовлялся къ тому, что должно было послѣдовать.

Не успѣла за ней закрыться дверь, какъ Джемсъ Моръ откинулся на спинку стула съ хорошо разыгранной развязностью. Его выдавало только лицо; оно вдругъ покрылось мелкими капельками пота.

— Я радъ, что могу переговорить съ вами наединѣ,—сказалъ онъ.—Такъ какъ при нашемъ первомъ свиданіи вы не поняли нѣкоторыхъ моихъ выраженій, я давно хотѣлъ объясниться съ вами. Дочь моя стоитъ выше подозрѣній, вы тоже, я готовъ подтвердить это съ оружіемъ въ рукахъ противъ всѣхъ клеветниковъ. Но, милѣйшій Давидъ, свѣтъ очень строго ко всему относится—кому же знать это, какъ не мнѣ, съ самой смерти моего покойнаго отца (упокой его, Господи!), жившему подъ постоянными щелчками клеветы? Намъ надо помнить объ этомъ, надо обоимъ принять это въ соображеніе.—И онъ потрясъ головой, точно проповѣдникъ на каѳедрѣ.

— Для чего, м-ръ Друммондъ?—спросилъ я.—Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, еслибъ вы приблизились къ сущности.

— Да, да,—смѣясь, сказалъ онъ,—это похоже на васъ! Это мнѣ больше всего въ васъ нравится. Но, мой милый, сущность иногда очень щекотливо высказать.—Онъ налилъ въ стаканъ

вина.—Но мы съ вами такіе близкіе друзья, что это не должно бы особенно затруднять насъ. Мнѣ едва ли надо говорить, что суть въ моей дочери. Я первымъ дѣломъ долженъ заявить, что и не думаю упрекать васъ. Какъ иначе могли вы поступить при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ? Право, я самъ не могу сказать.

— Благодарю васъ, — сказалъ я, приготовившись быть насторожѣ.

— Я, кромѣ того, изучилъ васъ,—продолжалъ онъ.—У васъ хорошія способности; вы обладаете небольшимъ состояніемъ, что не мѣшаетъ дѣлу. Сообразивъ все, я радъ объявить вамъ, что изъ двухъ открытыхъ намъ выходовъ я рѣшился на второй.

— Боюсь, что я очень недогадливъ,—сказалъ я.—Но какіе это выходы?

Онъ сильно нахмурилъ брови и расправилъ ноги.

— Я думаю, сэръ,—отвѣчалъ онъ,—что мнѣ нѣтъ надобности называть ихъ джентльмэну съ вашимъ положеніемъ. Я или долженъ драться съ вами, или вы женитесь на моей дочери.

— Вамъ, наконецъ, угодно было выразиться ясно,—замѣтилъ я.

— Мнѣ кажется, я съ самаго начала выражался ясно!—яростно воскликнулъ онъ.—Я заботливый отецъ, м-ръ Бальфуръ, но, благодаря Бога, терпѣливый и разсудительный человѣкъ. Многіе отцы, сэръ, сразу же потащили бы васъ или подъ вѣнецъ, или на поединокъ. Мое уваженіе къ вамъ...

— М-ръ Друммондъ,—прервалъ я,—если вы питаете ко мнѣ хотя какое-либо уваженіе, то прошу васъ, умѣрьте свой голосъ. Нѣтъ никакой надобности орать на человѣка, который находится въ той же комнатѣ и слушаетъ васъ съ большимъ вниманіемъ.

— Совершенно вѣрно,—замѣтилъ онъ внезапно измѣнившимся голосомъ.—Простите, пожалуйста, волненіе отца.

— Итакъ, я понимаю,—продолжалъ я,—(я не стану обращать вниманія на второй выходъ, о которомъ вы совершенно напрасно упоминали),—я понимаю изъ вашихъ словъ, что могу ждать поощренія, въ случаѣ если захочу просить руки вашей дочери?

— Вы прекрасно выразили мою мысль,—сказалъ онъ,—я вижу, что мы отлично поладимъ.

— Это еще увидимъ,—отвѣчалъ я.—Я, однако, не скрываю, что питаю къ лэди, о которой вы упоминаете, самую нѣжную привязанность, и что даже во снѣ мнѣ не снилось большее счастье, чѣмъ получить ея руку.

— Я зналъ это, я былъ увѣренъ въ васъ, Давидъ!—воскликнулъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Я отстранилъ ее.

— Вы слишкомъ торопитесь, м-ръ Друммондъ,—сказалъ я.—Надо выяснить еще нѣкоторыя условія; здѣсь есть одно препятствіе—не знаю, какъ намъ удастся устранить его. Я уже говорилъ вамъ, что съ своей стороны ничего не имѣю противъ этой женитьбы, но имѣю основаніе предполагать, что молодая лэди найдетъ много возраженій.

— На это нечего обращать вниманіе,—сказалъ онъ.—Я ручаюсь за ея согласіе.

— Вы, кажется, забываете, м-ръ Друммондъ,—замѣтилъ я,—что даже въ обращеніи со мной вы употребили два-три невѣжливыхъ выраженія. Я не хочу, чтобы вы подобнымъ образомъ говорили о молодой лэди. Я долженъ говорить и думать за насъ обоихъ; примите къ свѣдѣнію, я вовсе не желаю, чтобы ее приневолили выходить за меня, такъ же какъ не хотѣлъ бы, чтобы меня принуждали жениться на ней.

Онъ сидѣлъ и глядѣлъ на меня съ сомнѣніемъ и гнѣвомъ.

— Вотъ какъ мы рѣшимъ,—заключилъ я.—Я съ радостью женюсь на миссъ Друммондъ, если она согласится добровольно. Но если она чувствуетъ хоть малѣйшее нежеланіе, чего я имѣю основаніе опасаться, я никогда не женюсь на ней.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ,—это легко сдѣлать. Какъ только она вернется, я немного разспрошу ее и надѣюсь успокоить васъ...

Но я снова прервалъ его.

— Прошу васъ совсѣмъ не вмѣшиваться, м-ръ Друммондъ, или я отказываюсь, и вы можете въ другомъ мѣстѣ искать жениха для вашей дочери,—сказалъ я.—Я буду дѣйствовать одинъ и судить предоставьте мнѣ. Я самъ разузнаю все подробно; никто другой не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло и менѣе всего вы.

— Честное слово, сэръ, — воскликнулъ онъ, — по какому праву вы будете судьей?

— По праву жениха, какъ мнѣ кажется—отвѣтилъ я.

— Это придирки!—воскликнулъ онъ.—Вы уклоняетесь отъ фактовъ. Дочери моей не остается выбора. Репутація ея потеряна.

— Прошу прощенія,—сказалъ я,—но пока это дѣло извѣстно только вамъ и мнѣ, то ничего не потеряно.

— Кто мнѣ поручится за это!—воскликнулъ онъ.—Развѣ я могу допустить, чтобы репутація моей дочери зависѣла отъ случая?

— Вамъ слѣдовало гораздо раньше подумать объ этомъ,—отвѣчалъ я,—прежде чѣмъ вы такъ неосторожно бросили ее, а не послѣ, когда уже слишкомъ поздно. Я отказываюсь считать себя отвѣтственнымъ за вашу небрежность и никому не дамъ запугать себя. Мое рѣшеніе твердо, и что бы ни случилось, я ни на волосъ не отступлю отъ него. Мы останемся здѣсь вдвоемъ до ея возвращенія; потомъ, безъ слова или взгляда съ вашей стороны она и я уйдемъ переговорить. Если она скажетъ, что согласна на этотъ шагъ, я сдѣлаю его; если же нѣтъ, то не сдѣлаю.

Онъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный.

— Я понимаю вашу хитрость,—воскликнулъ онъ,—вы будете стараться, чтобы она отказала!

— Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ,—сказалъ я.—Во всякомъ случаѣ, таково мое рѣшеніе.

— А если я не соглашусь?—воскликнулъ онъ.

— Тогда, м-ръ Друммондъ, придется прибѣгнуть къ поединку,—отвѣчалъ я.

При ростѣ этого человѣка, длинѣ его рукъ, которыми онъ почти равнялся со своимъ отцомъ, и его извѣстномъ умѣніи фехтовать, не говоря уже о томъ обстоятельствѣ, что онъ былъ отцомъ Катріоны, я не безъ страха произнесъ эти слова. Но я напрасно тревожился. Изъ бѣдности моей квартиры—онъ, кажется, не обратилъ вниманія на платья дочери, которыя, впрочемъ, всѣ были новы для него,—а также изъ моего нежеланія давать ему взаймы онъ заключилъ, что я очень бѣденъ. Неожиданное извѣстіе о моемъ помѣстьи открыло ему его заблужденіе, и онъ сразу набросился на свой новый планъ, которому отдался до такой степени, что я думаю, согласился бы на что угодно, только бы не сражаться со мной.

Онъ еще нѣкоторое время продолжалъ спорить, пока я не сказалъ фразы, которая заставила его замолчать.

— Если вы такъ противитесь моему свиданію наединѣ съ молодой лэди,—сказалъ я,—то, вѣроятно, у васъ есть причины думать, что я правъ, говоря о ея несогласіи.

Онъ пробормоталъ какое-то извиненіе.

— Все это чрезвычайно раздражаетъ обоихъ насъ,—прибавилъ я,—и мнѣ кажется, намъ было бы лучше благоразумно помолчать.

Мы такъ и сдѣлали, и молчали до самаго прихода дѣвушки. Если бы кто-нибудь видѣлъ насъ, то нашелъ бы, я думаю, что мы представляемъ очень смѣшную группу.

XXVIII. Я остаюсь одинъ.

Я отворилъ Катріонѣ дверь и остановилъ ее на порогѣ.

— Вашъ отецъ желаетъ, чтобы мы пошли погулять,—сказалъ я.

Она взглянула на Джемса Мора, который кивнулъ головой, и, какъ выдрессированный солдатъ, повернулась и пошла со мной.

Мы шли по одной изъ нашихъ прежнихъ любимыхъ дорогъ, гдѣ часто ходили вмѣстѣ и гдѣ были такъ счастливы, что и сказать нельзя. Я шелъ немного позади и могъ, незамѣченный, наблюдать за ней. Стукъ ея маленькихъ башмаковъ по дорогѣ звучалъ необыкновенно мило и грустно. Мнѣ казалось страннымъ, что я теперь нахожусь такъ близко къ двумъ исходамъ, стою между двумя судьбами и не знаю, слышу ли я эти шаги въ послѣдній разъ, или звукъ ихъ будетъ сопровождать меня, пока насъ не разлучитъ смерть.

Она избѣгала даже глядѣть на меня и также шла все впередъ, точно догадываясь о томъ, что готовится. Я понималъ, что долженъ говорить скорѣе, пока еще не лишился храбрости, но не зналъ, какъ начать. Въ этомъ тяжеломъ положеніи, когда дѣвушку почти насильно навязывали мнѣ послѣ того, какъ она уже умоляла о снисхожденіи, излишняя настойчивость была бы неприличной; а между тѣмъ, не настаивать совсѣмъ доказывало бы холодность. Я безпомощно стоялъ между этими двумя крайностями, и когда, наконецъ, рѣшился заговорить, то заговорилъ совсѣмъ наудачу.

— Катріона,—сказалъ я,—я нахожусь въ очень тяжеломъ

положеніи... нѣтъ, скорѣе оба мы; я былъ бы очень благодаренъ вамъ, если бы вы обѣщали дать мнѣ сперва высказать все и не прерывать меня до конца.

Она просто обѣщала мнѣ это.

— То, что я долженъ сказать вамъ,—продолжалъ я,—очень затруднительно, и я знаю отлично, что не имѣю никакого права говорить вамъ это послѣ того, что произошло между нами въ прошлую пятницу. Мы такъ запутались, и все по моей винѣ... Я отлично знаю, что мнѣ слѣдовало бы держать языкъ за зубами; это я и намѣренъ былъ сдѣлать и не имѣлъ и въ мысляхъ снова тревожить васъ. Но теперь говорить стало необходимымъ, ничего не подѣлаешь! Видите ли, тутъ явилось это мое помѣстье, которое дѣлаетъ меня хорошей партіей; и дѣло теперь выглядитъ уже не такъ глупо, какъ выглядѣло бы прежде. Я лично нахожу, что отношенія наши настолько запутаны, что, какъ я говорилъ, ихъ лучше бы оставить такъ, какъ они есть. По моему, все это чрезвычайно преувеличено, и я, на вашемъ мѣстѣ, не сталъ бы затрудняться выборомъ. Но я долженъ былъ упомянуть о помѣстьи, потому что оно несомнѣнно повліяло на Джемса Мора. Затѣмъ я нахожу, что мы вовсе уже не были такъ несчастны, когда жили здѣсь вмѣстѣ. Мнѣ даже кажется, что мы отлично ладили. Если вы только взгляните назадъ, дорогая...

— Я не стану смотрѣть ни назадъ, ни впередъ,—прервала она.—Скажите мнѣ только одно: это все устроилъ мой отецъ?

— Онъ одобряетъ это, — сказалъ я, — онъ одобряетъ мое намѣреніе просить вашей руки.

Я продолжалъ говорить, стараясь подѣйствовать на ея чувства, но она не слушала меня и прервала на серединѣ:

— Это онъ уговорилъ васъ! — воскликнула она. — Нечего отрицать, вы сами признались, что ничего не было дальше отъ вашихъ мыслей. Онъ сказалъ вамъ, чтобъ вы женились на мнѣ!..

— Онъ первый заговорилъ объ этомъ, если вамъ угодно знать,—началъ я.

Она шла все скорѣе, все время глядя прямо предъ собой; но при послѣднихъ словахъ она затрясла головой, и мнѣ показалось, что она хочетъ бѣжать.

— Иначе,—продолжалъ я,—послѣ вашихъ словъ въ прошлую пятницу я никогда бы не рѣшился тревожить васъ предло-

женіемъ. Но когда онъ почти что велѣлъ мнѣ, то что мнѣ оставалось дѣлать?

Она остановилась и повернулась ко мнѣ.

— Во всякомъ случаѣ я отказываю,—воскликнула она,—и дѣлу конецъ!

И она снова пошла впередъ.

— Думаю, что я не могъ ожидать ничего лучшаго,—сказалъ я,—но вы могли бы постараться быть добрѣе напослѣдокъ. Не понимаю, почему вы такъ рѣзки. Я очень любилъ васъ, Катріона... Ничего, вѣдь я называю васъ такъ въ послѣдній разъ. Я поступалъ, какъ только могъ лучше, я стараюсь и теперь поступать также и жалѣю, что не могу сдѣлать ничего большаго. Мнѣ кажется страннымъ, что вамъ нравится быть жестокой ко мнѣ.

— Я думаю не о васъ,—сказала она,—я думаю объ этомъ человѣкѣ, отцѣ моемъ.

— Въ этомъ тоже я могу быть полезенъ вамъ,—сказалъ я,—и буду полезенъ! Необходимо намъ вдвоемъ посовѣтоваться насчетъ вашего отца. Джемсъ Моръ очень разсердится, когда узнаетъ о результатахъ нашего разговора.

Она снова остановилась.

— Потому что я обезчещена?—спросила она.

— Такъ онъ думаетъ,—возразилъ я,—но я уже просилъ васъ не обращать на это вниманія.

— Мнѣ все равно,—воскликнула она,—я предпочитаю быть обезчещенной!

Я не зналъ, что отвѣчать и стоялъ молча.

Казалось, что что-то накипало въ ея груди послѣ этого послѣдняго восклицанія, и вдругъ она закричала:

— Что же все это значитъ? Отчего весь этотъ позоръ, разразившійся надо мной? Какъ вы смѣли сдѣлать это, Давидъ Бальфуръ?

— Что же мнѣ было дѣлать, милая моя?—сказалъ я.

— Я не ваша милая,—возразила она,—и запрещаю вамъ произносить подобныя слова.

— Я не думаю о словахъ,—отвѣчалъ я.—У меня сердце болитъ за васъ, миссъ Друммондъ. Что бы я ни говорилъ, будьте увѣрены, что ваше тяжелое положеніе возбуждаетъ мое состраданіе. Но я просилъ бы васъ не упускать изъ виду одну вещь,

которую слѣдовало бы обсудить спокойно; когда мы вернемся домой, будетъ столкновеніе. Повѣрьте моему слову, понадобимся мы оба, чтобы мирно покончить это дѣло.

— А!—сказала она. На щекахъ ея выступили красныя пятна.—Онъ хотѣлъ драться съ вами?—спросила она.

— Да,—отвѣчалъ я.

Она засмѣялась ужаснымъ смѣхомъ.

— Только этого не доставало, во всякомъ случаѣ! — воскликнула она. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, продолжала:—Я и отецъ составляемъ прекрасную парочку, но, благодаря Богу, есть на свѣтѣ человѣкъ еще худшій, чѣмъ мы. Благодарю Бога, что онъ показалъ мнѣ васъ въ такомъ видѣ! Нѣтъ на свѣтѣ дѣвушки, которая не стала бы презирать васъ.

Я довольно терпѣливо переносилъ многое, но это было уже слишкомъ.

— Вы не имѣете права говорить такъ со мной,—сказалъ я.— Развѣ я не былъ добръ къ вамъ или не старался быть имъ? И вотъ вознагражденіе! Нѣтъ, это слишкомъ.

Она продолжала глядѣть на меня съ улыбкой ненависти.

— Трусъ!—сказала она.

— Ни вы, ни вашъ отецъ не смѣете говорить этого слова!— закричалъ я.—Я еще сегодня сдѣлалъ ему вызовъ въ вашихъ интересахъ. Я снова вызову эту скверную лисицу; мнѣ безразлично, кто изъ насъ будетъ убитъ. Пойдемте вмѣстѣ домой; покончимъ со всѣмъ этимъ, со всѣмъ вашимъ гайлэндскимъ отродьемъ! Увидимъ, что-то вы подумаете, когда я буду убитъ.

Она покачала головой съ той же самой улыбкой, за которую я готовъ былъ побить ее.

— Смѣйтесь, смѣйтесь!—кричалъ я.—Отецъ вашъ сегодня былъ далекъ отъ улыбки. Я не хочу сказать, что онъ струсилъ,—поспѣшно прибавилъ я,—но онъ предпочиталъ другой выходъ.

— О чемъ вы говорите?—спросила она.

— Что я предложилъ ему драться со мной,—отвѣчалъ я.

— Вы предложили Джемсу Мору драться съ вами?—воскликнула она.

— Да,—сказалъ я,—и онъ не пожелалъ этого, иначе мы не были бы здѣсь.

— Вы на что-то намекаете,—замѣтила она.—Что вы хотите сказать?

— Онъ хотѣлъ, чтобы я взялъ васъ,—отвѣчалъ я,—а я не хотѣлъ. Я сказалъ, что вы должны быть свободны и что я переговорю съ вами наединѣ; я не предполагалъ, что это будетъ подобный разговоръ! «А что, если я откажу?», спросилъ онъ. «Тогда придется прибѣгнуть къ поединку, — сказалъ я. — Я также мало хочу, чтобы меня навязали молодой лэди, какъ не желалъ бы, чтобы мнѣ навязали невѣсту». Вотъ мои слова: это были слова друга; и хорошо же вы отплатили мнѣ за нихъ! Теперь вы отказали мнѣ по собственной свободной волѣ и никакой отецъ въ Гайлэндѣ или въ другомъ мѣстѣ не можетъ приневолить меня къ этому браку. Я позабочусь, чтобы ваше желаніе было исполнено; я буду дѣлать то же, что дѣлалъ до сихъ поръ. Но мнѣ кажется, что вы, хотя бы изъ приличія могли показать мнѣ хоть нѣкоторую благодарность. Я думалъ, право, что вы лучше знаете меня! Я не совсѣмъ хорошо поступилъ съ вами, но то была минутная слабость. Но считать меня за труса,—и за такого труса!—о, милая моя, это было для меня большимъ ударомъ!

— Развѣ я могла знать, Дэви?—воскликнула она.—О, это ужасно! Я и мои родственники,—при этомъ словѣ она отчаянно вскрикнула, — я и мои родственники недостойны говорить съ вами! О, я готова на улицѣ стать передъ вами на колѣни и цѣловать ваши руки, прося прощеніе.

— Я сохраню тѣ поцѣлуи, которые уже получилъ отъ васъ!—воскликнулъ я.—Поцѣлуи, которые я хотѣлъ получить и которые имѣли нѣкоторую цѣну; я не желаю, чтобы меня цѣловали изъ раскаянія.

— Что вы можете думать о такой дурной дѣвушкѣ?—спросила она.

— Да я все время говорю вамъ объ этомъ!—сказалъ я.— Вамъ лучше оставить меня, такъ какъ вы не могли бы сдѣлать меня болѣе несчастнымъ, чѣмъ теперь, если бы даже хотѣли, и обратить свое вниманіе на Джемса Мора, вашего отца, съ которымъ вамъ еще предстоитъ трудное объясненіе.

— О, какъ ужасно, что мнѣ приходится остаться на свѣтѣ одной съ этимъ человѣкомъ!—воскликнула она, съ большимъ усиліемъ стараясь овладѣть собой.—Но не безпокойтесь больше

объ этомъ,—сказала она.—Онъ не знаетъ моего характера. Онъ дорого заплатитъ за этотъ день, дорого, дорого заплатитъ!

Она повернулась, направляясь домой; я сопровождалъ ее. Вдругъ она остановилась.

— Я пойду одна,—сказала она.—Я должна видѣть его наединѣ.

Я нѣкоторое время въ бѣшенствѣ бродилъ по улицамъ, называя себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Злоба душила меня; хотя я глубоко дышалъ, но казалось, что въ Лейденѣ не хватаетъ для меня воздуха; мнѣ думалось, что я задохнусь, какъ человѣкъ на днѣ океана. Остановившись, я цѣлую минуту такъ громко смѣялся надъ собой на углу улицы, что прохожій оглянулся на меня; это привело меня въ себя.

«Я слишкомъ долго былъ простакомъ, бабой и тряпкой,—думалъ я.—Теперь этого больше не будетъ. Это мнѣ хорошій урокъ—не связываться больше съ проклятымъ поломъ, который погубилъ человѣка въ началѣ міра и будетъ губить его до конца. Видитъ Богъ, я былъ достаточно счастливъ, пока не видѣлъ ея; клянусь Богомъ, я могу быть снова счастливымъ, когда разстанусь съ ней».

Главное, чего я теперь желалъ, это чтобъ они уѣхали. Меня не покидала эта мысль; я съ какимъ-то злымъ чувствомъ сталъ представлять себѣ, въ какой бѣдности имъ придется жить, когда Дэви Бальфуръ перестанетъ быть ихъ дойной коровой. Вдругъ, къ моему великому удивленію, настроеніе мое совершенно измѣнилось. Я все еще сердился, все еще ненавидѣлъ ее, но считалъ себя обязаннымъ позаботиться, чтобы она не терпѣла нужды.

Это привело меня домой, гдѣ я увидѣлъ вытащенные къ двери и увязанные чемоданы, а на лицахъ отца и дочери прочелъ слѣды недавней ссоры. Катріона была похожа на деревянную куклу. Джемсъ Моръ тяжело дышалъ, лицо его было испещрено бѣлыми пятнами, и носъ какъ-то свернулся на сторону. Какъ только я вошелъ, дѣвушка взглянула на него пристальнымъ, яснымъ, угрожающимъ взглядомъ, за которымъ легко могъ послѣдовать ударъ. Этотъ намекъ былъ краснорѣчивѣе приказанія, и я удивился, что Джемсъ Моръ принялъ его. Было ясно, что его хорошенько пробрали, и что въ дѣвушкѣ было больше энергіи,

чѣмъ я предполагалъ, а въ мужчинѣ больше малодушія, чѣмъ я ожидалъ отъ него.

Онъ, наконецъ, заговорилъ, называя меня м-ръ Бальфуръ и, очевидно, повторяя чужія слова. Но не успѣлъ онъ сказать многаго, какъ при первомъ торжественномъ повышеніи голоса его прервала Катріона.

— Я объясню вамъ, что хочетъ сказать Джемсъ Моръ,— проговорила она.—Онъ хочетъ сказать, что мы пришли къ вамъ, какъ нищіе, не особенно хорошо поступили съ вами и стыдимся своей неблагодарности и дурного поведенія. Теперь мы хотимъ уѣхать и быть забытыми; но мой отецъ такъ плохо велъ свои дѣла, что мы не можемъ сдѣлать и этого, если вы опять не дадите намъ милостыни. Вотъ что мы такое—нищіе и блюдолизы.

— Съ вашего позволенія, миссъ Друммондъ,—сказалъ я,— мнѣ надо наединѣ поговорить съ вашимъ отцомъ.

Она пошла въ свою комнату и заперла дверь, безъ слова или взгляда.

— Извините ее, м-ръ Бальфуръ, — замѣтилъ Джемсъ Моръ,—у нея нѣтъ деликатности.

— Я пришелъ не для того, чтобы разсуждать съ вами объ этомъ,—отвѣчалъ я,—но чтобы расквитаться съ вами. А для этого мнѣ приходится говорить о вашемъ положеніи. М-ръ Друммондъ, я посвященъ въ ваши дѣла больше, чѣмъ вы того желали бы. Я знаю, что у васъ были свои деньги въ то время, какъ вы занимали у меня. Знаю также, что съ тѣхъ поръ, какъ вы въ Лейденѣ, вы получали еще, хотя и скрывали это даже отъ вашей дочери.

— Будьте осторожны! Я не позволю больше раздражать себя!—вспылилъ онъ.—Вы оба мнѣ надоѣли. Что за проклятая штука быть отцомъ! Она позволила себѣ относительно меня выраженія...—тутъ онъ остановился.—Сэръ, у меня сердце солдата и отца, — продолжалъ онъ снова, положивъ руку на грудь,—оскорбленное въ обоихъ этихъ качествахъ, будьте осторожны, прошу васъ.

— Если бы вы дали мнѣ кончить,—сказалъ я,—вы увидѣли бы, что я хлопочу о вашей же пользѣ.

— Дорогой другъ,—воскликнулъ онъ,—я знаю, что могу положиться на ваше великодушіе!

— Дадите ли вы мнѣ, наконецъ, высказаться? — сказалъ

я.—Дѣло въ томъ, что я ничего не выигрываю отъ того, бѣдны ли вы или богаты. Но мнѣ кажется, что ваши средства, происхожденіе которыхъ таинственно, не совсѣмъ достаточны для васъ; а я не хотѣлъ бы, чтобы ваша дочь терпѣла въ чемъ-либо недостатокъ. Если бы я могъ говорить объ этомъ съ ней, то мнѣ, конечно, и въ голову не пришло бы довѣриться вамъ, потому что я знаю, что вы любите только деньги, и всѣмъ вашимъ громкимъ словамъ не придаю никакого значенія. Но я всетаки вѣрю, что вы по своему любите свою дочь, и мнѣ приходится довольствоваться этой увѣренностью.

Затѣмъ мы согласились, что онъ будетъ извѣщать меня о своемъ мѣстопребываніи и о здоровьѣ Катріоны, взамѣнъ чего я обязался платить ему небольшое пособіе.

Онъ выслушалъ все это съ большимъ вниманіемъ и, когда я покончилъ, воскликнулъ:

— Дорогой мой, милый сынъ мой, это дѣйствительно достойно васъ! Я буду служить вамъ съ солдатской вѣрностью...

— Довольно объ этомъ!—сказалъ я.—Вы довели меня до того, что при одномъ словѣ «солдатъ» мнѣ дѣлается тошно. Наша сдѣлка окончена. Теперь я ухожу и вернусь черезъ полчаса, когда надѣюсь найти квартиру освобожденной отъ васъ.

Я далъ имъ достаточно времени на сборы, боясь больше всего еще разъ увидѣть Катріону: я чувствовалъ слезы на сердцѣ, хотя и поддерживалъ въ себѣ гнѣвъ изъ чувства достоинства. Прошло, должно быть, около часу; солнце зашло, и узкій серпъ молодого мѣсяца выплылъ на фонѣ огненно-краснаго заката; на востокѣ показались звѣзды, и когда я, наконецъ, вошелъ въ свою квартиру, въ ней уже царила темнота. Я зажегъ свѣчу и осмотрѣлъ комнаты. Въ первой не оставалось ничего, могущаго возбудить воспоминаніе объ отсутствующихъ, но во второй я въ углу на полу увидѣлъ небольшой узелъ, отъ котораго у меня чуть не выпрыгнуло сердце. Она оставила, уѣзжая, все, что когда-либо получала отъ меня! Этотъ ударъ я почувствовалъ сильнѣе всего, оттого, можетъ быть, что онъ былъ послѣднимъ. Я упалъ на эту груду платья и велъ себя настолько глупо, что мнѣ даже совѣстно говорить объ этомъ.

Уже поздно ночью, когда стало очень холодно и зубы мои начинали стучать, ко мнѣ вернулось нѣкоторое мужество, и я сталъ соображать. Я не могъ переносить вида этихъ бѣдныхъ

*

платьевъ и лентъ, рубашекъ и чулокъ со стрѣлками; я понялъ, что долженъ избавиться отъ нихъ до утра, если хочу пріобрѣсти нѣкоторую уравновѣшенность. Сперва я хотѣлъ развести огонь и сжечь ихъ; но, во-первыхъ, я всегда былъ врагомъ расточительности; во-вторыхъ, мнѣ казалось жестокостью сжечь эти вещи, которыя она носила такъ близко къ тѣлу! Въ комнатѣ былъ угловой шкапъ, и я рѣшилъ положить ихъ туда. Дѣлалъ я это чрезвычайно долго, складывая ихъ очень неумѣло, но елико возможно тщательно, и по временамъ смачивая ихъ слезами. Меня покинуло всякое мужество. Я чувствовалъ себя усталымъ, точно пробѣжалъ нѣсколько миль, и всѣ члены болѣли, какъ будто кто билъ меня. Вдругъ, складывая косынку, которую она часто носила на шеѣ, я увидѣлъ, что одинъ уголъ былъ тщательно вырѣзанъ. Эта косынка была очень красиваго цвѣта, на который я часто обращалъ вниманіе; помню, что разъ, когда она была надѣта на Катріонѣ, я въ шутку замѣтилъ, что она носитъ мои цвѣта. Въ душу мою прокрался проблескъ надежды и точно приливъ нѣжности. Но въ слѣдующую же минуту я впалъ въ новое отчаяніе—я увидѣлъ, что уголокъ этотъ, свернутый и скомканный, отдѣльно валялся на полу.

Однако, разсудивъ хорошенько, я снова почувствовалъ надежду: она вырѣзала этотъ уголъ вслѣдствіе ребяческаго, но, очевидно, нѣжнаго чувства; не было ничего удивительнаго въ томъ, что потомъ она бросила его. Но я былъ склоненъ останавливаться болѣе на первомъ, чѣмъ на второмъ, и болѣе радоваться, что ей пришла мысль оставить себѣ такой знакъ памяти, чѣмъ горевать, что она бросила его въ минуту естественной досады.

XXIX. Мы встрѣчаемся въ Дюнкирхенѣ.

Въ общемъ, я въ послѣдующіе дни, несмотря на свое несчастіе, пережилъ много счастливыхъ и полныхъ надежды минутъ; съ большимъ прилежаніемъ набросился я на занятія и всячески старался перетерпѣть, пока не пріѣдетъ Аланъ или пока я не получу извѣстій отъ Джемса Мора о Катріонѣ. За время нашей разлуки я имѣлъ отъ него всего три письма. Въ первомъ онъ объявлялъ о своемъ прибытіи въ городъ Дюнкирхенъ, во Франціи, откуда Джемсъ въ скоромъ времени уѣхалъ одинъ по секретному

дѣлу. Онъ ѣздилъ въ Англію свидѣться съ лордомъ Гольдернэсъ, и мнѣ всегда было горько подумать, что мои деньги пошли на расходы по этой поѣздкѣ. Но тотъ, кто побратался съ чортомъ или, что то же, съ Джемсомъ Моромъ, долженъ быть готовъ на многое. Во время его отсутствія насталъ срокъ отправки второго письма; а такъ какъ письмо это служило условіемъ высылки пособія, то Джемсъ предусмотрительно заготовилъ его впередъ и поручилъ Катріонѣ послать его. Корреспонденція между нами возбудила ея подозрѣніе, и не успѣлъ онъ уѣхать, какъ она сломала печать. Письмо, которое я получилъ, начиналось рукой Джемса Мора:

«Дорогой сэръ, ваше почтенное посланіе со вложеніемъ условленной суммы получено мною своевременно, что симъ и подтверждаю. Все будетъ истрачено на мою дочь, которая здорова и проситъ напомнить о себѣ своему дорогому другу. Я нахожу, что она въ довольно меланхоличномъ настроеніи, но надѣюсь, что съ Божьей помощью поправится. Мы ведемъ довольно уединенную жизнь, но утѣшаемся пѣснями родныхъ горъ и прогулками по берегу моря, ближайшему къ Шотландіи. Для меня было лучше, когда я съ пятью ранами лежалъ въ полѣ у Гладсмуйра. Я нашелъ себѣ занятіе на конномъ заводѣ французскаго дворянина, гдѣ цѣнятъ мою опытность. Но, дорогой сэръ, жалованье настолько ничтожно, что мнѣ совѣстно даже говорить о немъ, такъ что ваши посылки необходимы для комфорта моей дочери, хотя, конечно, еще лучше было бы увидѣть старыхъ друзей.

Остаюсь, дорогой сэръ, вашимъ любящимъ покорнымъ слугой

Джемсомъ Макгрегоромъ-Друммондъ».

Далѣе было написано рукой Катріоны:

«Не вѣрьте ему, все это ложь. К. М. Д.».

Она не только прибавила эту приписку, но даже, какъ мнѣ кажется, собиралась совсѣмъ не отправлять письма: оно пришло гораздо позже, чѣмъ слѣдуетъ, и за нимъ слѣдомъ было получено третье. Въ промежуткѣ между ними пріѣхалъ Аланъ и своими веселыми разговорами совершенно обновилъ мою жизнь. Онъ представилъ меня своему двоюродному брату, служившему въ полку «голландскихъ шотландцевъ», который пилъ больше, чѣмъ я считалъ возможнымъ, и не представлялъ другого инте-

реса. Меня приглашали на много веселыхъ обѣдовъ, и я самъ задавалъ ихъ, но это не прогоняло моей печали. И оба мы (я говорю о себѣ и Аланѣ, а вовсе не о двоюродномъ братѣ) много толковали о моихъ отношеніяхъ къ Джемсу Мору и его дочери. Я изъ скромности боялся сообщать подробности, и это чувство нисколько не уменьшалось отъ комментаріевъ Алана по поводу того, что я разсказывалъ.

— Я ничего не могу понять,—говорилъ онъ,—но мнѣ кажется, что вы сваляли дурака. Рѣдко у кого есть столько опытности, какъ у Алана Брека; а между тѣмъ не припомню, чтобы когда-либо слыхалъ о дѣвушкѣ, похожей на вашу Катріону. Невозможно, чтобы дѣло было такъ, какъ вы описываете его. Вы, должно быть, ужасно напутали, Дэви.

— Иногда мнѣ самому такъ кажется,—отвѣчалъ я.

— Странно то, что вы, какъ кажется, дѣйствительно любите ее!—замѣтилъ Аланъ.

— Чрезвычайно люблю, Аланъ, — сказалъ я, — и думаю, что унесу это чувство съ собой въ могилу.

— Ну, вы совсѣмъ запутали меня!—заключилъ онъ.

Я показалъ ему письмо съ припиской Катріоны.

— А это еще! —воскликнулъ онъ.—Нельзя отрицать, что въ этой Катріонѣ есть нѣкоторая порядочность, не говоря уже объ умѣ! Что же касается Джемса Мора, то онъ «трещитъ», какъ барабанъ; онъ весь—утроба и слова. Однако, не могу отрицать, что онъ хорошо сражался при Гладсмуйрѣ; то, что онъ говоритъ о пяти ранахъ, правда. Но худо, что онъ хвастунъ.

— Видите ли, Аланъ,—сказалъ я, — мнѣ непріятно оставлять дѣвушку въ такихъ ненадежныхъ рукахъ.

— Трудно найти ненадежнѣе, — согласился онъ.—Но что вы можете подѣлать? Такъ всегда бываетъ между мужчиной и женщиной, Дэви; у женщинъ совсѣмъ нѣтъ разума. Онѣ или любятъ мужчину, и тогда все идетъ хорошо; или же онѣ ненавидятъ его, и тогда, хоть умирайте за нихъ, вы ничего не подѣлаете. Ихъ двѣ категоріи: тѣ, которыя готовы продать для васъ свои платья, и тѣ, которыя не хотятъ даже смотрѣть на дорогу, по которой вы идете. Другихъ женщинъ не бываетъ; а вы, кажется, такой дуралей, что не можете отличить однѣхъ отъ другихъ.

— Боюсь, что это дѣйствительно правда,—сказалъ я.

— А между тѣмъ нѣтъ ничего легче! — воскликнулъ Аланъ.—Я легко могъ бы научить васъ этому; но вы, должно быть, родились слѣпымъ, и въ этомъ все затрудненіе!

— А вы не можете помочь мнѣ?—спросилъ я.—Вѣдь вы такъ хорошо изучили это дѣло.

— Видите ли, Давидъ, меня тутъ не было, — отвѣчалъ онъ.—Я похожъ на офицера, у котораго всѣ развѣдчики и фланкеры слѣпые; развѣ онъ можетъ что-либо знать? Мнѣ думается, что вы сдѣлали какой-нибудь промахъ; и я, на вашемъ мѣстѣ, снова попробовалъ бы счастья.

— Правда, Аланъ?—спросилъ я.

— Разумѣется,—отвѣчалъ онъ.

Третье письмо я получилъ, когда мы были погружены въ подобные разговоры; и вы сейчасъ увидите, какъ оно пришлось кстати. Джемсъ писалъ, что его озабочиваетъ здоровье дочери, которое, какъ мнѣ думается, никогда не было лучше; разсыпался въ любезностяхъ по отношенію ко мнѣ и въ заключеніе предлагалъ мнѣ навѣстить ихъ въ Дюнкирхенѣ.

«Вы теперь, вѣроятно, находитесь въ обществѣ моего стараго товарища, м-ра Стюарта,—писалъ онъ.—Отчего бы вамъ не проводить его до Дюнкирхена, когда онъ будетъ возвращаться во Францію? У меня есть къ м-ру Стюарту секретное дѣло, и во всякомъ случаѣ я буду радъ встрѣтиться съ товарищемъ-солдатомъ, такимъ энергичнымъ, какъ онъ. Что же касается васъ, дорогой сэръ, то и дочь моя, и я будемъ счастливы принять нашего благодѣтеля, на котораго мы смотримъ, какъ на брата и сына. Французскій дворянинъ оказался грязнымъ скупцомъ, и я былъ принужденъ оставить конскій заводъ. Вслѣдствіе этого вы найдете насъ въ скромной, почти бѣдной гостиницѣ нѣкоего Базена на дюнахъ. Но мѣстоположеніе ея очень красиво, и я не сомнѣваюсь, что мы проведемъ нѣсколько очень пріятныхъ дней, въ теченіе которыхъ м-ръ Стюартъ и я можемъ вспоминать свою службу, а вы и дочь моя развлекаться болѣе свойственнымъ вашему возрасту образомъ. Прошу, по крайней мѣрѣ, м-ра Стюарта пріѣхать сюда; мое дѣло къ нему очень важно».

— Что этому человѣку надо отъ меня? — воскликнулъ

Аланъ, прочитавъ письмо.—Достаточно ясно, что отъ васъ ему надо денегъ; но что ему можетъ быть нужно отъ Алана Брека?

— О, это только предлогъ,—сказалъ я.—Онъ все еще хочетъ устроить эту свадьбу, и я отъ души желаю, чтобы это намъ, наконецъ, удалось. Васъ онъ проситъ пріѣхать потому, что, какъ онъ думаетъ, я безъ васъ не захочу быть у нихъ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать навѣрное, — сказалъ Аланъ. — Мы съ нимъ никогда не сходились и скалили другъ на друга зубы. Секретное дѣло, пишетъ онъ! Да у меня, можетъ быть, для него найдутся кулаки, прежде чѣмъ мы окончимъ это дѣло! Честное слово, интересно будетъ поѣхать и посмотрѣть, что ему надо! И, кромѣ того, увидѣлъ бы вашу Катріону. Что вы на это скажете, Дэви? Хотите вы ѣхать съ Аланомъ?

Можете быть увѣрены, что я не отказался, и мы немедленно же отправились въ путь, такъ какъ отпускъ Алана приближался къ концу.

Въ сумеркахъ январьскаго дня мы, наконецъ, пріѣхали въ Дюнкирхенъ. Оставивъ лошадей своихъ на почтовой станціи, мы взяли проводника въ гостиницу Базена, находившуюся за городскими стѣнами. Было уже совсѣмъ темно, такъ что мы послѣдними покинули крѣпость и, проходя по мосту, слышали, какъ за нами захлопнулись ворота. По другую сторону моста находилось освѣщенное предмѣстье, по которому мы шли нѣкоторое время, а затѣмъ повернули по темной дорогѣ и вскорѣ очутились въ потемкахъ въ глубокомъ пескѣ и могли слышать рокотъ моря. Мы нѣкоторое время шли такимъ образомъ, слѣдуя за нашимъ проводникомъ по звуку голоса. Я начиналъ уже думать, что онъ не туда ведетъ насъ, когда мы, наконецъ, взошли на вершину небольшого склона и въ темнотѣ увидѣли тусклый свѣтъ въ окошкѣ дома.

— Вотъ гостиница Базена,—сказалъ проводникъ.

Аланъ чмокнулъ губами.

— Немного уединенное мѣсто,—сказалъ онъ, и по тону его я увидѣлъ, что онъ не особенно доволенъ.

Немного позже мы находились въ нижнемъ этажѣ дома, состоявшемъ изъ одной комнаты, съ лѣстницей сбоку, ведшей въ нумера, со скамьями и столами вдоль стѣнъ, очагомъ въ одномъ концѣ, полками съ бутылками и лѣстницей въ погребъ въ другомъ. Базенъ, непріятный, высокій человѣкъ, сообщилъ намъ,

что шотландскій джентльмэнъ ушелъ неизвѣстно куда, но что молодая лэди наверху и онъ позоветъ ее внизъ.

Я вынулъ косынку, у которой былъ вырѣзанъ уголъ, и завязалъ ее вокругъ шеи. Я чувствовалъ, какъ у меня замирало сердце; и когда Аланъ сталъ хлопать меня по плечу съ разными смѣшными прибаутками, я едва могъ удержаться отъ рѣзкаго слова. Но ждать пришлось недолго. Я услышалъ шаги Катріоны надъ головой и увидѣлъ ее на лѣстницѣ. Она спустилась совершенно спокойно и поздоровалась со мною съ блѣднымъ лицомъ и какой-то серьезностью или смущеніемъ въ манерахъ, которая чрезвычайно поразила меня.

— Мой отецъ, Джемсъ Моръ, скоро вернется. Онъ будетъ очень радъ видѣть васъ, — сказала она. И вдругъ лицо ея вспыхнуло, глаза загорѣлись, слова остановились на губахъ, я былъ увѣренъ, что она замѣтила косынку. Смущеніе ея длилось только минуту, но мнѣ показалось, что она съ новымъ оживленіемъ повернулась привѣтствовать Алана. — А вы его другъ, Аланъ Брекъ? — воскликнула она.—Много, много разъ онъ говорилъ мнѣ о васъ, и я уже люблю васъ за вашу храбрость и доброту.

— Ну, ну,—сказалъ Аланъ, держа ея руку и осматривая ее, — такъ вотъ, наконецъ, молодая лэди! Ну, Давидъ, вы очень плохо умѣете описывать.

Я не помню, чтобы онъ когда-нибудь говорилъ такъ задушевно; голосъ его звучалъ, какъ пѣніе.

— Какъ, развѣ онъ описывалъ меня?—воскликнула она.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ изъ Франціи, онъ только и дѣлалъ это,—отвѣчалъ онъ,—не говоря уже объ одной ночи, проведенной въ Шотландіи, въ лѣсу около Сильвермилльса. Но радуйтесь, милая, вы красивѣе, чѣмъ онъ описывалъ васъ. А теперь вотъ что: вы и я должны стать друзьями. Я точно пажъ Давида, я какъ собака у ногъ его: что интересуетъ его, должно интересовать и меня, и, клянусь Богомъ, его друзья должны любить меня! Теперь вы знаете, въ какомъ отношеніи вы стоите къ Алану Бреку, и увидите, что врядъ ли потеряете отъ такой сдѣлки. Онъ не особенно красивъ, милая, но вѣренъ тѣмъ, кого любитъ.

— Отъ души благодарю васъ за ваши добрыя слова,—ска-

зала она.—Я чувствую такое уваженіе къ храброму, честному человѣку, что не нахожу словъ отвѣчать ему.

Пользуясь свободой путешественниковъ, мы не стали ждать Джемса Мора, а сѣли за ужинъ втроемъ. Около Алана сидѣла Катріона и угощала его; онъ заставилъ ее выпить первой изъ его стакана, окружалъ ее постоянною милою любезностью, не давая мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, никакого повода ревновать. Онъ завладѣлъ разговоромъ и поддерживалъ его въ такомъ веселомъ тонѣ, что и она, и я забыли свое смущеніе. Если бы кто-нибудь увидѣлъ насъ, то подумалъ бы, что Аланъ старый другъ, а я чужой. Я часто имѣлъ основаніе любить и уважать этого человѣка, но никогда не любилъ и не восхищался имъ болѣе, чѣмъ въ этотъ вечеръ. Я не могъ не замѣтить—хотя иногда готовъ былъ забыть это,—что у него не только много жизненной опытности, но и своеобразный прирожденный тактъ. Катріона казалась совсѣмъ очарованной; смѣхъ ея звучалъ, какъ колокольчикъ, и лицо было весело, какъ майское утро. Сознаюсь, что хотя я и былъ радъ, но чувствовалъ также нѣкоторую грусть, считая себя скучнымъ, несообщительнымъ въ сравненіи съ моимъ другомъ, и совершенно негоднымъ на то, чтобы занять мѣсто въ жизни молодой дѣвушки, веселость которой я легко могъ убить.

Но если это дѣйствительно и ожидало меня, то, какъ я скоро увидѣлъ, я былъ не единственнымъ. Какъ только вернулся Джемсъ Моръ, дѣвушка превратилась въ камень. Во весь остальной вечеръ, пока она, извинившись, не пошла спать, я не спускалъ съ нея глазъ; могу поручиться, что она ни разу не улыбнулась, едва говорила и все больше смотрѣла на буфетъ передъ собой. Я чрезвычайно удивился, увидѣвъ, какъ такая сильная привязанность, какую я видѣлъ прежде, превратилась въ ней въ ненависть.

О Джемсѣ Морѣ нѣтъ надобности говорить много; вы уже знаете объ этомъ человѣкѣ все, что о немъ можно знать, а повторять его лживыя слова мнѣ надоѣло. Достаточно сказать, что онъ много пилъ и очень мало говорилъ дѣльнаго. Дѣло же его къ Алану было отложено до слѣдующаго дня, когда онъ долженъ былъ секретно сообщить его.

Отложить это было тѣмъ легче, что Аланъ и я порядочно устали отъ поѣздки и вскорѣ послѣ Катріоны ушли спать.

Мы скоро остались одни въ комнатѣ, гдѣ стояла только одна

кровать, которой мы должны были удовольствоваться. Аланъ посмотрѣлъ на меня со странной улыбкой.

— Ахъ вы оселъ!—сказалъ онъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—воскликнулъ я.

— Что я хочу сказать? Прямо удивительно, Давидъ,—сказалъ онъ, — что вы такъ ужасно глупы.

Я снова попросилъ его высказаться.

— Вотъ что я хочу сказать,—отвѣчалъ онъ.—Я говорилъ вамъ, что есть два сорта женщинъ: тѣ, которыя продали бы за васъ послѣднюю рубашку, и другія. Попробуйте догадаться сами, мой милый! Что это за косынка у васъ на шеѣ?

Я объяснилъ ему.

— Я и думалъ, что это что-нибудь такое,—сказалъ онъ.

Больше онъ не хотѣлъ сказать ни слова, хотя я еще долго продолжалъ надоѣдать ему.

XXX. Письмо съ корабля.

При дневномъ свѣтѣ на слѣдующее утро мы увидѣли, какъ уединенно стояла гостиница. Она находилась очень близко къ морю, котораго, однако, не было видно, и со всѣхъ сторонъ была окружена неровными песчаными холмами. Только въ одномъ мѣстѣ открывалось нѣчто похожее на красивый видъ,—тамъ, гдѣ надъ склономъ виднѣлись два крыла вѣтряной мельницы, точно два уха осла, который самъ оставался скрытымъ. Было странно послѣ того, какъ поднялся вѣтеръ,—въ началѣ была мертвая тишина—видѣть, какъ эти два громадныхъ крыла надъ пригоркомъ вертѣлись одно за другимъ. Дорогъ здѣсь почти совсѣмъ не было, но среди травы пролегало множество тропинокъ по всѣмъ направленіямъ, шедшихъ отъ двери м-ра Базена. Дѣло въ томъ, что онъ занимался многими ремеслами, среди которыхъ не было ни одного честнаго, и расположеніе его гостиницы благопріятствовало его занятіямъ. Ее посѣщали контрабандисты; политическіе агенты и лишенные правъ ожидали здѣсь возможности переправиться черезъ море; думаю, что бывало и хуже, такъ какъ тутъ можно было убить цѣлое семейство и никто не узналъ бы объ этомъ.

Я спалъ мало и плохо. День еще не наступалъ, какъ я уже выскользнулъ изъ постели, гдѣ продолжалъ лежать мой това-

рищъ, и согрѣвался у огня или хожденіемъ взадъ и впередъ передъ дверью. Разсвѣтъ былъ довольно пасмурный; но немного позже съ запада подулъ вѣтеръ, прогнавшій тучи, такъ что выглянуло солнце и крылья мельницы пришли въ движеніе. Чувствовалось что-то весеннее въ солнечномъ свѣтѣ; а можетъ быть, и въ моемъ сердцѣ. Появленіе изъ-за холма одного за другимъ большихъ крыльевъ чрезвычайно забавляло меня; по временамъ я слышалъ даже скрипъ мельницы. Около половины девятаго утра въ домѣ раздалось пѣніе Катріоны. При этихъ звукахъ я готовъ былъ бросить шляпу въ воздухъ, и это скучное, пустынное мѣсто представлялось мнѣ раемъ.

Но по мѣрѣ того, какъ проходило утро и никто не приближался къ гостиницѣ, я всетаки сталъ чувствовать безпокойство, которое не сумѣлъ бы объяснить. Казалось, вокругъ было что-то тревожное; опускавшіяся и поднимавшіяся надъ холмомъ крылья вѣтряной мельницы точно высматривали что-то; и даже отложивъ въ сторону воображеніе, надо было сознаться, что домъ и его окрестности странное мѣсто для пребыванія молодой лэди.

За позднимъ завтракомъ было замѣтно, что Джемсъ Моръ въ какомъ-то затрудненіи или опасности, а также, что Аланъ на-сторожѣ и внимательно наблюдаетъ за нимъ; и эта двуличность съ одной стороны и бдительность съ другой держали меня на горячихъ угольяхъ. Не успѣлъ кончиться завтракъ, какъ Джемсъ, очевидно, принявъ рѣшеніе, началъ извиняться. У него было назначено конфиденціальное свиданіе въ городѣ (съ французскимъ дворяниномъ, говорилъ онъ) и онъ просилъ простить его отсутствіе часовъ до двѣнадцати. Затѣмъ, отозвавъ дочь въ дальній уголъ комнаты, онъ, казалось, говорилъ съ ней очень серьезно, а она слушала безъ большой готовности.

— Мнѣ все менѣе и менѣе нравится этотъ Джемсъ,—сказалъ Аланъ.—Что-то въ немъ неладно, и мнѣ думается, что Алану Бреку слѣдовало бы понаблюдать за нимъ сегодня. Мнѣ бы очень хотѣлось посмотрѣть французскаго дворянина, Дэви; а вы, я думаю, могли бы сами себѣ найти занятіе, а именно: вывѣдать у дѣвушки что-либо новое по вашему дѣлу. Говорите съ ней совсѣмъ откровенно, скажите ей, что вы оселъ. А затѣмъ, я бы на вашемъ мѣстѣ, если бы вы только могли сдѣлать это

естественно, намекнулъ бы ей, что я въ какой-нибудь опасности: всѣ женщины любятъ это.

— Я не умѣю лгать, Аланъ, я не могу дѣлать это «естественно»,—отвѣчалъ я, передразнивая его.

— И очень глупо,—замѣтилъ онъ.—Тогда можете сказать ей, что я вамъ это совѣтовалъ, это разсмѣшитъ ее, и, можетъ быть, окажется настолько же полезнымъ. Но взгляните только на нихъ! Если бы я не былъ такъ увѣренъ въ дѣвушкѣ и въ томъ, что она очень рада намъ, въ особенности же Алану, то подумалъ бы, что они затѣваютъ какую-то штуку.

— Развѣ она такъ рада вамъ, Аланъ?—спросилъ я.

— Она обо мнѣ чрезвычайно высокаго мнѣнія, — сказалъ онъ.—Я не похожъ на васъ, я могу разобрать это. О, она дѣйствительно очень высокаго мнѣнія объ Аланѣ. И, честное слово, я и самъ раздѣляю это мнѣніе. Съ вашего позволенія, Шоосъ, я пойду немного въ холмы, чтобы видѣть, куда отправится этотъ Джемсъ.

Одинъ за другимъ всѣ ушли, и я остался одинъ за столомъ. Джемсъ отправился въ Дюнкирхенъ, Аланъ пошелъ выслѣживать его, а Катріона поднялась въ свою комнату. Я отлично понималъ, что она будетъ избѣгать оставаться со мной наединѣ; но отъ сознанія этого мнѣ было не легче и я рѣшилъ добиться съ ней свиданія до возвращенія Алана и Джемса. Я подумалъ, что мнѣ лучше всего поступить такъ же, какъ Аланъ. Если я скроюсь изъ виду среди песчаныхъ холмовъ, то чудное утро выманитъ ее изъ дому; а какъ только она будетъ въ открытомъ мѣстѣ, я могу удовлетворить свое желаніе.

Сказано—сдѣлано; и не успѣлъ я долго просидѣть подъ защитой пригорка, какъ Катріона показалась въ дверяхъ гостиницы, оглянулась вокругъ и, не видя никого, пошла по тропинкѣ, которая вела прямо къ морю. Я слѣдовалъ за ней. Я не торопился открыть ей свое присуствіе. Чѣмъ дальше она уйдетъ, тѣмъ дольше ей придется слушать мои признанія. А такъ какъ почва была песчаная, то легко было неслышно слѣдовать за ней. Тропинка поднималась въ гору и привела, наконецъ, на вершину холма. Отсюда я въ первый разъ ясно увидѣлъ, въ какомъ пустынномъ, дикомъ мѣстѣ пряталась гостиница: не было видно ни одного человѣка и ни одного строенія, кромѣ дома Базена и вѣтряной мельницы. Немного далѣе виднѣлось только море и

на немъ два или три корабля, красивые, какъ на картинѣ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, стоялъ очень близко, такъ какъ выглядѣлъ чрезвычайно большимъ, и я почувствовалъ новое подозрѣніе, когда узналъ оснастку «Морского коня». Зачѣмъ было англійскому судну находиться такъ близко къ французскому берегу? Зачѣмъ привлекли Алана въ его сосѣдство, въ мѣсто, гдѣ нечего было надѣяться на помощь? Случайно ли или съ предвзятымъ намѣреніемъ шла сегодня дочь Джемса Мора къ морскому берегу?

Я слѣдомъ за ней вышелъ изъ-за песчаныхъ холмовъ и вступилъ на берегъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ былъ узкій и пустынный; около середины его стояла лодка съ военнаго корабля, которую сторожилъ офицеръ, шагавшій взадъ и впередъ по песку, точно ожидая чего-то. Я сейчасъ же присѣлъ, такъ что грубая береговая трава почти скрывала меня, и смотрѣлъ, что будетъ дальше. Катріона направилась прямо къ лодкѣ; офицеръ встрѣтилъ ее съ любезностями; они перекинулись нѣсколькими словами; я видѣлъ, какъ онъ передалъ ей письмо; потомъ Катріона пошла обратно. Въ то же время, точно ей ничего больше не оставалось дѣлать на сушѣ, лодка отплыла, направляясь къ «Морскому коню». Я замѣтилъ, однако, что офицеръ остался на берегу и исчезъ среди холмовъ.

Мнѣ все это очень не нравилось; чѣмъ я больше думалъ, тѣмъ болѣе у меня являлось подозрѣній. Кого нужно было офицеру: Алана или Катріону? Она подходила ко мнѣ съ опущенной головой, со взглядомъ, обращеннымъ на песокъ, и представляла такую трогательную картину, что я не въ силахъ былъ сомнѣваться въ ея невинности. Но вотъ она подняла голову и увидѣла меня; остановилась, немного колеблясь, и снова продолжала идти, но медленнѣе, какъ мнѣ показалось, съ измѣнившимся цвѣтомъ лица. И при этой мысли все остальное: опасенія, подозрѣнія, забота о жизни друга, все исчезло; я всталъ и, опьяненный надеждой, сталъ ждать ее.

Когда она поровнялась со мной, я во второй разъ пожелалъ ей «добраго утра», и она съ большимъ самообладаніемъ отвѣтила мнѣ.

— Вы простите, что я послѣдовалъ за вами?—спросилъ я.

— Я знаю, что вы всегда желаете мнѣ добра, — отвѣчала

она; затѣмъ, вспыхнувъ, продолжала: — Но зачѣмъ вы посылаете деньги этому человѣку? Не надо этого.

— Я никогда не посылалъ ихъ для него,—сказалъ я,—но для васъ, какъ вы сами знаете.

— Вы не имѣете права посылать ихъ кому-либо изъ насъ,— отвѣчала она.—Это нехорошо, Давидъ.

— Сознаю, что нехорошо, — сказалъ я, — и молю Бога, чтобы онъ помогъ этому глупцу, если только возможно, устроить все лучше. Катріона, вамъ нельзя вести долѣе такую жизнь, и, простите за выраженіе, но человѣкъ этотъ не годится на то, чтобы заботиться о васъ.

— Не говорите о немъ вовсе!—воскликнула она.

— Мнѣ больше нечего о немъ говорить; я думаю не о немъ, въ этомъ будьте увѣрены! — сказалъ я. — Я думаю только объ одномъ. Все это долгое время я провелъ одинъ въ Лейденѣ и, хотя и былъ занятъ ученіемъ, все думалъ о томъ же. Затѣмъ пріѣхалъ Аланъ, я бывалъ въ обществѣ военныхъ и присутствовалъ на ихъ обѣдахъ; но меня все не покидала та же мысль. То же было и прежде, когда вы были со мной. Катріона, видите ли эту косынку на моей шеѣ? Вы вырѣзали изъ нея уголъ, а потомъ бросили его. Теперь это ваши цвѣта и я ношу ихъ въ сердцѣ. Дорогая моя, я не могу жить безъ васъ. О, постарайтесь же терпѣливо переносить меня! — Я сталъ передъ нею, чтобы помѣшать ей идти дальше. — Постарайтесь переносить меня, — продолжалъ я, — и мириться съ моимъ характеромъ!— Она все еще молчала, и въ душѣ моей начиналъ подниматься смертельный страхъ. — Катріона,—воскликнулъ я, пристально глядя на нее, — неужели я опять ошибся? Неужели все потеряно?

Она съ замираніемъ подняла ко мнѣ лицо.

— Вы, дѣйствительно желаете меня, Дэви?—спросила она такъ тихо, что я едва разслышалъ ея вопросъ.

— О, да!—воскликнулъ я.—Вы сами знаете, какъ я желаю этого.

— Мнѣ нечего давать вамъ или не давать, — сказала она.—Я съ перваго же дня была вся ваша, если бы вы только хотѣли меня взять.

Это было на вершинѣ склона. Мѣсто было вѣтряное и открытое, насъ можно было видѣть даже съ англійскаго корабля.

Но я опустился передъ ней на песокъ, обнималъ ея колѣни и разразился такой бурей рыданій, что, казалось, они должны были сломить меня. Сильное волненіе протнало всякую мысль изъ моей головы. Я не зналъ, гдѣ я нахожусь, и не помнилъ, почему я такъ счастливъ. Я зналъ только, что она наклонилась ко мнѣ, прижимала меня къ лицу и груди, и, какъ въ вихрѣ, слышалъ ея слова.

— Дэви, — говорила она, — о, Дэви, такъ вотъ что вы думаете обо мнѣ? Такъ вотъ какъ вы любили меня, бѣдную? О, Дэви, Дэви!

Тутъ она тоже заплакала; слезы наши смѣшивались, и мы были совершенно счастливы.

Было около десяти часовъ, когда я, наконецъ, ясно понялъ, какое счастье выпало на мою долю. Сидя рядомъ съ Катріоной, держа ея руки въ моихъ, я глядѣлъ ей въ лицо, громко смѣялся отъ радости, точно ребенокъ, и называлъ ее безумными и нѣжными именами. Я никогда не видалъ такого красиваго мѣста, какъ эти холмы у Дюнкирхена, а скрипъ крыльевъ вѣтряной мельницы, болтавшихся надъ холмомъ, казался мнѣ чудной музыкой.

Не знаю, сколько времени мы продолжали бы еще забывать все, кромѣ самихъ себя, если бы я случайно не заговорилъ объ ея отцѣ. Это возвратило насъ къ дѣйствительности.

— Мой маленькій другъ, — повторялъ я, находя удовольствіе этими звуками вызывать прошедшее и, вызывая его, быть немного сдержаннѣе,—мой маленькій другъ, вы теперь совсѣмъ моя, навсегда моя, мой маленькій другъ, вы совсѣмъ не принадлежите больше этому человѣку.

Вдругъ лицо ея страшно поблѣднѣло, и она отняла у меня руки.

— Дэви, возьмите меня отъ него!—воскликнула она.—Что-то неладно; онъ нечестенъ. Случится что-то дурное; я чувствую ужасный страхъ въ душѣ. Какое у него можетъ быть дѣло съ королевскимъ судномъ? Что тутъ, въ этой запискѣ? — И она показала письмо. — Я предчувствую, что здѣсь что-то дурное для Алана. Откройте ее, Дэви, откройте и прочтите.

Я взялъ записку, посмотрѣлъ и покачалъ головой.

— Нѣтъ, — сказалъ я, — я неспособенъ на это, я не могу открыть чужое письмо.

— Даже для того, чтобы спасти друга? — воскликнула она.

— Не могу сказать, — отвѣчалъ я. — Думаю, что нѣтъ. Еслибъ я только зналъ навѣрное!..

— Вамъ стоитъ только сломать печать!—сказала она.

— Знаю,—сказалъ я,—но я не могу этого сдѣлать.

— Дайте ее сюда,—попросила она,—я сама открою ее.

— Вамъ тоже нельзя,—сказалъ я, — вамъ въ особенности. Оно касается вашего отца и его чести, дорогая, въ которой оба мы сомнѣваемся. Разумѣется, мѣсто это выглядитъ очень опаснымъ, какъ и присутствіе здѣсь англійскаго судна, и эта записка къ вашему отцу, и офицеръ, который остался на берегу! Онъ, вѣроятно, не одинъ, съ нимъ должны быть и другіе. Я увѣренъ, что за нами слѣдятъ въ эту минуту. Да, безъ сомнѣнія, письмо слѣдуетъ открыть; но только открыть его должны не вы и не я.

Дѣло было въ этомъ положеніи, и меня уже начинало одолѣвать чувство страха и предчувствіе скрытыхъ враговъ, когда я увидѣлъ Алана, вернувшагося съ преслѣдованія Джемса Мора и шедшаго одиноко среди песчаныхъ холмовъ. На немъ былъ мундиръ, придававшій ему очень изящный видъ; но я не могъ не содрогнуться отъ сознанія, какъ мало этотъ мундиръ поможетъ ему, если его поймаютъ, бросятъ въ лодку и отвезутъ на бортъ «Морского коня», въ качествѣ дезертира, мятежника и осужденнаго убійцы.

— Вотъ, — сказалъ я, — вотъ человѣкъ, который имѣетъ право открыть письмо или не открывать его, какъ онъ найдетъ лучшимъ.

Съ этими словами я позвалъ Алана по имени, и оба мы встали, чтобы онъ могъ видѣть насъ.

— Если это правда, если это новое безчестіе, сможете ли вы перенести его?—спросила она, глядя на меня сверкающими глазами.

— Мнѣ уже ставили подобный вопросъ, когда я только разъ видѣлъ васъ,—сказалъ я.—Какъ вы думаете, что я отвѣтилъ? Что если я буду любить васъ, какъ любилъ тогда,—о, теперь я люблю васъ гораздо больше!—то женюсь на васъ даже у подножія его висѣлицы.

Кровь бросилась ей въ лицо; она подошла совсѣмъ близко и

прижалась ко мнѣ, держа меня за руку, и въ этомъ положенiи мы ожидали Алана.

Онъ подошелъ съ одной изъ своихъ забавныхъ улыбокъ.

— Что я говорилъ вамъ, Давидъ?—сказалъ онъ.

— Всему свое время, Аланъ, — отвѣчалъ я, — а теперь время серьезное. Что вамъ удалось узнать? Вы можете говорить откровенно при нашемъ другѣ.

— Я прогулялся понапрасну,—сказалъ онъ.

— Мнѣ кажется, что мы въ такомъ случаѣ сдѣлали больше,—замѣтилъ я,—по крайней мѣрѣ, есть много вещей, которыя намъ слѣдуетъ обсудить. Видите ли вы это?—продолжалъ я, указывая на корабль.—Это «Морской конь», капитанъ Паллизеръ.

— Я тоже знаю его,—сказалъ Аланъ.—Онъ доставилъ мнѣ немало затрудненiй, когда стацiонировалъ въ Фортѣ. Но на что ему понадобилось подходить такъ близко?

— Я скажу вамъ, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, — сказалъ я.—Онъ привезъ это письмо Джемсу Мору. А почему онъ продолжаетъ стоять, когда письмо уже доставлено, почему между холмами прячется офицеръ, и одинъ ли онъ, или нѣтъ, это вы сообразите сами.

— Письмо къ Джемсу Мору?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ я.

— Ну, могу сказать вамъ еще больше,—сказалъ Аланъ.— Прошлою ночью, когда вы крѣпко спали, я слышалъ, какъ человѣкъ этотъ разговаривалъ съ кѣмъ-то по-французски и какъ затѣмъ дверь гостиницы открылась и захлопнулась.

— Аланъ,—воскликнулъ я,—вы спали всю ночь, я могу доказать это!

— Ну, нельзя никогда поручиться, спитъ ли Аланъ или нѣтъ! — сказалъ онъ. — Однако, дѣло выглядитъ довольно скверно. Покажите мнѣ письмо.

Я далъ ему.

— Катрiона,—сказалъ онъ,—прошу у васъ прощенiя, но дѣло тутъ идетъ о моей жизни и мнѣ придется сломить печать.

— Я желаю этого, — отвѣчала Катрiона.

Онъ открылъ письмо, просмотрѣлъ и всплеснулъ руками.

— Подлый негодяй! — воскликнулъ онъ, скомкавъ бумагу и сунувъ ее въ карманъ. — Скорѣй соберемъ наши вещи, это мѣ-

сто для меня — сущая смерть. — И онъ пошелъ по направленію къ гостиницѣ.

Катріона заговорила первая:

— Онъ продалъ васъ? — спросила она.

— Продалъ, милая моя, — сказалъ Аланъ, — но, благодаря вамъ и Дэви, я еще могу провести его. Только бы мнѣ добраться до моей лошади, — прибавилъ онъ.

— Катріона должна ѣхать съ нами,—сказалъ я,—она не можетъ болѣе оставаться съ этимъ человѣкомъ. Я женюсь на ней.

Тутъ она прижала къ себѣ мою руку.

— Такъ вотъ какъ у васъ обстоитъ дѣло,—сказалъ Аланъ, оглядываясь на насъ.—Это самое лучшее, что оба вы когда либо дѣлали. Долженъ вамъ сказать, моя милая, вы дѣйствительно составляете прекрасную парочку.

Тропинка, по которой онъ шелъ, привела насъ близко къ вѣтряной мельницѣ, гдѣ я замѣтилъ человѣка, въ матросскихъ брюкахъ, который, казалось, наблюдалъ изъ-за нея. Но мы, конечно, видѣли его сзади.

— Смотрите, Аланъ!—сказалъ я.

— Тсс...—отвѣчалъ онъ,—это мое дѣло.

Человѣкъ, вѣроятно, былъ немного оглушенъ шумомъ мельницы, такъ какъ не замѣчалъ насъ, пока мы не подошли совсѣмъ близко. Тогда онъ обернулся, и мы увидѣли, что это высокій матросъ со смуглымъ лицомъ.

— Надѣюсь, сэръ, — сказалъ Аланъ,—что вы говорите по-англійски?

— Non, monsieur,—отвѣчалъ онъ съ невѣроятно дурнымъ акцентомъ.

— Non, monsieur, — передразнилъ его Аланъ, — такъ-то васъ учатъ французскому на «Морскомъ конѣ»? Ахъ, ты большое толстобрюхое животное! Вотъ тебѣ шотландскій кулакъ для твоей англійской спины!

И, наскочивъ на него, прежде чѣмъ тотъ могъ убѣжать, онъ нанесъ ударъ, отъ котораго матросъ упалъ на носъ. Затѣмъ съ жестокой улыбкой сталъ смотрѣть, какъ онъ поднимался на ноги и удиралъ за песчаные холмы.

— Однако, мнѣ давно пора убраться отсюда, — сказалъ

Аланъ и быстрымъ шагомъ продолжалъ путь къ задней двери гостиницы Базена. Мы слѣдовали за нимъ.

Случилось, что входя въ одну дверь, мы лицомъ къ лицу встрѣтились съ Джемсомъ Моромъ, входившимъ въ другую.

— Скорѣй,—сказалъ я Катріонѣ,—ступайте наверхъ и собирайте свои вещи, это для васъ неподходящая сцена.

Между тѣмъ Джемсъ и Аланъ встрѣтились на серединѣ длинной комнаты. Катріона, направляясь къ лѣстницѣ, близко прошла мимо нихъ; поднявшись немного, она обернулась и снова взглянула, однако, не останавливаясь. Дѣйствительно, на нихъ стоило посмотрѣть. Когда они встрѣтились, у Алана, несмотря на самый любезный и дружескій видъ, чувствовалось что-то несомнѣнно воинственное, такъ что Джемсъ почуялъ опасность (также какъ по дыму узнаютъ, что въ домѣ пожаръ) и стоялъ, готовый на всякія случайности.

Время было дорого. Положеніе Алана въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, окруженнаго врагами, устрашило бы даже Цезаря. Въ немъ это не произвело никакой перемѣны, и онъ началъ разговоръ въ обыкновенномъ насмѣшливомъ и веселомъ тонѣ.

— Добраго утра еще разъ, м-ръ Друммондъ, — сказалъ онъ.—Какое же у васъ было до меня дѣло?

— Такъ какъ дѣло это секретное и разсказывать его довольно долго,—сказалъ Джемсъ,—то, я думаю, лучше будетъ отложить его на послѣ обѣда.

— Я не вполнѣ увѣренъ въ этомъ,—отвѣчалъ Аланъ.—Мнѣ думается, что это должно случиться или теперь, или никогда; я и м-ръ Бальфуръ получили записку и думаемъ скоро ѣхать.

Я замѣтилъ удивленіе въ глазахъ Джемса, но онъ сдержался.

— Одного слова моего достаточно, чтобы удержать васъ,—сказалъ онъ,—одного названія моего дѣла.

— Тогда говорите,—возразилъ Аланъ,—нечего стѣсняться Дэви.

— Это сдѣлало бы обоихъ насъ богатыми людьми,—продолжалъ Джемсъ.

— Неужели?—воскликнулъ Аланъ.

— Да, сэръ,—сказалъ Джемсъ.—Это—сокровище Клюни.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Аланъ.—Вы что-нибудь узнали о немъ?

— Я знаю мѣсто, м-ръ Стюартъ, и могу указать его вамъ,— сказалъ Джемсъ.

— Это лучше всего!—воскликнулъ Аланъ.—Я, право, радъ, что пріѣхалъ въ Дюнкирхенъ. Такъ вотъ ваше дѣло, не такъ ли? Мы подѣлимъ пополамъ, надѣюсь?

— Это и есть мое дѣло, сэръ,—сказалъ Джемсъ.

— Отлично, отлично!—продолжалъ Аланъ. Затѣмъ съ тѣмъ же дѣтскимъ интересомъ:—Такъ оно ничего не имѣетъ общаго съ «Морскимъ конемъ»?—спросилъ онъ.

— Съ чѣмъ?—сказалъ Джемсъ.

— Или съ тѣмъ малымъ, котораго я только что бросилъ на землю за этой мельницей?—продолжалъ Аланъ.—Ну, любезный, довольно вамъ лгать! У меня въ карманѣ письмо Паллизера. Кончено съ вами, Джемсъ Моръ! Вамъ никогда больше нельзя будетъ показываться въ обществѣ порядочныхъ людей.

Джемса это застало врасплохъ. Онъ стоялъ съ минуту, блѣдный и неподвижный, затѣмъ вдругъ въ немъ запылалъ страшный гнѣвъ.

— Вы смѣете говорить это мнѣ, пащенокъ?—зарычалъ онъ.

— Свинья поганая!—воскликнулъ Аланъ и закатилъ ему звонкую пощечину.

Въ слѣдующій мигъ оба они уже скрестили шпаги.

При первомъ звукѣ обнаженной стали я инстинктивно отскочилъ. Слѣдующее, что я увидѣлъ, былъ ударъ, который Джемсъ отпарировалъ такъ близко, что я испугался за его жизнь. Въ умѣ моемъ промелькнуло, что онъ отецъ Катріоны и, нѣкоторымъ образомъ, мой, и я подбѣжалъ, стараясь разнять ихъ.

— Отойдите, Дэви! Что вы съ ума сошли? Да отойдите же, чортъ возьми! Пусть же ваша кровь падетъ на вашу голову!

Я дважды сбивалъ ихъ шпаги. Пошатнувшись, я ударился объ стѣну, но вскорѣ опять былъ между ними. Они не обращали на меня вниманія, нападая другъ на друга, какъ бѣшеные. Я не могу себѣ представить, какъ не былъ раненъ самъ и не ранилъ одного изъ этихъ двухъ Родомонтовъ; все кружилось вокругъ меня, точно во снѣ. Вдругъ посреди драки я услышалъ громкій крикъ съ лѣстницы, и Катріона однимъ прыжкомъ очутилась передъ отцомъ. Въ ту же минуту остріе моей шпаги воткнулось во что-то мягкое. Когда я вытащилъ его, на немъ была кровь, такъ же какъ, и на платкѣ дѣвушки. Я остановился въ отчаяніи.

— Хотите вы убить его у меня на глазахъ? Вѣдь я все-таки его дочь!—воскликнула она.

— Я покончилъ съ нимъ, милая моя,—сказалъ Аланъ и сѣлъ на столъ, скрестивъ руки и держа въ рукахъ обнаженную шпагу.

Она нѣкоторое время стояла передъ отцомъ, задыхаясь, съ широко раскрытыми глазами, затѣмъ быстро обернулась и взглянула ему въ лицо.

— Вонъ!—закричала она.—Я не могу видѣть вашего стыда; оставьте меня съ честными людьми. Я дочь Альпина! Вонъ отсюда, позоръ Альпина!

Она произнесла это съ такимъ пыломъ, что я пришелъ въ себя послѣ ужаса, въ который меня повергла моя окровавленная шпага. Оба они стояли другъ противъ друга: она съ краснымъ пятномъ на косынкѣ, онъ же блѣдный, какъ полотно. Я хорошо зналъ его и понималъ, что слова ея должны были поразить его въ самое сердце. Однако, онъ принялъ вызывающій видъ.

— Что же,—сказалъ онъ,—вкладывая шпагу въ ножны, хотя все еще не спуская глазъ съ Алана,—если споръ оконченъ, то я только возьму свой чемоданъ...

— Никто не увезетъ отсюда чемодана, кромѣ меня,—сказалъ Аланъ.

— Сэръ!—воскликнулъ Джемсъ.

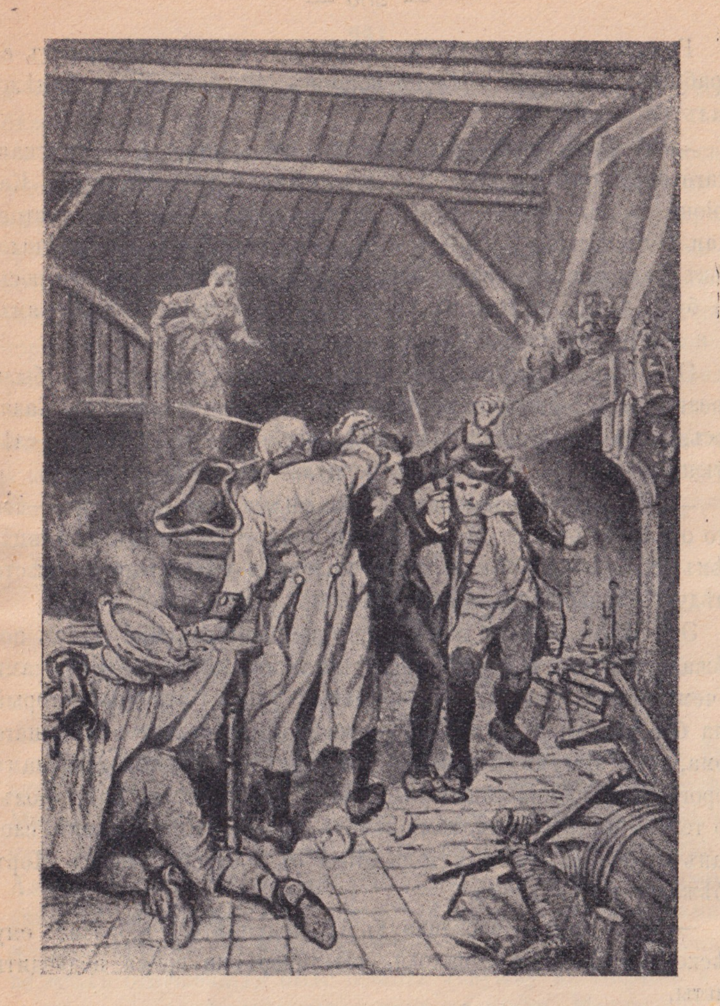
— Джемсъ Моръ,—сказалъ Аланъ,—эта лэди, ваша дочь, выходитъ замужъ за моего друга Дэви, и потому я позволяю вамъ убраться живымъ. Но послушайтесь моего совѣта, не попадайтесь мнѣ на глаза и не сердите меня. Что бы вы ни думали, но есть границы и моему терпѣнію.

— Чортъ возьми, сэръ, но тамъ мои деньги!—воскликнулъ Джемсъ.

— Мнѣ очень жаль, сэръ,—отвѣчалъ Аланъ съ забавной гримасой,—но, видите ли, теперь онѣ принадлежатъ мнѣ.—Затѣмъ прибавилъ серьезно:—Слышите, Джемсъ Моръ, уходите изъ этого дома.

Джемсъ, казалось, съ минуту соображалъ; но, вѣроятно, онъ не захотѣлъ болѣе испытывать на себѣ шпагу Алана, потому что вдругъ снялъ шляпу и съ лицомъ, какъ у осужденнаго, по очереди попрощавшись съ каждымъ изъ насъ, ушелъ.

Въ то же время я почувствовалъ, точно чары рушились.

— Отойдите, Дэви! Вы съ ума сошли!..

— Катріона,—воскликнулъ я, — это я, это моя шпага... Очень сильно вы ранены?

— Я знаю, Дэви, и еще больше люблю васъ. Вы сдѣлали это, защищая моего отца, этого дурного человѣка. Посмотрите,— сказала она, показывая мнѣ царапину, изъ которой текла кровь,—смотрите, вы приравняли меня къ мужчинамъ. У меня будетъ рана, какъ у стараго солдата.

Радость, что она такъ легко ранена, и удивленіе передъ ея храбростью привели меня въ восторгъ. Я обнималъ ее и цѣловалъ ея рану.

— А меня развѣ не поцѣлуютъ, меня, никогда не упускавшаго случая?—спросилъ Аланъ и, отстранивъ меня, взялъ Катріону за оба плеча.—Милая моя,—сказалъ онъ,—вы настоящая дочь Альпина. Онъ, по слухамъ, былъ прекрасный человѣкъ и можетъ гордиться вами. Если я когда-нибудь женюсь, то буду искать подобную вамъ въ матери своимъ сыновьямъ. А я ношу королевское имя и говорю правду.

Онъ сказалъ это съ серьезнымъ восхищеніемъ, которое было чрезвычайно лестно для дѣвушки, и чрезъ нее, и для меня. Казалось, слова его снимали съ насъ безчестіе Джемса Мора. Въ слѣдующую минуту Аланъ снова вернулся къ прежней манерѣ.

— Съ вашего позволенія, мои милые,—сказалъ онъ,—все это очень хорошо; но Аланъ Брекъ немного ближе къ висѣлицѣ, чѣмъ ему хотѣлось бы; и, честное слово, я думаю, что это мѣсто слѣдуетъ возможно скорѣе покинуть.

Эти слова вернули намъ нѣкоторое благоразуміе. Аланъ побѣжалъ наверхъ и возвратился съ нашими дорожными сумками и чемоданомъ Джемса Мора; я поднялъ узелъ Катріоны, который она бросила на лѣстницѣ. Мы уже уходили изъ этого опаснаго дома, когда Базенъ съ криками и жестикуляціей загородилъ намъ дорогу. Когда были обнажены шпаги, онъ спрятался подъ столъ, но теперь былъ храбръ, какъ левъ. Счетъ былъ неуплаченъ, сломанъ стулъ, Аланъ сидѣлъ на столѣ съ посудой, Джемсъ Моръ убѣжалъ, увѣрялъ онъ.

— Вотъ вамъ,—воскликнулъ я,—получайте!—и бросилъ ему нѣсколько луидоровъ, находя, что теперь не время подводить счеты.

Онъ бросился на деньги, мы же мимо него выбѣжали изъ дому. Съ трехъ сторонъ торопливо наступали матросы; немного ближе къ намъ Джемсъ Моръ махалъ шляпой, словно торопилъ ихъ; а какъ разъ за нимъ, точно поднявшій руки человѣкъ, виднѣлась вѣтряная мельница съ вертящимися крыльями.

Аланъ взглянулъ и пустился бѣжать. Онъ несъ чрезвычайно тяжелый чемоданъ Джемса Мора, но я думаю, скорѣе лишился бы жизни, чѣмъ отдалъ бы добычу. Онъ бѣжалъ такъ скоро, что

я едва поспѣвалъ за нимъ, восторгаясь и удивляясь дѣвушкѣ, бѣжавшей рядомъ со мною.

Какъ только мы появились, противная сторона отбросила всякое притворство, и матросы съ криками стали гнаться за нами. Намъ предстояло пробѣжать около двухсотъ ярдовъ; матросы были неуклюжіе малые и не могли сравняться съ нами въ этомъ упражненіи. Предполагаю, что они были вооружены, но не хотѣли употреблять въ дѣло пистолеты на французской территоріи. Какъ только я замѣтилъ, что мы не только сохраняемъ разстояніе, но даже немного удаляемся, я совершенно успокоился насчетъ исхода дѣла. Но все-таки пока бѣгство продолжалось, оно было утомительное и быстрое. Дюнкирхенъ былъ еще далеко; и когда мы взбѣжали на холмъ и увидѣли, что по другую сторону его маневрируетъ рота солдатъ, я отлично понялъ слѣдующія слова Алана:

Онъ сразу остановился и, вытирая лобъ, сказалъ:

— Эти французы, дѣйствительно, славный народъ.

Заключеніе.

Какъ только мы очутились въ безопасности въ стѣнахъ Дюнкирхена, то стали держать очень необходимый военный совѣтъ. Мы оружіемъ отняли дочь у отца; всякій судья немедленно вернулъ бы ее ему и, по всей вѣроятности, засадилъ бы меня съ Аланомъ въ тюрьму. И хотя у насъ было оправданіе въ письмѣ капитана Паллизера, но ни Катріона, ни я не имѣли особеннаго желанія сдѣлать его общеизвѣстнымъ. Самымъ благоразумнымъ во всѣхъ отношеніяхъ было отвезти дѣвушку въ Парижъ и передать ее на попеченіе начальника ея клана, Макгрегора Богальди, который, съ одной стороны, охотно поможетъ своей родственницѣ, а съ другой—не захочетъ позорить Джемса.

Мы ѣхали довольно медленно, такъ какъ Катріона не такъ хорошо ѣздила верхомъ, какъ бѣгала, и съ «сорокъ пятаго года» едва ли когда-либо сидѣла въ сѣдлѣ. Но, наконецъ, путешествіе кончилось; мы прибыли въ Парижъ въ воскресенье рано утромъ и съ помощью Алана поторопились отыскать Богальди. Онъ занималъ прекрасную квартиру и велъ роскошный образъ жизни, имѣя пенсію изъ шотландскаго фонда, а также личныя средства. Онъ встрѣтилъ Катріону, какъ родственницу, и казался очень

вѣжливымъ и скромнымъ, но не особенно откровеннымъ. Мы спросили его о Джемсѣ Морѣ. «Бѣдный Джемсъ!»,—сказалъ онъ, покачавъ головой и улыбаясь, и я подумалъ, что онъ знаетъ о немъ больше, чѣмъ хочетъ говорить. Затѣмъ мы показали ему письмо Паллизера, при видѣ котораго у него вытянулось лицо.

— Бѣдный Джемсъ!—снова повторилъ онъ.—Однако, бываютъ люди похуже Джемса Мора. Но это все-таки скверно. Онъ, должно быть, совершенно забылся! Это чрезвычайно нежелательное письмо. Но, джентльмены, не вижу, для чего намъ предавать его гласности. Только дурная птица мараетъ собственное гнѣздо, а мы всѣ шотландцы и гайлэндеры.

Съ этимъ мы всѣ согласились, исключая, можетъ быть, Алана. Еще легче устроился вопросъ о свадьбѣ, которую Богальди взялъ на себя, точно Джемса Мора совсѣмъ не существовало, и отдалъ мнѣ Катріону съ большимъ изяществомъ и пріятными французскими комплиментами. Только когда церемонія была окончена, и всѣ выпили за наше здоровье, онъ объявилъ намъ, что Джемсъ тутъ, въ Парижѣ, что онъ прибылъ сюда нѣсколькими днями раньше насъ, и теперь боленъ и, можетъ быть, умираетъ. По лицу моей жены я увидѣлъ, чего ей хотѣлось.

— Пойдемъ навѣстить его,—сказалъ я.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣчала Катріона—то были первые дни супружества.

Онъ жилъ въ томъ же кварталѣ, какъ и его начальникъ, въ большомъ угловомъ домѣ. До чердака его насъ довелъ звукъ гайлэндской флейты. Оказалось, что онъ взялъ нѣсколько флейтъ у Богальди, чтобы развлекаться во время болѣзни, и хотя и не былъ такимъ искуснымъ флейтистомъ, какъ братъ его Робъ, но все-таки игралъ довольно хорошо. Было странно видѣть, какъ французы толпились на лѣстницѣ, слушая и иногда смѣясь. Джемсъ лежалъ въ постели. При первомъ же взглядѣ на него я увидѣлъ, что онъ не выздоровѣетъ; и, безъ сомнѣнія, странно ему было умирать въ подобномъ мѣстѣ. Но я даже теперь не могу терпѣливо останавливаться на его концѣ. Богальди, разумѣется, подготовилъ его; онъ зналъ, что мы обвѣнчаны, поздравилъ насъ и благословилъ, точно патріархъ.

— Меня никогда не понимали,—сказалъ онъ.—По зрѣломъ размышленіи, я прощаю вамъ обоимъ.

Послѣ этого онъ началъ говорить, какъ прежде, былъ такъ

...Васъ еще разбудили и принесли внизъ...

любезенъ, что сыгралъ намъ одну или двѣ пѣсенки, и при уходѣ моемъ занялъ у меня небольшую сумму. Во всемъ его поведенiи я не увидѣлъ ни малѣйшаго намека на стыдъ; но прощать онъ очень любилъ; казалось, ему всегда было это вновѣ. Мнѣ кажется, что онъ прощалъ мнѣ при каждой встрѣчѣ. Когда же

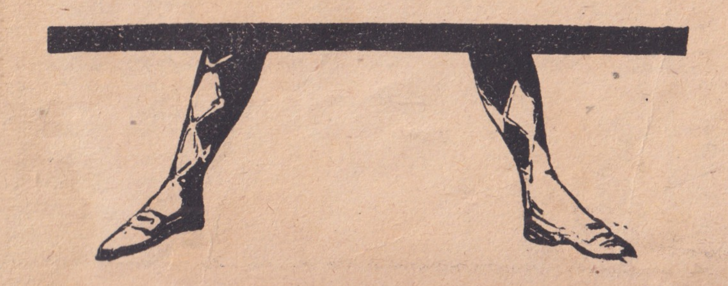
онъ черезъ нѣсколько дней скончался въ какомъ-то ореолѣ доброты и святости, я готовъ былъ рвать на себѣ волосы отъ бѣшенства. Я похоронилъ его, но не могъ придумать, что бы написать на памятникѣ, пока, наконецъ, не рѣшилъ лучше всего поставить только день смерти.

Я счелъ болѣе благоразумнымъ отказаться отъ мысли о Лейденѣ, гдѣ мы появлялись уже разъ въ качествѣ брата и сестры и куда было бы странно явиться въ новомъ образѣ. Съ насъ было достаточно и Шотландіи; и, получивъ свои вещи изъ Лейдена, мы отправились туда на голландскомъ кораблѣ.

А теперь, миссъ Барбара Бальфуръ—дамамъ первое мѣсто—и м-ръ Аланъ Бальфуръ, наслѣдникъ Шооса, моя исторія благополучно кончена. Если вы хорошенько подумаете, то найдете, что многихъ участниковъ ея вы видѣли и даже разговаривали съ ними. Ализонъ Хэсти изъ Лимекильнса качала вашу колыбель, когда вы были такъ малы, что не могли это помнить, и гуляла съ вами, когда вы подросли. Красивая важная лэди, крестная миссъ Барбары—та самая миссъ Грантъ, которая такъ дурачила Давида Бальфура въ домѣ лорда адвоката. Не знаю, помните ли вы маленькаго, худощаваго, веселаго джентльмена въ парикѣ и плащѣ, который подъ именемъ Джемисона пришелъ въ Шоосъ поздно ночью? Васъ еще разбудили и принесли внизъ, чтобы представить ему. Неужели Аланъ забылъ, что онъ сдѣлалъ по просьбѣ м-ра Джемисона? За это, по буквѣ закона, его можно бы повѣсить—онъ не болѣе, не менѣе, какъ пилъ за здоровье короля з а м о р е м ъ. Это было ужасно для хорошаго вигскаго дома! Но м-ръ Джемисонъ пользуется особыми привилегіями и могъ бы даже поджечь мой хлѣбный сарай; во Франціи онъ извѣстенъ подъ именемъ шевалье Стюарта.

А за вами, Дэви и Катріона, я буду хорошенько наблюдать всѣ эти дни, чтобы видѣть, посмѣете ли вы смѣяться надъ папой и мамой. Правда, мы не были такъ умны, какъ могли бы быть, и изъ ничего создали себѣ много горя. Но когда вы подростете, то увидите, что даже лукавая миссъ Барбара и храбрый м-ръ Аланъ будутъ немногимъ умнѣе своихъ родителей. Жизнь человѣческая—смѣшное занятіе! Говорятъ о томъ, что ангелы плачутъ; я думаю, что они чаще помираютъ со смѣху, глядя на насъ! Но, начиная этотъ длинный разсказъ, я твердо рѣшилъ, что разскажу вамъ все такъ, какъ оно дѣйствительно, случилось.

Тип. П. П. Сойкина.

Книгоиздательство П. П. Сойкина. — Спб., Стремянная, № 12.

АРІАСВАТИ. Фантастическій романъ въ 3-хъ частяхъ *Н. Н. Соколова*. 484 стр. Цѣна 2 руб. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 2 р.

«Аріасвати» принадлежитъ къ такъ называемымъ научнымъ романамъ или «романамъ съ приключеніями», которые съ легкой руки покойнаго Ж. Верна заняли видное мѣсто среди современной беллетристики, въ качествѣ легкаго, занимательнаго чтенія для молодого поколѣнія. Напоминая французскіе романы по общему плану, трудъ г. Соколова выгодно отличается отъ нихъ болѣе продуманнымъ содержаніемъ и серьезностью замысла. Здѣсь не только фантастическіе разсказы, въ родѣ Ж. Верна и т. п., о чудесахъ нашей будущей техники, не одни увлекательныя описанія тропической природы и людей, какъ у Г. Эмара и др.,—авторъ задался болѣе серьезною задачею. По единодушнымъ отзывамъ лучшихъ знатоковъ такой литературы, романъ «Аріасвати» принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ произведеніямъ этого рода и читается дѣйствительно съ захватывающимъ интересомъ.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. стар. возр. библ. средн. учебн. зав. мужск. и женск., а равн. въ безпл. народ. чит. и библ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій, подъ редакціею М. М. Филиппова, редактора журнала „Научное Обозрѣніе". Большой томъ, около 500 стран. текста, на веленевой бумагѣ, съ 300 портретами выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и государственныхъ дѣятелей, отпечатанными на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп. Въ изящномъ переплетѣ 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

ПУТЕШЕСТВІЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО. Составилъ, **въ формѣ разсказовъ**, по подлиннымъ сочиненіямъ *А. В. Зеленинъ*. Въ 2-хъ томахъ, больш. формата, около 1.000 страницъ. Съ многочисл. рисунк. и картою путешествій. Цѣна за 2 тома 4 руб., въ изящныхъ переплетахъ 5 руб.

Подлинныя описанія путешествія Н. М. Пржевальскаго недоступны для большинства публики по своей дороговизнѣ и объему, а нѣкоторыя и по рѣдкости изданія. Предлагаемое изданіе, сохраняя всѣ достоинства оригинала, является доступнымъ какъ по своей небольшой цѣнѣ, такъ и по легкости и увлекательности изложенія.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. ст. возр. библ. ср. уч. зав. и гор. учил., въ библ. учит. инст. и сем. и въ безпл. нар. чит.

НАУЧНЫЙ СБОРНИКЪ. Новое въ области науки и прикладныхъ знаній. Астрономія.—Геологія и географія.—Біологія.—Бактеріологія и медицина.—Ветеринарія.—Физика и механика.—Химія и технологія.—Сельское хозяйство.—Военное Дѣло. Подъ редакц. проф. *С. П. Глазенапа*, проф. *А. И. Воейкова*, д-ра мед. *К. Н. Кржышковскаго*, инженера *Б. М. Лохтина*, химика *А. Н. Альмединген*а, ученаго агронома *С. С. Щуко*, подп. Ген. Штаба *К. Л. Евреинова*. Въ 2 книгахъ. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 20 коп.

ЗАВОЕВАТЕЛЬ МІРА. Александръ Македонскій. Историческій романъ *Н. Д. Носкова*. Съ 29 рис. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к., въ изящномъ перепл., тисн. краскою, 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Величавая фигура Александра Македонскаго всегда приковывала къ себѣ вниманіе ученыхъ и писателей. Автору настоящей книги удалось соединить фантастическій вымыселъ съ историческою правдою и настолько слить ихъ между собою, что сочетаніе это не теряетъ своего правдоподобія. Его «Завоеватель міра» воскресаетъ предъ читателями, какъ живой, и невольно заставляетъ читателя хоть на время жить полною жизнью Востока IV вѣка до Р. Хр.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ ученич. библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ. Ист. романъ *Евгенія Шрекника*. Въ 2-хъ част., 305 стр. Ц. 2 р., въ изящномъ пер. 2 р. 50 к.

Романъ Е. Ф. Шрекника описываетъ высокую личность великаго мореплавателя и его полную приключеній скитальческую жизнь, разсказываетъ о самомъ открытіи Новаго Свѣта. Кто хочетъ серьезно познакомиться съ симпатичною, свѣтлою личностью Колумба, кто желаетъ въ формѣ легкаго разсказа прослѣдить всю великую эпопею открытій Колумба, тотъ съ пользою для себя прочтетъ этотъ романъ.

Тип. П. П. Сойкина.